М. Н. ТИХОМИРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ СО СЛАВЯНСКИМИ СТРАНАМИ И ВИЗАНТИЕЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
АРХИВ АН СССР

*

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
ТИХОМИРОВ

М. Н. ТИХОМИРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ СО СЛАВЯНСКИМИ СТРАНАМИ И ВИЗАНТИЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

Т3(4)
Т 462

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. И. Шунков (отв. редактор), *В. А. Александров*, *А. В. Арциховский*, *М. Т. Белявский*, *Ю. О. Бем*, *Ю. В. Бромлей*, *Б. В. Левшин*, *С. О. Шмидт*

ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
Ю. В. Бромлеем и *А. И. Роговым*

1-6-4
59-69 (II)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес М. Н. Тихомирова к славяноведческой тематике определился уже в ранний период его научной деятельности. Он развился под влиянием таких известных ученых, как А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, В. Н. Перетц, труды которых вошли в золотой фонд мировой славистики. К ним всегда и неизменно Михаил Николаевич сохранял чувство глубокой признательности, любил подчеркивать, что является их учеником. Именно у этих своих учителей М. Н. Тихомиров перенял любовь к историко-культурным, особенно сравнительно-историческим исследованиям, стал с живейшим интересом изучать историю славянской письменности, проблемы межславянских культурных связей и взаимовлияний.

В формировании славистических интересов М. Н. Тихомирова немалую роль сыграла и его давняя работа по изучению и описанию рукописных собраний. В этих сокровищницах русской культуры он в изобилии находил и памятники письменности других славянских народов, в первую очередь южнославянских.

Хочется особенно подчеркнуть, что М. Н. Тихомиров не просто время от времени, в связи с той или иной темой брался за описание рукописных книг, а занимался этим систематически. Еще в начале 20-х годов им были спасены, перевезены в Самару и описаны замечательные коллекции Иргизских монастырей. В ГИМе М. Н. Тихомировым были описаны Востряковское (1924 г.), Музейское (1924—1928 гг., с участием других лиц), а также все старопечат-

ные собрания (1924—1928 гг., при участии К. М. Асафова), исторические материалы Синодального собрания и т. д. Вся эта работа на длительный срок вперед дала М. Н. Тихомирову многие заделы и замыслы, которые он осуществлял до последних дней своей жизни.

Каждому историку хорошо известно, сколь велик вклад М. Н. Тихомирова в источниковедение и дело публикации источников. Академик Тихомиров не только был глубоким исследователем, но своей публикаторской работой открывал широкие возможности для других исследователей. Многие из опубликованных Михаилом Николаевичем источников были им же открыты и введены в научный оборот. М. Н. Тихомиров стремился также к тому, чтобы дать историкам более совершенные, строго научные издания тех памятников, которые были опубликованы либо не на должном уровне, либо не были известны ранее в более древних или более исправных списках.

Углубленно изучая русские рукописи, М. Н. Тихомиров проявлял постоянный интерес к южнославянским. Принимая большое участие в подготовке монументального академического издания «Правда Русская», он не обошел вниманием и выдающийся памятник древнеславянского законодательства «Закон Судный людем», который часто встречался вместе с «Русской Правдой». Ученый уделил ему много места в своем «Исследовании о «Русской Правде» (М., 1941). В начале 60-х годов М. Н. Тихомировым памятник был издан совместно с Л. В. Миловым в двух томах: «Закон Судный людем краткой редакции» (М., 1961) и «Закон Судный людем пространной и сводной редакции» (М., 1960). По полноте и тщательности издание *это бесспорно превосходит все* предшествовавшие как русские, так и зарубежные. В обоих томах М. Н. Тихомиров дал исследование памятника, проследил историю его бытования на Руси, проанализировал редакции, установил изводы. Большой интерес представляет сопоставление «Закона» с памятником византийского законодательства «Эклогой». М. Н. Тихомиров выделил в «Законе» гражданскую часть, которая носит черты болгарского происхождения, и покаянные распоряжения, имеющие западнославянские черты. Пространная редакция памятника была определена ученым как русское произведение, составленное в Новгороде в первой половине XIV в., а сводная в Москве в 1402 г.

Одновременно М. Н. Тихомировым был издан фототипическим способом по рукописи XIV в. свод византийских и славянских памятников права «Мерило Праведное». Таким образом он стал достоянием историков, правоведов, лингвистов и палеографов, для которых открылась широкая возможность всестороннего исследования этого во многом загадочного интереснейшего памятника.

Для занимающихся древнейшим периодом истории Болгарии большую ценность представляет подготовленный М. Н. Тихомировым к печати в 1946 г. «Именник болгарских князей»[1]. Хорошо известно, как ничтожно мало источников имеется по истории Болгарии этого периода. «Именник» известен только по трем русским рукописям. Он был открыт и издан А. Н. Поповым еще в 1866 г.[2], но, как показал М. Н. Тихомиров, со многими изъянами. Изданию памятника М. Н. Тихомиров предпослал историографический обзор его изучения и источниковедческий анализ, проследив историю его проникновения на Русь.

Для изучения истории славянской письменности совершенно исключительное значение имела подготовленная совместно с Д. А. Авдусиным публикация древнейшей русской надписи, найденной в Смоленске[3]. Надпись «гороухща» стратиграфически датируется началом X в. Этому не противоречит ее палеография. Примечательно, что надпись сделана была почти за сто лет до крещения Руси.

М. Н. Тихомировым была проделана большая работа по изучению и подробному описанию первопечатных сербских книг и записей на них. Результаты этой работы впервые публикуются в настоящем томе. Здесь же издается подготовленная им публикация южнославянских записей на рукописях ГИМа, датируемых XIII—XIX вв. По существу это новые, никому не известные источники почти документального характера. Данная публикация охватывает все собрания ГИМа. Записи же на рукописях Чудова монастыря были изданы М. Н. Тихомировым

---

[1] «Вестник древней истории», 1946, № 3.

[2] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. I, М., 1866, стр. 25—27.

[3] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник АН СССР», 1950, № 4, стр. 71—79.

в «Археографическом ежегоднике за 1958 год» (М., 1960).

М. Н. Тихомиров не только неутомимо трудился над изданием памятников славянской письменности, но и был инициатором и организатором многих изданий, в том числе серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Серия эта, в которой изданы *важнейшие византийские*, славянские и другие памятники, стала важнейшей источниковедческой базой славистов и по праву снискала себе широкую известность. М. Н. Тихомиров с момента выхода в свет первого тома в 1957 г. и до конца своих дней был ее главным редактором.

Источниковедение всегда было в центре внимания М. Н. Тихомирова. Строго говоря, почти все его исследования, в том числе и в области славистики, в значительной мере связаны с источниковедением, оно является их ядром. Но М. Н. Тихомиров был автором и больших обобщающих трудов. Среди его славяноведческих исследований в этом отношении особое место занимает работа «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века», помещенная в «Славянском сборнике» в 1947 г. Труд М. Н. Тихомирова охватывает огромный период, но это ни в коей мере не означает беглость изложения. Наряду с обобщениями уже известных данных и результатов исследований других ученых, в ней много новых фактов и наблюдений. Широчайшим образом привлечены все сведения о политической, экономической, культурной истории, памятники живописи и архитектуры, данные лингвистики и палеографии. Из поля зрения автора не ускользнуло ни одно свидетельство летописи, ни одна доступная ему запись или надпись на южнославянских предметах в России и русских у южных славян. М. Н. Тихомировым впервые были изучены сведения о России в южнославянских сочинениях XV—XVI *вв.*, прежде всего, исторического содержания. На конкретном фактическом материале М. Н. Тихомиров убедительно показал взаимность культурных связей между славянами, опровергнув представление, бытовавшее в дореволюционной науке, о характере южнославянских влияний. Русь многое получила от сербов и болгар, но и они в своем культурном развитии многим обязаны ей. Уже в XI—XII вв. началось

обратное воздействие русской литературы на южнославянскую, а в начале XV в., в период наиболее значительного влияния на Русь южнославянской культуры, знаменитый сербский писатель Константин Костенчский открыто отдает предпочтение перед всеми славянскими языками «тончайшему и прекраснейшему русскому языку».

Большой интерес представляют наблюдения и выводы ученого относительно последовательности и интенсивности связей России то с Болгарией, то с Сербией. Если в раннюю пору они были более близкими с Болгарией, то с XV в. ей на смену приходит Сербия, которая пользовалась относительно большей свободой в пределах Оттоманской империи.

Проблема взаимосвязей славянских народов фактически никогда не переставала привлекать внимание ученого. Даже в трудах, посвященных русско-византийским отношениям, М. Н. Тихомиров всегда старался выделить межславянскую тему, особенно когда это относилось к жизни русских колоний в Константинополе и на Афоне. Таковы его труды «Византия и Московская Русь» («Исторический журнал», 1945, № 1—2), «Пути из России в Византию в XIV—XV вв.» («Византийские очерки», М., 1961) и «Россия и Византия в XIV—XV вв.» («Зборник радова византолошког института», кн. 7, Београд, 1961).

Привлекая данные об исторических связях России с южными славянами, М. Н. Тихомиров по-новому подходит и к рассмотрению некоторых явлений русской истории. Показательным примером в этом отношении может служить статья «Иван Грозный и Сербия», опубликованная в «Докладах и сообщениях исторического факультета МГУ» в 1945 г. Сложные родственные взаимоотношения Ивана Грозного через его мать Елену Глинскую с сербскими деспотами и другими знатными родами неожиданно проливают свет на многие внешнеполитические действия России и даже на обстоятельства, связанные с появлением Самозванца.

Историки русского города знают, какое большое значение имеет во многом еще загадочный источник «Список русских городов дальних и ближних». В 1951 г. М. Н. Тихомиров посвятил ему специальное исследование («Исторические записки», вып. 40). Раскрыть историю этого важного памятника, выявить среду, в которой он возник, датировать его, должным образом оценить его значение

М. Н. Тихомирову позволило превосходное знание болгарской и сербской истории, а также истории Великого княжества Литовского, поскольку города этих стран пестрят в «Списке» среди русских городов.

Одним из узловых вопросов славяноведения является происхождение славянской письменности. Это в истинном смысле слова проблема, требующая комплексного, углубленного изучения всех сторон жизни славянских народов. Несмотря на большой вклад, сделанный русскими и зарубежными славянскими учеными, эта проблема все еще весьма далека от своего решения. Слишком скудный и относительно поздний материал, имеющийся в руках ученых, чрезвычайно затрудняет исследование. Вот почему М. Н. Тихомиров так пристально следил за публикациями соответствующих памятников и исследований в славянских странах, быстро откликался на них. В его рецензиях всегда можно найти и собственный весьма значительный исследовательский элемент. По сути дела то или иное открытие или рецензируемая статья являлись для М. Н. Тихомирова основой для написания самостоятельного исследования. Наиболее показательна в этом отношении статья «Начало славянской письменности в свете новейших открытий», опубликованная в 1959 г. в «Вопросах истории». Рассматривая новооткрытые надписи X в. в Плиске и Преславе, а также точно датированную надпись 943 г. в Добрудже, М. Н. Тихомиров специально выделяет проблему терминов, изучая их в тесной связи с соответствующими или близкими терминами русских источников («мостич», «чернобыль»). Появление надписи 943 г. покойный академик связывал с походом Игоря на Византию в 944 г. В той же статье, в связи с работами болгарского ученого Е. Георгиева о происхождении славянской письменности, М. Н. Тихомировым были сделаны ценные наблюдения о соотношении кириллицы и глаголицы, о связи их с другими алфавитами. Ученый в результате этих наблюдений, а также анализа различных памятников письменности, склонялся к мнению о большей древности кириллицы. В заключение статьи М. Н. Тихомиров поставил вопрос о необходимости издания корпуса памятников русской эпиграфики, что значительно бы способствовало изучению происхождения и начального этапа истории славянской письменности. Теперь можно с большим удовлетворением отметить, что в этом направлении сделан значительный

шаг. В 1964 г. вышел корпус русских датированных надписей, составленный Б. А. Рыбаковым[4], который снискал широкое признание научной общественности.

Как и другие вопросы славяноведения, проблему начала славянской письменности М. Н. Тихомиров рассматривал, опираясь на рукописные богатства советских книгохранилищ. Так, полемизируя с болгарским ученым В. Киселковым по поводу его утверждения о славянском происхождении Кирилла и Мефодия, М. Н. Тихомиров делает ценный источниковедческий экскурс. Вопрос сводился к тому, можно ли считать пространные жития Кирилла и Мефодия оригинальными сочинениями или компилятивными и трафаретными средневековыми житиями. По мнению В. Киселкова, жития эти были составлены лишь в XV в., поскольку в более ранних списках они не сохранились. Не говоря уже о том, что глубоко неверно на основании даты того или иного списка судить о времени появления оригинала памятника, в данном случае имело место, как указал М. Н. Тихомиров, недоразумение. Дело в том, что в ГИМе хранится рукописный сборник XII—XIII вв., содержащий пространное житие Мефодия, подлинность которого не подлежит сомнению. Таким образом, как и в ряде других случаев, великолепное знание рукописных фондов древней славянской письменности в СССР позволило ученому сделать обоснованный вывод по одному из важнейших вопросов в истории славянской культуры.

М. Н. Тихомиров неоднократно в своих трудах подчеркивал исключительное культурно-историческое значение кирилловского алфавита. Именно общность алфавита помогала южным славянам, пользуясь братской помощью русского народа, сохранить культурную традицию в условиях жесточайшего турецкого и фанариотского ига. Ту же роль кириллица сыграла в истории украинского и белорусского народов в период их борьбы против полонизации и окатоличивания со стороны Речи Посполитой.

М. Н. Тихомирова неизменно интересовал вопрос о начале славянского книгопечатания. Правда, среди опубликованных им трудов нет специальных исследований, посвященных зарубежному славянскому книгопечатанию.

---

[4] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.

Но вопросы русского книгопечатания он всегда рассматривал в теснейшей и непосредственной связи с книгопечатанием других славянских стран. Сопоставление русской и южнославянской книги позволило ученому сделать ряд важных выводов об истоках русского книгопечатания, об образцах для русских первопечатных изданий («У истоков русского книгопечатания». М., 1959). М. Н. Тихомиров был большим знатоком южнославянских первопечатных изданий. В его архиве хранится обстоятельнейшее описание первопечатных славянских изданий из фондов ГИМа с воспроизведением всех записей, анализом оформления, сопоставлениями разных книг между собой. Эта работа М. Н. Тихомирова, которую он написал еще в 20-е годы, *без сомнения* вызовет большой интерес у всех славистов.

В последний период своей жизни М. Н. Тихомиров сосредоточил свое внимание на проблеме древнейшего русского летописания. Им была задумана и в значительной мере выполнена монографическая работа на эту тему. М. Н. Тихомиров посвятил в своем незавершенном труде целую главу анализу русских известий «Хроники» Яна Длугоша, который, как и некоторые другие польские хронисты, имел в своих руках недошедшую до нас русскую летопись оригинального и древнего состава. Этим вопросом уже занимались ранее К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов и, особенно, Е. Перфецкий. М. Н. Тихомиров подошел к русским известиям Длугоша по-новому и пришел, как он сам пишет, к «неожиданному, но в значительной мере, обоснованному выводу», что источник Длугоша был написан в виде повести о русских князьях X в. и не был разделен на годы.

М. Н. Тихомиров не ограничился только изучением источника Длугоша, имеющего столь большое значение для понимания древнейшего русского летописания. Он рассматривает и позицию самого Длугоша по отношению к русской истории, специально отмечая при этом благожелательное и спокойное изложение им событий.

Говоря о вкладе М. Н. Тихомирова в славяноведение, никоим образом нельзя ограничиваться трудами, непосредственно посвященными зарубежному славянству. Такие капитальные его труды, как «Исследование о Русской Правде» и «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», безусловно, являются достоянием не только русской исторической

науки, но и историографии других славянских стран. Многие закономерности социально-экономической истории восточнославянских земель оказались общими для всех славянских народов. Особенно это относится к истории города. Можно с полной уверенностью утверждать, что теперь нельзя заниматься историей славянского города, не учитывая работы М. Н. Тихомирова о древнерусских городах, не пользуясь тем методом, которым блестяще пользовался ученый. Глубочайшие знания академика М. Н. Тихомирова русской истории способствовали успеху и в его славистических исследованиях. Для Михаила Николаевича исследования по русской истории и его славяноведческие исследования были единым целым. Он не только великолепно знал историю славянских народов, но близко чувствовал ее. Патриот своей Родины, он всегда с большим интересом и симпатией писал о зарубежных славянах. Строжайшая точность и объективность в его славяноведческих трудах сочетались с большой любовью к братским славянским народам, исторические судьбы которых столь тесно переплелись с историей родного народа.

Характеристика, данная научному творчеству М. Н. Тихомирова в области славистики во многих отношениях приложима и к его исследованиям по византинистике. Как и в первом случае, здесь ученого привлекли прежде всего вопросы исторических связей Руси с Византией. Но почти всегда его разыскания в этом направлении являлись большим вкладом в разработку истории самой Византии. М. Н. Тихомиров во всеоружии знания русских источников во многом по-новому ставил и разрешал важные ее проблемы. Русские источники по истории Византии многочисленны и разнообразны. На Руси всегда живо и непосредственно реагировали на события в Византии, часто ездили туда и часто принимали у себя греков, не говоря уже о самом теснейшем переплетении с историей Византии истории русской церкви. Характерно в этом отношении исследование М. Н. Тихомирова, озаглавленное «Пути из России в Византию в XIV—XV столетиях» («Византийские очерки», 1961). Важнейшим источником для него явилось Житие Михаила Тверского, позволяющее уточнить географические пункты, по которым шла русско-византийская торговля, «хождения», то есть описания русских паломничеств. М. Н. Тихомиров обращается и к данным лингвистики, греческим тер-

минам в ремесле и торговле, как показателям русско-византийских экономических связей. М. Н. Тихомиров, как и в других своих исследованиях, ввел историю русско-византийских взаимоотношений, в том числе и экономических, во всемирно-исторический процесс, показал, сколь большое значение имели торговые связи Руси с Византией в общих торговых связях того времени. Теме «Средневековая Россия на международных путях» М. Н. Тихомиров посвятил и последнюю из написанных им книг, увидевшую свет уже после смерти ученого.

Особое внимание М. Н. Тихомирова привлекали связи Москвы и Константинополя — одна из самых ярких страниц в истории русско-византийских взаимоотношений. Этой теме он посвятил в основном свой доклад «Византия и Московская Русь», сделанный на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР в 1944 г., и статью того же названия, опубликованную в «Историческом журнале» в 1945 г. Связям Москвы с Константинополем и Византией в целом уделено значительное внимание и в монографических исследованиях, посвященных истории нашей столицы — «Древняя Москва» (1947) и «Средневековая Москва в XIV—XV веках» (1957). Греки в Москве, их политическая, экономическая, церковная и культурная деятельность всегда живо интересовала ученого. Исследуя их, он пришел к выводу, что «постоянные оживленные связи с Византийской империей были плодотворными для Московской Руси». Опираясь на акты и летописи, М. Н. Тихомиров скрупулезно проследил непосредственные пути проникновения богатейшей византийской культуры, и это явилось его значительным вкладом в разработку проблематики не только русско-византийских отношений, но и истории русской культуры.

В подготовке к печати настоящего издания большую помощь оказали научные сотрудники Отдела рукописей ГИМ Т. Н. Протасьева и Л. М. Костюхина, взявшие на себя большой труд по проверке по оригиналам южнославянских записей на рукописях ГИМ. В подготовке тома к изданию принимали участие сотрудники Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР Н. Б. Шеламанова и Н. А. Саморукова. Указатель имен составлен Н. Б. Шеламановой.

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИЗАНТИЯ И МОСКОВСКАЯ РУСЬ

*

Византийская империя в XIV—XV вв. приближалась к своему закату. В руках греческих императоров находились только незначительные остатки некогда величественной империи. Однако Константинополь все еще оставался одним из величайших городов мира. Закат империи совпал с формированием мощного Русского государства с центром в Москве. Связям Московской Руси и Византийской империи и посвящена настоящая статья.

* * *

После татарского нашествия условия сношения русских земель с Византийской империей в корне изменились. Галицко-Волынская земля поддерживала их при посредстве соседней Болгарии. Наиболее прямым водным путем из Московской Руси к берегам Черного моря с давнего времени был Дон. «Хождение митрополита Пимина в Царьград» [1] отмечает, что 13 апреля 1389 г. Пимин выехал из Москвы и речным путем добрался до Рязани (Переяславль Рязанский). От Рязани до верховьев Дона пришлось идти сухим путем и везти на колесах 4 судна («3 струги да насад на колесах»). Потом он спустился по Дону к Азову, а от него шел морским путем мимо Кафы (Феодосии) и Судака к Синопу. 29 июня он приплыл в Константинополь [2]. Таким образом, путешествие от Москвы до Константинополя заняло два с половиной месяца. Донской путь получил большое развитие уже в XIII в. Значение черноморских и азовских гаваней для торговли с Восточной Евро-

[1] «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XI.
[2] «Русский временник», ч. 1. М., 1820, стр. 293—303.

пой и при ее посредстве со Средней Азией быстро оценили генуэзцы, получившие во владение Кафу и несколько других городов на южном берегу Крыма, в том числе Сурож (Судак).

Константинополь был главным посредником в торговле средиземноморских стран с Восточной Европой. Он все еще был крупнейшим международным рынком, на котором появлялись товары Европы и Азии; сюда съезжались многочисленные купцы из Италии, стран Балканского полуострова, Малой Азии, Золотой Орды и Руси. Для русских купцов Константинополь обычно был конечным пунктом их поездок. Вместе с купцами сюда — ко двору константинопольского патриарха, верховной власти которого подчинялась русская церковь, устремились паломники и духовные лица. Старая русская колония, существовавшая в Константинополе еще в киевское время, продолжала пополняться выходцами из русских земель. Об этом узнаем из того же источника: «Хождения митрополита Пимина в Царьград». Известие о победе турок над сербами на Косовом поле застало Пимина в дороге. «Убоявшись мятежа» в Константинополе, Пимин послал «на разведку» в греческую столицу нескольких чернецов, в том числе монаха Игнатия, автора «Хождения». 28 июня 1389 г. посланцы русского митрополита прибыли в Константинополь. Во время вечерни пришла к ним «Русь, живущая тамо, и бысть обоим радость велиа». Русские путешественники ночь провели на корабле, а на следующий день приступили к осмотру города. 1 июля они посетили церковь «Продром» т. е. Иоанна Предтечи, «и упокоиша (угостила) нас добре тамо живущая Русь»[3]. Русская колония в XIV в., видимо, находилась в северной части Константинополя, в непосредственной близости к Золотому Рогу, на северном берегу которого располагалась Галата — город генуэзцев, с его особыми правами и пестрым населением. Отсутствие указаний на духовенство среди там «живущей Руси» показывает, что встречу московским гостям организовали не духовные, а светские лица. Вероятно, это были купцы, осевшие в Византии и не порвавшие еще связей со своей родиной.

Плененные византийской образованностью, некоторые русские монахи оставались жить при константинопольских

[3] «Русский временник», ч. 1. М., 1820, стр. 304.

монастырях. Об этом свидетельствуют надписи на славянских книгах, переписанных русскими в Константинополе. Некоторые из них приведены в известной работе А. Соболевского о южнославянском влиянии на русскую письменность. Один из образованнейших русских людей XIV в., Афанасий Высоцкий, несколько раз ездил в Константинополь, а затем, бросив игуменство в большом русском монастыре, купил в греческой столице келью, где «в старости глубоце преставися» [4].

Константинополь был конечным пунктом на юге великой черноморско-донской торговой артерии; на севере такую же роль играла Москва. Купцы и путешественники от Босфора плыли на кораблях вдоль северных берегов Малой Азии до Синопа, отсюда направлялись прямо на север, пересекая Черное море, к Судаку. Судак был ближайшей и самой удобной гаванью для судов, переплывавших Черное море в самом узком месте. Поэтому для русских Судак имел большее значение, чем Кафа, которую корабли огибали при дальнейшем плавании на север. Пройдя Азовское море, путники прибывали к Тане или Азову в устье Дона, где пересаживались на речные суда и поднимались вверх по Дону, примерно до городка или селения Дубок. Отсюда дорога шла к Рязани и Москве, куда сходились речные и сухопутные пути. Москва была узлом, в котором соединялись пути всей Северной Руси. Клязьма, верховья которой подходили к Яузе, вела на восток — к Владимиру и Суздалю, верховья Москвы-реки — к Можайску и Смоленску. В 60 верстах к северу от Москвы стоял Дмитров, от которого начиналась водная дорога по Яхроме, Сестре и Дубне к верховьям Волги, к Твери на юге, к Белоозеру на севере.

Несмотря на отдаленность Москвы от Византийской империи, она была связана с Константинополем лучше, чем другие русские города. Это обстоятельство сыграло немалую роль при выборе русскими митрополитами их постоянной резиденции в Москве. Здесь существовали корпорации «гостей-сурожан», торговавших с Судаком, и колония греческих выходцев, особенно купцов [5]. Некоторые греки навсегда оседали в Москве. Так, судя по сказанию

---

[4] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 114.

[5] Подробнее об этом см.: В. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., ОГИЗ, 1935.

о Мамаевом побоище, в событиях, предшествовавших Куликовской битве, какая-то темная роль принадлежала московскому «сурожанину» Некомату, имя которого уже В. Васильевский признал греческим. Там же названы еще другие «сурожане», имена которых указывают на их греческое происхождение. Это греческие выходцы, осевшие в Москве, но сохранившие средиземноморские торговые связи. Не случайно Некомат интриговал против Дмитрия Донского и сносился с Тверью и Золотой Ордой, отражая недовольство некоторых московских торговых кругов политикой великого князя. Они боялись разрыва с Золотой Ордой и нарушения обычных торговых связей на донском пути, проходившем по золотоордынским владениям.

В торговом обиходе русских людей XIV—XVI вв. было значительное количество греческих слов: аксамит (греч. examition) — золотая или серебряная ткань, плотная и ворсистая, как бархат; байберек (греч. bambekeros) — ткань из крученого шелка; кабат (греч. kabadion) — царская одежда; панцирь (греч. pansideriion) и пр.[6]

Еще более примечательно, что греческие слова сохранились в «условном языке» галичан (б. Костромской губернии). Об этом языке писал еще Ф. Глинка в 1816 г.: «Сохраненное и поныне в некоторых купеческих обществах, оно доставляет им способ, особливо тем, которые разъезжают по ярмаркам, объясняться друг с другом о цене товаров и о прочем так, что никто из предстоящих разуметь их не может. Сие галичское наречие называют «Галивонские алеманы». Новейший исследователь этого языка Н. Виноградов отметил в нем наличие ряда слов: хириа (греч. heir) — рука; пенти (греч. pente) — пять и др. а это позволило Далю утверждать, что подобные греческие слова искони занесены с Сурожья[7].

Кроме купцов, в Москве оседали греческие ремесленники и художники. Частыми гостями здесь были греческие иерархи и монахи, прибывавшие вместе с митрополитами или по особым патриаршим поручениям, а порой просто для собирания «милостыни», особенно в XV в., когда все сильнее стали сказываться обнищание Византийской

[6] «Записки Императорского археологического общества», т. XI СПб., 1865, стр. 414, 420, 433, 446.

[7] Н. Виноградов. Галивонские алеманы. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1915, т. XX кн. 1, стр. 209—260.

империи и быстрое усиление Северной Руси. Уже в XIV в. в Москве существовал особый греческий монастырь — Никола Старый, называемый позже — Никола Большая Глава. Монастырь стоял на краю Китай-города, там, где позднее находился Никольский греческий монастырь, давший название Никольской улице. При митрополите Киприане Никола Старый служил местом заточения для опальных русских иерархов; в нем три с половиной года сидел новгородский архиепископ Иван[8]. В районе Никольской улицы, видимо, расположена была и греческая колония в Москве XIV—XV вв., для которой монастырь Николы Старого был своего рода центром.

Быстрый рост Московского княжества привел к усилению его политического значения в Восточной Европе. Византийская империя, яростно отбивавшая нападения турок, нуждалась в материальной поддержке. В поисках этой поддержки она обращала свои взоры на Московскую Русь. Византийские императоры готовы были рассматривать русские земли как своего рода провинции Византийской империи. Один из поздних византийских базилевсов, Иоанн Кантакузин, именовал себя «непоколебимым столпом всех крещеных, защитником догматов Христа, мечом македонов, царем эллинов, царем болгар, асаниев, влахов, русских и аланов»[9]. Однако действительность была очень далека от великодержавных притязаний греческих базилевсов, и русские отнюдь не считали себя подданными византийского императора. Поэтому в официальных документах тот же Иоанн Кантакузин называл Симеона Гордого великим князем Руси, любезным сродником царского величества[10].

В годы татарского господства московские князья готовы были признавать номинальное верховенство византийских императоров над Русью в противовес действительному владычеству золотоордынских ханов. Московские князья оказывали денежную помощь разорившимся императорам. Симеон Гордый в 1350 г. пожертвовал значительную сумму денег на ремонт собора св. Софии в Константинополе, пострадавшего незадолго до этого от землетрясе-

[8] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 139, 151.
[9] И. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 338.
[10] Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI, изд. 2-е, стб. 16 (приложение).

ния. Собор не был отремонтирован, так как византийские политики нашли иное применение пожертвованным деньгам [11]. Даже византийский писатель Григора сообщал о негодовании русских по этому поводу. Однако и позже московские князья проявляли заинтересованность в существовании Византийской империи, поддерживая ее щедрыми пожертвованиями. Когда турецкий султан Баязид Ильдерим осадил Константинополь, московский великий князь в 1398 г. послал в помощь византийскому императору «много милостины, оскудения их ради». То же одновременно сделал и тверской князь Михаил, подчеркивая солидарность русских земель в поддержке Византийской империи [12].

Оскудение Византийской империи было прямым следствием длительной блокады Константинополя турецкими войсками [13]. Грозная опасность, нависшая над византийской столицей, заставила греческих императоров поддерживать более тесную связь с московскими великими князьями. Летопись сообщает, что великий князь Василий Дмитриевич «отда дщерь свою Анну за Ивана за Мануиловича во Царьград» [14]. Это был момент большого политического напряжения для Византийской империи, которой угрожал султан Муса [15]. Брак был заключен, по византийским известиям, в 1414 году [16]. Анна прожила недолго и умерла от морового поветрия. Ее супруг позже сделался императором под именем Иоанна VIII Палеолога.

Главными проводниками византийского влияния на Руси были митрополиты-греки. Константинопольская патриархия упорно отстаивала свое право назначать кандидатов на русскую митрополию. Византийский писатель Киннам говорил: «В Тавроскифии есть некий город по имени Киама (Киев), который превосходит все другие находящиеся там города и является митрополиею этого народа, ибо в нем имеет пребывание архиерей из Визан-

---

[11] П. Соколов. Указ. соч., стр. 308, 309.
[12] ПСРЛ, т. XX, стр. 218.
[13] J. Hammer. Histoire de l'empire Ottoman, t. 1. Paris, 1840.
[14] ПСРЛ, т. XX, стр. 229.
[15] G. F. Hertzberg. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883, S. 536.
[16] См. Н. Карамзин. История государства Российского, т. V, стр. 255, 256.

тии и он изрядно обладает и другими преимуществами, дающими старейшинство»[17]. Византийские императоры и патриархи в начале XIV в. понизили русскую митрополию в ранге других греческих митрополий и перевели с шестидесятого на семьдесят второе место[18]. Митрополиты-греки нередко были настоящими агентами Византийской империи.

В духе византийских интересов действовал митрополит Исидор, один из ярых сторонников унии восточной и западной церкви. Уния, бесполезная и даже вредная для Византийской империи, была совершенно не нужна русской церкви. Более того, она открывала лазейку происк католической церкви в Московской Руси, и это хорошо сознавали русские люди. Но Исидор также знал, что греко-католическая уния без присоединения русских будет иллюзорной. Поэтому на возражение Василия Темного о ненужности поездки на Феррарско-Флорентийский собор Исидор отвечал, что без Русской земли не может состояться соединение веры. После того как попытки Исидора провести унию в Москве встретили сопротивление, он бежал из России.

Верховенство константинопольской патриархии над русской церковью в значительной степени явилось следствием феодальной раздробленности. Русским епископам удобнее было подчиняться отдаленному патриарху, чем русскому митрополиту, который обязательно находился бы в зависимости от того или иного сильнейшего князя. Эту мысль проводили константинопольские патриархи. Они говорили, что великая Русская земля разделена на многие и различные мирские княжества, вследствие чего там установлена единая духовная власть «за невозможностью привести к единству власть мирскую»[19].

Как только Москва была окончательно утверждена как резиденция русских митрополитов, она возглавила борьбу за независимость русской церкви. Московские князья использовали все средства для того, чтобы поднять авторитет своей столицы. Летопись сообщает, что митрополит Петр первый завещал положить свое тело в новом Успенском соборе в Москве. Трудно сказать, можно ли верить

---

[17] П. Соколов. Указ. соч., стр. 226.
[18] Там же, стр. 216.
[19] РИБ, т. VI, изд. 2-е, приложения, стб. 194—196.

этому сообщению и не была ли смерть Петра в Москве простой случайностью, но московские князья очень удачно воспользовались этим обстоятельством: они добились в Константинополе канонизации своего первого митрополита. Получив богатые дары от московского великого князя, патриарх согласился причислить Петра к лику святых в 1339 г., всего через 14 лет после его смерти[20]. Так Москва получила своего патронального святого, притом святого русского. Подобно тому как греческая церковь неохотно признавала чужих, негреческих, святых, так и русская церковь возводила в свой пантеон только соотечественников. В течение полутора столетий русские и иноземные митрополиты сменяли друг друга. За русским Петром следовал грек Феогност, преемниками его были русские Алексей и Пимин, за ними шли болгарин Киприан, греки Фотий и Исидор, русский Иона. Иноземцы Феогност, Киприан и Фотий были преданными слугами московских князей, но к лику святых «московских и всея Руси чюдотворцев» были причислены только русские Петр, Алексей и Иона.

Вопрос о кандидатах на русскую митрополию в XIV—XV вв. являлся вопросом не только внутренней русской политики, но и политики византийской, поскольку татары были врагами турок-османов. Победа Тимура над войсками Баязида при Анкаре отсрочила гибель Византийской империи на полстолетия. Русский митрополит был фактически духовным главой всех христиан Восточной Европы и посредником в делах не только между русскими великими князьями и ханами, но и между Византией и Золотой Ордой. Московские великие князья упорно добивались поставления угодного им кандидата. В этой борьбе немалое участие принимали политические силы Византийской империи. Известно, с какой неохотой поставлен был в митрополиты московский кандидат Алексей. Он тотчас был лишен титула экзарха и продолжал именоваться только пречестным, хотя титул экзарха носили 40 митрополитов, подчиненных константинопольскому патриарху. История с кандидатом на русскую митрополию Митяем—Михаилом и ожесточенные нападки на него становятся особенно понятны, если вспомнить, что Митяй пытался стать русским митрополитом без обращения

[20] РИБ, т. VI, изд. 2-е, приложения, стб. 11—14.

к константинопольскому патриарху. Митяй надеялся на поддержку генуэзцев Галаты (фрягов). Таким образом, уже Дмитрий Донской решительно поставил вопрос о создании русской национальной церкви. Этот вопрос позднее, в 1448 г., разрешен был поставлением в митрополиты Ионы собором русских епископов, после чего Москва уже не допускала чужестранцев на своем митрополичьем столе.

Постоянные оживленные связи с Византийской империей были плодотворными для Московской Руси. Константинополь служил не только средоточием могучей византийской культуры, но и местом, где общались русские, греки и южные славяне. С. Терновский, В. Савва, В. Вальденберг, М. Дьяконов и другие ученые в своих работах показали значение византийских традиций для идеологии Московского государства, но непосредственные пути проникновения этих традиций на Русь недостаточно выяснены в нашей литературе и требуют дополнительных исследований.

Проводником глубокого влияния греческой письменности и культуры в широком смысле этого слова в основном была Москва. Здесь еще в первой половине XIV в. сложился кружок образованных москвичей, группировавшихся вокруг одной из древнейших московских обителей — Богоявленского монастыря в Китай-городе, рядом с которым в XVI в. помещался «греческий двор». Монахи Богоявленского монастыря поддерживали тесные связи с митрополитом Феогностом, ловким и образованным греком, прекрасно понявшим первенствующее положение московских князей и способствовавшим их предприятиям. «Любляше же их, — пишет о богоявленских монахах современник, — и Феогност митрополит всея Руси и часто к себе призываше, и упокаиваше, и прохлажаше, и почиташе их добре» [21].

Среди русских монахов Богоявленского монастыря особенно выделялись Алексей и Стефан. Отцом Алексея был родоначальник нескольких боярских фамилий — боярин Федор Бяконт, переехавший в конце XIII в. из Чернигова в Москву. Алексей, впоследствии сделавшийся московским митрополитом, был образованным человеком. Он знал греческий язык, это видно из его собственноручной

[21] ПСРЛ, т. XI, стр. 31.

подписи по-гречески на грамоте, принадлежавшей домовой казне рязанских митрополитов[22]. Ему же приписывают переводы Нового завета с греческого языка на русский. Стефан, брат Сергия Радонежского, из рода радонежских бояр, был игуменом Богоявленского монастыря и любимым духовником московской знати и самого великого князя Симеона Гордого.

Греческое просвещение в Московской Руси еще более распространилось во второй половине XIV в., когда было построено несколько больших монастырей, основанных митрополитом Алексеем и его учениками. Андроников монастырь в Москве был основан митрополитом Алексеем в память его спасения во время бури на Черном море. До последнего времени в районе расположения этого монастыря существовала Золоторожская улица, получившая название от небольшого ручья Золотой Рожок, протекающего под Андрониковым монастырем. Есть предположение, что ручей и овраг, по которому он протекает, названы были так еще в XIV в. в честь Золотого Рога в Константинополе, куда прибыл после «возмущения ветреного» корабль русского митрополита. Федор, сын названного ранее Стефана, основал Симонов монастырь под Москвой. Он был частым гостем в Константинополе и сделал свой монастырь ставропигией[23] константинопольского патриарха. Свою любовь к греческому просвещению он перенес в Ростов, когда был возведен в сан ростовского архиепископа. Здесь учился грамоте и греческому языку будущий пермский епископ Стефан Храп, «яво образом любомудриа изучил и греческой грамоте и книги греческие извыче добре, почиташе я и присно имееше у себя»[24]. Настоящим рассадником греческого образования сделался Троице-Сергиев монастырь. Отсюда вышел упомянутый ранее Афанасий Высоцкий, здесь жил знаменитый писатель своего времени, по-византийски просвещенный Епифаний, названный современниками Премудрым за свою ученость и литературные труды. Не будет преувеличением, если

---

[22] РИБ, т. VI, стр. 172.

[23] Ставропигиальный монастырь — иначе ставропигия — не подчиненный местному епископу или митрополиту, а находящийся в непосредственной зависимости от синода или патриарха; таких монастырей в России было всего семь.

[24] «Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко», СПб., 1862, стр. 122.

мы скажем, что в XIV в. знание греческого языка в Москве не было редкостью, как не были редкостью образованные по-византийски русские люди, подобные Алексею, Феодору, Афанасию, Стефану и многим другим.

Византийское просвещение сыграло немалую роль в истории культуры Московской Руси, хотя точно определить размеры греческого влияния на русскую культуру в это время не так просто. Поэтому остановимся на некоторых сторонах культурной жизни Московской Руси, наиболее неясных и недостаточно изученных.

Палеографы считают первым русским документом, написанным на бумаге, духовную грамоту Симеона Гордого (1353). В Новгороде еще долго после этого все документы продолжали писать на пергаменте. Таким образом, Москва в этом отношении шла впереди своего века. Применение бумаги было своего рода революцией в письменности, ибо дешевая бумага давала гораздо больше возможностей для развития образования, чем дорогой пергамент. Такое нововведение понятно для Москвы, тесно связанной с Византийской империей и южнославянскими странами, где бумага вошла в обиход раньше XIV столетия. Великокняжеская семья в лице Симеона Гордого первая подала пример, написав на бумаге важнейший политический документ.

В XIV—XV вв. греческие художники нередко расписывали русские церкви. Кажется, и в этом отношении Москва шла впереди других русских городов. В 1344 г. в течение года над росписью Успенского собора в Москве работали «грецини митрополичи писци Феогностовы»[25]. Одновременно с ними трудились над росписью Архангельского собора русские писцы, судя по их ветхозаветным именам, новгородцы (Захарий, Иосиф, Николай). Влияние итальянской, в частности итало-критской, художественной школы на русскую шло через Константинополь, где русские встречались не только с греками и южными славянами, но и с итальянцами Галаты. Искать связей итальянского Возрождения с подлинным русским Возрождением XIV—XV вв. — вовсе не фантазия, а дело исторической прозорливости. Поэтому не случайно появление величайшего русского художника XV в. Андрея Рублева именно в среде московских иконописцев, в среде монахов Троиц-

[25] Рогожский летописец. ПСРЛ, т. XV, изд. 2, стр. 55, 56.

кого монастыря, откуда вышел и Епифаний Премудрый, крупнейший русский писатель начала XV в., все еще не понятый и не оцененный нашими историками.

В XV в. происходит постепенное угасание Византийской империи и вместе с тем все более усиливается южнославянское влияние на Русь. Падение Константинополя в 1453 г. было тяжело воспринято русскими людьми. «И сам тако бываемом, — восклицает автор повести о падении Царьграда, — и сице свершаемом грех ради наших безаконный Магмет седе на престоле царском, благороднейша суще всех иже под солнцем, и изъобладаша владеющих двема частми вселенныя, и идоле одолевших грьдаго Артарксеа, не вместима пучинами морскими и воа водя ширя земле, и потреби потребиьших Трою предивную, седмью десятию и четырми кральми обороняему»[26]. Однако сила Турецкой империи была непреложным фактом, и поэтому в интересах русских было поддерживать с ней дружественные отношения. При Иване III впервые завязываются сношения с турецкими султанами. Брак Ивана III с Софьей Палеолог привел к переезду многих греков в Москву. Среди русских дипломатов конца XV—начала XVI в. было немало греков. Вопрос о влиянии позднего византийского церемониала изучен в известных работах Саввы и Дьяконова. В первой половине XVI в. греки, группировавшиеся вокруг константинопольской патриархии, еще оказывали некоторые услуги русской культуре, но со второй половины XVI в. все более усиливается русское влияние на балканские и греческие земли.

[26] ПСРЛ, т. VIII, стр. 143.

РОССИЯ И ВИЗАНТИЯ В XIV—XV СТОЛЕТИЯХ

*

Вопрос о связях России с Византией в последние полтора столетия существования Византийской империи разрешался в исторической литературе крайне односторонне. Многие византинисты вообще не допускали даже мысли о каком-либо серьезном значении политических связей поздней Византийской империи с Россией в XIV—XV столетиях из-за крайней отдаленности Москвы от Константинополя. Главное внимание обращалось, в сущности, только на церковные и культурные связи, а возможность каких-либо оживленных политических и торговых сношений Византии с Россией почти отвергалась.

Между тем сношения народов, как правило, и в средневековые времена основывались на различного рода факторах экономического и политического характера. Правда, глядя на карту средневековой Европы, мы как будто с самого начала должны отказаться от мысли об экономических связях средневековой России с Константинополем. Москва, центр тогдашней России, отдалена от Византии громадными сухопутными и морскими пространствами, кажущимися совершенно непреодолимыми при средневековых средствах сообщения. Поэтому утверждение о большом значении торговых связей России с поздней Византийской империей на первый взгляд, скажем прямо, на первый поверхностный взгляд, покажется невероятным.

Однако в действительности целый ряд известий говорит о постоянных и оживленных сношениях России с Византийской империей. Россия оказывается одним из важнейших поставщиков некоторых товаров, имевших большое значение в Средние века для Константинополя. Именно на большой торговой деятельности держалось и то постоянное стремление итальянских торговых городов, Генуи и Венеции, создавать свои фактории на северных берегах Черного моря и так долго и упорно сопротивляться турецкому

наступлению. Берега «Большого моря», как называют средневековые итальянские авторы Черное море, были усеяны итальянскими укрепленными городами и замками. Между тем само существование и процветание этих городов в Причерноморье объяснимо только предположением, что к северу от них лежали богатые области, снабжавшие генуэзские и венецианские фактории различными предметами торговли. Меха, кожи, воск и мед, привозимые в причерноморские порты, поступали из далеких лесных областей, а такими областями в первую очередь были русские и украинские земли. Итальянские колонии в Причерноморье не могли бы развиваться без того обширного хинтерланда, который представляла собой Восточная Европа. В свою очередь итальянские колонии в Причерноморье были тесно связаны с Константинополем, как важнейшим транзитным пунктом на путях из Черного моря в Средиземное. Крым и обширные степи к северу от него принадлежали Золотой Орде. Таким образом создавалось сложное переплетение политических и торговых интересов Византийской империи, итальянских причерноморских городов, Золотой Орды и России.

Наибольшее внимание итальянцы обращали на Крым и устье Дона. Тут в непосредственной близости друг от друга находились важные портовые города: Тана (Азов) в устье Дона, Кафа и Солдайя (Судак) в Восточном Крыму. Бальдуччи Пеголотти, писавший в первой половине XIV в., рисует нам Тану как один из крупнейших торговых центров, от которого начинался путь в Поволжье, в Среднюю Азию и даже в Китай[1]. Значение Таны еще ярче обрисовывается русскими источниками, согласно которым Тана представляется важным промежуточным пунктом между Москвой и Константинополем. Русские источники позволяют нам довольно точно проследить весь путь от Москвы до Таны и от Таны до Константинополя, подробно описанный в рассказе о путешествии митрополита Пимина из Москвы в Константинополь. «Хождение Пимина в Царьград» относится к 1389 г., но, судя по некоторым чертам, написано несколько позже, примерно около 1395 г. Автором его был монах Игнатий, состоявший

[1] Francesco Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura. Ed. A. Evans. The Mediaeval Academy of America, Cambridge—Massachusetts, 1936, p. 21 и др.

в свите митрополита и, возможно, знавший греческий и итальянский языки. Игнатий, во всяком случае, был человеком образованным для своего времени и обладал незаурядным литературным талантом.

Исходным пунктом, от которого начиналось путешествие из России в Константинополь, была Москва. От нее по реке Москве добирались до Коломны, стоящей при впадении реки Москвы в Оку. Далее путь шел по Оке до Переяславля Рязанского (современной Рязани). Небольшие речные суда отсюда перевозились на колесах до верховьев Дона, где стоял город Дубок; позже путь начинался от Донкова, возникшего на Дону несколько ниже Дубка.

От Дубка начинался долгий путь по Дону, увлекательно описанный Игнатием. Путешественники плыли мимо безлюдных лесных берегов. Затем открывались степи, где кочевали татары, где паслись бесчисленные стада скота. Речное путешествие кончалось в Тане (Азове). Здесь путники пересаживались на морские суда и направлялись в Кафу или в Судак, иногда, впрочем, минуя эти города, пересекали Черное море и доходили до Синопа, от которого уже плыли вдоль южных берегов Черного моря[2]. Путешествие от Москвы до Царьграда продолжалось примерно два с половиной месяца.

Путешествие Пимина может показаться явлением исключительным, но это совсем не так, ибо существование постоянного причерноморского пути засвидетельствовано и другими источниками. Обычной станцией русских купцов на пути в Константинополь, впрочем, была не Кафа, а Солдайя, Судак, по-русски Сурож. Торговля с Сурожем была настолько значительным явлением, что в России даже в XIX в. шелковые товары обычно назывались суровскими, а самые крупные, «большие» торговые ряды в Москве и в Новгороде также именовались Суровскими — традиционное название, державшееся несколько столетий и после того, как сама память о Суроже уже исчезла в народе. Даже Азовское море в русских источниках иногда называли морем Сурожским. Торговля с Причерноморьем имела такое большое значение для Москвы, что купцы, торговавшие с Сурожем, составляли особую корпорацию

---

[2] Полное Собрание Русских Летописей (далее — ПСРЛ), т. XI, стр. 95 и далее; см. также: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. Изд-во МГУ, 1957, стр. 122—124.

купцов-сурожан («гости-сурожане»). Когда и при каких условиях возникла эта корпорация, неизвестно. Можно только предполагать, что «сурожане» пользовались некоторыми привилегиями, остатки которых еще заметны в привилегиях московских «гостей» более позднего времени.

В русских источниках сурожцы упоминаются под 1288 годом, в числе других купцов (новгородцев, евреев, немцев). Большое значение Сурожа для торговли России с Причерноморьем объясняет нам появление в русских сборниках XV в. особого жития Стефана Сурожского, как патрона Сурожа, а также почитание этого святого в России. Попытки объявить житие Стефана чуть ли не сочиненным русскими книжниками не находят опоры в истории русской агиографии, которая не знает «подложных» житий.

К Тане (Азову) выводила и другая средневековая дорога международного значения — мощный волжский путь. По нему добирались в Царьград из русских и из приволжских городов, а также из Золотой Орды и Великих Болгар. Не вполне ясно направление пути от Волги к берегам Черного моря. Есть основание предполагать, что от Таны до Астрахани ездили сухопутной дорогой, проходившей по Северному Кавказу, как это вытекает из русской повести об убиении тверского князя Михаила Ярославича в Орде в 1319 г.

Другие пути из России выводили к северо-восточному углу Черного моря, к Килии и Белгороду. Особенно большое значение имел Белгород в Днестровском лимане, по-татарски Аккерман. Название Аккерман, или Аккермен, в сущности является точным переводом славянского названия Белгород. Путь к Белгороду проходил по относительно населенным местам и описан в русских хождениях [3]. Впрочем, и здесь путешествовали большими караванами из-за боязни разбойников, главным образом кочевых татар. Путем на Белгород пользовались и московские купцы, но в особенности большое торговое значение он имел для купцов Новгорода, Твери, Смоленска, не говоря уже об украинских городах. От Белгорода в Константинополь плыли на кораблях, что было далеко не безопасно

[3] Хождение Зосимы напечатано в «Палестинском сборнике» (т. 8, вып. 3. СПб., 1889).

из-за частых бурь, когда на море поднималась великая «фуртина» — волнение (по-итальянски fortuna — буря).

В иных случаях путешествие из русских городов в Константинополь принимало характер своего рода круговой поездки. До Константинополя добирались черноморско-донским путем, а обратно возвращались через Белгород. Вообще Черное море бороздили корабли с купцами разных народов, и среди них русские занимали не последнее место. Знаменитый Афанасий Никитин, добравшись из Трапезунда до Кафы, считал уже себя почти вернувшимся на родину (конец XV века).

Однако конечным пунктом русских путешествий были не северночерноморские города, а Константинополь, или «Новый Рим». Перефразируя старое изречение, мы могли бы сказать, что для русских путешественников все дороги вели в «Новый Рим».

В этом большом международном городе постоянно жили русские, причем не только духовенство, но и торговые люди и просто паломники. Упомянутый ранее Игнатий с удовлетворением сообщает, какую теплую встречу в византийской столице устроили ему и его товарищам их русские соотечественники — «тамо живущая Русь». Они «добре упокоили» русских путешественников, т. е. дали им кров и устроили в их честь обед. Другой путешественник того же XIV в., Стефан Новгородец, сообщает о встрече в Константинополе со своими соотечественниками новгородцами. Еще ранее Антоний, впоследствии новгородский архиепископ, говорит о встрече с послом русского князя Романа Галицкого и пр. Не все неясные фразы русских источников, относящиеся к Константинополю, нам полностью понятны, но есть указания на то, что русские жили и в Галате с ее пестрым населением, среди которого преобладали итальянцы.

О постоянной русской колонии в Константинополе XIV—XV вв. свидетельствуют и многочисленные записи на славянских рукописях, написанных в Константинополе и привезенных в Россию. При этом было бы неправильно думать, что знание греческого языка было доступно среди русских только духовенству. Отрывочные сведения об отдельных русских купцах позволяют утверждать, что некоторые из них говорили по-гречески. Об одном из таких купцов XV столетия, Семене Антонове, особо отмечается, что он говорил на трех языках: русском, татарском и гре-

ческом. Вообще греческий язык был гораздо более распространен в России XIV—XV вв., чем это обычно предполагается.

К числу лиц, приносивших в Россию навыки греческого языка, прежде всего принадлежали довольно многочисленные представители духовенства, греческие епископы и их приближенные, а также приезжие греческие купцы, мастера и художники. В собрании рукописей, принадлежавших б. митрополичьему Чудову монастырю в Кремле, имеются книги с записями на греческом языке и со славянскими записями, сделанными грецизированными буквами. Хорошо известно, что в Ростове начала XV в. церковная служба совершалась на двух языках, на русском и греческом. Прямым свидетельством большого значения русско-византийских торговых связей является словарный состав русского языка, в нем имеется немалое количество слов, заимствованных из греческого языка для обозначения тканей, предметов, одежды.

Торговые связи России с Причерноморьем имели существенное значение в средневековой экономике Европы.

Какое громадное значение имел подвоз припасов из итальянских портов в Причерноморье для Византии, видно из того, что временный переход Таны (Азова) под власть татар в 1343 г. привел к недостатку зерна и соленой рыбы не только в Византии, но и в Италии [4]. Между тем Тана была непосредственно связана с русскими северными землями, а не с Украиной и Крымом, как Кафа.

Выше говорилось о русских колониях в Константинополе и в итальянских городах Причерноморья. В свою очередь, итальянцы и греки оседали в России, пополняя ряды московской знати и высшего купечества — «гостей». Массовые приезды итальянцев в Москву обычно относят ко времени Ивана III, связывая их с браком московского великого князя с Софьей Палеолог. Но это неправильно. Итальянцы, «фряги» русских источников, появляются в Москве и на севере Руси уже в первой половине XIV в., как показывает грамота Дмитрия Донского (не позже 1389 г.). Великий князь ссылается на старый порядок, «пошлину», существовавшую еще при его деде Иване Калите, следовательно, до 1340 г. Великий князь жалует «Печорою» некоего Андрея Фрязина и его дядю Матвея.

[4] A. Doren. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934, S. 326.

Обоих «фрязинов» привлекли на далекий север, в Печору, вероятно, поиски дорогих и ходовых товаров средневековья: пушнины, моржовых клыков и ловчих птиц. Северные соколы и кречеты входили в состав ханской «теши» — подарков ханам Золотой Орды. О ловчих птицах, продававшихся в Тане, упоминает и Бальдуччи Пеголотти. О широком распространении пушнины, шедшей с Печоры, красочно говорят и русские источники. Епифаний Премудрый, сам посетивший Константинополь, вкладывает в уста жителей Перми такие слова: «Не ваша ли охотничья добыча посылается в Орду и доходит до самого ложного царя, да в Царыград и в Немци и в Литву и в другие города и страны и в дальние народы» [5].

Новейший исследователь истории Кафы польский ученый Маловист (Małowist) придает мало значения торговле этой итальянской колонии с Россией, но нельзя забывать о том, что русская торговля в основном шла через Тану, где преобладающее значение имели венецианцы. Русские с давнего времени знали венецианцев, а генуэзцы упоминаются крайне редко. Между тем именно Россия была крупнейшим поставщиком пушнины, моржовых клыков, широко применявшихся в восточных странах для отделки оружия, воска и меда. Кроме того, устье Дона было местом ловли рыбы, а русские поселения существовали тут издавна.

Постоянная связь с Причерноморьем вводила Россию в круг широких политических связей, и это нашло отклик в таком русском поэтическом сочинении, как «Задонщина», написанном вскоре после Куликовской битвы 1380 г. Прославляя русскую победу на Дону, автор «Задонщины» восклицает, что слава о ней ударила («шибла») к Царьграду, к болгарской столице Тырнову, к Кафе, к Железным Воротам, к «старому Риму». Железные Ворота — это, вероятнее всего, «ворота», узкий проход на Дунае, в районе Видина, где в это время шла борьба с турками. Так автор конца XIV в. ясно очертил крупные города своего времени, с которыми была связана Россия.

В свою очередь, византийские авторы говорили о России как о богатой и многолюдной стране. Никифор

[5] «Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко». СПб., 1862, стр. 41. (Текст, как и далее, дается в переводе на современный язык. Ложный царь — хан).

Григора, писатель XIV в., отмечает, что Россия богата пушными зверями и различными сортами рыбы. В несколько наивных выражениях гурмана, умеющего оценить гастрономические удовольствия, доставляемые такой рыбой «всем приученным к тонкому образу жизни», Григора говорит о рыбах, привозимых из России. Тут же он сообщает о крупных денежных ресурсах России и больших доходах, собираемых с ее населения, видимо, основываясь на той денежной помощи, которую Россия оказывала византийским императорам.

Немаловажное значение имели и политические связи Византии с Россией. Конечно, поздние византийские императоры играли значительно более скромную роль, чем их предшественники, но византийский двор и в это время еще был пышным и в достаточной мере претенциозным.

Отношения между византийским двором и русскими князьями неизменно были дружественными. Это подчеркивалось официальными документами. Например, император Иоанн Кантакузин называл великого князя Симеона Гордого своим «любезным сродником». В актах константинопольской патриархии русские князья обычно упоминаются с эпитетом — «благороднейшие». Московский же великий князь, кроме того, титулуется «благороднейшим великим князем всея Руси»[6]. Более высокого титулования не существовало и в самой России того времени. Титулом великого князя московские государи удовлетворялись до середины XVI в., и даже Василий III, сын византийской царевны, довольствовался тем, что он «государь русских по праву отцовской крови». По объяснению русских авторов, великие князья всея Руси довольствовались своим скромным титулом «смирения ради благочестия».

С точки зрения русских книжников XIV—XV вв., на земле был только один подлинный цесарь, царь-император в Константинополе, хотя царями также называли хана Золотой Орды, а позже императора Священной Римской империи, турецкого султана, казанских и крымских ханов. Впрочем, о последних иногда писали с прибавлением — «мнимый», то есть ложный, воображаемый.

Говорить о каком-либо подданстве русских великих князей по отношению к императору столь же неправильно

---

[6] Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI. Изд. 2. СПб., 1906, приложения, стб. 26.

как и утверждать, что французский или английский короли были вассалами императоров Священной Римской империи. При великом князе Василии Дмитриевиче русские прямо заявили, что они имеют церковь, но царя не имеют. Это вызвало возражения патриарха Антония, доказывавшего, что на свете существует только один царь — византийский император[7]. Впрочем, в данном случае речь шла не о фактическом главенстве императоров, а об их поминовении в церквах. Русские церковные книги XIV—XV вв. действительно показывают, что поминовение византийских «царей» иногда уже не делалось в русской богослужебной практике этого времени.

Положение московского великого князя и византийского императора как равноправных владык подчеркивается установлением родственных связей великого князя Василия Дмитриевича с византийскими императорами. Как известно, дочь Василия Дмитриевича Анна вышла замуж за византийского царевича Иоанна в 1411 г. Интереснее всего, что этот факт не вызвал каких-либо исключительных пояснений со стороны летописца, записавшего только: «Князь великий Василий Дмитриевич отдал дочь свою княжну Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича»[8]. Царевич назван чисто по-русски, не только по имени, но и по отчеству. Как предполагает А. А. Васильев, свадьба Анны с царевичем Иоанном состоялась в 1414 г. Таким образом, русское известие сообщает только о решении великого князя отдать свою дочь замуж за византийского претендента, путешествие же Анны в Царьград и приготовления к свадьбе могли занять 3 года.

Можно только пожалеть, что политические связи русских земель с Византией до сих пор не получили еще должного объяснения. Историки готовы их рассматривать только в духе бескорыстной помощи русских своим единоверцам-грекам, теснимым «безбожными» турками. Но сказанное выше о торговых отношениях Константинополя с Россией заставляет предполагать, что постоянная русская помощь Византии в XIV—XV вв. имела свой политический смысл. К тому же громадное политическое зна-

---

[7] Георгије Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 512—514.

[8] ПСРЛ, т. XXV, стр. 240.

чение имели церковные связи русских земель с Византией, установившиеся с конца X в., после памятного «крещения Руси». Византийские политики с самого начала отвели для русской митрополии невысокое место в своей иерархии, а в начале XIV в. еще его понизили, переведя русскую митрополию с 60-го на 72-е место. Не вполне ясны причины такого понижения, может быть, коренившиеся в стремлении создать новую митрополию в православных землях Восточной Европы. В этом невысоком иерархическом месте русской митрополии можно было бы видеть пренебрежение византийских политиков по отношению к России, однако поразительно не столько такое кажущееся пренебрежение к русской церкви со стороны не всегда дальновидных византийских политиков, сколько то поразительное равнодушие, с которым русские церковники относились к столь невысокому месту митрополии всея Руси в ранге многочисленных греческих епископств. Они даже не обсуждали этот вопрос, так как для них митрополит «всея Руси» был признанным главой церкви. Здесь сказался тот же малый интерес русских церковников к пышным титулам, какой проявляли и русские князья.

Феодальная раздробленность была одной из тех побудительных причин, которая поддерживала зависимость русских митрополитов от константинопольских патриархов. Для русских князей и епископов эта зависимость была гарантией спокойствия их владений от притязаний великого князя и митрополита. Тверские и другие князья могли обращаться к патриарху в Константинополе с жалобой на митрополита и получали поддержку, щедро оплаченную жалобщиками. Зависимость от далекого константинопольского патриарха была для русских княжеств более приемлемой, чем зависимость от митрополита и его «духовного сына» — московского великого князя, практически распоряжавшегося и в церковных делах. Здесь русские политики действовали примерно так же, как и их западноевропейские собратья, для которых власть римского первосвященника была более удобной, чем власть своего архиепископа.

Однако, молчаливо соглашаясь со своим невысоким положением в ранге православных епархий, русская церковь в то же время упорно отстаивала свою внутреннюю независимость. Это выразилось прежде всего в появлении

новых русских святых, канонизированных с согласия константинопольского патриарха. Подобно тому, как греческая церковь неохотно признавала чужих, негреческих, святых, так и русская церковь возводила в свой пантеон только своих соотечественников. В течение полутора столетий русские и греки сменяли друг друга на митрополичьем престоле всея Руси. Преемниками митрополита Петра были грек Феогност, затем русские Алексей и Пимин, болгарин Киприан, снова греки — Фотий и Исидор, опять русский Иона. Феогност, Киприан и Фотий преданно отстаивали интересы великих князей, но к лику «московских и всея Руси чудотворцев» были причислены и прославлялись только русские — Петр, Алексей и Иона. Так и в южнославянских странах небесными ходатаями за их родные земли признаны были Савва в Сербии и Иоанн Рильский в Болгарии.

Политика константинопольской патриархии в России обычно рассматривается в русских сочинениях в отрыве от политики последних византийских василевсов. В иностранных сочинениях она, как правило, игнорируется полностью. Между тем в средневековье церковная и гражданская политика смешивалась в единое целое, как мы это видим в истории Италии, Германии, Франции и т. д. Мало интересуясь связями Византии с Русью, историки уделяют большое внимание политике папского престола на Балканах и в Малой Азии. А между тем именно в церковных вопросах причудливо сталкивались интересы Византийской империи, итальянских колоний, Сербии, Болгарии, Венгрии и образующихся румынских княжеств. Существование большой православной митрополии всея Руси в конечном итоге и явилось той преградой для католической пропаганды, которую римскому престолу не удалось преодолеть к востоку и к югу от Карпатских гор. Вот почему церковная политика в православных странах Восточной Европы должна занимать видное место и в истории Византийской империи XIV—XV вв., а не игнорироваться.

И в самом деле, вопрос о привлечении русских, украинцев и белорусов под власть римского папы имел на Флорентийском соборе 1437 г. гораздо большее значение, чем вопрос о самой константинопольской патриархии. Русские источники сообщают, что собор шесть месяцев не собирался, дожидаясь русского митрополита Исидора с рус-

скими епископами. «Царь же тогда кир Иоанн, — читаем в сказании о Флорентийском соборе, — так сказал Евгению, римскому папе, и всем там бывшим, что в восточных русских землях большое православие и высшее христианство Белой Руси, а в них сидит великий государь, мой брат, Василий Васильевич, к которому прислушиваются восточные цари, а великие князья с землями служат ему». В свою очередь папа Евгений в своей грамоте к московскому великому князю Василию Васильевичу назвал его «великим царем» [9].

Несколько примеров могут показать большое значение церковных связей России с Византией в XIV—XV вв. Создание Латинской империи, а также татарские погромы надолго прервали связи России с Константинополем. Этот перерыв особенно заметен по русским летописям. Вторая половина XIII в. отмечена в них почти полным отсутствием известий о поездках русских в Константинополь, хотя такие поездки с торговыми и церковными целями совершались, как показывает протокол заседания церковного собора в св. Софии в Константинополе с участием русского митрополита Максима и сарайского епископа 12 августа 1276 г. [10]

Возобновление более оживленных связей России с Византией происходит с начала XIV в., то есть совпадает с поставлением Петра в русские митрополиты. История этого поставления рассматривалась в сочинениях по истории русской церкви, к сожалению, в отрыве от истории самой Византии. Между тем константинопольская патриархия вела очень сложную игру, находящую объяснение в политической обстановке того времени. В трудах румынского историка Йорга справедливо подчеркивается большое политическое значение вопроса о создании особой епархии в пределах тогдашней Валахии и Молдавии. Напомним, что «патриаршие замки» (Калиакра и др.) находились в районе, прилегающем к Дунаю. Поста́вление Петра в митрополиты и присоединение галицкой митрополии к митрополии всея Руси происходило в условиях борьбы Византийской империи с Сербией и Болгарией и не было актом только церковного значения.

---

[9] ПСРЛ, т. XXV, стр. 254, 259.

[10] РИБ, т. VI, изд. 2-е, стб. 120—140, греческий подлинник там же (приложения, стб. 5—12).

Какое значение иногда могли иметь связи византийских императоров с далекой Россией, можно увидеть из такого примера. Борьба Иоанна V с Иоанном Кантакузином, как известно, ознаменовалась одно время победой Кантакузина, вступившего в византийскую столицу 3 февраля 1347 г. В августе того же года появился хрисовул Иоанна Кантакузина, подтвержденный патриархом Исидором, о передаче галицкой митрополии под власть русского митрополита Феогноста. Такие акты, как правило, щедро оплачивались русскими князьями, впрочем, всегда под маркой благочестия. Русский же летописец записал кратко и неясно, что московский великий князь Симеон и митрополит Феогност посылали в Царьград «о благословении». Это «благословение», вероятно, в немалой степени помогло Иоанну Кантакузину в его политических планах. Недаром в своем хрисовуле он называет великого князя своим любезным сродником.

Наша догадка об особом внимании к московскому великому князю и к московской митрополии со стороны Иоанна VI Кантакузина находит свое подтверждение в другом важном политическом событии, которое произошло в России в 1353 г. во время междоусобной войны Кантакузина с его зятем императором Иоанном V. Митрополит Феогност благословил «в свое место» русского монаха Алексея, совершив этим явно неканонический поступок и фактически установив автокефалию русской церкви. Этот акт был столь необычным, что его понадобилось подкрепить совещанием великого князя Симеона с другими князьями, боярами и вельможами. Совещание отправило в Константинополь послов, которые вернулись из византийской столицы на следующий год. Как известно, в 1353 г. император Кантакузин одержал новую, на этот раз последнюю победу, русские же послы привезли царские и патриаршие грамоты на поставление Алексея. Эти грамоты были даны от патриарха Филофея, сменившего Каллиста. Они помечены июнем и июлем 1353 г., а поздней осенью или зимой того же года доставлены в Москву.

К счастью, кроме догадок о русской помощи византийским императорам мы имеем и сообщение Григора. Этот автор сообщает, что великий князь Симеон пожертвовал значительную сумму денег на ремонт Константинопольской св. Софии. По Григору, византийские политики ис-

тратили эти деньги на другие нужды, что вызвало негодование русских.

В краткой статье трудно подробно разбирать события церковной и общей политики, связывавшей Византию и Россию в XIV—XV столетиях, но нельзя не отметить того, что эта политика не была безличной. Московские, тверские и литовские князья сносились не просто с византийскими императорами и патриархами, а с определенными лицами, в силу чего для русских политиков имел значение не просто титул императора или патриарха, а определенное лицо, носитель той или иной политики. Без специального исследования было бы неосторожным более подробно разбираться в хитросплетениях русско-византийской политики, но есть основание предполагать, что русские политики поддерживали те политические силы в Византии, которые были связаны с венецианцами, а не с генуэзцами. Например, генуэзцы из Кафы поддерживали ордынского князя Мамая во время его похода на Россию в 1380 г., что было результатом какого-то договора между Золотой Ордой и Кафой. В войсках Мамая, по русским источникам, находились и итальянцы и армяне. Если вспомнить о том, что в Кафе преобладало армянское население, факт участия армян найдет себе объяснение. Потерпев поражение, Мамай бежал в Кафу, где был принят генуэзцами и предательски ими убит. А вслед за этим южный берег Крыма оказался под властью генуэзцев, как видимая оплата их предательства, сделанная Тохтамышем—новым ханом Золотой Орды.

Из сказанного выше с большой ясностью вытекает, что при изучении как истории Византии, так и России нельзя скидывать со счетов их политические связи. Русская денежная помощь Византии не была уже столь незначительной и временной. На это обратил уже соответствующее внимание А. А. Васильев [11]. К сожалению, он преуменьшил значение этой помощи, ограничившись краткой ссылкой на летопись.

Между тем у нас имеются прямые свидетельства о том, что деньги, присланные из России, оказали существенную поддержку Византийской империи в те кризисные годы, когда султан Баязид осадил Константинополь. В летописи об этом событии рассказывается под 1398 годом так:

---

[11] А. А. Васильев. Падение Византии. Л., 1925, стр. 57, 58.

«Злочестивый царь турецкий, сын Амуратов, брат Чалибеев, именем Баазыт, собрав многих воинов, пришел и осадил Царьград со всех сторон и перехватил пути на море и на суше и стоял под городом 7 лет, надеясь его взять, и прочие окрестные многие города греческие и земли взяли и захватили. Бывшие же тогда в Царьграде царь и патриарх и прочие люди были в печали великой и в томлении и в оскудении. Услышав об этом, князь великий Василий Дмитриевич очень печалился и, посоветовавшись с отцом своим митрополитом Киприаном и со своими братьями и с прочими князьями русскими, послал в Царьград много денег («серебра») и милостыню с монахом Родионом Ослебятем, который был прежде боярином в Любутске. А князь Михаил Тверской также послал своего протопопа Данилу с милостынею. Когда же они принесли эту милостыню в Царьград, царь и патриарх и все люди воздали великую благодарность богу и много хвалы и благословения воссылали Руси» [12].

Тверские летописи, со своей стороны, сохранили известие об этой памятной посылке в Константинополь. Князь Михаил Александрович отправил в Царьград особых послов «с многим имением к святой православной соборной и апостольской церкви, к царю и к патриарху, как было у него в обычае и раньше многожды посылать» [13].

Как видно из сообщения московских и тверских летописей, помощь, посланная в Царьград в 1398 г., была особенно богатой, но она не была делом исключительным. Постоянные приезды греческих митрополитов и епископов в Россию за «милостыней» совершались неоднократно. В числе приезжих греческих епископов находим и митрополитов адрианопольского, трапезундского и других. Под словом «милостыня» всякий раз понималась денежная поддержка. В значительных размерах такую поддержку русские земли оказывали Афону и православному Востоку, а позже Сербии и Болгарии. И, пожалуй, это была единственная реальная помощь, которую эти земли получали из далекой, но дружественной страны. Думается, что денежную и моральную поддержку, оказываемую поздней Византийской империи из далекой России, нет основания полностью скидывать со счетов.

---

[12] ПСРЛ, XXV, стр. 228.
[13] Рогожский летописец. ПСРЛ, XV, вып. 1, стб. 168.

Как видим, Византию и Россию связывали крупные торговые и политические интересы, значение которых было бы неправильно игнорировать. В России чутко прислушивались к тому, что происходило в Причерноморье и в южнославянских землях. Этим объясняется то пристальное внимание, с которым русские относились к событиям в Константинополе и южнославянских землях. Правда, записи о таких событиях в летописях иногда очень кратки, но и они заслуживают внимания, как непосредственные отклики на политическую обстановку в Причерноморье и на Балканах. Например, летопись под 1395 г. рассказывает о нападении на Царьград царя «Колочана» (Калояна), сына Андроника, вместе с турками. Город оборонял царь Мануил вместе с греками и фрягами (итальянцами). Тут же указана и точная дата этого события — 26 августа.

С каким пристальным вниманием и умением разобраться в политической обстановке русские люди присматривались к событиям, видно по записи Хождения Пимина о битве на Косовом поле в 1389 г. Прибыв в Остравию на Черном море, принадлежавшую тогда туркам, Пимин стал ждать вестей о походе султана Баязида против сербов. В Турецкой земле в это время был «мятеж великий и смущение много». В Хождение внесен и подробный рассказ о битве на Косовом поле, крайне интересный по своим подробностям, на что обратил внимание Дж. С. Радоичич. Тот же Игнатий присутствовал при коронации императора Мануила и дал любопытнейшее и красочное описание всего коронационного церемониала [14].

Известия русских источников, к сожалению, почти не привлекаются для освещения византийских событий. Действительно, количество таких источников относительно небольшое, но качественное их значение бесспорно. Это не просто передача каких-либо слухов и пересказов с чужих слов, а точная запись о происшедших событиях. Выше, например, приводилось известие 1398 года об осаде Константинополя турками, помещенное в большинстве летописных сводов, но существует и другое русское известие об этом событии, помещенное в утерянной теперь пергаменной Троицкой летописи. Особая ценность этого

[14] ПСРЛ, XI, стр. 101 и далее.

известия заключается в том, что оно записано современниками осады Константинополя, так как сама Троицкая летопись была составлена вскоре после 1408 г. Летописец пишет, что турки держали Константинополь в блокаде 7 лет, отняв все пути по суше и по морю [15]. Во главе турецких войск стоял «сын Амуратов, брат Чалибеев, Баазыт». Определение родства Баязида, как брата Чалибея, имеет особый интерес, потому что в той же летописи записано о взятии болгарской столицы Тырнова сыном Амурата — Челябием. Кто был этот Челябий, сын султана Мурата и брат султана Баязида, оставляем для рассмотрения историкам Турции.

Разбросанность и малая доступность русских источников по истории Византийской империи явились причиной, по которой эти источники очень редко используются византинистами. Этот недостаток, надо думать, будет в ближайшее время исправлен изданием свода русских источников по истории Византии, который предполагается выполнить силами историков СССР.

В особенности важное значение для истории Византийской империи XIV—XV вв. и южнославянских стран того же и более позднего времени имеют известия особых сказаний, внесенных в летопись или существующих отдельно (хождения в Царьград, сказания в летописях и хронографах, записи на книгах и т. д.).

Особо следует сказать о культурных связях России с Византией XIV—XV вв. Их нельзя рассматривать только в духе обычной традиционной схемы высококультурной Византии и невежественной России. Прежде всего нельзя забывать, что в XIV—XV столетиях изменилось само значение Византии как величайшего культурного центра средневековья, причем изменилось к худшему по сравнению с прошлым. Константинополь и другие греческие города (Трапезунд и др.), не сделавшиеся еще жертвой турецких завоеваний и разорений, пережили уже свою славу, хотя и сохранили накопленные старые богатства письменности и искусства. Вместе с тем бесконечно выросло значение южнославянских центров культуры. Сербская и болгарская образованность сильно развилась в XIV—XV вв., несмотря, вернее, вопреки тяжелому по-

[15] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 442, 448.

литическому положению этих стран, сопротивлявшихся турецкой агрессии. Центром славянской и греческой взаимности в это время окончательно сделалась Святая Гора — Афон. Поэтому, говоря о культурных взаимоотношениях России с другими странами в XIV—XV вв., мы должны одинаково говорить о греческих и южнославянских взаимоотношениях с Россией, а не просто о русско-византийских. Не забудем и того, что сама Россия уже успела оправиться от последствий татарских погромов и переживала в XIV—XV вв. своего рода культурное возрождение.

Близость славянских языков того времени чрезвычайно облегчала возможность культурных связей русских с сербами и болгарами, а интерес к южнославянским странам как странам единоверным и единоязычным в России был очень большим.

Греческая письменность приходила в Россию не только в виде переводов с греческого на болгарский и сербский языки, но и непосредственно из Византии.

В самой России можно наметить несколько центров греческой образованности. Прежде всего таким центром был митрополичий двор. Феогност, Фотий и Исидор были греками по происхождению, а Киприан вышел из видной болгарской семьи, связанной с патриархом Евфимием Тырновским. Но и другие русские митрополиты, как, например, Алексей, знали греческий язык. Так, сохранился список Нового завета, переведенного митрополитом Алексеем с греческого на русский язык. Известна и грамота митрополита Алексея с его подписью на греческом языке. Остатки греческих книг московских митрополитов XIV—XV вв., по-видимому, вошли в состав замечательного Синодального собрания греческих рукописей, хранящегося в Москве. В Москве существовал и особый греческий монастырь, известный под названием Николы Старого. Здания его еще существовали в XIX в. на Никольской улице (ныне ул. 25 Октября). Это был центр, где останавливались приезжие греческие иерархи и греческие монахи. Даже в XVII в. патриарх Никон, большой почитатель греческих обычаев, ездил к Николе Старому для встречи с греческими монахами и лакомился там греческими блюдами. Поблизости от этого монастыря, в Китай-городе, помещалась постоянная греческая колония, существовавшая с давнего времени.

Крупным центром греческой письменности был Троице-Сергиев монастырь, который поддерживал постоянные сношения с Константинополем. Известия о переводах греческих книг на русский язык, совершенных в Константинополе, на Афоне и в России, весьма многочисленны. Сведения о них даны в известных работах А. И. Соболевского и М. Н. Сперанского, а также в более раннем сводном труде П. М. Строева.

Но не только в пределах Московского княжества поддерживались центры греческой образованности. У нас имеется много известий о связях тверских образованных кругов с Константинополем и Афоном. Новгород, Псков, Нижний Новгород также поддерживали постоянные связи с Византией.

Русская старинная письменность обладает колоссальным богатством произведений, переведенных с греческого языка. Некоторые из них пришли на Русь при посредстве южнославянских переводов, но подавляющее большинство их было переведено прямо с греческого на русский. Частично переводы делались в самой России, частично в Константинополе и на Афоне. История о взятии Иерусалима римлянами Иосифа Флавия была, например, переведена в 1398 г. «в царствующем Коньстантинополи, в державное лето царя Мануила Палеолога [16], священствующу вселенскому патриарху Матфею». Заказчиком был Тимофей Родионов сын. Если вспомнить, что в том же году русский чернец Родион Ослябя, бывший боярин, привез в Царьград денежную помощь из Москвы, то в заказчике Тимофее Родионове без особых натяжек можно признать его сына. Другая рукопись, Лествица Иоанна Синайского, была написана в Константинополе в 1421 г.[17] И таких примеров можно было бы дать немало.

Можно только пожалеть о том, что богатая русская письменность до сих пор еще очень слабо привлекается при изучении произведений греческой церковной литературы, в частности, сочинений таких писателей, как Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин и пр. Ведь многие русские переводы были сделаны с древних греческих подлинников, порой гораздо более древних, чем те греческие рукописи, по которым печатаются произведения этих писателей, не

[16] Так в рукописи.

[17] П. М. Строев. Библиографический словарь. СПб., 1882, стр. 401, 413.

говоря уже о греческих житиях святых. Вековая русская традиция таких переводов пока еще слабо изучена, хотя никто не отрицает значения латинских, сирийских, армянских и других переводов древних византийских сочинений.

Не будем останавливаться на том поистине великом вкладе, который сделали в мировое искусство Россия и Византия, но нельзя забыть об обильном притоке разного рода мастеров и художников, приезжавших в Россию из Константинополя. Знаменитейшим из них был Феофан Грек. Связи с далеким Константинополем помогали русской культуре окрепнуть в тяжелые годы татарщины, создать свое высокое мастерство. Так, рядом с Феофаном Гречином появляется русский Андрей Рублев. И мастерство русского художника оказывается не меньшим, чем мастерство приезжего, но уже полуобрусевшего грека.

Тема о культурных связях России с Византией в XIV—XV вв. — особая тема, она заслуживает специальной монографии.

Наше внимание было главным образом обращено на те стороны русско-византийских связей, которые слабо освещены в исторической литературе. Одно только ясно: эти связи были плодотворны и для Византии, и для России. Вот почему русские люди так горько оплакивали падение Царьграда и так сочувствовали народам, потерявшим свою независимость.

Вопрос о причинах гибели великих стран и царств, горячий призыв защищать родину, сознание тяжелого положения многих народов под владычеством султанов слышатся в словах неизвестного нам автора, написанных им по случаю похода на Русь татарского хана Ахмата в 1480 году: «О храбрые, мужественные сыны русские, потщитесь сохранить свое отечество, Русскую землю. Не щадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения и разграбления святых церквей и домов ваших и убиения детей ваших и поругания над женами и дочерьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок, как скажу, болгары и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босния, и Манкуп и Кафа, и иные многие земли, которые не сражались мужественно, погибли и отечество свое изгубили и землю и государство, и скитаются по чужим странам. . .» [18]

[18] ПСРЛ, VI, стр. 232.

В этой страстной речи, вероятно, написанной выходцем из Сербии, вылилась глубокая скорбь человека, своими глазами видевшего бедствия народов, порабощенных турецкими султанами.

В своей краткой статье я осветил только немногие стороны русско-византийских отношений XIV—XV вв. Но и это немногое все-таки позволяет говорить, что проблема изучения русско-византийских связей заслуживает глубокого внимания. До настоящего же времени эта проблема изучена явно недостаточно [19].

---

[19] Подробнее см.: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., Изд-во АН СССР, 1956.

ПУТИ ИЗ РОССИИ В ВИЗАНТИЮ В XIV—XV ВВ.

*

1

Связи со средиземноморскими странами имели громадное значение для России XIV—XV вв. Не меньшее значение имели они и для самих средиземноморских стран, в первую очередь для Византии и торговых итальянских республик — Венеции и Генуи. Этим объясняется то пристальное внимание, которое византийские, генуэзские и венецианские правители уделяли Черному морю, именовавшемуся в итальянских сочинениях обычно «Большим морем» (Mare Maggiore). Итальянские колонии были разбросаны по берегам Черного и Азовского морей. Крайним северным их пунктом была Тана, или Азов, дальше на север простиралось громадное пространство степей и еще севернее — обширные населенные области России, которую западноевропейские путешественники порой путали с Татарией, так как золотоордынское иго тяготело еще над Русью. Ближе к Черному морю подходили украинские земли, но и они были отделены от него обширной полосой степей. Только к Аккерману (Белгороду) непосредственно подступали населенные молдавские земли. Таким образом, северные берега Черного моря были как бы обрамлены небольшой полоской населенных местностей, за которой простиралась степь, а уже к северу от нее лежали обжитые пространства России и Украины.

Между тем обычная схема причерноморской торговли XIV—XV вв. игнорирует связи Византии и итальянских колоний в Крыму с северными странами, в особенности с Россией, хотя полностью осмыслить торговые отношения в Причерноморье этого времени, сбросив со счетов русско-причерноморскую торговлю, невозможно. Задача этой статьи показать, какими путями шли связи причерноморских стран с Россией, подчеркнуть не случайность, а постоянность таких связей, их крупное торговое значение.

Наиболее прямым водным путем из России и Украины к Черному морю был путь по Днепру, но в XIV—XV вв. он имел уже второстепенное значение, по крайней мере для русских путешественников и торговцев. Явление это отнюдь не случайное. Ведь знаменитое описание путешествия русских по Днепру у Константина Багрянородного имеет в виду мелкие суда-однодеревки, которые можно было перетащить по суше в обход порогов. Но такие суденышки могли вместить лишь небольшой груз и требовали солидной военной охраны от нападений кочевников во время перевозки у порогов. В условиях более развитого судоходства однодеревки не могли удовлетворить торговые потребности, тем более что и татарские отряды были куда опаснее древних печенегов. Так, кажется, можно объяснить ослабление торгового значения прежнего днепровского пути в XIV—XV вв.

Тем не менее и в это время водная дорога по Днепру имела какое-то значение. Это доказывается существованием в устье Днепра городка Олешье, принадлежавшего при Витовте Литовскому Великому княжеству. Позже Олешье сделалось генуэзским замком (Лерици).

По словам В. Гейда, на протоке Днепра (в его устье) стоял город, который на итальянских картах называется Еллексе или Ерексе (Castrum Ilicis, castellum di Lerici). После того как замок был разорен, место это захватили и укрепили два генуэзца, сделав его убежищем для беглых пленников от татар. В 1455 г. город был взят жителями Белгорода [1].

Гораздо большее значение имел Черноморско-Донской путь. На наше счастье, мы имеем возможность день за днем проследить путешествие по Черноморско-Донскому пути на всем громадном его протяжении от Москвы до Константинополя. О нем рассказывает «Хождение Пимина в Царьград» (ПСРЛ, т. XI, стр. 95—97), внесенное в некоторые списки летописей, а первоначально составлявшее особое сочинение. Это не простая запись грамотного человека, а яркое литературное произведение, написанное талантливым писателем и совершенно не изученное историками русской литературы, как и многие другие древнерусские повести, сказания и хождения, которые внесены

[1] W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au Moyen âge, II. Leipzig, 1923, p. 397, 398.

в летописи и поэтому покрыты общим и малозначащим названием летописей, словно своеобразной шапкой-невидимкой, делающей для историков литературы невидимыми и тем самым как бы несуществующими многие шедевры древней русской письменности.

Автором «Хождения Пимина в Царьград» был монах Игнатий, состоявший в свите митрополита Пимина. Свое сочинение он написал позже 1391 г., но до 1395 г., так как ничего не знает о разорении Азова в этом году. В конце своего «Хождения» Игнатий с большим почтением отзывается о новом митрополите Киприане, прибывшем в Москву в 1390 г. по приглашению великого князя Василия Дмитриевича. Киприан выехал на Русь раньше отъезда Игнатия из Константинополя.

Кем был Игнатий по происхождению, мы точно не знаем, но его присутствие в свите митрополита Пимина не было случайным. Автор «Хождения», возможно, знал греческий язык. Во всяком случае он говорит в первом лице о себе и епископе смоленском как о людях, разговаривавших со старейшиной итальянцев в Азове без переводчика («вопросихом»). Игнатий принадлежал к чернецам смоленского епископа, но в языке «Хождения» не заметно западнорусских особенностей. Это тот же язык, которым написаны повести о Митяе, о разорении Москвы Тохтамышем и т. д.

После этих предварительных замечаний обратимся к самому тексту «Хождения» и попытаемся перенести на карту показания Игнатия с отметкой о времени прибытия путешественников в те или другие местности. Это облегчается тем, что Игнатий сообщает точные данные по неделям, считая от Пасхи, коррективом же для возможных ошибок в счете по дням недели служат указания на праздники, которые падают на постоянные и точные даты.

Путешествие Пимина и его спутников началось 13 апреля в великий вторник, т. е. на Страстной неделе. Исходным пунктом была Москва, откуда Пимин и его свита поплыли по Москве-реке. Через четыре дня путешественники прибыли в Коломну при впадении Москвы-реки в Оку; это случилось в субботу на Страстной неделе. Пасху (18 апреля) путники праздновали в Коломне и в тот же день тронулись в дальнейший путь по Оке. По дороге проехали Перевитск и прибыли в Рязань,

тогдашний Переяславль Рязанский. В воскресенье на Фоминой неделе (25 апреля) Пимин выехал из Переяславля, где задержался на короткое время.

Сухопутный участок между Переяславлем и Доном путешественники одолели за четверо суток. С собой они везли речные суда относительно большого размера, поставленные на колеса: это были три струга и один насад. Суда были спущены на воду, вероятно, в районе Дубка — небольшого города в верховьях Дона. На второй день путешествия Пимин со свитой прибыл к Чюр-Михайлову. Место этого урочища, где раньше стоял город, определено К. В. Кудряшовым [2].

К устью Воронежа путешественники добрались 9 мая. Упоминание Игнатия о прибытии к устью Воронежа в Николин день позволяет точно датировать и все более ранние расчеты, сделанные по дням недели с их церковными названиями.

В воскресенье Недели о самаритянке, т. е. в данном случае 16 мая, путники прибыли к устью Медведицы. Игнатий и дальше называет урочища, мимо которых проходили суда Пимина, но к нашей теме сложное дело установления местоположения этих урочищ на карте не имеет непосредственного отношения. Поэтому отметим только, что 26 мая, накануне Вознесеньева дня, путники прибыли в Азов. В Азове или его окрестностях (из текста не вполне ясно где) путешественники пересели на морской корабль, что произошло 30 мая. Здесь путникам пришлось задержаться на сутки из-за того, что фряги (об этом см. ниже) арестовали митрополита, требуя от него уплаты каких-то долгов.

В Азовское море корабль с Пимином и его свитой вышел только 1 июня. В субботу 5 июня путники миновали Кафу и Сурож, не останавливаясь в этих гаванях, и наперерез через Черное море поплыли в Синоп, куда прибыли 10 июня. Там путешественники пробыли два дня и поплыли вдоль берегов Малой Азии к Константинополю. Во вторник 15 июня они прибыли в Пандораклию, где задержались на девять дней, собирая сведения о военных действиях султана Мурада против сербского царя Лазаря. Из Пандораклии путешественники выехали

---

[2] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948, стр. 19—24.

24 июня и 25 миновали Диополь. 26 июня, в субботу, они проехали устье р. Сахары (Сангария) и 27, в воскресенье, прибыли в Астравию, которую покинули в тот же день. В канун Петрова дня, т. е. 28 июня (опять точная дата), Пимин и его спутники прибыли, наконец, в Константинополь.

Таким образом, все путешествие от Москвы до Константинополя продолжалось два с половиной месяца (с 17 апреля по 28 июня), причем главными остановками по дороге были Азов (Тана) и Синоп. Морские корабли, шедшие через Черное море, пересекали его в узком месте между Судаком и Синопом, где проходит морское течение с севера на юг. Дальше, от Синопа до Константинополя, совершалось каботажное плавание вдоль берегов Малой Азии.

Маршрут путешествия от Москвы до Константинополя иногда несколько варьировал, но в основном оставался таким же, каким мы его знаем по «Хождению», написанному Игнатием. Пимин начал плавание по Дону где-то выше впадения в Дон р. Мечи; иногда же на речные суда садились ниже — у р. Мечи. Доставка судов на Дон также совершалась разными способами. Вероятно, речные суда для Пимина были заготовлены до его прибытия в Рязань, но, конечно, доставка судов на колесах из Рязани на Дон производилась и в других случаях, а не была единичным явлением. Дальнейший же путь по Дону и Черному морю в основном был тем же самым и для Пимина, и для других путешественников [3].

Берега Дона были безлюдными на громадном протяжении от Дубка в верховьях реки до Азова в ее устье. Путников ожидали разного рода опасности, в первую очередь нападения татар. Так, кандидат на русскую митрополию Митяй на пути в Азов был схвачен ордынским князем Мамаем и отпущен им, вероятно, после получения соответствующих обещаний (ПСРЛ, т. XI, стр. 39). Прямую ссылку на «тесноту путешественником» от разбойников и грабителей мы находим в послании великого князя Василия Темного к константинопольскому патриарху о поставлении в русские митрополиты рязанского епископа Ионы. Эта «теснота» выставлялась вели-

[3] См.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. Изд-во МГУ, 1957, стр. 119—126.

ким князем как основная причина того, что он не мог послать константинопольскому патриарху соответствующее сообщение: он якобы пытался и желал, но не выполнил («не улучихом») [4].

Опасности, впрочем, не мешали русским купцам отправляться в далекое путешествие по Дону. На протяжении нескольких веков Черноморско-Донской путь был одной из самых оживленных торговых дорог в Европе. Той же дорогой ехал в Москву, например, иерусалимский патриарх, не вынесший тяжести пути и умерший в Кафе. Черноморско-Донской путь не потерял своего значения и позже, даже после окончательного утверждения турок в Причерноморье. Им пользовался русский посол Голохвастов, ездивший в Димотику к турецкому султану (1521 г.). Голохвастов ехал «Доном к Азову», оттуда морем до Кафы и далее до Константинополя, а затем в Димотику, где в это время находился султан. Обратно Голохвастов добирался на родину «сухим путем» через Адрианополь (ПСРЛ, т. XX, стр. 401).

Таким путем ездили и другие русские послы и купцы, направлявшиеся в Кафу или Константинополь. В 1500 г. русское посольство к кафинскому правителю ходило на судах («в судех») рекою Мечею в Дон, а Доном в Азов (ПСРЛ, т. XX, стр. 369). Река Меча впадает в Дон верстах в 30 к югу от Дубка, где, по нашему предположению, в XIV в. начиналось речное путешествие по Дону. Видимо, речную пристань на Дону перенесли несколько южнее, и это привело к запустению Дубка.

2

На протяжении Черноморско-Донского пути русские путешественники обычно делали три остановки: в Азове (Тане), Кафе и Суроже (Судаке). Впрочем, одновременное посещение Кафы и Судака не было обязательным: корабли останавливались то в одном, то в другом городе в зависимости от обстоятельств.

Конечным пунктом пути по Дону был Азов. Именно под этим именем, явно взятым от татарского названия города Азак, он известен и в русских источниках, не знающих его итальянского названия Тана.

[4] РИБ, т. VI, изд. 2-е, стб. 582.

Одним из наиболее ранних упоминаний об Азове в русских источниках является заметка в «Хождении» Пимина. Город Азов, по словам «Хождения», находится при устье Дона. Здесь «под градом Азовом» русские путешественники пересаживались на морской корабль. Это соответствует расположению города и его крепости, помещающейся на высокой горе над Доном, откуда открывается вид на обширные луга и величественную реку. Крепость на горе была надежной защитой для города и приставших к нему речных и морских судов.

С митрополитом и его спутниками в Азове произошел любопытный случай, характеризующий ту обстановку, в условиях которой велась торговля в Причерноморье. Передаем этот красочный рассказ в переводе на современный язык.

«Тогда в Азове жили немцы-фряги, владея тем местом, а мы отъехали к морю. И было это в полночь, когда корабль стоял на якорях, некии оклеветали нас в городе фрягам, и догнали нас фряги в судах («в сандалцех») и перескочили на наш корабль с быстротою. И был великий топот на палубе корабля, и никто не знал из бывших там, вышли мы на палубу и увидели великое смятение. И сказал епископ мне, Игнатию: «Что ты так, брат, стоишь без печали?» А я сказал: «А что такое, господин мой святой?» И он сказал мне: «Это ведь фряги, придя из града Азова, взяли и сковали нашего господина Пимина, митрополита, и Ивана, протопопа, и Григория, протодиакона, и Германа, архидиакона, и Михаила, дьяка; они им задолжали, а мы с ними без вины погибаем». Мы же спросили у старейшины тех фрягов, что они думают с нами сделать. Он же отвечал: «Не бойтесь, что есть у вас вашего, и вы все возьмете». Фряги же вскоре были успокоены («утолени») митрополитом Пимином и, взяв достаточное вознаграждение («мзду»), всех нас отпустили, и так на второй день мы отправились оттуда» (ПСРЛ, т. XI, стр. 96, 97).

В этом рассказе, пожалуй, самое интересное — относительно легкое разрешение конфликта и уверение старейшины азовских итальянцев, что каждый получит свое имущество. Весь разговор епископа и Игнатия со старейшиной обнаруживает близкое знакомство русских с фрягами. Неизвестно, в чем был оклеветан Пимин, но для этого, как мы увидим из дальнейшего, были свои основания.

Азов имел громадное торговое значение, так как от него начинался путь не только на север по Дону, но и сухопутная дорога на восток, в Поволжье, Сибирь и Среднюю Азию.

Можно было бы думать, что дорога от Азова в Поволжье шла по Дону до переволоки, то есть самого узкого места между Доном и Волгой, где теперь сооружен Волго-Донской канал, а далее рекой к Сараю. Но судя по описанию Пеголотти, в первой половине XIV в. обычная дорога шла кружным путем, не прямо на Сарай, а сухим путем из Азова в Астрахань.

Путь от Таны до Астрахани (Gintarcan) занимал 25 дней, если ехали в повозке, запряженной волами (di carro di buoi). В повозках, запряженных лошадьми, ехали значительно быстрее, всего 10 или 12 дней. От Астрахани за сутки добирались до Сарая. От Сарая до Сарайчика (Caracanco), в устье Урала, путешествовали 8 суток водою и сушею, оттуда до Ургенча (Organci) — 20 дней на верблюдах и от Ургенча до Отрара (Oltrarre) — 50 дней [5]. Дальнейший путь в Китай, описанный Пеголотти, можем пропустить, так как он не имеет отношения к нашей теме.

Гейд пишет, что маршрут Тана—Астрахань—Сарай—Сарайчик — это «трудно объяснимое зигзагообразное путешествие». Но оно кажется зигзагообразным потому, что Гейд неправильно отождествляет Сарай с новым Сараем, или Сарай-Берке, стоявшим значительно севернее и ближе к «переволоке» между Доном и Волгой. Добраться из Астрахани до Сарая-Берке вверх по течению за сутки, как пишет Пеголотти, было невозможно. Но был другой, более старый город, носивший название Сарай-Бату и стоявший поблизости от Астрахани. О нем-то и говорит Пеголотти, который, таким образом, дает ценное указание о времени возникновения Астрахани, существовавшей одновременно с Сарай-Бату.

Маршрут от Таны до Сарая, указанный Пеголотти, на первый взгляд кажется несколько странным и требует объяснения. По-видимому, сухопутная дорога от Таны до Астрахани шла по Северному Кавказу. Этот

---

[5] Francesco Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura. Ed. by A. Evans. The Mediaval Academy of America. Cambridge (Mass.), 1936, p. 21.

район, как нам представляется, в XIV в. был очень населенным, что видно из сочинений восточных писателей и русской летописи. В повести об убиении Михаила Ярославича Тверского в 1318 г. мы встречаем ряд топографических указаний на города и местности Северного Кавказа, обнаруживающих хорошую осведомленность ее автора. Прослеживая путь Михаила, повесть указывает, что Михаил прибыл к хану Узбеку «на усть реки Дона, идеже течет в море Сурожское». Пленение князя произошло «за рекою Терком на реке на Севенце под городом Тетяковом, минувши все горы высокые Ясьские и Черкасськые, близ Ворот Железных». К сожалению, неясно, о каких Железных воротах идет речь — Дарьяльском ущелье или о Дербенте. Упоминание реки Севенца, впрочем, почти точно указывает местоположение Тетякова: Севенец — это Сунжа, правый приток Терека. В том же рассказе о смерти Михаила находим и другие топографические указания. Тело убитого князя повезли в город Мождьжчарык и далее в Бездеж [6]. В рассказе о смерти Михаила мы встречаемся с одной чертой, объясняющей происхождение русских сведений о городах Северного Кавказа. В этих городах жили русские, враждебные Тверскому князю (среди них назван убийца князя — Романец), от них и получены сведения о Северном Кавказе.

Повесть об убиении Михаила Тверского дает и некоторые ценные топографические обозначения, позволяющие уточнить тот путь, по которому проходила сухопутная дорога из Таны в Астрахань. В ней упоминается о том, что тело Михаила было привезено в Мождьжчарык. Остатки этого города еще существовали в XVI в. как городище Можары на р. Куме. В «Книге Большому Чертежу» Можаров Юрт на р. Куме показан как один из ориентиров по направлению к Дербенту [7]. О том, что здесь когда-то находился большой город, свидетельствует такое указание этой книги: «А по реке по Куме с правые стороны 7 мечетей тотарских Можаров юрт да мечеть по другой стороне реки Кумы». Тот же пункт назван в делах по сношениям России с Кабардой в XVI столетии. И в этом известии названо «Можарское городище» на

[6] ПСРЛ, т. XXV, стр. 165. В других летописях название города сообщается с некоторыми изменениями.

[7] «Книга Большому Чертежу». М.—Л., 1950, стр. 50, 91.

Куме, причем выясняется, что вдоль р. Кумы шла дорога [8].

В самом городе Мождьжчарыке оказались купцы, знавшие русского великого князя. По повести об убиении Михаила, купцы, знавшие князя, хотели прикрыть тело его многоценными покровами и поставить в церкви со славою и честью. Неизвестно, были ли эти купцы тверичами или хотя бы вообще русскими, но от этого не утрачивается глубокий смысл самого известия. Купцы знали князя, значит, они сами или их компаньоны бывали на Севере [9]. Этим еще раз подчеркивается, какое крупное значение имел путь, проходивший по Северному Кавказу в XIV столетии, во времена Пеголотти. Интересно замечание и о том, что купцы хотели поставить тело князя в церкви, так как в данном случае имеется в виду православная церковь в Мождьжчарыке. Северный Кавказ представляется в повести населенным. Значит, маршрут от Таны до Астрахани проходил по обжитой местности, что обеспечивало относительную безопасность каравана.

Характерно, что путь из Астрахани в Ургенч (в Средней Азии) шел не морским путем, а караванным. При этом Сарайчика в устье Урала также достигали сухим кружным путем, вначале поднимаясь по Волге к Сараю-Бату и только оттуда по степи двигаясь к Сарайчику.

3

Во второй половине XIV—XV вв. торговые связи Азова с Поволжьем шли уже другим путем, через «переволоку» между Волгой и Доном. Прямым следствием освоения этого пути явился кратковременный расцвет города Сарай-Берке. Таким образом, Азов был связан не только с Донским, но и с Волжским путем.

Волга была основной артерией, связывавшей русские земли с Востоком. Поэтому и познания русских о тогдашних приволжских народах были особенно полны и точны.

---

[8] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.» М., 1957, стр. 222.

[9] ПСРЛ, т. XXV, стр. 168: «И тамо слышавше гости знаемии ему, и хотеша прикрыти плащаницами многоценными тело его». О Можарах см.: «Труды археологических съездов», т. XIV, М., 1911 (раскопки В. А. Городцова).

Начальной русской пристанью на Волге был Нижний Новгород, куда съезжалось много восточных купцов. Летопись красочно рассказывает о нападении на Нижний Новгород шайки ушкуйников. Разбойники перебили в городе много татар, «бесермен», армян, разграбили их товары, порубили кербаты, ладьи, учаны, повозки, струги — те разнообразные речные суда, на которых приехали в Нижний Новгород иноземные купцы (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 104).

Русским наиболее знакомы были земли Среднего Поволжья, тот богатый и плодородный край, который лежит при впадении Камы в Волгу, где находилась Камская, или Волжская, Болгария. В XIV—XV вв. этот край составлял часть Золотой Орды, позже здесь возникло Казанское ханство. Тесные торговые и политические связи русских княжеств с этими районами успешно развивались в XIV—XV вв. Татарские погромы прекратили существование самостоятельного Болгарского царства, но не уничтожили этнических особенностей населения Волжской Болгарии. Русские источники явно отличали живших тут «бесермен» от татар («избиша Татар множество, Бесермен и Армен»)[10]. Мы отмечаем эту особенность наших летописных источников как драгоценную деталь, которая способна разрушить легенду о прямом происхождении современных казанских татар от монголов, положивших начало Золотой Орде. Предки казанских татар пострадали от монгольского нашествия не меньше, чем другие народы.

После образования Казанского ханства сношения русских княжеств со Средней Волгой еще более усилились и стали теснее. Летопись еще отличает «бесермен» и татар в конце XV в.: «мнози же бесермени и татари» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 221), но рядом с ними появляется обозначение «казанские татары». Прекрасная осведомленность русских о казанских делах нашла свое отражение в трудах Меховского и Герберштейна, повествующих о Казанском царстве. Герберштейн, критикуя трактат Меховского, которого он называет составителем книжки о двух Сарматиях, пишет, что он «счел необходимым

---

[10] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 104; т. XXIV, стр. 124. Отождествление болгар с «бесерменами» находим и в рассказе о взятии Болгар русскими в 1376 г. (там же, т. XVIII, стр. 117; т. XXIV, стр. 133).

написать вкратце о том, что узнал сам в русских летописях и из сообщения многих людей». Действительно, то, что рассказывает Герберштейн о татарах, взято из русской летописи, принадлежавшей к разряду Воскресенской или близкой к ней по типу [11].

Русским хорошо было известно Нижнее Поволжье, территория собственно Золотой Орды. На протяжении двух с половиной столетий эта территория пережила периоды подъема и упадка. В XIV в. в Нижнем Поволжье существовали большие города (Сарай-Бату и Сарай-Берке). В XV в. эти города пустеют, и только Астрахань сохраняет прежнее значение. Однако Волжский путь никогда не терял своего значения, а в некоторых случаях использовался и для путешествий в Царьград. Этим путем, например, ездил в Царьград суздальский и нижегородский епископ Дионисий, отправившийся на речных судах по Волге к Сараю [12] (неизвестно, впрочем, о каком Сарае идет речь). Хорошее знание пути по Волге русскими купцами заметно и в «Хождении» Афанасия Никитина. В своих записках он отметил следующие приволжские пункты: Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзаны.

Сношения с Золотой Ордой и золотоордынскими городами были постоянными. В золотоордынских городах на Волге проживало значительное число русских, и этим объясняется существование особой Сарайской епископии, которая захудала только в XV в. и тогда была перенесена в Москву на «Крутицу». Память о сарайских и крутицких епископах сохранилась до нашего времени в традиционном, но бессодержательном титуле митрополитов Крутицких.

Русские хорошо знали и топографию золотоордынской столицы Сарай-Берке. Описывая мятеж, «замятню», в Орде, которая, по русским летописям, произошла в 1360 г., летописец с необычайной точностью сообщает об убиении царя Кидыря его сыном Темирьхожином, сидевшим на царстве всего четыре дня, и о различных царях, которые одновременно появились в Золотой Орде (летописец приводит их имена и рассказывает о некоторых подробностях их деятельности).

---

[11] С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 137, 138.

[12] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 128.

4

Нет ничего удивительного в том, что венецианцы и генуэзцы, придавая громадное значение Азову, стремились овладеть им, что встречало постоянный отпор со стороны золотоордынских ханов. Поэтому история Азова в XIV—XV вв. — это история постоянных переходов города из одних рук в другие, история разорений и войн.

В. Гейд в исследовании о средиземноморской торговле в Средние века отмечает, что генуэзцы осели в Тане раньше венецианцев, между 1316 и 1332 г. Хан Узбек в 1333 г. дал венецианцам грамоту на право беспошлинной торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, драгоценностями, и в ноябре 1333 г. в Тане появился первый венецианский консул Никколо Джустиниани. Во главе венецианского управления в Тане стоял консул с двумя советниками. Дела разрешались консулом совместно с татарским представителем и таможниками. В 1344 г. хан Джанибек захватил Тану и изгнал из нее венецианцев и генуэзцев. Потеря Таны вызвала в Византии нехватку зерна и соленой рыбы, в Италии цены на пряности и на шелк повысились вдвое [13].

Итальянцы владели Азовом сравнительно недолгое время, но это не означает, что итальянская колония в Тане вовсе не существовала в те годы, когда город переходил под власть Золотой Орды. С большим вероятием можно предполагать, что итальянцы жили в Тане замкнутыми колониями, которые пользовались особыми правами. В рассказе о взятии Азака (Азова) войсками Тамерлана встречаем такое необычное сообщение: «Последовал обязательный приказ, чтобы в Азаке мусульман отделили от прочих общин и отпустили, а всех прочих предали мечу джихада и, ограбив дома их, сожгли» [14]. Слова о прочих немусульманских общинах могут относиться к итальянцам, русским, армянам и евреям, жившим в Азове. Во всяком случае господство в морской торговле в Азове, несомненно, принадлежало итальянцам. Об этом говорит тот любопытный факт, что Азовское море в восточных средневековых источниках называлось Франкским. «Они опустошили и ограбили эту область до берегов

[13] W. Heyd. Op. cit., p. 181—188.

[14] «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II, М.—Л., 1941, стр. 180.

Франкского моря, называемого морем Азакским», — читаем в одном восточном сочинении [15].

Азов считался одним из крупнейших городов Золотой Орды (вместе с Сараем, Великими Болгарами и Астраханью на Волге), как это можно видеть из летописного известия об обещании литовского великого князя Витовта посадить ордынского князя Темир-Кутлая на всех тогдашних татарских царствах [16].

5

Вторым городом, который обычно посещали русские путешественники на пути из России в Константинополь, была Кафа. «Кафинским морем» иногда именовали и Азовское море, имевшее в русских источниках еще одно название — «море Сурожское». Порой даже весь Крым русские люди довольно образно, хотя и неправильно, называли «Кафинской перекопью» (от рва, «перекопи», сооруженного поперек узкого перешейка, соединявшего Крым с материком) [17].

Из всех итальянских колоний Кафа была, пожалуй, самой мощной и дольше всех оставалась в итальянских руках. Итальянцы утверждаются в Кафе в 1289 г., и господство их в Кафе продолжается два века, вплоть до взятия города турецкими войсками в 1475 г. Таким образом, история этой итальянской колонии в Крыму занимает видное место в истории Причерноморья в средневековье.

В 1314 г. в Кафе было учреждено товарищество для плавания в Черном море, которое в 1341 г. получило название Оффициум Хазарии (Officium Gazariae). Во главе стоял консул Кафы, занимавший свою должность один год; он должен был править совместно с советом.

В Кафе ко времени падения насчитывалось 400 итальянских семей. Армяне составляли $^2/_3$ населения Кафы, после армян самыми многочисленными были греки.

---

[15] Там же, стр. 181.

[16] ПСРЛ, т. XX, стр. 423. «В лето 907 князь велики Витовт Литовьскии сдумавше с царем Тактамышем поити на царя Темир Котлуя. Витовт рече: «Я тебе посажю в Орде и на Сараи и и на Болгарех и на Азтархани и на Озове и на Заятьцкой Орде» (в другом списке — «на Азове»).

[17] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 250.

Греки и армяне избирали своих епископов, но генуэзцы оказывали влияние на их избрание. Греческая церковь Кафы после Флорентийской унии была подчинена Риму.

Кафа была связана с другими крымскими городами и вела обширную торговлю, являясь, в сущности, важнейшим средневековым портом на северных берегах Черного моря. Окруженная мощными укреплениями, она сравнительно легко отстаивала свою независимость от крымских и золотоордынских ханов. В эпоху своего расцвета, в XIV и первой половине XV в., Кафа вела сложную политическую игру, поддерживая того или иного золотоордынского хана. Кафинцы, видимо, составляли основное ядро тех наемников-фрягов и армян, которые вошли в состав татарского полчища Мамая в 1380 г. После своего поражения Мамай устремился в Кафу. По русским сведениям, он прибежал в окрестности Кафы «и сослася с кафинцы по докончанию и по опасу», добиваясь, чтобы они приняли его к себе и дали ему убежище. Кафинцы согласились, и Мамай прибыл в город со множеством имения, золота и серебра. Но кафинцы, сговорившись между собою, совершили предательство, и Мамай был убит [18].

Слова о «докончании» и об «опасе» означают, что Мамай заключил (или еще раньше имел) договор с кафинцами («докончание»). Тем не менее он вступил в Кафу «по опасу», то есть по «опасной» грамоте, гарантировавшей ему безопасность. В нарушении соглашения об «опасе» и выразилось предательство кафинцев, впрочем, вполне понятное в условиях того времени. Для Кафы важно было «докончание», договор с ханом Золотой Орды, а таким ханом в это время сделался Тохтамыш. Поддерживая Мамая, кафинцы должны были вести бесполезную и изнурительную войну с новым ханом. Эти соображения, не говоря уже о корыстных мотивах и желаниях захватить богатую казну Мамая и его вельмож, и решили участь Мамая.

Позже сказание о гибели Мамая было украшено домыслами. Мамай, тайно скрывшийся в Кафе, был якобы опознан одним купцом и убит. Но верить этой второй версии о смерти Мамая трудно, так как скрыться вместе

---

[18] «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 238, 239. См. также: ПСРЛ, т. XXIV, стр. 149. Кафинцы, по летописи, «сътворивше лесть над ним», обманули Мамая.

с имуществом в небольшом средневековом городе такому видному человеку, как Мамай, было затруднительно.

Польский ученый М. Маловист отмечает существование двух путей из Москвы в Кафу (по Дону и по Волге), но считает, что в XV в. обе дороги утратили прежнее международное значение. Он полагает, что дорога из северных городов в Кафу шла через Киев, сперва на речных судах до Канева или до Черкасс, а оттуда возами через степь, к Перекопу. Маловист, впрочем, и сам отмечает крайнюю опасность такого пути из-за татарских разбоев. Отмечает он и малое количество сведений о сношениях Киева с Кафой, что вполне понятно, так как начертанная автором дорога была крайне неудобной и опасной для купцов, предпочитавших ездить из Киева к Белгороду. Путешествие на возах по голой, а кое-где и безводной степи было крайне затруднительным и в более позднее время [19].

Крупное торговое значение Кафы, конечно, нельзя объяснить существованием сухопутной дороги из Украины в Крым, хотя такая дорога и действовала; Кафа — прежде всего крупный морской порт, связанный с Таной и через нее с Донским и Волжским путями, с Крымом и соседними кавказскими странами. Такое центральное положение Кафы делало ее крупнейшим рынком рабов, свозимых туда после татарских набегов на Русь и Украину: везли рабов на продажу также из горных областей Кавказа. По подсчетам Маловиста, в самой Кафе насчитывалось во второй половине XV в. до 3 тыс. рабов. В истории рабства в средневековый период Кафа занимает видное место.

Маловист отмечает и важное значение торговых связей Кафы с Белгородом (Аккерманом). Об этом говорит в своем сочинении, относящемся к 1421 г., Гильбер де-Ланнуа. Фламандский рыцарь называет исходным пунктом своего путешествия в Крым город Белгород, или Монкастро. В этом городе, по его словам, жили генуэзцы, армяне и валахи. Поблизости от него правитель Подолии, входившей тогда в состав Литовского княжества, построил на одном из берегов Днестра новый замок.

Часть своих людей и драгоценности де-Ланнуа отправил морем в Кафу, а сам сухим путем добрался до этого

---

[19] Marian Małowist. Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475. Warszawa, 1947.

города за 18 дней на лошадях. До Кафы он добирался через Самиетту (в Крыму), местоположение которой не очень ясно. Кафа, по словам нашего путешественника, была морским портом с тремя крепостями, ее населяли генуэзцы. На галере, прибывшей из Азова, рыцарь отправился в Константинополь [20].

Русские сведения о Кафе сравнительно немногочисленны, потому что русские торговые интересы в XIV в. были сосредоточены главным образом не в Кафе, а в соседнем с ней Судаке (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 123). Однако с XV столетия русская торговля с Причерноморьем сосредоточивается уже в Кафе, и рассказ о ее взятии турецкими войсками сообщает о гибели многих русских купцов. Жители Кафы в этом столетии становятся столь известными в Москве, что именно к ним летопись применяет название «кафиньцев» и «кафеан» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 178).

Взятие Кафы турецкими войсками в 1475 г. явилось настолько приметным событием, что о нем сообщают многие русские летописи, впрочем, на основании примерно одних и тех же сведений. По летописи, турецкий султан послал войска на кораблях и на галерах против Кафы, и они в июне взяли ее и многие другие города в Кафинской перекопи [21].

По другому русскому известию, турки, взяв Кафу, многих гостей московских перебили, других взяли в плен, а иных, ограбив, отдали на выкуп [22].

Торговля по Черноморско—Донскому пути, впрочем, не прекратилась и после взятия Кафы турками, но была сильно затруднена, и русское правительство вынуждено было вести длительные переговоры с турецким султаном о положении русских купцов в Кафе.

---

[20] Я. Емельянов. Путешествия Гильбера де-Ланнуа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 годах («Киевские) Университетские известия», № 8, 1873, стр. 40—45.

[21] «Того же лета Турьскои салтан посылал рать в кораблех и в катаргах на Кафу, и пришедши и взяша ю месяца июня, и иные грады поимаша в Кафиньской Перекопи» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 303, 304). Заимствованное из греческого слово «катарга» означала галеру.

[22] «Того же лета Туркове взяша Кафу и гостей Московских много побиша, а иных поимаша и иных пограбив на окуп подаваша» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 194).

Падение Кафы явилось настоящей катастрофой для украинских городов, в особенности после того, как турецкие войска овладели Килией и Белгородом. Насколько весть о взятии Кафы турками была неожиданной и страшной, говорит любопытное известие о смерти кафинского епископа Симона в Киеве. Епископ при известии о том, что Кафа взята турками, скончался тут же за столом у киевского наместника от великой скорби [23].

6

Из всех причерноморских городов наибольшую память в русском языке оставил по себе Судак, по-русски — Сурож. Каким образом иноземное название Солдайя или Сугдея сделалось русским Сурожем, сказать пока затруднительно, но явно производными от Сурожа являются «гости-сурожане» в наших летописях, «суровский ряд» для обозначения торгового ряда, в котором продавались шелковые и другие «красные» товары. Не случайно Даль в своем словаре отводит немало места тем словам русского языка, которые явились производными от слова «Сурож». Приведем выдержки из этого словаря, которые лучше наших пояснений дадут справку о том, что понималось под названием суровский товар: «Суро́вский, суровско́й [вм. су́рожский, суро́жский] товар, шелковый, бумажный и легкий шерстяной; — ряд, где этим торгуют. Суровской ряд, мск. сурожской, шелковый, частью бумажный». К слову «Суровщина» Даль дает такое пояснение: «Суровщина, ж., суровской или сурожский товар, шелковый, бумажный, что ныне красный, аршинный товар». Слово «Сурога» разъясняется как «купец, торгующий в розницу суровским товаром». Слово это указывает на то, что название суровского товару, т. е. шелкового, вышло не от суровый, а от сурожский, откуда и сурожанин, т. е. от Азовского моря [24].

Даль ссылается только на Московский Суровский ряд, но такие же ряды, торговавшие шелковым и бумажным

---

[23] ПСРЛ, т. XVII, стр. 550 и примечание.

[24] «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля». Четвертое и значительно дополненное издание, под редакцией проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ, т. IV, СПб., — М., 1914, стб. 641, 642.

товаром, существовали и в других русских городах XVI—XVIII вв. Память о крымском Сурoже угасла, а прозвище рядов и товаров продолжало жить по традиции. И самая прочность этой традиции показывает, что торговля с Сурожем была в свое время очень важной в хозяйственной деятельности русских земель.

О большом значении Сурожа как торгового пункта говорит Ибн-Асир, называя его городом кипчаков. Разоренный монголами в 1223 г., этот город, видимо, быстро отстроился и занял видное место в Причерноморье. В красочном описании кончины владимиро-волынского князя Владимира Васильковича наряду с оплакивавшими его немецкими и еврейскими купцами упоминаются и сурожцы [25]. Название «сурожци» интересно тем, что оно обозначает жителей определенного города, а не носит характер национального прозвища, хотя тут же сказано о евреях и немцах: «Плакашеся над ним все множество Володимерцев, мужи и жены и дети, Немци, и Сурожце, и Новгородци, и Жидове». Авторы указателя к Ипатьевской летописи определили сурожцев как генуэзских купцов в Судаке, но в этом можно сомневаться, потому что таких купцов уместнее было бы назвать фрягами-итальянцами. Сурожцы поставлены в один ранг с жителями других русских городов: владимирцами и новгородцами. Невольно возникает сопоставление «сурожцев» Ипатьевской летописи с позднейшими сурожанами. Во всяком случае сурожцы и сурожане — торговые люди, купцы, притом торгующие в отдаленных странах.

В XIV в. мы уже знаем о купцах, или «гостях», сурожанах, составляющих в Москве видную корпорацию. Десять «гостей-сурожан» названы в сказании о Мамаевом побоище, как люди, которые сопровождали Дмитрия Донского в поход против Мамая. Некомат Сурожанин вел сложную политическую интригу, направленную против Дмитрия Донского [26]. В XV в. упоминания о «гостях-сурожанах» исчезают из летописей, но воспоминание о них как о корпорации остается в почетном прозвище высшего слоя московских купцов — «гости-сурожане», которые пользовались особыми привилегиями и позднее.

---

[25] «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 605.

[26] Подробнее см.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 161, 173, 210.

Казалось бы, название Сурож, или Судак, должно встречаться в наших источниках довольно часто. Но в действительности это не так. В летописях редко упоминается о Суроже. Наиболее древнее упоминание о нем как раз имеет особый интерес, так как в нем Азовское море названо морем Сурожским. Это упоминание относится к 1318 г. и помещено в повести о смерти тверского великого князя Михаила Ярославича. Позже, в XV столетии, Азовское море, как уже говорилось, именуется Кафинским морем, а еще позже к нему применяется его современное название — Азовское. Эта смена названий как бы обозначает смену торгового значения причерноморских городов: вначале на первом месте для русских купцов стоял Сурож, его сменили Кафа и Азов.

Характерно, что упоминание о Сурожском море сделано в летописи задолго до того периода, когда Сурож, или Сугдайя, перешел под власть генуэзцев, что случилось в 1365 г. До этого времени, по Гейду, греческий элемент в Судаке был настолько значителен, что городские должности в нем коллегиально пополнялись наполовину итальянцами, наполовину греками[27].

Соседняя с Судаком небольшая горная страна со столицей в Мангуп-Кале долгое время составляла особое княжество.

Причины, по которым русские купцы особенно охотно посещали Сурож, не вполне ясны. Географически это можно объснить тем, что Судак стоит в самом узком месте Черного моря, напротив Синопа, к которому шло от берегов Крыма мощное течение. Следовательно, Судак занимал выгодное морское положение. Но одной только географией объяснить рост и упадок городов затруднительно. Надо предполагать особые торговые и общественные условия, способствовавшие развитию торговли Сурожа с Россией. Такими условиями, видимо, были особые льготы, полученные русскими купцами в этом городе с его греческим населением. Итальянские власти, особенно генуэзцы, ревниво относились к своей торговой монополии, а после Флорентийской унии даже притесняли православное и армянское население, требуя принятия унии с католиками. В Судаке с его греческим населением и постоянными связями с Византийским государ-

[27] W. Heyd. Op. cit., p. 370.

ством условия для существования корпорации русских купцов, естественно, были более благоприятными. Это нашло отражение даже в православном календаре, где отмечается память Стефана Сурожского, русское житие которого появилось не позже XV в. на основе греческого текста. Попытки объявить русское житие Стефана Сурожского чуть ли не сочиненным русскими книжниками без его греческой основы не заслуживают внимания, так как в раннее средневековье факты такого сочинительства житий на Руси неизвестны.

Для развития русской торговли в Суроже могло иметь значение и то обстоятельство, что в Суроже долгое время господствовали венецианцы, а не генуэзцы. Венецианцы обосновались в Судаке уже в 1287 г. Посланный из Венеции консул считался тогда и консулом всей Хазарии. Наоборот, генуэзцам одно время запрещалось даже торговать в Судаке и Тане и проживать в них более трех дней. Венецианцы были известны на Руси уже с XII в., причем, согласно русским источникам средневековья, отношение к ним было более благосклонным, чем к генуэзцам, на которых распространялось общее понятие «фряги» — итальянцы вообще.

Захват Судака генуэзцами тяжело отразился на русской торговле в этом городе, которая начинает теперь идти через Тану и Белгород. Здесь мы и находим объяснение, почему Пимин со свитой миновал Кафу и Судак: они избегали встречи с генуэзцами. Между тем такая встреча у него произошла в Азове (Тане).

Рассказ Игнатия не дает возможности сказать, кто были фряги, арестовавшие митрополита Пимина, но можно предполагать, что в данном случае выступали генуэзцы, возможно, взыскивавшие с Пимина долги другого ставленника на русский митрополичий престол — Михаила, прозванного в наших летописях Митяем. Однако рассказ дает довольно четкое представление о порядках в итальянских колониях, где не стеснялись и с высшим духовным лицом православной церкви при предъявлении к нему денежных претензий, охраняя в то же время лиц, не связанных с денежными обязательствами.

Эпизод с митрополитом Пимином характеризует то сложное положение, которое существовало в Азове в условиях соперничества венецианцев и генуэзцев. Отсюда благодушие «старейшины» фрягов, видимо, венецианского

консула, обещавшего Игнатию и смоленскому епископу сохранность их имущества, с одной стороны, и ярость других фрягов, обрушившихся на митрополита, — с другой.

В черноморских водах Генуя и Венеция конкурировали друг с другом. Борьба между ними проходит красной нитью в истории Причерноморья, и русские торговые круги не могли остаться в стороне от этой борьбы. Есть основание думать, что именно венецианцы, а не генуэзцы, были теми самыми фрягами, которые появлялись в России в XIV в., так как русские источники мало знают генуэзскую Кафу и, наоборот, связывают русскую торговлю в Причерноморье с Таной и особенно Судаком (Сурожем). Захирение русской торговли в Суроже привело к ее усилению в Белгороде.

7

Наряду с водным Черноморско-Донским путем существовали и сухопутные дороги из России, пересекавшие степь и выводившие к морским берегам. Если Пимин ездил в Азов на речных судах, то его предшественник Михаил—Митяй двигался к Азову сухим путем. Он перебрался через Оку и пошел к Рязани. Значит, сухопутная дорога тянулась на юг по течению того же Дона и выводила к Азовскому, или Кафинскому, морю, где Митяй вместе с многочисленной свитой сел на корабль. Путешествие кончилось трагически: Митяй разболелся и умер на корабле, когда уже был виден Константинополь (ПСРЛ, т. XI, стр. 44).

Путь по степи был полон опасностей — в первую очередь в связи с нападениями разбойников. Митяй проехал степь спокойно («с тихостию»), так как Мамай велел проводить его своим татарам. Другой путешественник, Контарини, отправился из Астрахани в Москву с караваном также в сопровождении татар. Шествие по дикой степи было трудным и медленным. По ночам устраивался лагерь из повозок и выставлялась стража из трех часовых. Выехав из Астрахани 12 августа, Контарини 12 сентября вступил «с благословением божиим в землю Русскую» [28], добравшись вскоре до Рязани, которая, таким

[28] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I. СПб., 1836, стр. 89—108 (Путешествие Контарини).

образом, представляла собой центр сухопутных дорог, соединявших Россию с Азовом и Астраханью.

Торговые караваны из России предпочитали пользоваться другими, более безопасными дорогами через степь, чем путь по придонской равнине. Отправным пунктом для таких караванов из России в Крым в XVI в. был Путивль. Но источники более ранние об этом не говорят.

Обычно начальным пунктом пути из Украины в Крым был Киев. От него на лошадях добирались до Крымского перешейка — «перекопи». Возможно, что и процветание Судака в XIII—XIV вв. было связано с этим путем, пока генуэзцы не овладели почти всеми портами на северном берегу Черного моря. В период расцвета Золотой Орды караванные пути по степи были более безопасными, чем в годы ее распада. Но и в первой половине XV в., как показывает сочинение Ибн-Арабшаха (умер в 1450 г.), существовал караванный путь из Хорезма в Крым [29].

8

Основные торговые пути из Северо-Западной Руси, Белоруссии и Украины сходились к Белгороду (Монкастро, Маокастро, Аккерман) на Черном море. В некоторых случаях этим путем, как более безопасным и доступным для небольших групп путешественников, пользовались паломники в Константинополь, на Афон и в Палестину. Одно из самых ранних «Хождений» по этому западному «Белгородскому пути» засвидетельствовано в записи игумена Грефения (или Агрефения) около 1370 г. Агрефений начинает свою запись словами: «Есть же путь от Русския земли западныя, от Москвы и от Тфери, до Смоленьска» [30]. Эти слова уже сами по себе опровергают мысль, высказанную Леонидом, о смоленском происхождении Агрефения на том основании, что автор «Хождения» называет себя игуменом обители пресвятой богородицы, а такие обители во время написания «Хождения» якобы были только в Смоленске и Киеве. На самом деле такие обители существовали в это время в Нижнем Новгороде (Благовещенский монастырь), во Владимире и прочих местах.

---

[29] W. Heyd. Op. cit., p. 176.

[30] «Православный Палестинский сборник», т. XVI, вып. 3. СПб., 1896.

От Москвы до Твери и Смоленска Агрефений насчитал 490 верст. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что маршрут путешествия Агрефения шел через Тверь, а не прямо из Москвы в Смоленск. От Смоленска паломники добирались до Минска.

Агрефений указывает и другую дорогу в Белгород, начинавшуюся от Великого Новгорода. Она шла на Великие Луки, оттуда на Витебск, от Витебска на Друцк и затем на Слуцк.

По сказанию монаха Епифания, которого отождествляют с Епифанием Премудрым, автором житий Сергия Радонежского и Стефана Пермского, путь от Великого Новгорода до Белгорода проходил по следующим городам: Великие Луки, Слуцк Малый, Слуцк Великий. Под Великим Слуцком надо понимать Луцк, который часто назывался и Луцком Великим из-за его большого значения в XIV—XV вв. Епифаний, как и иные паломники, указывает примерное расстояние между городами.

Свое путешествие Епифаний совершал через Константинополь на Афон и оттуда в Палестину. Конечным пунктом его маршрута был Иерусалим[31]. Точной даты путешествия Епифания из Новгорода в Константинополь мы не имеем, но примерная дата колеблется между 1409 и 1427 г., точнее, между 1415 и 1417 г.

К Белгороду сходились и пути из Восточной Украины, как показывает «Хождение» игумена Зосимы, совершенное им в 1419—1422 гг. Он прибыл паломником в Киев и находился там полгода, после чего задумал посетить Палестину. Дальше Зосима так рассказывает о своем путешествии: «Я пошел из Киева с купцами и с вельможами великими и прошел 30 миль, а в мили пять верст, и оказался на великой реке, которая зовется Бог (Буг), тут стоит город Бряслав, и в нем стояли неделю. И пошли татарскою степью, и шли 50 миль татарскою дорогою, которая зовется «на великий дол», и оказались на великой реке под Митеревыми Кышинами, которая зовется Днестр. Тут был перевоз и граница валашская. По ту сторону (реки) пошлину за перевоз берут валахи, а по эту сторону берут тамгу великого князя Витовта, и теми (деньгами) делятся. И оттуда три дня шли по валашской стороне до Белгорода. И пребывали

[31] Там же, т. V, вып. 3. СПб., 1887.

в Белгороде две недели. Оттуда девять верст до моря. На самом устье Днестра стоит столп, который зовется Фонарь, тут была корабельная пристань. И мы нашли себе корабли, и вышли в море, и были в море три недели. И с трудом добрались до цареградского устья перед Филипповым заговеньем (14 ноября), тогда бывает футрина (буря) великая и волны страшные» [32].

Названия местностей в разных списках «Хождения» Зосимы различаются: вместо обозначения дороги «на великий дол» в некоторых списках читаем: «на великий Дон» и пр.

Генуэзцы на короткое время захватили Белгород, а потом этим городом овладели турки (1485 г.). Из записи псковского летописца о взятии Белгорода турками особенно ясно видно, какое значение для русских купцов (даже северных городов) имел этот город. Человек, сделавший запись об этом событии, имел какое-то отношение к этому городу, иначе бы он не добавил не совсем понятных для нас слов: «И не знаем, что встретит нас после этого» («и не вемы, что срящеть ны по сих»). Под тем же 1485 г. летописец добавляет, что валашский воевода Стефан и литовский король (!) Андрей вновь овладели Килией и Белгородом и пошли сухим путем за Дунай к Царьграду, кончая словами: «И не знаем, что будет затем» («и не вемы, что будет по сих») [33].

Русские путешественники жаловались на частые и опасные бури на Черном море при переезде из Белгорода в Константинополь и обратно. Но нельзя забывать и того, что такие рассказы принадлежат русским, непривычным к морю и его капризам.

9

В своей торговой деятельности русским приходилось непрерывно сталкиваться с итальянцами. И надо прямо сказать, что связи с итальянскими колониями в Причерноморье, как и с итальянцами, жившими в самом Константинополе, были плодотворными для русской культуры. В торговой деятельности эти связи нашли отражение в названиях различного рода предметов, пре-

[32] «Православный Палестинский сборник», т. VIII, вып. 3. СПб., 1889.

[33] «Псковские летописи», вып. 2. М., 1955, стр. 65, 67.

имущественно тканей и оружия, обозначаемых прилагательными «веницейский» (венецианский), фряжский. Далекий Рим в русских сочинениях обычно именовался «старым» или «ветхим» Римом, в отличие от «нового» Рима, или Константинополя. Церковные православные круги всячески разжигали ненависть к католицизму, так же как и католики яростно ополчались против православных «схизматиков». Но политические круги тогдашней России задолго до появления Софьи Палеолог в сопровождении папского легата считались с высоким положением римского первосвященника. Переговоры Ивана III с папой не были абсолютным новшеством; они только клали основу более широким международным связям России, уже складывавшейся в единое и огромное государство.

Итальянцы также появились в России задолго до Ивана III и даже проникали на дальний север[34].

В России итальянцы были известны под общим названием фрягов (множ. «фрязи»). В литературе иногда встречается утверждение, что фрягами в России называли генуэзцев в отличие от венецианцев («венидици»), но это неверно. В «Хождении» Пимина перечислены иноземцы, присутствовавшие на коронации императора Мануила: «Бяху же ту и римляне от Рима, и от Испании Немцы, и Фрязове от Галаты, и инии Цареградцы, а инии Зеновици, а инии Вениции, а инии Угри» (ПСРЛ, т. XI, стр. 102). В переводе на современный язык это будет звучать так: «Были же тут и римляне из Рима, и иноземцы из Испании, и фряги из Галаты, и другие цареградцы, а другие генуэзцы, а другие венецианцы, а другие венгры». Слово «Зеновицы» явно относится к генуэзцам, тогда как итальянские жители Галаты названы общим именем — фряги. Для испанцев же автор «Хождения» не нашел иного названия, чем «немцы», обозначив этим общим именем их отличие от остальных фрягов. Впрочем, в другом случае то же «Хождение» называет и самих фрягов, живших в Азове, немцами, видимо, понимая под этим словом иноземцев вообще.

В некоторых русских памятниках Италия носит название Фругии, а сами итальянцы именуются фругами.

---

[34] Подробнее см.: В. Г. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., ОГИЗ, 1935.

Впрочем, такое обозначение итальянцев является в русских памятниках скорее литературным, чем повседневным. Оно характерно для русского Хронографа в тех его статьях, которые имеют явно переводное происхождение.

10

Все пути из России в Средиземноморье в конечном итоге сходились в Константинополе. Город царей — «Царьград», так с давнего времени называли русские византийскую столицу в годы существования Византийской империи и в годы турецкого владычества на Босфоре. И сила традиции была столь велика, что позже турецкий султан так же почетно именовался русскими источниками «царем», как и его византийские предшественники, тогда как император Священной Римской империи всегда оставался «цесарем».

В Константинополе существовала постоянная русская колония, и «Хождения» рассказывают о встречах русских путешественников в Константинополе с их соотечественниками. Русские жили не только в самом Константинополе, но и в Галате.

Судя по тому, что там похоронили упомянутого выше Митяя, в Галате стояла русская церковь. Умершего Митяя сняли с корабля на небольшом судне, «варке» отвезли для похорон в Галату. При церкви Иоанна Предтечи жили соотечественники Игнатия, «добре» накормившие его вместе с товарищами.

Значительную часть русских, осевших в Константинополе, составляло духовенство. Многие из его числа занимались перепиской и переводом книг, и на этой категории следовало бы особенно остановиться, так как значение Царьграда для русской письменности то слишком переоценивается, то недооценивается. Но это тема особой статьи.

Здесь же отметим, что в Константинополе до взятия его крестоносцами русская торговая колония владела особым кварталом — «уболом» (embolos) [35].

Латинское господство в Константинополе и татарское иго на Руси тягостно отразились на сношениях Руси

---

[35] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 125, 126.

с Константинополем, которые стали оживляться с начала XIV в. Тогда русская колония, возможно, получила новое местожительство в Галате. В описании Константинополя начала XIV в. сообщается о том, что на праздник в церкви св. Спаса в Царьграде сходится весь Царьград «и фрязове и вси из Галаты» [36].

В Царьград ездили для закупки различного рода предметов. Дьяк Александр, ездивший в Константинополь из Новгорода, прямо пишет, что он путешествовал для «купли». Название «цареградский» для обозначения ряда изделий мы нередко встречаем в русских документах. Предметом особого восхищения служили иконы, кресты и другие константинопольские изделия церковного назначения.

Сношения России с Византией в XIV—XV вв. были гораздо более оживленными, чем предполагают обычно. И недооценка этих русско-византийских связей в литературе — это следствие не только определенных политических тенденций, но и недостаточной работы над русскими и византийскими источниками.

Русские и греки имели много общего не только в церковной, но и в культурной жизни. Традиционное изображение греков, «льстивых и до сего дни», порой застилает перед историками ту дружественную атмосферу, в которую попадали греки на Руси, а русские в Константинополе. Мы можем подвергать сомнению рассказ митрополита Киприана о внимании, которое ему было оказано константинопольским патриархом; ведь Киприану приходилось всячески подчеркивать свои связи с высшими церковными кругами Византии. Но вот перед нами рассказ Стефана Новгородца, удивляющегося радушному приему, который ему оказал патриарх Исидор: «Великое чюдо смирениа святых, не наш обычай имеют» [37]. Конечно, смирение было оплачено соответствующими подарками; сам Стефан пишет, что по константинопольским святыням не пройдешь без вожатого, «скупо или убого», везде надо заплатить за посещение святынь, но и в этом случае патриарший прием новгородского путника подчеркивает то значение, которое греки уде-

---

[36] М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, стр. 131.
[37] Там же, стр. 52.

ляли русским паломникам и торговым людям. Ведь на родине Стефану было труднее добраться до своих («наших») иерархов.

Константинополь был обязательным перевалочным пунктом для русских путешественников, направлявшихся в Палестину и на Афон. Сношения с Афоном имели не только церковное, но культурное и политическое значение для России, связывая ее с Болгарией и Сербией. Старинным русским центром на Афоне был «русский» Пантелеймонов монастырь. Татарское иго на Руси прервало постоянную помощь, которую русские земли оказывали этому монастырю, и в XIV в. заботу о нем взял на себя сербский царь Стефан Душан, указавший на тяжелое положение монастыря: «От Русие вьсеконечно оставление». Это было время подъема сербского Хиландарского монастыря на Афоне. Монастырь делается крупнейшим центром переписки славянских книг, в нем переводятся на сербский язык замечательные произведения греческой письменности. Близость сербского и русского языков создавала условия, при которых сербские рукописи распространялись и в России, где они высоко ценились.

С большим вниманием русские политические и общественные круги относились к международной обстановке в Причерноморье и на Балканском полуострове. Об этом прекрасно свидетельствует рассказ того же Игнатия о пребывании в Астравии. Митрополит Пимин задержался в Астравии на Черном море, уже в непосредственной близости к византийской столице, собирая вести о турецком султане Амурате, о его войне с сербским царем Лазарем. Сидение в Астравии продолжалось несколько дней. Астравские люди сообщили об исходе битвы и убиении султана Мурата (Амурада), о том, что в Турецкой земле произошел великий мятеж и смущение многое («и мятежь бысть велий и смущение много в той стране»). Астравия в это время находилась уже в турецких руках, о чем пишет и сам Игнатий: «Были мы в Турецкой державе» («бехом в Турской дръжаве»). Игнатий привел и рассказ о битве на Косовом поле, имеющий большое значение, поскольку был записан со слов рассказчиков вскоре же после трагического события.

Намеки на события в Причерноморье мы встретим и во многих русских сочинениях средневековья; источником их нередко были константинопольские круги. О значении

связей России с Византией можно было бы написать целую книгу, здесь же мы ограничимся лишь кратким выводом.

Россия и Византия в XIV—XV вв. были связаны торговыми путями, имевшими важное международное значение. Эти пути сохранили свое значение и в более позднее время, в период турецкого господства в Причерноморье. Так называемая «проблема Черного моря», которая иногда ставится в зарубежной литературе, неразрешима без знакомства с водными и сухопутными дорогами из России к Черному морю и их конечному пункту — Константинополю.

К ВОПРОСУ О ВЫПИСИ О ВТОРОМ БРАКЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ III

*

К числу любопытнейших памятников XVI в. принадлежит известная «Выпись изъ государевой грамоты, что прислана къ великому князю Василию Ивановичу, о сочтаніи второго брака и о разлучении первого брака чадородія ради. Твореніе Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря». Под таким названием этот памятник был напечатан в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» (1847, № 8).

Строев в «Библиологическом словаре» приписал авторство выписи Паисию Ярославову (стр. 222), в неопределенной форме это же утверждение повторил В. С. Иконников [1]. Несколько подробнее говорит о выписи Е. Е. Голубинский. Останавливаясь на том месте выписи, где говорится, что наследник Василия от второго брака будет мучителем, Е. Е. Голубинский заключает, что «сказание составлено не ранее второй половины правления Грозного» [2].

Надо заметить, что все исследователи строили свои предположения, опираясь на текст, напечатанный по двум рукописям, принадлежащим Погодинскому собранию (№ 38) и Московской Синодальной Библиотеке (№ 347—466). Но уже Строев знал еще один список выписи, XVII в., находившийся в библиотеке Флорищевой пустыни. Выпись также почти целиком вошла в житие Максима Грека, изданное С. А. Белокуровым по рукописи XVIII в. [3]

В моем распоряжении были еще два списка выписи, которые позволяют мне осветить этот памятник с не-

[1] В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2. Киев, 1915, стр. 455, 456.

[2] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я пол. М., 1900, стр. 733.

[3] С. А. Белокуров. О библиотеке Московских Государей. М., 1899, стр. LV—LXV.

сколько новой стороны. Первый из них — сборник XVII в. из собрания Чудова монастыря за № 355. Здесь, на лл. 276 об.—290, помещена — «выпис(ь) о первомъ и о втором браце, что прислана к великому кнзю Васил(ь)ю Ивановичю о сочтании 2-г(о) брака и о разлучении 1г(о) брака. Творение Паисѣино старца Серапонскаго мнтря». Отличаясь только заглавием, этот список повторяет печатный текст и дает только незначительные варианты. Гораздо интереснее та же выпись, которую находим в очень сложном по составу «Летописце князя Хворостинина», пол. XVII в. (Уваровское собрание, № 1386 (116), лл. 301—307).

Заглавие выписи в «Летописце» почти такое же, как и в напечатанном тексте, но название монастыря иное — «творение Паисѣино старца *Серапонскаго* мнтря». Список интересен своими особенностями, сохранившими более исправный текст, чем в напечатанном списке. В дальнейшем я буду ссылаться на поправки Хворостининского летописца. Указанные списки в настоящее время принадлежат Государственному Историческому музею в Москве.

Заглавия всех списков, как мы видим, очень сходны. Но как объяснить разницу в наименовании монастыря, в котором жил Паисий? В двух списках монастырь назван «Ферапонтовым» (Синодальном и Погодинском), в двух других «Серапонским» (Чудовский и Хворостининский), список Флорищевой пустыни занимает среднее место, в нем монастырь называется «Ѳерапонским». В тексте выписи еще раз упоминается «Серапонский» (в печ. Ферапонтов, стр. 5) монастырь в числе Афонских монастырей.

О каком же Афонском монастыре идет речь? Обращаю внимание на одно летописное известие. В 1518 году в Москву прибыли афонские старцы, «а напередь тѣхъ старцовъ за годъ пришелъ отъ святыхъ 40 мученикъ от Ксиропотама монастыря Исаія священноинокъ Сербинъ». В другом списке той же Никоновской летописи монастырь назван иначе — «Ксиропонтама» (ПСРЛ, XIII, 28). Название — монастырь Ксиропотама для русского слуха было достаточно сложным: так, в Воскресенской летописи название того же монастыря совершенно искажено «отъ Зиропта», «отъ Ксиропта» (ПСРЛ, VIII, 263).

Монастырь Ксиропотама носил и другое наименование. В сказании о святогорских монастырях второй половины XVII в. читаем: «Монастырь Ксеропотамъ, Серапотанъ тожъ. Храмъ святыхъ великомучениковъ 40 — а иже в Севастіи пострадавшихъ; строеніе святаго апостола Павла Серапотанскаго» [4].

На Афоне был и другой монастырь, носивший название Ксиропотама, но еще более известный под наименованием св. Павла. Сведения об этом монастыре находим в одной греческой книге, посвященной истории Афона (Το ἁγιου ὄρου, ἐυ' Αθήυαις, 1903). Автор говорит о монастыре святого Павла: «горный поток, выбегающий из вершины Афона, называется Ксиропотамос, от которого получил первое название монастырь (св. Павла), называемый (монастырь) Ксиропотама, откуда и святой Павел, ктитор современного Ксиропотама или Хлоропотама, назван Ксиропотамским» (стр. 599). Следовательно, и этот монастырь, построенный Павлом Серапотанским, мог носить название «Серапотанского» монастыря. Думаю, что Серапотанский монастырь может быть отождествлен с Серапонским монастырем нашей выписи. Так этот монастырь и назван в тексте выписи, изданном Белокуровым: «Серапотанский монастырь Святыя горы» (стр. LXI).

Подтверждение мысли об афонском происхождении Паисия находим в той же греческой книге. Здесь (стр. 123, 124) издан акт, датированный 1544 годом. Под актом читаем подписи представителей Афонских монастырей, среди которых находим подпись — Παίσιος ἐκ τοῦ αγιου Παῦλου (Паисий от святого Павла), сделанную по-славянски (σλαυιστί). У нас есть известное право видеть в этом Паисии автора нашей выписи. Признание Паисия старцем одного из Афонских монастырей позволяет нам несколько по-иному отнестись к самой выписи. Прежде всего удовлетворительно объясняется наличие в выписи ряда непонятных слов: они могли быть заимствованы из какого-либо восточного языка и до неузнаваемости искажены. Заглавие также испорчено: слова «выпись изъ государевы грамоты, что прислана къ великому князю Василію Ивановичу» — бессмысленны, их нет в Чудовском

[4] Арх. Леонид. Рассказ о Святогорских монастырях архим. Феофана. Издание Общества Любителей Древнерусской письменности, 1883, стр. 9.

списке, несомненно, они вставлены позднее. Кроме того, памятник потерял уже рано начало и конец; в настоящем своем виде — это, действительно, только выпись. По составу памятник тоже мозаичен и распадается на три части: первая говорит о деле Васьяна Косого, вторая — о послании патриархов, третья — о соборах на Афоне. Все эти части основаны на различных источниках и только соединены общей темой.

Когда же была составлена выпись? Автор путает соборы 1526 и 1531 гг. (см. у Е. Е. Голубинского), следовательно, он писал после 1531 года. Но рядом с этим у Паисия находим хорошее знакомство с действующими лицами и их яркую характеристику. Для примера я приведу два места выписи, по Хворостининскому Летописцу, так как списки, послужившие к печати, дают здесь искаженный текст. Выпись такими чертами описывает положение Васьяна при дворе: «Держашу ж ему (Василию III) старца во обители зовомой в Симонове мнтрѣ Вас(ь)яна Косого от рода кралскаго кнзъ Івановъ снъ Юр(ь)евича а в мире его звали кнзъ Василей Іванович Косой, а был он у отца его великого кнзя Івана Васил(е)евич(а) боярин за ради бѣседы дшевныя а не сокровенно от него нечтож» (л. 302). Еще ярче изображается участие митрополита Даниила: «и вскоре ж епистолия доиде ко гдрю от патіархъ і великому гдрю о сем скорбь велия палѣжит и посылаетъ отца своего дховнаго к митрополиту сь епистолиею именем Василия протопопа Блговѣщенского. Митрополит же взя и прочет г(лаго)ла во своеи странѣ нечестива имѣет цря, да блажит его сего ж нашего гдря православнаго, укаряет но сну Василие великому гдрю учини блгословение и возмем на ся всем вселѣнскимъ собором и блгословим творити ему тако о чем печал(ь) имѣет» (л. 305 об.). Имя Василия протопопа пропущено в печатном тексте, и можно подумать, что митрополит говорит с самим Василием III. Совершенно точно очерчен и круг соучастников митрополита: арх. Иона, Досифей Сарский, Васьян Топорков, известен сведеный дьяк Трифон Ильин, дьяки Андрей Гостев и Семен Плешивый. На хорошее знание автором описываемых событий указывает и следующее: автор

точно называет султанов, правильно указаны Афонские монастыри, правильно назван Иерусалимский патриарх Марк. Наконец, последнее замечание. На соборе в Ватопедском монастыре первым держит речь «Гавріилъ, и глаголетъ сице отецъ великіи, прота и учители» (стр. 6). В тексте, изданном С. А. Белокуровым, к имени Гавріил добавлено — «инокъ, Мстиславичъ». По-видимому, Гавриил был протом Святой горы. В упомянутой выше греческой книге читаем, что в 1527 г. протом Святой горы был «Гавриил иеромонах» (стр. 112).

Как же теперь объяснить хронологическую путаницу памятника? Ее можно объяснить только тем, что выпись писалась по памяти или с рассказов людей, знакомых с событиями. Помнились характеристики действующих лиц, падение Васьяна естественно ставилось в связь с разводом великого князя, но даты были забыты и слились уже в одно целое. Можно, впрочем, точнее указать время составления выписи. На него указывает известное место выписи о том, что сын от второго брака будет мучителем. Выражения — «грабитель чюжаго имѣнія», «будутъ въ та лѣта убиванія многа и муки», «затоцы безъ милости», «мнози гради огнемъ попрани будутъ» — не надо обязательно переносить в глубь второй половины XVI в., — они могут относиться и к ранней молодости Ивана IV. «Дела разбойнические», попаление Москвы «презельным огнемъ», «неисповѣдимое пленение» отъ татар случились при молодом Иоанне, до прибытия Сильвестра[5]. Эти несчастья могли побудить Паисия к составлению выписи, которая, таким образом, датируется 1545—1547 гг.

Может быть, выпись была уже известна и Курбскому, который тоже связывает судьбу Васьяна с разводом Василия III, говоря вначале о заточении Васьяна, а потом уже о рождении Ивана IV. Слова Курбского о разводе — «аще и возбраняюще ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ» — можно сопоставить с рассказом выписи о соборе афонских старцев (там же, стб. 3—5).

---

[5] Князь Курбский. История о великом князе Московском, СПб., 1913, стр. 5—9.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЕРБИЯ

*

Сношения России с южнославянскими странами начались давно, но изучались преимущественно со стороны культурных связей. В этой статье постараемся показать, что за этими культурными связями скрывались крупные политические интересы [1].

Сербы и болгары обращали взоры к Москве не потому только, что их церкви и монастыри получали оттуда богатые дары, но и в силу естественного тяготения к единственному славянскому государству, получившему полную независимость от «агарян» (то есть мусульман), к государству, достигшему высокой степени могущества и славы, к государству, которое сделалось естественным покровителем порабощенных южнославянских народов. Например, старцы Афонского Пантелеймонова монастыря были так убеждены в значении мощной поддержки русского царя, что просили Ивана IV ходатайствовать перед султаном об облегчении податей в таких словах: «Мощно тебе царю и государю, солнцу христианскому, второму Константину на земли, сие дело доспеть своим царским приказом, ибо слышали от наместников турецких: если бы царь Московский до нашего султана Сулеймана послал посла и грамоту, чтоб с вас дани не брались и вернули вам пашни, какие поотнимали греки, и отдали бы вам записи крепкие, то бы вас никто ничем не трогал» [2].

В свете этих фактов становятся достоверными слова одного итальянского автора, писавшего в 1575 г.: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции поклоняются имени великого князя Московского, так как они принадлежат к тому же самому греческому вероиспове-

[1] Эта статья является частью главы из большой работы о связях России с южными славянами.

[2] «Сношения России с Востоком по делам церковным» (далее — «Сношения России»), ч. I. СПб., 1885, стр. 67—69.

данию и не надеются, что их освободит от турецкого рабства чья-либо рука, кроме его». Несколько позже эти слова почти буквально повторяет другой автор XVI в.: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции весьма преданы Московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти» [3]. Приведенные слова дополняются некоторыми другими сведениями, которые обнаруживают стремление московских государей к династическим связям с греческими и сербскими владетельными родами, еще сохранявшимися в начале XVI в., связям, подлинное значение которых осталось неизвестным нашим историкам.

В 1509 г. к великому князю Василию Ивановичу прибыли из Сербии три старца с письмом от белградского митрополита Феофана и бывшей деспотицы Ангелины, вдовы деспота Стефана. Митрополит просил о помощи белградской митрополии, ибо «попустил благий господь сербское господство в руки иноплеменных и монастырь сей долу низвергся и оскудела милостыня и нет милователей».

Из дальнейшего выясняется, что белградская митрополия получала помощь уже от Ивана III, что у нее нет иного ктитора, кроме русского государя, ибо сербские деспоты умерли, «ныне же деспот латинские веры, не хочет о нас печись, как и сам писал вашей милости, передавая монастырь сей вашему благочестию».

В свою очередь деспотица Ангелина послала к великому князю священноинока Евгения «с некоторыми речами и сообщала о желании построить церковь в честь Иоанна Златоуста, с тем чтобы положить в ней тела «мужа моего святаго деспота Стефана и святаго деспота Иована, сына моего». В ответ на эти просьбы великий князь велел послать богатую милостыню: «Ангелине — 4 сорока соболей и 4000 белок, митрополиту — 3 сорока соболей, 3000 белок и серебряный ковш» [4].

Кто эта деспотица Ангелина и чем объясняется участие к ней московского великого князя? Объяснение этому находим в сербских летописях, по которым Ангелина была

---

[3] А. Л. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, стр. 145, 146.
[4] «Сношения России», ч. I, стр. 22.

женою сербского деспота Стефана, ослепленного по приказанию султана Мурада. После смерти Стефана, который «по мнозех злостраданных кон(ь)це жизны, приемлеть», Ангелина с сыном Иоанном стала владеть Сремом (Сирмией), преданным ей венгерским королем, где центром зависимого сербского княжества сделался город Купиник. После смерти Иоанна (Иована) король передал Срем другому деспоту «по племени своему господствовать», тогда как Ангелина с другим сыном Георгием, принявшим в иночестве имя Максима, переехала к волошскому воеводе Иоанну Радулу, увозя с собой гробы Стефана и Иоанна, признанных святыми [5].

Так сербские летописи поясняют нам неясный текст грамот, записанных в посольских книгах.

О роде Ангелины написал интересную статью сербский историк Иларион Руварац, по словам которого Ангелина была дочерью албанского князя Аранита или Арианита Комнина [6], имевшего трех сыновей и восемь дочерей (одна из дочерей была замужем за албанским вождем и героем Скандербегом).

Для истории сношения русских с южными славянами не безразлична дальнейшая судьба Ангелины и ее детей. Максим, постриженный в монахи, уже в 1503 г. был приглашен занять угровлахийский митрополичий престол, что случилось при воеводе Радуле IV. При его преемнике Михне I (1508—1510) митрополит возвращается в Срем, в основанный им здесь Крушедольский монастырь, но при господстве Негу Бессараба (1513—1518) снова должен был вернуться в Бессарабию. Максим скончался в 1516 г. в Крушедоле, куда возвратился из Валахии [7]. Эти переходы, по-видимому, были связаны с политическими переменами в отношениях между Венгрией, Валахией и Турцией. Может быть Максим пытался сделать белградскую митрополию опорой для сохранения сербского влияния на территории, подвластной Венгрии, пока Белград еще не был взят турками.

---

[5] Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. 42, 43.

[6] «Зборник Илариона Рувараца». Београд, 1934, стр. 36—40.

[7] Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдаво-Валашской. М., 1871, стр. 357.

Действительно, есть указание на то, что дети Ангелины претендовали на роль последних сербских деспотов. Иларион Руварац указывает на евангелие, написанное в Сланкамене (Сремe) «в дни благочестивых и христолюбивых деспотов серьбьских Юрья и Ивана и матере их Ангелины и отца их Стефана». Дата и само содержание записи неясны: возможно, они переданы в испорченном виде, но интересно указание на то, что запись писал Елисей, дьяк из «Подольского Каменца», то есть с Украины. С этим вполне согласуется другая надпись, уже более несомненная. Толковый апостол Хиландарской Лавры на Афоне писал: «Андрей русин из града Санока (в Галиции) повеленьем попа Гюрга протопопи Сланькаменского» [8]. Эти связи последних остатков полузависимой Сербии с Галицией объясняют дальнейшее родословие потомков Стефана и Ангелины. Деспот Иован (1502 г.) был женат на Елене Якшич. От этого брака родились три дочери: одна из них вышла замуж за волошского воеводу Петра, другая — за князя Ивана Вишневецкого, третья — за князя Федора Владимирского. Так перед нами выясняются пути появления отпрысков сербских знатных родов на Украине. Елена Якшич, видимо, прочно основалась на Украине и притом не одна. Ее сестра, Анна, вышла замуж также за украинского магната — князя Василия Львовича Глинского. От этого брака родилась Елена Глинская, мать Ивана Грозного.

В так называемом Руварчевском родословце (в Карловицкой патриаршей библиотеке) читаем следующие строки о роде Якшича: «Якшићи беху больши вельможи у царь и у кралевь и у воиводи србскыихь даже и до деспоть; и от племене ихь и от родовь ведеше се кралевскаго. Стефань воевода роди Марка воеводу и Стефана три дащери: кнегиню Глиньскую и Елену деспотицу и Ирину госпожду, иже бисть за мужемь за херцегомь господаремь Миклеушемь Баошикемь на западнему поморию, и роди са нею Николу херцега, инначе жив в удое своемь, и вельми храбарь, и доброродань собою.

Вьтора же дащи Стефана Якшића кнегиня Анна, иже ю поеть за себе кнезь Василие Лъвовичь ва Литовскому кралевству. И роди кнезь Василие и кнегиня Анна велику кнегиню Елену. По томь благоверний господарь кнезь

[8] «Зборник Илариона Руварацa», Београд, 1934 стр. 386, 387.

Василие Ивановичь самодржаць васеи Русии поеть себе супружницу, великую кнегиню Елену и роди от нее два сина: цара и великаго кнеза Ивана, самодрьшца васей Русии, по истине великаго Константина, еже ваздвиже новаго и въскреси венаць царски васего новаго Исраиля и поискавь древньняго васего отачаского наследия и благолепия. Понеже прежде Елена царица србскаго роди цара Константина благочестиваго васем грекомь, на последакь же вьтора Елена царица, велика кнегиня срьбска, роди цара и великаго кнеза Ивана Васильевича самодрьжца васеи Руси, надежду васего новаго Исраиля. И вътораго роди сина кнеза Георгиа, иже и почи о господи. По томь третиа дащерь Стефана воеводе Якшића, сестра Аннина, кнегине Глинской, бисть за деспотом Иоаннемь, србьским господаремь, яко же више рехомь о ней зи. Потомь Марко воевода, син стараго воеводе Стефана Якшића беше благообразань и васакимь благочастием украшень, томь же родань беше брать кнегине Глинской. И он оженив ие от Венеције и роди трии дащери и сына, и онъ почи о господи и са синомь его. А ина же госпожда его Поликсениа с трими дащерми обладаеть землею и градовими даже до последнихь в Угарской земли и проча» [9].

Приведенное родословие носит все черты достоверности и осведомленности автора и было составлено неизвестным сербом. Мною недавно найден был новый список этого родословия XVII в. в Историческом музее в Москве. Из него выясняется, что родословие было обращено к какому-то из русских царей, возможно, Михаилу Федоровичу.

По всем данным, родословие написано в Крушедольском монастыре, основанном митрополитом Максимом, и является памятником, весьма любопытным по своей направленности.

Вместе с тем оно нам освещает по-новому брак Василия с Еленой Глинской. Мы видели выше, что Василий одарил дарами Ангелину и ее сына митрополита Максима. Следовательно, он не мог не знать о происхождении матери своей второй жены княгини Глинской. Вступая в брак с Еленой, великий князь получал возможность связаться с многочисленной южнославянской родней своей молодой

---

[9] Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. «Зборник за историју, језик и књижевност српског народа», отд. I, књ. XVI, стр. 56, 57.

жены. Таким образом этот брак совсем не был прихотью старевшего Василия, а имел некоторые политические последствия. Здесь мы находим объяснение и тому волнению, которое известие о браке Василия с Еленой вызвало на Афоне.

Сохранилась выпись о втором браке Василия Ивановича, осуждающая его развод с первой женой Соломонией Сабуровой и брак с Еленой Глинской. В другой своей статье нам удалось доказать происхождение этого памятника из Серапонтанского монастыря на Афоне, а также реальность рассказа выписи о спорах в афонских монастырях по поводу развода. Споры происходили при проте афонских монастырей Гаврииле, названном в одном списке выписи Мстиславичем. По одной записи 1535 г. прот Гавриил переводил книги с греческого на сербский язык («приведошесе Гавриилом священомонахом и препротом Святие Гори от грчские книги на србскую»)[10]. Значит, Гавриил был сербом и протом Афона в 1535 г. Споры же о разводе происходили за 10 лет до этого. Часть афонских монахов яростно возражала против развода и в их числе был знаменитый Максим Грек, живший в это время уже в Москве. Выпись и вслед за ней Курбский уверяют, что монахи выступали против развода только по чисто церковным мотивам, но есть основание думать, что суть споров лежала глубже. Афонские старцы естественно могли опасаться перемены московской политики по отношению к Турции из дружелюбной во враждебную, к чему могли тянуть московского великого князя его связи с сербскими владетельными родами. От этого бы пострадали афонские монастыри. Могла быть и другая, менее важная причина — боязнь греческих монахов большей поддержки интересов славянских монастырей на Афоне со стороны Василия III в ущерб греческим. Можно не верить рассказам, что Максим Грек посылал грамоты к турецкому паше с призывом воевать русские земли[11], но ревность Максима Грека в деле развода Василия III могла быть вызвана не только чисто принципиальными мотивами.

Надеждами на изменение русской политики по отно-

[10] Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. 3, Београд, 1905.

[11] М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в, «Московский край в его прошлом», ч. 2, 1930, стр. 112.

шению к Турции объясняется посольство папы Климента VII в 1526 г., тотчас после брака Василия III с Еленой, с призывом к войне с турками [12]. Что родственные связи русских государей прекрасно учитывались на Западе, известно по сношениям России с Синаем. В 1516 г. в Москву приехал старец Климент и привез грамоту от игумена монастыря св. Екатерины на Синае Даниила. С тем же старцем пришла грамота от деспота Карла, который подписался так: «сестричичь и сын царствия твоего, Карл, деспот Артский, и Сербский». Арта (Амбракия) в северной Греции была довольно значительным пунктом. Синайский старец ехал домой через Италию, а это объясняет нам, почему Климент поехал обратно из Москвы в Синай через Новгород и Данию [13]. Имя сестричичь, каким себя называет Карл, указывает на его родственные связи с матерью великого князя Софьей Палеолог.

Русские летописцы вообще проходят мимо многих фактов, которые могли бы объяснить неясные моменты в нашей истории. Так, указание родословца на свадьбу князя Ивана Вишневецкого с дочерью сербского деспота Иована вскрывает нам мотивы перехода Дмитрия Ивановича Вишневецкого на сторону Москвы, так как Дмитрий также оказался в родстве с Иваном Грозным. В 1557 г. Дмитрий Вишневецкий перешел на службу московского царя [14]. Этот переход ничем не мотивирован в наших исторических источниках, между тем он приобретает новый смысл в свете приведенного родословия, так как Вишневецкие были не только родственниками Глинских, но и обладали владениями в непосредственной близости от их земель. Таким образом в движении на юг против Крыма была заинтересована влиятельная царская родня по матери Ивана IV. Вишневецкие оказались в Москве по родству с Глинскими, так как Иван Вишневецкий и Василий Глинский были женаты на родных сестрах. Поэтому появление спустя полвека Дмитрия Самозванца у Вишневецких могло быть делом не только случая, но и прямого расчета. Самозванный царевич появился не просто у польского магната, а у отдаленного царского родственника.

[12] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII, изд. 2. СПб., 1819, стр. 141.
[13] «Сношения России», т. I, стр. 33—39.
[14] С. М. Соловьев. История России, кн. I, изд. «Общ. польза», [б. г.], стр. 100—106.

В другой своей статье постараемся объяснить сложный ход исторических событий, приведших к появлению Лжедмитрия в Гоще, что было связано с политической интригой папского двора, польских магнатов и австрийских императоров. В этой интриге вопрос об участии России в войне против Турции играл роль пробного камня для Бориса Годунова. Отказ участвовать в войне оказался роковым для Бориса и ускорил признание польским правительством самозванца.

Отметим здесь же, что известные слова Пересветова о Петре, волошском воеводе, печалившемся об Иване IV и непорядках в России, рисуются также в новом свете, поскольку мы теперь знаем, что Петр был свойственником русского царя. Оказавшись в родстве как с византийским царственным домом последних Палеологов, так и с сербскими деспотами, Иван Грозный занял особое положение на Ближнем Востоке. Мы видели, как сербское родословие называет Ивана надеждой всего нового Израиля, который, «поискав древнего всего отеческого наследия и благолепия, воскресил венец царский». Речь идет, конечно, не только о русском венце, а также о венце греческом и сербском.

В конце XVI в. тот же взгляд на русского царя как наследника древних православных царей проводится в деле о приезде в Москву тырновского митрополита. Позже Соборная грамота от константинопольского патриарха Иеремии об учреждении в России патриаршества гласила, что патриаршество учреждается в России потому, что «один только на земле ныне царь великий и православный» [15]. В другой грамоте Иеремия писал «самодержавному святому царю нашему всея Русии», употребляя титул «святой», применявшийся ранее по отношению к византийским басилевсам [16].

Тырновский митрополит Дионисий не отмечен в числе южнославянских иерархов у Е. Голубинского [17], а между тем его приезд в Россию имел, видимо, не только церковное значение. Дионисий вел свой род от византийских императоров Кантакузинов и Палеологов, что подтверждалось патриархом Иеремией. Позже, в 1603 г., тот

[15] «Сношения России», т. I, стр. 236.
[16] Там же, стр. 240.
[17] Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдаво-Валашской. М., 1871.

же Дионисий был в Москве в качестве посла императора Рудольфа II для переговоров «о великих делах, тайных государевых» [18].

Первый приезд Дионисия стоял в тесной связи с крупным освободительным движением, которое в это время охватило южнославянские страны [19]. Это движение вылилось в 1594—1595 гг., в форму открытого восстания. В Тырнове был провозглашен царем мнимый потомок бывшей болгарской династии. Когда превосходящее по силам турецкое войско обрушилось на болгар, мнимый Шишманович с приверженцами спасся в Россию. Следует отметить, что восстание в Болгарии, поддержанное трансильванским воеводой Баторием и волошским господарем Михаилом Витезулом, происходило одновременно с войной русских с крымскими татарами [20]. Среди беженцев из Болгарии надо предполагать и Дионисия, иначе он не мог бы появиться в Москве в качестве посла Рудольфа — врага Турции. Война с Турцией была тем «тайным делом», ради которого его послал император к русскому царю.

Близкие сношения русских с южными славянами в XVI в. по-новому объясняют нам некоторые явления в культурной жизни Московского государства. Как известно, в 1564 г. московский печатный двор выпустил первопечатный Апостол. Впрочем, название первопечатного может быть оставлено за этой книгой только условно, потому что существует несколько печатных книг, выпущенных московскими типографиями явно до 1564 г., только без выходных листов, то есть без указания места и времени их выхода. По всем данным, московское печатание началось примерно в 1553 г., вскоре после взятия Казани, когда для вновь завоеванной страны понадобились церковные книги. Печатниками первых русских книг были Иван Федоров и Петр Мстиславец, русские по происхождению, но само печатное мастерство было заимствовано откуда-то с Запада. Это «откуда-то» объяснялось по-разному в наших исторических трудах. Значительное количество исследователей шло по проторенной дороге и отыскивало корни московского книгопечатания

[18] «Сношения России», т. I, стр. 305.
[19] Hijbl. Dejíny naroda bulharského. W Praze, 1930, str. 283.
[20] К. И. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 604—606.

в Германии, основываясь главным образом на характере заставок и миниатюр первопечатного Апостола. Однако, существование безвыходных московских изданий, вышедших ранее 1564 г., заставляет нас обратиться к изучению этих настоящих первенцев русского книгопечатания. Тогда выводы будут иные, так как безвыходные московские издания по своим заставкам и украшениям близки к венецианским и южнославянским изданиям. Московские печатные книги, как и южнославянские, не имеют титульных листов и сохраняют дорогую киноварь. Вернейшим указанием на южнославянскую или венецианскую традицию является то обстоятельство, что московские печатные мастера в XVII в. употребляли итальянские, а не немецкие термины. В самом послесловии к первопечатному Апостолу 1564 г. читаем, что Грозный «начат помышляти како бы изложити печатные книги, яко же в Грекех и в Венецыи и во Фрягии», и ничего не говорится о немецких странах[21].

Приведенное выше родословие Ивана Грозного по-новому освещает пути проникновения печатного мастерства в Москву. Печатание славянских книг в середине XVI в. довольно интенсивно производилось в Сербии и Венеции. Местом книгопечатания в Сербии был Милешев монастырь, где иноки Мардорий и Федор напечатали Следованную Псалтырь в 1544 г., а в следующем году диакон Дамиан и Милан выпустили Молитвослов. Второе издание Следованной Псалтыри было выпущено в Милешевом монастыре в 1557 г. Другим центром печатания книг был Белград, где упомянутый ранее Мардорий издал Евангелие в 1552 г., но особенно многочисленны были венецианские издания Божидара Вуковича. Как раз в типографии Божидара в 1538 г. был издан Соборник, заставки которого близки по типу к украшениям московских безвыходных евангелий[22]. Оживление сербской типографской деятельности совпадает с началом московского книгопечатания. Теперь, когда мы знаем о родстве Ивана Грозного с сербскими владетельными родами, этот факт уже не кажется случайным. Наша догадка о связи

[21] М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания. «Ученые записки Московского государственного университета», вып. I, 1941.

[22] И. Сахаров. Обозрение славяно-русской библиографии, т. I, кн. 2, СПб., 1849.

сербо-венецианской типографской деятельности с началом московского книгопечатания найдет некоторое подтверждение еще в одном факте. Известно, что первопечатник Иван Федоров был дьяконом собора Николы Гостунского в Кремле. Между тем Никольский собор играл роль центра просвещения в Москве в середине XVI в. В 1551 г. «смиренный в священно презвитере Иаков, бывшей протопоп Благовещенской, Николы Гостунского, а во иноцех старец Иосиф Чюдова монастыря» подарил толковое евангелие в богородичин монастырь в «сербьской земле во власти Босанской, глаголется Папратя», послав его с игуменом Григорием с братьею [23]. Монастырь «Попрача» находился в северо-восточной Боснии [24]. Загадочно выражение «протопоп Благовещенской, Николы Гостунского», так как речь идет о двух церквах. Дело, кажется, можно объяснять так, что протопоп Благовещенского собора, он же царский духовник, был ранее настоятелем собора Николы Гостунского, а дьяконом Николы Гостунского был первопечатник Иван Федоров. Так неожиданно перекидывается мостик от Николы Гостунского в Сербию, от московских первопечатных изданий к сербским и венецианским типографиям.

Случайная запись сербского летописца вскрывает перед нами любопытную страницу в истории русско-сербских отношений, показывая, как далеко в прошлое идут связи, соединявшие сербов с русскими, братские народы Югославии с Россией.

---

[23] Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. 3, Београд, 1905, стр. 157.

[24] Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. 4, Ср. Карловици, 1923, стр. 52.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУССКОГО НАРОДА С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПОЛОВИНЫ XVII В.

*

Глава первая

СЛАВЯНЕ И АНТЫ

Современная историческая наука считает предками славян многочисленный народ венетов, или венедов. Впервые о венедах говорит римский историк Тацит в своем сочинении о Германии, написанном в самом конце I в. нашей эры. Более подробно сообщают о них во второй половине II в. греческий физик и географ Птолемей, знавший даже Венедский залив Сарматского океана, т. е. Балтийского моря. Что позднейшие славяне действительно были потомками древних венедов, можно заключить из слов готского историка Иордана, писавшего в V в.: «От истока р. Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами» [1].

Это свидетельство Иордана показывает, что в его время славянские народы были известны под тремя именами: венедов, склавин и антов. В другом месте своего сочинения Иордан прямо пишет: «Они, как мы установили в начале изложения, именно в перечне народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени: т. е. венеды, анты и склавины» [2]. Перед нами три ветви, положившие начало делению славянских народов на славян западных, южных и восточных.

Под именем венедов были известны западные славяне.

---

[1] А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. — «Вестник древней истории». 1941, № 1, стр. 232.

[2] Там же.

В средние века немцы называли славян вендами, или виндами, как они до сих пор называют этим именем словинцев Крайны, Хорутании и Штирии[3]. Даже во второй половине XIX в. потомки славян, населявших Люнебург в северо-западной Германии, при переписях определяли свой язык, как вендский (wendische Sprache), хотя фактически говорили по-немецки.

Западная ветвь славянских народов, или венеды, отделилась от общего ствола славян раньше, чем произошло разделение на склавин и антов. Об общем происхождении последних помнили еще византийские писатели VI в. Один из них, Прокопий, утверждает, что славяне (склавины) и анты — один и тот же народ, с одинаковыми обычаями и образом жизни, «можно сказать, у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы... некогда даже имя у славян и антов было одно и то же»[4].

В VI в. границей поселений антов и склавин считался Днестр. По определению Иордана, «склавины живут от города Новиетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра»[5]. Итак, анты занимали территорию между Днестром и Днепром. Где кончались поселения антов на севере, неизвестно, хотя Днепр едва ли служил точной границей для распространения антов на восток. В этом смысле интересны наблюдения, сделанные профессором Погодиным над эпиграфическими материалами, относящимися к римскому времени в северном Причерноморье. Он отмечает среди большого количества имен варварского происхождения на посвятительной таблице III в. в Керчи имя Антас Паппиу (Antas Pappiu), в котором можно видеть «славянина, уже огреченного, насколько это было возможно в эту пору в Керчи». Имена «Ант» и «Онт» были распространены среди венгров, находившихся в теснейшей связи со славянами. Наконец, на Танаидской надписи II—III вв. читаем имя Хороатос,

---

[3] См. Н. В. Ястребов. Лекции по истории западных славян. Изд. 11-е (литографированное), стр. 11—16.
[4] А. В. Мишулин. Указ. соч., стр. 237.
[5] Там же, стр. 232.

или Хоруатос, что сопоставляется Погодиным с названием славянского племени хорватов [6].

Основная масса антов, по-видимому, жила, как показывает Иордан, между Днестром и Днепром. Впоследствии в этом районе находились два восточнославянских племени — уличей и тиверцев. Русский летописец еще помнил, что уличи и тиверцы жили по Днестру и по Бугу, примыкая к Дунаю и к морю, «бе множьство их, седяху бо по Днестру оли до моря» [7]. Итак, позднейшая область уличей и тиверцев в основном совпадала с областью расселения антов, которые были их предшественниками и предками.

Анонимный автор перипла (маршрута) между Дунаем и Днестром, составленного в V в., называет пункты Антифилу и Кремниской [8]. Последнее название явно сближается со славянскими названиями — Кременец или Кременск, а первое с племенным названием антов. При более тщательных поисках могут обнаружиться другие топографические названия, сохранившие в своих корнях указания на существование антов.

В VI в. поселения славян и антов примыкали друг к другу и разделялись только Днестром. Память о том времени, когда славяне жили в непосредственном соседстве с Дунаем, еще была свежа в Киевской Руси. По словам летописи, «по мнозех же временех» славяне расселились по Дунаю, где во времена летописца находились «Угорьска земля и Болгарьска» [9]. Дунай хорошо запомнился в русском песенном творчестве и даже в народной поговорке: «Дунай река вельми широка» [10]. За Днестром и Дунаем находились поселения склавин (славян), заселивших Балканский полуостров. Родовое имя славян сохранилось у всех трех ветвей многочисленного славянского народа, показывая его исконное происхождение. От него происходят названия словаков в Чехословакии и словинцев в Югославии. На севере Руси имя словен

---

[6] См. А. Погодин. Эпиграфические следы славянства. «Русский филологический вестник», т. XLVI, Варшава 1901 стр. 1—4.
[7] ПСРЛ, т. 1, СПб., 1846, стр. 5.
[8] См. Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 199.
[9] ПСРЛ, т. I, стр. 3.
[10] И. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи, М., 1848, стр. 105.

обозначало большое племя у берегов озера Ильменя: «... словени же седоша около езеря Илмеря, прозвашася своим имянем» [11].

Если принять во внимание, что склавины были предками южных славян, в том числе болгар, сербов и хорватов, тогда как от антов пошли восточные славяне, то начало исторических связей русского народа с южными славянами надо отнести к очень отдаленным временам. Они коренятся в родственном происхождении этих народов, в общности их языка, нравов и обычаев, в общей борьбе с врагами уже на первых порах их политической жизни. Перед нами две разросшиеся ветви, которые отходят от одного могучего ствола. Воспоминание о единстве славянских народов с необыкновенной четкостью было выражено летописью, неоднократно упоминающей, что некогда существовал единый народ, говоривший на славянском языке: «бе един язык Словеneск», к нему принадлежали и славяне на Дунае, и мороване, и чехи, и поляки, и русские [12].

Византийские писатели VI—VII вв. неоднократно упоминают о врагах, угрожавших Византийской империи с севера. Многочисленные племена склавин и антов непрерывно переправлялись через Дунай и заставляли империю напрягать последние силы в борьбе за Балканский полуостров. Борьба эта была для греков в известной мере безнадежна, так как с каждым годом число врагов увеличивалось, а силы империи ослабевали.

Первые бесспорные свидетельства о движении славянских племен за Дунай к Эгейскому морю восходят к началу VI в. К половине этого столетия славяне продвинулись уже до берегов Адриатического моря, а большой славянский отряд в 6 тысяч человек вторгся в Северную Италию. К концу VI в. славяне появляются в Греции и оседают в Морее. «Так путем периодических частичных вторжений отдельных славянских орд Балканский полуостров ко второй половине VII в. был уже сплошь занят славянскими племенами, не объединенными пока еще в одно национальное политическое целое и жившими каждое в отдельности своими родами независимо друг от

---

[11] ПСРЛ, т. 1, стр. 3.
[12] Там же, стр. 11.

друга» [13], — говорит о славянском заселении Балканского полуострова филолог-славист, академик Н. С. Державин. Произошло великое историческое событие: самый большой полуостров Южной Европы сделался славянским. Недаром же византийский император Константин Багрянородный, живший в X в., вынужден был признать, что в его время весь Балканский полуостров ославянился.

В войнах славян с Византийской империей анты принимали постоянное и деятельное участие. О мировом значении этих войн говорит в своей книге академик Б. Д. Греков. По его мнению, славяне участвовали в перекройке политической карты Европы и Азии, основав на развалинах древнего мира свои новые государства [14].

В этой великой перестройке принимали участие и предки восточных славян — анты, сыграв, таким образом, свою роль в крушении рабовладельческого древнего мира. Основное направление движущегося потока антов шло с севера на юг. В этом нас убеждают наблюдения, проведенные чешским славистом Первольфом, над именами племен у восточных и южных славян. На Балканском полуострове находим славянское племя смолян, живших по нижнему течению реки Места [15], впадающей в Эгейское море. Племя драговитов (друговитов) жило поблизости от Салоник. Совершенно под тем же именем известны у Константина Багрянородного другие драговиты, жившие на Руси, т. е. дреговичи русской летописи. Наконец, северцы, или северяне, жили в районе Балканских гор [16], тогда как могущественное племя северян населяло на Руси бассейн Десны и Сейма.

Совпадение названий племен у восточных и южных славян — явление показательное для характеристики взаимности склавин и антов. Не менее показательна топонимика южных славян, которая порой до точности совпадает с русской: Белград сербский и Белгород под Киевом, Вышеград, взятый Василием II в Болгарии, и Вышгород

---

[13] Н. С. Державин. Болгарско-сербские взаимоотношения и Македонский вопрос, СПб., 1914, стр. 24.

[14] См. Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 19.

[15] См. В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2. София, 1927, стр. 328.

[16] См. К. И. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 146—149.

под Киевом, село Дебрище в районе Прилепа и русский Дебрянск (Брянск), Моравск на реке Морава и Моровийск на Днепре и т. д. Все примеры взяты нами только из источников болгарской истории IX—X вв., количество их можно было бы удесятерить, но и без того ясно выступает необыкновенная близость южнославянской и русской топонимики. То же сходство находим в области прозвищ и имен южных славян и русских: Владимир — сын болгарского царя Бориса, Владислав (Иван — Владислав) — болгарский царь, Мирослава — дочь царя Самуила, Светослав — хорватский король и т. д. Из названных имен только Мирослава требует некоторого пояснения. Женское имя Мирослава на русской почве неизвестно, но мужское имя Мирослав упоминается в «Новгородской летописи».

Итак, исторические связи русского народа и южных славян восходят уже к начальным векам нашей эры, они являются отражением исконного родства одного и того же народа, разбившегося на две громадные ветви.

Последние упоминания об антах относятся к концу VI в., после чего имя их исчезает со страниц византийских источников. По-видимому, произошла какая-то большая катастрофа, которая уничтожила воспоминание об антах. Такой катастрофой, вероятно, было нашествие авар, пришедших из Азии и в половине VI в. утвердившихся в Паннонской низменности. Аварское владычество тяжело сказалось на славянах, и воспоминание об аварских насилиях над славянами дошло до русского летописца, вписавшего в свой труд такую характеристику авар: «быша бо Объре телом велици и умом горди» [17].

Утверждение владычества авар произошло не без кровопролития. В этом смысле большой интерес имеют слова византийского писателя первой половины VII в. Феофилакта Симокатты. Он сообщает, что аварский «каган, получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском, с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян» [18]. Неожиданный союз антов и греков обнаруживает наличие какой-то организации среди антов — союза племен, образовавшегося для отпора страшному врагу. Напомним здесь же, что зародыши по-

[17] ПСРЛ, т. I, стр. 5.
[18] А. В. Мишулин. Указ. соч., стр. 268.

добной организации замечаются у антов еще в IV в.; Иордан рассказывает, что готский вождь Винитар напал на антов, «распял вождя их, по имени Божа, с сыновьями и 70 старшими вельможами» [19]. Речь явно идет о войне готов с объединенным племенем антов во главе с их вождем Божем.

Некоторые славянские племена подчинились аварам и вместе с ними совершали набеги на Византийскую империю, другие оказали ожесточенное сопротивление и были уничтожены или покинули прежние места своего жительства.

До прихода Аварской орды анты жили поблизости от Дуная. Имя антского вождя Божа можно связывать с названием реки Буг и племенем бужан, а существование двух рек с названием Буг, одна из которых течет на север (Западный Буг), а другая на юг (Южный Буг), причем верховья этих рек почти сходятся, указывает на древний путь, шедший по этим рекам, которые казались как бы единой водной дорогой. Приход авар нарушил размещение антских племен, из которых самые воинственные не захотели подчиниться новым господам. Воспоминание об этом передвижении вятичей и их соседей — радимичей сохранилось в нашей летописи.

А. А. Шахматов считал, что передвижение вятичей и радимичей произошло после падения Аварской державы в конце VIII в., когда авары отступили в бассейн Вислы и заставили ляшские племена, в том числе радимичей и вятичей, двинуться на восток [20]. Критикуя теорию Шахматова, академик Ю. В. Готье отмечает присутствие радимичей в районе Могилева уже в половине VIII в., т. е. раньше разгрома Аварской державы Карлом Великим. Он же предлагает искать причины перемещения славянских племен в господстве гуннов, готов и авар, что заставило «некоторые энергичные и предприимчивые восточно-славянские, «антские» племена искать спокойствие на угрюмом, но более безопасном севере» [21]. С этим выводом надо согласиться.

---

[19] А. В. Мишулин. Указ соч., стр. 233.

[20] См. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, стр. 37—39.

[21] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л. 1930, стр. 219.

Глава вторая

УЛИЧИ И ТИВЕРЦЫ И ПОХОДЫ РУСИ НА ЦАРЬГРАД

Можно предполагать, что далеко не все антские племена ушли на север. В непосредственной близости к Дунаю в VIII—X вв. летопись указывает племена уличей и тиверцев. По словам «Лаврентьевской летописи», «Улучи, Тиверьци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви; бе множьство их, седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь» [22]. Это известие дополняется «Ипатьевской летописью: «Оуличи» и тиверцы сидели «по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеви, и бе множьство их» [23]. Слова «Ипатьевской летописи» о поселениях уличей и тиверцев по Бугу и по Днепру находят подтверждение в Радзивилловском и Троицком списках. Поэтому надо думать, что «Лаврентьевская летопись» исправила текст самостоятельно, на основании каких-либо источников, так как о Днестре надлежало упомянуть, говоря о племенах, примыкавших к Дунаю.

Неясное место «Повести временных лет» разъясняется «Новгородской летописью», где читаем: «Игорь же седяше, в Киеве княжа, и воюя на Древяны и на Угличе. И бе у него воевода, именемь Свенделд, и примучи Углече, възложи на ня дань, и вдасть Свенделду. И не вдадяшется един град, именем Пересечен; и седе около его три лета, и едва взя. И беша седяще Улице по Днепру вниз, и посем приидоша межи Бог и Днестр, и седоша тамо» [24]. Если принять во внимание, что в основе «Новгородской летописи» лежал начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет», то показания ее будут для нас особенно интересны. Тогда история уличей, или угличей, предстанет перед нами в таком виде: первоначально они жили в низовьях Днепра, а позже поселились между Бугом и Днестром.

---

[22] ПСРЛ, т. I, стр. 5.
[23] ПСРЛ, т. II, стр. 9.
[24] «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888, стр. 7, 8.

На место поселения уличей указывает название их города Пересечена. Уже известный русский ученый Надеждин отметил существование в Бессарабии местечка Пересечино, на большой Кишиневской дороге в 26 *км* от Оргеева. Правда, историк Барсов дополнительно называет другие селения со сходным именем — Презичени и Пресычина к юго-западу от Бухареста на реке Аржис [25], но это малоубедительно, так как нет указаний на такое далекое проникновение уличей на запад. Гораздо интереснее указание на распространение названия Пересечень в придунайских областях, так как оно несомненно взято из славянского языка.

О передаточной роли, которую играли в культурной жизни славян уличи и тиверцы, свидетельствует даже их прозвище — «толковины», что значит переводчики, толмачи. Летописец добавляет, что страна, населенная уличами и тиверцами, называлась у греков Великой Скифией. Между тем известно, что Малой Скифией у них же именовалась Добруджа, отчего и византийские писатели так охотно называют русских скифами или тавроскифами. Перед нами тот же район, который был населен, по словам Иордана, антами, — между Днестром и Днепром. Поэтому в уличах и тиверцах можно видеть прямых потомков антов. Само имя тиверцев может быть сопоставлено с греческим названием Днестра — Тирас.

Летописец писал на основании каких-то неизвестных нам источников, может быть византийского происхождения, откуда он заимствовал название Великой Скифии, но об уличах и тиверцах знают также Константин Багрянородный и баварский анонимный географ X в. Показания Багрянородного особенно важны, так как он писал тогда, когда, по русской летописи, уличи и тиверцы были еще сильными племенами. Уличи были ему известны под именем ултинов, подвластных Руси. Они жили в непосредственном соседстве с печенежским округом Явдиертим: «округ Явдиертим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с Ултинами, Дервленинами, Лензенинами и прочими Славянами» [26]. Здесь любопытны слова

---

[25] См. Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Изд. 2-е. Варшава, 1885, стр. 96—100.

[26] «Известия Государственной академии истории материальной культуры» (ГАИМК), вып. 91. М.—Л., 1934, стр. 16.

о соседстве с древлянами и печенегами. Следовательно, древляне жили значительно южнее, а уличи севернее, чем это обычно показывается на наших исторических картах. Видимо, уличи непосредственно граничили с печенегами. Багрянородный отмечает существование на правой стороне Днестра остатков опустевших городов. Возможно, что речь идет о тех же городах, остатки которых приписаны нашей летописью уличам и тиверцам — «суть гради их и до сего дни».

Что касается баварского анонима X в., то, по его сведениям, тиверцы имели 148 городов, а уличи, «народ многочисленный, городов 318» [27].

Само имя уличей, как мы видели, варьируется в разных известиях: улучи, уличи и угличи — в летописи, ултины — у Константина Багрянородного. Из этих имен А. А. Шахматов решительно выбирает имя угличей, следуя более ранним авторам.

В свое время болгарский славист М. С. Дринов отметил, что место, где, по византийским известиям, осела Болгарская орда во главе с Аспарухом, называлось Онглон (Oglum, Onglum) — «нет сомнения, что это та небольшая территория, что заключена между рр. Прут, Дунай и Черным морем». Дринов сближает название Онглон со славянским угол (ѫгълъ), что у древних славян должно было звучать близко к онгол. От слова «угол» получили свое имя угличи. Позже та же область называлась у татар «буджак, что также значит угол» [28]. М. С. Дринов доказывает, что немногочисленность Болгарской орды, осевшей у берегов Дуная, объясняет ее быстрое растворение в славянской среде.

По-видимому, Болгарская орда впитала большое количество славянских элементов уже во время пребывания на северном берегу Дуная. Этим объясняется быстрое подчинение болгарам славянских племен, живших к югу от Дуная.

В XI—XII вв., когда составлялась русская летопись, уличи и тиверцы уже сошли с исторической сцены. В X в.

---

[27] П. И. Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. 1. М., 1848, стр. 216.

[28] Трудове на М. С. Дринова по Българска и Славянска история. «Съчинения на М. С. Дринова», т. I. София, 1909, стр. 45, 46.

они уже живут между Днестром и Бугом и далее на запад до самого Дуная, а на юге «оли до моря». Однако это уже новые места их поселений, ранее они жили на низовьях Днепра. Что же их заставило переселиться на запад? Видимо, какой-то сильный толчок в виде надвигавшихся кочевых орд, шедших с востока. Едва ли этой ордой были авары, ибо память о переселении уличей и тиверцев была еще свежа в X—XI вв. Вероятно, передвижение уличей и тиверцев с берегов Днепра на запад к Днестру и Дунаю произошло в связи с движением болгар. В VII в. болгары оказываются в непосредственном соседстве с Дунаем. По мнению Златарского, болгары поселились в дельте Дуная на современном Георгиевском острове, где их хан Аспарух устроил укрепленный лагерь. Однако против этого справедливые возражения делает Баласчев на основании слов Феофана, что болгары поселились к северу от реки Дуная. Он отвергает и представление Златарского о малочисленности Болгарской орды, перешедшей в 679 г. Дунай и осевшей в Мизии [29].

Появление болгар в Придунайских степях не могло пройти бесследно для славян; между болгарами и славянами должны были сложиться дружественные или враждебные отношения. Сохранившиеся известия об отношениях болгар и дунайских славян, каково бы ни было происхождение Болгарской орды, позволяют думать о возникновении союза болгар и славян, направленного как против авар, так и против греков. Во всяком случае болгары и славяне сражаются вместе против византийских войск. Например, в 680 г. византийский император совершает поход против славян и болгар, в 696 г. болгарский царь Тервелий направляет в поход «подвластные народы болгар и славян».

Создание Болгарского государства должно было отразиться на положении восточнославянских племен, соседствовавших с Дунаем, и имело важное значение для истории Русского государства.

Вопрос о начале Русского государства не входит в задачи нашего исследования, но нельзя не отметить тот факт, что все летописные и иностранные свидетельства

[29] Върху държавност и военно устройство на старобългарската държава. «Българо-Македонско научно списание», кн. 1. София, 1909, стр. 112—116.

связывают историю России X в. не столько с севером, сколько с югом.

Русские и болгарские историки одинаково игнорируют постановку вопроса о связи южных славян с русскими в эпоху, предшествующую известным походам Святослава. В действительности же и походы Святослава и более ранние походы Олега и Игоря на Царьград становятся понятными только в свете болгаро-русских связей IX—X вв., связей, которые неизменно шли через страну уличей и тиверцев.

Движение по великому водному пути «из Варяг в Греки», вообще говоря, было невозможно без согласия болгар, так как он проходил вдоль берегов их государства. Русские суда доходили до устья Дуная и оттуда шли к Месимврии, на западном берегу Черного моря, как об этом говорит Константин Багрянородный. «От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине, — все эти места находятся в Булгарии, — от Дичины достигают области Месимврии»[30]. В некоторых случаях болгары оповещали Византию о движении русской флотилии, как это было в 941 г.

Представляется весьма странным, что походы Олега на Царьград не нашли никакого отражения в южнославянских и греческих памятниках. Это тем более странно, что они по времени совпадают с царствованием болгарского царя Симеона, через владения которого должен был проходить со своим войском Олег, двигаясь к Царьграду.

Приведем несколько фактов в подтверждение того, что сношения Руси с Болгарией поддерживались уже в первой половине X в. В своем письме к болгарскому царю Симеону, написанном в конце 922 г., константинопольский патриарх Николай Мистик угрожает Симеону нашествием венгров, печенегов, аланов и русских: императоры «не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских, и другие скифские племена, пока последние не истребят болгарский народ совершенно»[31]. Конечно, патри-

[30] «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 10.

[31] В. Н. Златарски. Писмета на патриарха Николая Мистика. «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XII, стр. 150 и 155.

арх писал о вполне мыслимой возможности, иначе зачем было бы писать победоносному царю Симеону, стоявшему под стенами Царьграда, о возможности нападения русских?

В 941 г., по нашей летописи, во время похода Игоря на Царьград «послаша Болгаре весть ко царю, яко идуть Русь на Царьград скедий 10 тысящь»[32]. В 944 г. болгары опять посылают весть в Царьград о движении русских в союзе с печенегами. Есть предположение, что летопись сообщает дважды об одном и том же походе Игоря на Царьград по двум различным источникам, но и в этом случае факт осведомленности болгар о движении русских войск остается несомненным. Летописное известие о походе 941 г., по мнению А. А. Шахматова, было заимствовано из жития Василия Нового, в славянском переводе которого также говорилось, что весть о движении русских пришла от «болгар», тогда как в греческом тексте эта подробность отсутствовала.

На гораздо большее участие русских в болгарских делах, чем это принято думать, указывает одно место в хронике Феофана, до сих пор почему-то оставленное без комментариев историками. В 765 г., по словам Феофана, византийский император Константин Копроним «двинул флот, состоящий из двух тысяч судов, против Болгарии и сам, сев на русские суда, намеревался плыть к реке Дунаю, оставив при теснинах военачальников конных войск, чтобы они, пользуясь оплошностью болгар, вторглись в их землю»[33]. Феофан умер в 818 г., ничто не указывает на позднейшую интерполяцию в тексте, но без особых изысканий не будем настаивать на том, что место о русских кораблях принадлежит самому автору, хотя в этом случае мы имели бы самое раннее упоминание о Руси. Одно несомненно, что русские суда-однодеревки были хорошо известны в Византии и применялись для походов в Болгарии.

Походы Олега и Игоря стояли в определенной связи с событиями на Балканском полуострове, хотя нам еще трудно установить характер этой связи.

Поблизости от села Нарышкей в 20 *км* от Салоник была открыта мраморная колонна, в верхней части кото-

---

[32] ПСРЛ, т. I, стр. 18.
[33] А. В. Мишулин. Указ. соч., стр. 280.

рой имеется попорченная греческая надпись в 5 строк. Содержание надписи расшифровывается Ф. Успенским таким образом: «В лето от сотворения мира 6412 (т. е. 904 г. — *М. Т.*) индикта 7 граница Ромеев и Болгар при Симеоне в бога князе болгар, при Феодоре, Олгу таркане, при Дристру комите». Ф. Успенский читает четвертую строчку «при Феодоре Олеге тракане», сближая названного в надписи Феодора с боярином Феодором, посланным царем Симеоном в Византию для переговоров о выкупе пленных. Особенно важен вывод названного исследователя об имени Олег: «Должно думать, что это было языческое имя и притом старославянское, ибо трудно предполагать присутствие норманнского элемента в тогдашней Болгарии» [34].

Существование таких имен, как Олег и Ольга, на юге Руси и на Балканском полуострове, вне их связи с норманнами, может представляться несообразным только таким историкам, которые не исследуют, а проводят в своих работах определенную тенденцию. Между тем известно, что наша Ольга значится на севере под именем Аллогии, а не Хельги (Helga), какое ей приписывается некоторыми исследователями. В лицевой рукописи Иоанна Скилицы, хранящейся в Мадриде, изображен прием Ольги императором, причем Ольга названа Ульгой [35] в соответствии с ее летописным именем. В связи с этим некоторый интерес вызывает свидетельство одного русского летописца о происхождении Ольги из Болгарии. Напомним здесь летописную версию о происхождении Ольги из Пскова (Плескова) и одновременное существование города Плискова, т. е. того же Плескова, в Болгарии. С точки зрения исторической вероятности привод жены к Игорю из болгарского города Плискова понятнее, чем появление Ольги из Пскова, о котором более ничего не известно в X в., хотя все высказанное нами выставляется только в порядке предположения.

Близость болгарских и русских обычаев в IX—X вв. подчеркивается и одинаковым способом клятвы у обоих народов. Русские, по нашей летописи, «полагають щиты

---

[34] Ф. Успенский. Две исторические надписи. «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. III. София, 1898, стр. 180—194.

[35] См. «Византийский временник», т. VII. СПб., 1900, стр. 599.

своя и мече свое наги... и прочая оружья, да кленутся о всем»[36]. Из ответов папы Николая I на вопросы болгарского царя Бориса узнаем о таком же обычае у болгар. «Вы утверждаете, — пишет папа, — что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-либо делу, класть перед собой меч, им и клялись»[37]. Клятва мечом была наиболее распространенной среди болгар.

В договоре же Игоря с греками в 945 г. найдем имена, которые только при особой натяжке могут быть признаны скандинавскими. Таково имя Тудор (Турдов), распространенное в Болгарии. Сомнительно, что имя Борич (или Бирич) принадлежало к числу норманнских, особенно принимая во внимание Боричев увоз под Киевом.

Действительно, направление походов первых русских князей, Олега и Игоря, на юг в область уличей и тиверцев находит себе объяснение в постоянных связях Болгарии с Русью. Обозначая на карте границы Болгарского царства IX в., В. Н. Златарский включает в него южную часть Бессарабии между Днестром и Прутом, тогда как царство Симеона ограничено на севере течением Дуная[38]. К сожалению, В. Н. Златарский даже не ставит вопроса об отношениях между Русью и Болгарией в первой половине X в. А этот вопрос надо было бы поставить, если принимать показания наших летописей о войнах Олега и Игоря с уличами и тиверцами. Ведь летописный Пересечен должен был не только находиться в ближайшем соседстве с Болгарией, но, по представлениям самого же Златарского, прямо входить в ее состав. Нельзя также не остановиться на другом вопросе. Каким образом походы Олега и Игоря на Царьград могли пройти незамеченными в Болгарии, мимо берегов которой тянулись ладьи русских и по территории которой должны были итти воины, шедшие в поход Олега, по летописи, «на конех»?

---

[36] ПСРЛ, т. I, стр. 22.

[37] В. Н. Златарский. Клятва у языческих болгар. «Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности», ч. 1. СПб., 1907, стр. 251—260.

[38] См. W. N. Slatarski. Geschichte der Bulgaren, Bd. 1. Leipzig, 1918, приложенные карты.

Мы отмечали уже три летописные даты походов Олега: 907, 911 и 922 гг. Наиболее достоверна дата 911 г., когда был заключен договор Олега с греками[39]. Договор не имеет никаких намеков на враждебные отношения между русскими и греками, за исключением слов: «по первому убо слову да умиримся с вами Грекы... и не вдадим, елико наше изволение быти от сущих под рукою наших князь светлых, никакому же съблазну или вине»[40]. Общий же текст договора говорит скорее о дружелюбных, чем враждебных, отношениях между русскими и греками. Во всяком случае никаких указаний на осаду Царьграда русскими в 911 г. мы не имеем. В этом случае показание летописи о том, что договор с греками был заключен посланными Олега, находит подтверждение в его тексте, как и слова летописи о послах, заключивших договор: «иже послани от Олга великаго князя Рускаго, и от всех, иже суть под рукою его светлых бояр»[41]. Рассказ о походе Олега на Царьград носит несколько необычные черты. По словам летописи, удачные действия Олега навели испуг на греков, которые говорили: «Несть се Олег, но святый Дмитрий, послан на ны от Бога»[42]. Последние слова летописца невольно останавливают внимание. Речь идет о Дмитрии Солунском, почитание которого было развито среди южных славян. Уже одна эта черта заставляет искать в источнике летописного рассказа балканское происхождение.

Однако о войнах Олега с Византией сообщает еще один источник, недавно только окончательно вошедший в научный обиход. В письме неизвестного еврея, относящемся к X в., говорится о борьбе хазарского царя с византийским императором Романом: «А Роман (злодей послал) также большие дары Х — л — гу, царю Русии, и подстрекнул его на его (собственную беду). Хазарский полководец Песах будто бы победил Х — л — гу и заставил того итти и воевать против Константинополя. Х — л — гу воевал четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал

[39] См. А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. «Труды Отдела древне-русской литературы», т. IV. М.—Л., 1940, стр. 117, 118.
[40] ПСРЛ, т. I, стр. 14.
[41] Там же, стр. 13.
[42] Там же, стр. 12.

он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его» [43]. П. Н. Коковцев, комментируя текст письма, отмечает, что в тексте стоит слово «Paras», что, может быть, искажено из первоначального «Tiras». Последнее слово толковалось в еврейских средневековых сочинениях как Фракия. «С нашим контекстом можно сопоставить рассказ летописи Нестора об аналогичном отступлении Игоря к Фракии после его поражения греками в 941 г., когда точно так же решающую роль сыграл знаменитый греческий огонь» [44].

Время похода Олега на Царьград и время его гибели отнесено ко времени императора Романа Лекапина. Уже В. А. Пархоменко отметил важность приведенного документа как датирующего время жизни. Олега царствованием Романа [45]. Действительно, «Новгородская летопись», знающая только об одном походе Олега, датирует этот поход 922 годом, но указанный год был весьма знаменательным в истории Византии. Летом 922 г. болгарский царь Симеон осадил Константинополь. После долгой осады византийской столицы был заключен мир между греками и болгарами. Современники упрекают Симеона в страшных опустошениях: во Фракии и Македонии он «сжигал жилища и рубил деревья». 9 сентября 923 г. произошла встреча Симеона с Романом. Болгары тщательно осматривали место встречи, боясь измены или засады. После беседы Симеона и Романа болгарский царь получил богатые дары [46].

Весь приведенный рассказ сильно напоминает рассказ летописи о походе Олега на Царьград. Олег разбивает палаты и сжигает церкви, Олегу выносят отравленное вино и пищу, Олег вешает свой щит на вратах Царьграда в знак победы и заключает мир с греками. Совпадение же года похода Олега с временем осады Царьграда царем Симеоном заставляет думать, что летопись не случайно отнесла поход Олега к 922 году. Поход Симеона и его

---

[43] П. Н. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 118—120.

[44] Там же, стр. 120.

[45] См. В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924, стр. 75, 76.

[46] В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 465—467.

необыкновенная удача, может быть, станут понятны, если мы признаем возможность участия Олега в походе Симеона. Тогда летописная дата похода и еврейское сообщение о смерти Олега во Фракии найдут себе обоснование.

Глава третья

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА В БОЛГАРИЮ

Важнейшим моментом в истории политических отношений между Русью и Болгарией были походы Святослава. Внешняя история этих походов освещена в трудах византийских писателей, а отчасти в нашей летописи. Это дает возможность с известной полнотой представить последовательность событий.

В исторической науке нет единой точки зрения по вопросу о характере и значении походов Святослава в Болгарию. В этом смысле особенно характерно мнение новейшего исследователя Киевской Руси академика Б. Д. Грекова. Значение Святослава в русской истории ставится Б. Д. Грековым высоко. «Итак, — пишет он, — Святослав — это крупный политический деятель, а не просто предводитель бродячих удальцов, ведущий походы с целью поживиться на чужой счет. Конечно, тогдашние войны в значительной степени преследовали и эту цель, но этим одним нельзя ограничиться, иначе мы неправильно поняли бы политическую роль Святослава и международное положение Руси. Его деятельность связана с восточными и западными странами, он включился в крупнейшие и сложнейшие вопросы тогдашней политики» [47]. Болгарский ученый В. Н. Златарский, далеко не склонный переоценивать связи Болгарии с Русью, отмечает государственную политику первых русских князей, стремившихся завладеть главными морскими путями на Азовском и Черном морях [48]. В отличие от русских историков, Златарский говорит, что Святослава немало при-

[47] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939, стр. 241.
[48] См. В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 575.

влекала «и сама Болгария, богатство и торгово-географическое положение которой не были неизвестны русским» [49]. Выводы крупного болгарского ученого Златарского заслуживают всяческого внимания, так как походы Святослава действительно были следствием знакомства русских с Болгарией и ее богатствами, прямым доказательством связей русских с южными славянами.

Впрочем, в истории войн Святослава на Балканском полуострове имеется еще одна черта, не отмеченная до сих пор в исторической науке: связь похода Святослава с внутренним положением Болгарского царства. Долгое царствование Петра Симеоновича (927—969) было временем медленного, но неуклонного падения Первого Болгарского царства. Безвольная политика Петра, женатого на византийской царевне Марии, в конечном итоге привела Болгарское царство к гибели. Тотчас же после смерти отца Петр заключил (в 927 г.) мир с византийским императором Романом, признавшим за болгарским властелином царский титул, но поставившим его в неравноправное положение. По тому же миру империя обязалась выплачивать в пользу болгар ежегодную дань. Однако кажущиеся выгоды заключенного мира сводились на нет политикой нового царя, против которого возникла сильная оппозиция болгар. Уже в 928 г. против Петра подготовлялось восстание, во главе которого стояли «Симеонови велможи», по мнению Златарского, лица, проникнутые политическими взглядами покойного царя и недовольством новой политикой его преемника. Заговорщики предполагали свергнуть Петра и возвести на престол его младшего брата Ивана, но заговор был открыт и претендент пострижен в монахи [50].

В 930 г. произошло новое восстание во главе со старшим братом Петра, Михаилом, постриженным в монахи еще при жизни отца [51]. Близкие отношения болгарского двора с византийским престолом были непопулярны в Болгарии. К тому же внутреннее состояние Болгарии было крайне неустойчивым. Сильное развитие боярского землевладения приводило к обеднению зависимых крестьян,

---

[49] В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 577.
[50] Там же, стр. 537.
[51] Там же, стр. 538.

или так называемых «париков», страдавших от боярского гнета. К этому прибавлялись постоянные религиозные распри и сильное развитие богомильства [52]. Таковы были условия, которые подготовили падение Первого Болгарского царства.

Появление Святослава в Болгарии, как известно, связано с приездом к нему посольства от византийского императора Никифора II Фоки. Незадолго до этого (в 963 г.) Никифор оскорбил болгарских послов, явившихся в Константинополь за получением обычной дани, и тем самым ясно показал свои намерения. Однако поход греков в Болгарию (в 966 г.) не увенчался успехом и показал, что болгары обладают еще достаточными силами для сопротивления. Тогда Никифор прибегает к обычному средству византийской политики — натравливанию одного народа на другой.

Послом к Святославу был выбран херсонесский начальник Калокир. Выбор Калокира был вовсе не случаен. Дело не только в том, что он был человек дерзкий и хитрый, как его рисуют византийские писатели, но и в том, что Херсонес был тесно связан с Русью. Сын херсонесского начальника (по Златарскому) — «син на херсонския протевон, т. е. на първенеца, на градския глава (кмета)» [53], возможно, был знаком не только с русскими вообще, но и знал их обычаи, а может быть, и язык. Какие обещания дал Калокир, не вполне ясно. Лев Диакон уверяет, что Святослав «согласился начать войну против Мисян (т. е. болгар. — *М. Т.*), с тем чтобы покоря их страну, оставить ее за собою», а Калокиру помочь овладеть престолом [54].

Златарский правильно указывает, что византийские источники не объясняют, почему Никифор обратил свое внимание именно на русских. По его остроумному предположению, сын херсонесского начальника появился в Константинополе для того, чтобы просить помощи против русских, и в этот трудный момент Никифор прибегнул к дипломатии, решив вооружить киевского князя

---

[52] См. В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 541—567.

[53] Там же, стр. 573—574.

[54] А. Чертков. Описание похода великого князя Святослава Игоревича на болгар и греков в 967—971 годах. «Русский исторический сборник», т. VI. М., 1843, стр. 209, 210.

Святослава против болгар, чтобы отвлечь русского князя от Херсонеса [55].

Однако и в этом случае не вполне ясно, в чем именно заключались предложения, сделанные Святославу византийским императором. Вероятно, дело заключалось в том, что русские князья претендовали на области в районе Дунайских гирл, вплоть до Доростола. Занятие этих областей существенно облегчало торговлю Руси с Византией, пути которой неизменно шли вдоль берегов Болгарии. Обстоятельства первого похода Святослава, по-видимому имевшего место в 968 г., подтверждают эту мысль. Ладьи с войском Святослава вошли в устье Дуная. Болгарский отряд, посланный навстречу Святославу, был разбит, и остатки его заперлись в Доростоле, или Дерестре (по-русски). Наша летопись кратко говорит, что Святослав взял 80 городов по Дунаю и сел княжить в Переяславце [56]. На русских картах болгарский Переяславец обозначается на Дунае, примерно в районе Систова. На чем основано подобное приурочивание Переяславца к Систову, неизвестно, но оно повторяется даже в новейших русских работах, например у Б. Д. Грекова, по которому Святослав «проник в центр страны и в самом южном пункте Дуная, в городе Переяславце, решил остаться навсегда» [57]. Между тем болгарские ученые давно установили, что Переяславец русской летописи — это Малый Преслав, находившийся на болотистом острове Балта в гирлах Дуная и представлявший значительный торговый город [58]. Это утверждение болгарских ученых делает понятными слова Святослава о значении Переяславца, где он хотел обосновать свою постоянную резиденцию: «хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа в земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина, овощеве розноличныя, из Чех же, из Угор сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь» [59].

---

[55] См. В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 573—577.
[56] См. ПСРЛ, т. I, стр. 27.
[57] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 237.
[58] См. К. И. Иречек. Указ. соч., стр. 240; В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 580.
[59] ПСРЛ, т. I, стр. 28.

В этих словах, видимо, надо искать разгадку стремления Святослава в Болгарию. На первых порах центром его стремления была Добруджа, а не вся Болгария. По-видимому, Фока готов был согласиться на предоставление Добруджи русскому князю, с тем чтобы ослабить Болгарию. Со своей стороны Святослав продолжал завоевательную политику Игоря и Олега, пользуясь, может быть, и тем, что население Малой Скифии (Добруджи) издавна было связано с уличами и тиверцами, сидевшими к северу от Дуная.

Между тем в Болгарии происходили крупные события. Царь Петр, опасаясь дальнейшего расширения русских завоеваний, еще более утвердился в своей провизантийской политике, обратившись за помощью в Константинополь. 28 июня 968 г. болгарские посланники были приняты в Византии с большими почестями. На этот раз они, согласно условиям мирного договора 927 г., получили предпочтение даже перед послами германского императора. Однако обращение в Царьград за помощью означало начало полного подчинения Болгарии византийскому влиянию. Одновременно болгарский двор, по-видимому, совместно с византийскими политиками, натравил печенегов на русские земли. В 968 г., по нашей летописи, печенеги в отсутствие Святослава, бывшего в Переяславце, осадили Киев. Это заставило Святослава «вборзе» отправиться с конной дружиной на родину для освобождения своей столицы.

В Болгарии 30 января 969 г. умер царь Петр, приняв перед смертью монашество; ему наследовал старший сын Борис (впоследствии царь Борис II). По мнению Златарского, новый царь вступил на престол не сразу после смерти отца, потому что находился заложником при византийском дворе. Возвращение Бориса в Болгарию Златарский рассматривает как политический ход императора Никифора, стремившегося в противовес русским восстановить в стране византийское влияние, тем более что Борис был очень слабым государем, неспособным не только к самостоятельной и энергичной политике, но и к отстаиванию независимости своей державы[60].

---

[60] См. В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 592.

Смерть Петра и воцарение Бориса послужили сигналом к началу распада Болгарского царства. Какие же причины вызвали и способствовали этому быстрому распаду? На этот вопрос отвечают дальнейшие события. Тенденциозные византийские историки, обвиняющие русских в насилиях и жестокостях, тем не менее не могут скрыть последствий византийской помощи болгарскому царю Борису II, т. е. полного покорения и подчинения Болгарии греческому владычеству. Роковое направление политики Бориса было понятно и его современникам. В год его воцарения поднято было восстание четырьмя сыновьями Комитопула [61]. Восстание началось в Западной Болгарии и Македонии и имело большой успех, приведя к созданию Западно-Болгарского, или Охридского, царства. Почти одновременно в Болгарии вновь появился Святослав с русскими войсками. На этот раз его действия были направлены на завоевание всей Болгарии.

Татищев рассказывает, что в отсутствие Святослава болгары осадили Переяславец, где сидел русский воевода Волк. Узнав, что «некоторые граждане имеют согласие с Болгары», Волк вместе с войском и обозом вышел из Переяславца и пошел вниз по Дунаю. Придя к устью Днестра, Волк узнал о приближении Святослава, «пошел по Днестру, и тут совокупился с ним, и Болгары, взяв Переяславец, елико возможно укрепили» [62]. Достоверность этого известия Татищева установить невозможно, но нелишне отметить, что летопись знает воеводу Волчий Хвост у сына Святослава, Владимира. Между тем, если верить известию Татищева, последовательность дальнейших событий будет иная, чем думает Златарский и некоторые другие историки. Дело в том, что летописец сообщает под 971 г. о возвращении Святослава в Болгарию: «...приде Святослав в Переяславець и затворишася Болгаре в граде» [63]. Златарский вслед за Шахматовым думает, что на этот раз речь идет о болгарской столице Преславе, но летопись не дает для этого никаких оснований, а текст Татищева возвращает нас к мысли о Пере-

[61] Комитопул именуется в старых болгарских трудах Шишманом на основании позднего и фальсифицированного документа, как доказал В. Н. Златарский.

[62] К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. Приложения, стр. 15.

[63] ПСРЛ, т. I, стр. 29.

яславце-на-Дунае. Замечательнее всего, что византийские авторы точно нарочно замалчивают события в Болгарии, последовавшие после второго прихода русских. Лев Диакон сообщает о требовании нового византийского императора Иоанна Цимисхия, чтобы Святослав, «получив плату за разорение Болгарии, обещанную ему императором Никифором, возвратился в свое отечество» [64]. В дальнейшем изложении сообщается только о покорении Святославом всей Болгарии, но опускаются все подробности этого события.

Византийские хронисты XI—XII вв. Скилица и Зонара более определенно говорят о взятии русскими в плен царя Бориса и его брата Романа и о желании Святослава остаться навсегда в Болгарии.

Византийские источники говорят о зверствах русских в завоеванной Болгарии, но многие факты находятся в явном противоречии с этими известиями. Прежде всего и Лев Диакон, и другие византийские авторы подтверждают наличие болгар в войсках Святослава, состоящих не только из русских, но и венгров и печенегов. Руссы, пишет Лев Диакон, послали против греков войско, «присоединя к ним ополчение, состоявшее из Гуннов и Болгар». То же самое дважды повторяют византийские писатели конца XI в. Кедрин и Зонара: «Воинство варваров разделялось на три части: первая состояла из Болгар и Руссов, другая из Турок и третья из Печенегов» [65]. Последнее показание особенно важно, ибо оно рисует деление войска на три части в зависимости от языка. Руссы и болгары, как говорящие на одном славянском языке, объединены вместе. На основании только трех приведенных известий можно уже сделать вывод, что болгары и русские далеко не всегда были так враждебны друг другу, как это обычно рисуется в ряде исторических трудов. В одном месте своего труда Лев Диакон прямо говорит о совместной борьбе болгар и русских против греков. При взятии греками Преславы «много погибло Болгар, которые находились в рядах Руссов и почитали Римлян виновниками нашествия Скифов на их землю» [66].

---

[64] А. Чертков. Указ. соч., стр. 222.
[65] Там же, стр. 226, 229 и 230.
[66] Там же, стр. 253.

Некоторые другие факты также говорят о том, что вторичное появление Святослава в Болгарии не было простым завоеванием, а стояло в тесной связи с какими-то переменами в болгарской политике. Относя рассказ летописи о сражении русских с болгарами под Переяславцем к болгарской Преславе, В. Н. Златарский, пишет, что Святослав овладел Великой Преславой и пленил Бориса II с семейством, отмечая в примечании, что византийские авторы ограничивались общими фразами о пленении болгарского царя русскими. Между тем у тех же авторов находим подробности, свидетельствующие о том, что Преслава не была разорена русскими; нет никаких указаний и на то, что русские язычники разоряли церкви, а болгарский патриарх Дамиан позже бежал из Доростола от греков, а не от русских. В Преславе был поставлен русский гарнизон во главе со Сфенкелем, в котором справедливо видят Свенельда русских летописей. Царский дворец в Преславе, «в котором хранились сокровища Болгарския», не был разорен русскими, как и царская сокровищница, а царь Борис даже не лишился знаков царского достоинства: он был «приведен в царском облачении к императору», когда Цимисхий взял Преславу [67]. Все это чрезвычайно мало напоминает варварское завоевание страны, приписываемое русским византийскими авторами. Особенно становится это ясным при сравнении действий русских и византийцев. Уже тотчас после взятия Преславы она была переименована императором в Иоаннополь с явной целью уничтожить воспоминание о независимости Болгарии. Несколько позже царь Борис лишен был престола, а Болгария сделалась окончательно византийской провинцией.

Приведенный анализ источников приводит нас к мысли, что Святослав и не ставил своей задачей покорение Болгарии, а довольствовался Добруджей и что русский князь вступил в союзные отношения с болгарским царем, обещав ему свою поддержку против греков, угрожавших независимости Болгарии и несколько времени позже осуществивших свою угрозу. В свете такого предположения становится понятным участие болгар в русском войске и сохранение за Борисом царского достоинства и даже его сокровищницы. Во второй войне

[67] А. Чертков. Указ. соч., стр. 250—259.

Святослава против Византии русские и болгары были не врагами, а союзниками, боровшимися против греков.

К подобному же выводу недавно пришел на основании анализа «Записки греческого топарха» советский историк М. Шангин. Он указывает следующее: «Записка» дает очень важные сведения о политике Святослава в Болгарии, в частности, из истории внутренней политики Святослава в Болгарии... Зависимость подчиненных народов от русских выражалась в IX—X веках в чисто даннических отношениях: подданные сохраняли прежнее устройство и управление. Очень показательно, что русскими за царем Болгарии была сохранена царская власть. Не менее показательно, что топарх, приняв подданство Святослава, получил от него в управление свою прежнюю область и ежегодные доходы с этой земли. Сохранением политического «равенства и справедливости» греческие источники объясняют успехи расширения русского государства»[68]. Соглашаясь с этим выводом, отметим здесь же, что походы Святослава, следовательно, не были случайным моментом в истории России и Болгарии, а имели крупные последствия для культурных связей обеих стран.

Глава четвертая

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ В XI—XIII ВВ.

Завоевание Болгарии греками создало новые условия для связей русского народа с южными славянами. Район нижнего течения Дуная был страной, обладавшей пестрым населением. Там было несколько значительных городов.

Русский элемент по-прежнему был довольно сильным в области нижнего течения Дуная, как это выяснил в своей статье о Вичинской епархии русский филолог Ю. Кулаковский. К югу от Дуная в Черное море впадает река Камчия, ранее носившая название Вичины, или Дичины. В конце XI в. в области нижнего течения Дуная сидели местные

[68] М. Шангин. «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах 970 года и зимой 971 года. — «Исторический журнал», 1941, № 9, стр. 121—123.

князья, один из которых носил имя Всеслава. Сюда переходили с северного берега Дуная «скифы», спасавшиеся от набегов «савроматов». Известно, что византийские авторы называют многие народы условными, традиционными именами. «Скифы», переселившиеся в область Вичины, были оседлыми, а не кочевыми, следовательно, не были печенегами или половцами[69]. Приурочение Вичины, сделанное Кулаковским, было подвергнуто сомнениям, и он сам пришел позже к мысли, что Вичиной следует считать Мячин[70], но общие его выводы о пестроте населения в бассейне нижнего Дуная и присутствии в нем русских элементов можно считать доказанными. Подтверждение этому находим в интересной работе Бунеску, сущность которой сводится к следующему. В то время как в западной Болгарии образовалось самостоятельное царство, отчаянно отстаивавшее свою самостоятельность до 1018 г., из болгарских областей, лежавших между Дунаем и Балканами, около 1030 г. была создана византийская провинция Паристрия, или Парадунавия, т. е. Придунайская область, получившая крупное стратегическое значение. Во главе Придунайского дуката стоял военачальник с титулом катепана, или дукса, с резиденцией в Дристре, отчего его иногда называли катепаном Дристры. Есть указания на то, что византийская власть простиралась и на области к северу от Дуная, а население Придунайской области было пестрым и пополнялось за счет пришлого населения, приходившего сюда с северных берегов Дуная. В церковном отношении Придунайская область составляла особую митрополию с центром в Дристре, в XI в. она была составной частью Охридской епископии, после чего перешла опять под юрисдикцию Царьграда.

Как и прежде, область Дристры играла особенно крупную роль в сношениях русских с южными славянами. Смерть Святослава и распри между его сыновьями вызвали естественный перерыв в политических сношениях Руси с балканскими странами. Покорение Болгарии греками было еще далеко не законченным делом, и зна-

[69] См. Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата? — «Византийский временник», т. IV. СПб., 1897, стр. 315—336.

[70] См. Ю. Кулаковский. Еще к вопросу о Вичине. — «Византийский временник», т. V. СПб., 1898, стр. 392—397.

чительные болгарские области сохранили самостоятельность, имея своим центром отдаленную Охриду. В частности, свою независимость, по-видимому, сохранила область Бдина (или Виддина).

Ожесточенная борьба болгар и греков затрагивала русские интересы. Здесь прежде всего приходится остановиться на вопросе о том, смыкались ли по-прежнему русские и болгарские владения в XI—XIII вв.? Известный список русских городов, перечисляющий города по Дунаю, в данном случае доказательством служить не может, потому что он возник не ранее конца XIV в. Но есть другие, более ранние свидетельства о существовании русских поселений на Дунае в эпоху Киевской Руси. Убедительные соображения по этому поводу были сделаны Н. П. Барсовым[71]. Известный Иван Ростиславович Берладник получил свое прозвище от города Берлада, или Бырлата. По имени этого города его жители в нашей летописи называются берладниками. Очевидно, берладники были довольно многочисленны, если в 1159 г. упомянутый Иван Берладник мог собрать внушительную силу в 6 тысяч половцев и берладников[72]. Население «придунайских городов», как их называет один раз летописец, было смешанным и состояло не только из русских, но и румын, болгар, половцев (куман) и т. д. Кочевой элемент здесь причудливо смешивался с оседлым и полукочевым, подобным рыболовам из Галича, приходившим в Дунайские гирла для ловли рыбы: это пестрое население, по-видимому, называлось бродниками, о которых упоминают византийские авторы и грамоты венгерских королей[73].

К какому же русскому княжеству относилась в XI—XIII вв. эта отдаленная земля? Ближайшей к Дунаю русской областью была Галицкая земля, соединенная с бассейном нижнего Дуная реками Прут и Днестр. Прямое указание на Днестр как на торговый путь, имеется в летописи под 1213 г.[74] В XII в. на северном берегу Дуная возникает особое княжество, принадлежавшее боковой линии галицких князей. Есть основание думать,

---

[71] См. Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 96—99.
[72] См. ПСРЛ, т. II, стр. 84.
[73] См. Ф. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, Приложения, стр. 31—39.
[74] См. ПСРЛ, т. II, стр. 161.

что современный Галац не что иное, как испорченное русское название Галич.

Судьба русских владений на нижнем Дунае была тесно связана с крупными международными событиями, ибо именно здесь сталкивались между собой интересы России, Венгрии, Болгарии и Византийского царства [75]. К сложным переплетениям в отношениях этих государств между собой примешивалось вмешательство кочевых народов, живших в Причерноморских степях, — печенегов и половцев. Но никакие войны и осложнения не могли на долгое время прекратить движение по такому важному торговому пути, каким был Дунай.

Неудача походов Святослава только на время отвлекла внимание русских князей от событий, происходивших на Балканском полуострове в конце X в. Для русской истории они имеют особенно важное значение, потому что с ними связано такое крупное событие, как официальное утверждение на Руси христианства. Уже известный русский византолог В. Г. Васильевский обратил внимание на то, что была «общая связь между затруднительным положением Византии и успехами болгар, с одной стороны, крещением русского князя Владимира и пробуждением энергии греческого оружия в борьбе с Болгарами — с другой стороны» [76].

После кратковременного периода распрей между сыновьями Святослава, окончившихся победой Владимира Святого, наступило время, когда русские князья опять могли обратить свое внимание на Балканский полуостров. Договор Святослава с Цимисхием, конечно, не снял вопроса о русских владениях на Дунае, которые имели важное значение для русской торговли с Византийской империей. В самой Болгарии в это время происходили события большого значения. Как на это указывал еще М. С. Дринов, значительная часть Болгарии, в том числе Средец (София) и Видин, осталась непокоренной [77]. Охридское царство Самуила, естественно, искало помощи хотя бы за пределами Балканского полуострова, а русские

---

[75] См. К. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141—1173). Варшава, 1889, стр. 12—36.

[76] В. Г. Васильевский. К истории 976—986 годов. «Труды», т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 63.

[77] См. Трудове на М. С. Дринова по Българска и Славянска история. «Съчинения», т. I, стр. 350—353.

могли считаться естественными союзниками болгар в борьбе против греков. Какие же свидетельства можно привести для доказательства существования сношений между русским народом и южными славянами после походов Святослава? Здесь нам придется несколько остановиться на вопросе о связях Руси с Охридской патриархией, поднятом впервые историком М. Д. Приселковым.

Основная мысль М. Д. Приселкова сводится к признанию того факта, что Владимир принял крещение от Охридской патриархии, причем датой крещения русского князя вместе с семьей он считает 987 г.[78] Надо сказать, что соображения М. Д. Приселкова основаны на очень шатких доказательствах, в особенности представляется натянутым отождествление русского митрополита Иоанна с охридским патриархом, носившим то же имя. Но безусловной заслугой Приселкова является сама постановка вопроса о связях Руси с Охридским царством. С большим остроумием объяснены христианские имена Бориса и Глеба: первый носил имя Романа, второго сына свергнутого болгарского царя Бориса, второй — Давида, старшего брата царя Самуила. И тот и другой сражались в войсках восставших болгар против греков. Отсюда вытекает и другое предположение: «болгарыня», от которой Владимир имел сыновей Бориса и Глеба, могла происходить из числа родственников царя Самуила.

Во всяком случае, даже отвергнув предположение о крещении Владимира в 987 г., мы должны признать, что сношения Руси с Охридским царством действительно существовали и многое могут объяснить в русской истории конца X в. Представляется обоснованным предположение Приселкова, которое, впрочем, значительно раньше было выдвинуто Васильевским, о резкой перемене русской политики в сторону соглашения с Византией. Русский вспомогательный корпус участвовал в подавлении восстания Варды Фоки, а позже русский отряд сопровождает Василия II в его войнах против болгар; эта конная и пешая Русь немало способствует успехам византийского оружия[79].

---

[78] См. М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 34—46.

[79] См. В. Г. Васильевский. К истории 976—986 годов. «Труды», т. II, вып. 1; В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.

Причину перемены русской политики обычно видят в союзе между Россией и Византийской империей, закрепленном браком Владимира с царевной Анной. Но позволительно спросить, на каких условиях был заключен этот союз? Летопись рассказывает о взятии Херсонеса русскими и обратном возвращении этого города Византийской империи в виде «вена» за царевну Анну. Русский князь породнился с греческими царями и принял христианство; в дальнейшем мы видим Владимира, поддерживающим Василия в его борьбе с болгарами.

Объяснение союза между греками и Русью, союза, который был роковым для Болгарии, кажется, можно видеть в том, что русский князь выговорил себе особые права на нижнем Дунае, как это было при его отце и деде. В XI—XII вв. русские земли оказываются теснейшим образом связанными с областями нижнего Дуная.

Большое значение придунайских областей для Руси выясняется в ряде известий о сношениях и столкновениях русских с греками в XI—XIII вв. В 1043 г., по показаниям летописи, произошел последний поход Руси на Царьград. Во главе русского войска стоял Владимир, старший сын Ярослава. «И пошел Владимир в ладьях,— рассказывает летопись, — и прибыл к Дунаю, и пошел к Царьграду. И великая буря разбила корабли Руси, ветер разбил и княжеский корабль и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярослава. Остальные же воины Владимира, числом в 6 тысяч, были выброшены на берег и хотели итти в Русь, и не пошел с ними никто из княжеской дружины. И сказал Вышата — я иду с ними — и вылез из корабля и сказал им: «аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною» (товарищами. — *М. Т.*). И пошли обратно в Русь. И была грекам весть, что море погубило Русь, и послал царь, именем Мономах, против Руси 14 кораблей. Владимир же с дружиной, увидев, что идут на них, возвратился и перебил греческие корабли и возвратился в Русь, сев в свои корабли. Вышату же вместе с выброшенными на берег привели к Царьграду и ослепили много Руси; спустя три года, когда был заключен мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу» [80].

---

[80] См. ПСРЛ, т. I, стр. 66—67; слова «аще погыну, то с дружиною», перевожу «если погибну, то с товарищами», потому что

В этом рассказе можно найти важные датирующие данные. Война началась в 1043 г., а мир был заключен только через три года, т. е. в 1046 г. Причины войны не объяснены летописью. Основываясь на свидетельстве византийского писателя Пселла, который говорит о яростной и бешеной ненависти русских «против греческой гигемонии» (гегемонии), М. Д. Приселков считает, что причиной войны было стремление Ярослава «добиться от Византии признания русской церкви свободной, а державы Киевской — независимой от всяких поползновений императорских теорий вселенского царства»[81]. В своей аргументации Приселков исходит только из одной, по существу правильной, идеи о большом значении церковной политики для Киевского государства и Византийской империи. В борьбе Руси с Византией вопрос о церковном главенстве имел немалое значение, но это была парадная сторона вопроса. В конечном итоге русские князья мирились с присутствием митрополитов-греков, хотя и не прочь были выдвинуть вопрос о политической самостоятельности русской церкви, а хвастливые заявления греческих авторов о византийской гегемонии едва ли особенно беспокоили Ярослава.

Приселков же приводит и объяснение другого византийского автора о причинах войны русских и греков: война началась в результате ссоры купцов в Византии, когда был убит один знатный русский[82].

Таким образом, война вовсе не была столь «беспричинной», как ее рисует Пселл. Можно думать, что убийство русского было только предлогом к войне, а поход русских на Царьград не был делом совершенно неожиданным для греков, которые оказались в достаточном числе, чтобы разгромить русский отряд в 6 тысяч человек. Незадолго до русского похода Болгария была охвачена восстанием, возглавляемым потомком западноболгарских царей Петром Деляном. На восстание болгар явно рассчитывал и полководец Георгий Маниак, высадившийся в Драче (Дураццо) в том же 1043 г., когда русские двигались на Царьград. Отметим здесь же, что в войсках Маниака был

ранее и позже говорится, что княжеская дружина осталась с Владимиром.

[81] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 90.

[82] См. там же, стр. 88.

русский отряд. Сам восставший полководец рассчитывал на Болгарию. Недаром же архиепископ охридский Феофилакт писал, что у болгар «всякий смельчак, домогающийся скипетра, находит в них неунывающих воинов» [83]. Отметим здесь особую заинтересованность Владимира Ярославича в придунайских землях, как ближайших к Галицкой земле, где впоследствии сидели его внуки — Володарь и Василько Ростиславичи. По-видимому, Галицкая земля уже в это время была уделом Владимира.

Усиление в конце XI в. Галицкой земли, оказавшейся во владении Володаря и Василько, вызвало особый интерес этих князей к придунайским областям. Василько Ростиславич был, несомненно, одним из выдающихся русских князей конца XI—начала XII в. Он замышлял большие походы против соседних стран, желая «мстити Русьскей земли». С помощью тюрков и печенегов он предполагал «воевать Польшу», после чего думал идти в Болгарию. Программу своих действий он выразил словами: «И посем хотел есм переяти Болгары Дунайскые, и посадити я у собе» [84]. Точный смысл этой фразы звучит примерно так: «После этого я хотел перехватить (или отнять) дунайских болгар и посадить их у себя». Значит, речь шла не столько о завоевании придунайских областей, сколько о переводе болгар на другую сторону Дуная, в русские пределы, туда, где в XII в. находим Малый Галич и Берлад. Проект Василько имел свои основания. Он коренился в хорошем знании положения дел в покоренной Болгарии. В переписке Феофилакта, архиепископа в Охриде, охватывающей время с 1084 по 1108 г., найдется немало свидетельств о крайнем недовольстве болгар византийским владычеством. К этому присоединилось стремление византийских императоров разредить болгарское население путем создания в Болгарии колоний из переселенных туда печенегов, армян, турок и т. д. Налоговый гнет и всяческое унижение болгарского населения приводили к плачевным результатам. Возделанные и населенные земли империи постепенно обращались, в особенности на окраинах, в пустынные и необработанные пространства, занимаемые в Азии турками, в Болгарии печенегами и половцами.

---

[83] К. И. Иречек. Указ. соч., стр. 266—270.
[84] ПСРЛ, т. I, стр. 113.

Какая-то доля населения Болгарии покидала ее пределы и переходила за Дунай. Угроза Василько «переять» болгар и посадить их в своей земле, таким образом, была вполне реальной. В этом нас убеждает одна особенность в топонимике Молдавии. Ниже Черновиц по Пруту в бывшем Белецком уезде находятся два селения Василеуци, в Хотинском уезде — Василеуцы, ниже Сорок — Василькеу. Уже Барсов правильно отметил связь этих названий с княжеской колонизацией. Василеуци и Василькеу — это измененные названия вроде Васильев, Васильков, что напоминает нам о князе Василько [85].

Конечно, для византийских политиков проекты Василько не могли остаться незамеченными. В этом и надо искать разгадку судьбы Василько, ослепленного в Киеве в 1097 г. по приказу киевского князя Святополка Изяславича. Фактически виновником этого преступления был Давид Игоревич, который в юности пытался утвердиться вместе с Володарем Ростиславичем в Тмутаракани, а в 1084 г. задержал в Олешье греческих купцов и отнял у них товары [86]. Византийское влияние, сказавшееся на интриге, которая привела к ослеплению Василько, заметно и в чисто византийском способе отстранения соперника от власти путем ослепления. Недаром Владимир Мономах, узнав о преступлении, совершенном над Василько, восклицал, что такого зла раньше не случалось в Русской земле.

Окраинное положение Придунайской области Византийской империи создавало из нее место, где неоднократно появлялись претенденты на византийский престол. Незадолго до ослепления Василько (в 1095 г.) на Дунае появился самозванец, выдававший себя за сына императора Романа Диогена. Через двадцать лет (в 1116 г.) Дунай видел нового претендента — Леона Диогеновича, зятя Владимира Мономаха. Леон был убит в Дерестре двумя сарацинами, подосланными императором Алексеем Комненом. В. Г. Васильевский отмечает, что первая жена Романа Диогена принадлежала к болгарской царственной фамилии, вследствие чего понятны поддержанные Владимиром Мономахом притязания Леона на Дунайские го-

---

[85] Н. П. Барсов, Указ. соч., стр. 115, 116.
[86] ПСРЛ, т. I, стр. 88.

рода [87]. Уже после смерти претендента Мономах посылал свои войска на Дунай и посадил в Дунайских городах своих посадников. Тогда же русские неудачно осаждали Дристру (Дерестр по-русски).

В истории борьбы болгар за независимость, как мы видели, русские сыграли немалую роль. В некоторых случаях русские князья помогали византийским императорам в покорении Болгарии, но гораздо чаще болгары находили поддержку в соседних русских землях. Даты болгарских восстаний против византийского владычества обычно совпадают с летописными датами о столкновениях между Русью и Византией. Освобождение Болгарии в конце XII в. было произведено с помощью задунайских северных соседей, валахов и русских. Началось и развилось оно в мощное движение в Северной Болгарии, «где византийское влияние и могущество были уже ослаблены и где под постоянным влиянием новых беспокойных и наполненных духом сопротивления элементов национальное самосознание сохранилось лучше, чем в Западной Болгарии» [88].

Историки Болгарии и Византийской империи связывают начало болгарского восстания с царствованием Андроника I Комнена, свергнутого с престола и растерзанного константинопольской чернью в 1185 г. Между тем Андроник пытался облегчить положение провинций, а с придунайскими местностями он был связан особо. Дружеские отношения связывали Андроника с Ярославом Владимировичем Галицким, в гостях у которого Андроник жил некоторое время, находясь в изгнании. Поэтому совпадение смерти Андроника и начала восстания с большим вероятием указывает на участие галицкого князя в борьбе за независимость Болгарии. На участие русских в борьбе за независимость Болгарии прямо указывает Никита Акоминат, говоря о поражении болгар в 1186 г.: «Куманы, народ доселе непорабощенный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь русских, народ любезный богу войны... оказавшие помощь балканским варварам... склонились вместе с ними побежденными и

---

[87] В. Г. Васильевский. Два письма Михаила VII Дуки. «Труды», т. II, вып. 1, стр. 37—44.

[88] W. N. Slatarski. Geschichte der Bulgaren, Bd. I, S. 95.

погибли». Ф. Успенский весьма убедительно показал, что слово «Вордона» обозначает бродников [89].

В период Второго Болгарского царства связи Руси с Болгарией, несомненно, усилились. После смерти болгарского царя Колояна (1207 г.) его наследник Иоанн Асень с братом Александром бежали в русские земли, где нашли временный приют. Через 10 лет Асень вернулся из изгнания с отрядом русских и сверг узурпатора Бориса. Таким образом, на протяжении веков сношения русских с южными славянами были постоянными и прочными.

Глава пятая

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РУССКОГО НАРОДА С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ В X—XIII ВВ.

Культурные связи русского народа с южными славянами рисуются в нашей литературе необычайно односторонне. Южные славяне, в основном болгары, якобы влияют на русскую письменность и литературу. Русь все время получает, а Болгария дает. Между тем в такой постановке вопроса можно справедливо усомниться даже по чисто теоретическим основаниям. Расцвет культуры в Киевской Руси падает в основном на XI—XII вв., между тем два названных столетия были временем несомненного упадка Болгарии. «Как далеко зашло угнетение народа, — говорит Златарский об этой эпохе, — и его национальной жизни, видно уже из того, что название Болгария было устранено и заменено в византийских документах и сочинениях древним обозначением Мизия или Загорье, в то время как болгары обозначались мисянами (мизийцами) или валахами, жившими среди них отдельными поселениями» [90]. Спрашивается, каким образом униженная Болгария в XI—XII вв. могла влиять на могущественное и высококультурное Киевское государство без того, чтобы не испытывать на себе обратного

[89] Ф. Успенский. Образование Второго Болгарского царства, Приложения, стр. 35, 36.
[90] W. N. Slatarski. Geschichte der Bulgaren, t. I, S. 94.

влияния? Вопрос об обратном культурном воздействии русских на южных славян одним из первых поставил профессор М. Н. Сперанский, на выводах которого придется еще остановиться.

Какими же путями шли культурные связи южных славян с русскими? Во-первых, это путь непосредственного общения русских и болгар в области нижнего Дуная. Сношения поддерживались купеческими караванами и непрерывным передвижением населения с северных берегов Дуная на южные и обратно. Соседство Галицкой земли с Болгарией создавало предпосылки особой близости между этими странами в культурном отношении. Не случайно именно в «Галицко-Волынской летописи» отыскиваются следы пользования переводными греческими хронографами. В отличие от других русских летописных сводов Галицко-Волынский свод был изложен почти без указания годов, которые были вставлены позже, т. е. написан по образцу византийских хронографов [91].

Нельзя, впрочем, забывать и о существовании других путей для связей южных славян с русскими. В XI—XIII вв. в Константинополе существовала постоянная русская колония, по имени которой одна улица называлась Русской. Здесь указывалось место, где был погребен поп Леонтий, родом русин, прославившийся своим троекратным хождением в Палестину. По одному списку хождения Антония Новгородского в Царьград, откуда заимствуются эти сведения, там же был погребен и некий Борис, мощи которого почитались русскими паломниками [92]. Русская колония в Константинополе была довольно многочисленна, но, что еще важнее, она поддерживала связи с южными славянами, жившими в византийской столице. По исследованиям М. Н. Сперанского, «Славянский пролог» (т. е. сборник кратких житий свя-

---

[91] См. А. С. Орлов. Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916, стр. 73, 74.

[92] См. П. Савваитов. Путешествие новогородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12 столетия. СПб., 1872, стр. 142—144; поправки по другому списку см.: А. И. Яцимирский. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград. — «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. IV, кн. 1. СПб., 1889, стр. 223—264.

тых) был переведен в XII в. в Константинополе группой людей, среди которых были и южные славяне и русские [93].

Другим пунктом культурного общения между русскими и южными славянами становится Афон — «Святая гора», где уже в XII в. существовал русский монастырь святого Пантелеймона (Руссик) и хранились русские книги. Основатель русского монашества Антоний Печерский, по летописи, пришел из «Святой горы». Это произошло в первой половине XI в., когда Афон еще не получил такого громадного значения, как позднее, тем не менее Печерский монастырь гордился тем, что он был основан по благословению Афона. Само название «Святая гора» едва ли не является заимствованным у славянского юга.

Наиболее четко взаимодействие южнославянской и русской культуры сказалось в области письменности и литературы. Известные нам русские памятники XI в. написаны кириллицей, которая, судя по надписи царя Самуила 993 г., была наиболее принята в Болгарии. Однако русские писцы были знакомы и с глаголической азбукой, особенно распространенной в западных частях Балканского полуострова. Общая манера письма, характерная для русских и южнославянских памятников XI—XII вв., показывает их общее происхождение и близость. Нет никакого сомнения в том, что письменность на Руси была тесно связана с очагами культуры на Балканском полуострове, хотя до сих пор не сделано сколько-нибудь полных исследований в этой области. Тем не менее некоторые факты при всей их отрывочности имеют для историка немалое значение. Русские рукописи иногда представляют собой копии с роскошных болгарских книг времени царей Симеона и Петра. Таков, например, известный «Изборник Святослава» 1076 г., представляющий собой список с оригинала, написанного для царя Симеона. Частые указания на болгарские оригиналы, переписанные русскими писцами, находим в специальных работах по русской и южнославянской литературе.

Академик Истрин делает такой общий вывод по интересующему нас вопросу: «Должно признать, что большое

---

[93] М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 201.

количество византийских произведений пришло на Русь уже в готовом южнославянском переводе, и притом в древнейшее время — в переводах болгарских. Они продолжали переходить и позже, когда на Руси развилась уже своя письменность, а к переводам болгарским стали присоединяться переводы и сербские»[94].

Время проникновения южнославянской письменности на Русь восходит по крайней мере к концу X в. Новейшие наблюдения над языком договоров Руси с греками, сделанные С. П. Обнорским, показывают, что переводчиком договора Олега 911 г. с греческого на славянский был болгарин, а договор 945 г. переводил русский[95]. Правда, А. А. Шахматов и Истрин в итоге своих исследований о языке договоров Руси с греками пришли к иным результатам, но в пользу мнения С. П. Обнорского можно привести еще некоторые соображения. Несомненная связь языка договоров X в. с болгарскими памятниками ставит вопрос о причине подобной связи. Сама форма договоров и их содержание, возможно, имели какое-то отношение к договорам болгарских ханов с византийскими императорами. Уже в договоре хана Тервеля 716 г. устанавливалось право болгарских купцов торговать в Константинополе[96].

В XI—XII вв. начинается обратное воздействие русской литературы на южнославянскую. В южнославянских сборниках появляются жития русских святых: Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Мстислава Владимировича, сына Мономаха[97]. Они входят в состав «Славянского пролога», который, по мнению М. Н. Сперанского, возник в XII в. и над которым одновременно трудились русские и южные славяне[98]. Большая часть «Пролога» по языку указывает на болгар как на переводчиков, и это объясняет нам подбор русских житий.

---

[94] В. М. Истрин. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода 11—13 вв. Пг., 1922, стр. 14.

[95] См. С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление», т. VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 102, 103.

[96] См. В. Н. Златарски. Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета. София, 1908, стр. 102, 103.

[97] См. В. Ламанский. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. СПб., 1864, стр. 113—115.

[98] См. М. Н. Сперанский. История древней русской литературы, стр. 203—209.

Заимствования, сделанные южными славянами на Руси для своей письменности, не ограничивались только «Прологом». Так, в 1264 г. монах Доментиан, живший на Афоне, использовал для своего труда «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.

Очень трудно сказать что-нибудь об искусстве и ремесле. Здесь мы идем в полном смысле слова по неисследованной почве, поэтому нам придется ограничиться только несколькими замечаниями. До сих пор еще совершенно не изучен вопрос о связях южнославянской и русской архитектуры в X—XIII вв. Исследователи отмечают связи русской архитектуры с малоазиатской, но образцы ее могли находиться и на Балканах. То же самое приходится сказать о металлических изделиях, в частности об эмалях. Вопрос о связях русского искусства с южнославянским ждет своих исследователей, тем более что этот вопрос имеет не только теоретическое, но и политическое значение, поскольку германофильствующие круги Болгарии старательно обходили вопрос о связях болгарского искусства с искусством других славянских стран.

Глава шестая

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ И РУСЬ В XIV—XV ВВ.

Монгольское нашествие и последовавшее за этим разорение русских земель на некоторое время прервало сношения Руси с южнославянскими странами, но, как только прекратились татарские погромы, старые связи стали восстанавливаться. Первым следствием монгольского нашествия было передвижение населения с востока на более безопасный запад. В силу этого население в придунайских областях не только не уменьшилось, но обнаруживало некоторые признаки увеличения. Уже в 1254 г. венгерский король Бела IV жаловался папе, что его теснят с востока русские и бродники, а в числе враждебных народов перечислял русских, куман, бродников и болгар [99].

[99] См. Ф. Успенский. Образование Второго Болгарскго царства, Приложения, стр. 38.

В непосредственной связи с передвижением русского населения на запад стоит появление вассальных русских князей на Дунае. Так появляется в Мачве, поблизости от Белграда, русский князь Ростислав, а в северо-западной Болгарии — князь Яков Святослав, оба в качестве вассалов венгерского короля. От какой ветви русских князей происходил Святослав — неизвестно, сам же он о своем русском происхождении говорит: «всея русскыя земли благодержавного рода моего, их же отрасли корень аз бых святых отец моих». Вступив в брак со второй дочерью византийского императора Иоанна IV Ласкариса, он получил право на болгарский престол по женской линии, но в 1272 г. был убит по приказанию болгарской царицы Марии.

Святослав поддерживал сношения с родиной. Когда около 1262 г. киевский митрополит Кирилл обратился к нему с просьбой прислать список «Кормчей книги», являвшейся сборником церковных и гражданских законов, Святослав прислал в Киев рукопись вместе с посланием митрополиту Кириллу. Замечательна сама возможность подобной переписки между киевским митрополитом и болгарским князем вскоре после татарского нашествия. Митрополит разоренной Руси обращается за рукописью в далекую Болгарию, которая сравнительно мало пострадала от татарских погромов. Не менее замечательно, что присланная «Кормчая», как теперь доказано, сама восходила не к южнославянскому, а к первоначальному русскому переводу [100].

Непосредственные связи русских земель поддерживались по-прежнему через придунайские области. Этому способствовало образование в XIII в. Молдавлахийского воеводства. Промежуточное положение нового воеводства между Галицкой Русью и Балканским полуостровом сказалось прежде всего в церковном отношении: Молдавия и Валахия находились в церковном подчинении то болгарских митрополитов в Тырнове, то русских митрополитов в Галицкой земле [101]. Так появляется в актах Кон-

[100] См. М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXVI, 1921, стр. 173—179.

[101] См. Арсений, Епископ Псковский. Исследования и монографии по истории молдавской церкви. СПб., 1904, стр. 11—66.

стантинопольской патриархии название Россо-Валахии для обозначения владений Галицкой земли в придунайских областях, указывающее нам на то, что эти области по-прежнему обладали пестрым населением со значительной примесью русских.

Русские отряды по-прежнему принимали участие в междоусобных войнах, которые опустошали Болгарию. В 1327 г. войсками болгарского царя Михаила командует отважный полководец Иван, родом русский, который едва не занял со своим отрядом Константинополь.

Значительный русский элемент, осевший на Дунае, объясняет нам происхождение записи о русских городах в Болгарии. Этот список русских городов, помещаемый в летописях, составлен примерно в конце XIV—начале XV в. Он начинается городами «болгарскими». Среди них указан Видичев о семи стенах каменных, Мдин, а на другой стороне Дуная «об ону сторону Дунаа» — Тырнов. В числе городов по Дунаю названы Дрествин (Дерестр), Дичин, Килия, на устье Дуная — Новое село и Аколякра, на море — Карна и Коварна. К русским городам отнесены и города молдавские, в том числе Ясский торг на Пруте и Хотин на Днестре [102]. Список русских городов возник ранее окончательного разорения Тырнова турками в 1394 г. и отражает важный момент в истории Второго Болгарского царства. Составитель списка, конечно, знал, что Тырнов не принадлежит к числу русских городов, но он причислил болгарские города к русским потому, что в бассейне нижнего Дуная и в Молдавии русский элемент все еще был силен, а номинальная власть литовского великого князя простиралась в конце XIV—XV в. почти до Дуная.

Наиболее оживленные отношения южнославянские земли поддерживали с относительно близкой Галицкой землей. Путь по Днестру к берегам Черного моря и к Дунаю был и раньше наиболее удобной, короткой и безопасной дорогой из русских земель на Балканский полуостров. Совершенно естественно, что этим путем обычно пользовались для поездки из Галицкой и других русских земель в Болгарию и Сербию.

---

[102] См. «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку», Приложения, стр. 446.

О близких отношениях между Болгарией и соседними русскими землями видно из того, что Тырнов одно время должен был сделаться церковным центром русских земель. В 1352 г. тырновский патриарх поставил в митрополиты некоего Феодорита, что вызвало яростные протесты со стороны Константинопольской патриархии. Болгарские писцы не совсем без основания величали Тырнов «Новым Римом», «Царьградом», показывая этим, что болгарская столица по своему политическому и церковному значению во всем равна Константинополю.

Дорогой через Болгарию и Галицкую землю в некоторых случаях пользовались и путники, направлявшиеся из Константинополя в Северную Русь, но гораздо чаще они совершали свои поездки в византийскую столицу морским путем. Непосредственные связи Северной Руси с южнославянскими землями шли через Константинополь и Афон. Сборным пунктом караванов, шедших из Северной Руси в Константинополь, была Москва. Отсюда направлялись на судах по Москве-реке и Оке до Переяславля-Рязанского (современной Рязани), отсюда суда («насады») на колесах переправлялись сухим путем до верховьев Дона, где начиналась сплошная водная дорога до Царьграда. На пути караванов стояли два города— Тана в устье Дона и Сурож (Судак) в Крыму. Вся эта дорога была так изъезжена и известна, что русские купцы торговавшие с Причерноморьем, носили в Москве название «гостей-сурожан». Поездки русских людей в Константинополь в XIV—XV вв. были явлением постоянным, как и присутствие греков в Северной Руси [103].

Русская колония в Константинополе не только не уменьшилась, но, видимо, увеличилась и была заметной единицей в византийской столице. К московскому митрополиту Пимину, прибывшему в Константинополь в 1389 г., пришла «Русь живущая тамо». Произошла радостная встреча, «и бысть обоим радость велия». Русский квартал находился поблизости от церкви Предтечи (церковь Продром). «И упокоиша нас добре тамо живущая Русь»,—записывает Игнатий, ездивший в Константино-

---

[103] См. Ф. Терновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси, вып. 2. Киев, 1876, стр. 13—18, 39—41.

поль вместе с Пимином [104]. Последние слова указывают не только на приветливый прием, но и на хороший обед, которым угостили приезжих царьградские русские.

Среди русских, живших в Константинополе, имелись образованные люди, занимавшиеся переводами и переписки книг. В наших рукописных собраниях имеется несколько книг, переписанных в Константинополе русскими писцами. Про одного из них, Ефрема, достоверно известно, что он был русином. Позже Ефрем и его товарищ Евсевий перебрались на Афон, где каллиграф, или «доброписец», Иаков перевел для них с греческого языка на русский одно аскетическое произведение. Русская колония не жила изолированно, близость языка и общность письменности создавали почву для постоянных сношений русских с болгарами и сербами. Поэтому спутник Пимина с интересом прислушивается к вестям с Балканского полуострова и записывает рассказ о битве на Косовом поле. После падения южнославянских царств в Болгарии и Сербии значение Константинополя как центра межславянского общения не только не уменьшилось, но даже увеличилось вследствие притока беглецов из Сербии и Болгарии.

В XIV—XV вв. еще более усилилось значение Афона как места, где русские образованные люди встречались с греками, сербами и болгарами. «Святая гора» была в полном смысле слова международным центром православного Востока, и значение ее в развитии русской культуры чрезвычайно велико. Годы татарщины не прошли бесследно для русского монастыря на Афоне. У нас имеются сведения, что монастырь Руссик испытал на себе «от Русие вьсеконьчно оставление», но этому показанию трудно полностью верить, потому что оно помещено в хрисовуле царя Стефана Душана за 1349 г. Принимая на себя звание ктитора монастыря, Стефан до некоторой степени присваивал себе права русских князей и таким образом должен был объяснить свой поступок [105].

Путешествия русских людей на Афон, несмотря на все опасности, ожидавшие путника на дороге, были явлением

---

[104] «Русский временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю», ч. I. М., 1820, стр. 293—311.

[105] См. Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя Сербов и Греков. Киев, 1888, стр. 63.

обычным. Русские монахи жили не только в монастыре Руссик, но и в других греческих и славянских обителях. В 1432 г. в лавре Афанасия Афонского жил и работал инок Авраамий Русин, переписавший несколько житий святых. Свою работу он привез в Тверь при великом князе Борисе Александровиче.

Несмотря на отдаленность русских земель от Болгарии и Сербии, события, происходившие в этих странах, находили свой отклик в России. Русский путешественник, как мы видели, отметил битву на Косовом поле; позже о падении Тырнова в нашей летописи записано: «Того же лета (1393. — *М. Т.*) Челабей Срачиньский взя Болгарский град Тернов, царя их и патриарха полони, и веру их преврати» [106].

Хорошее знакомство с международной обстановкой в районе Черного моря сказывается еще в одном русском памятнике, имеющем характер политического сочинения; я имею в виду «Задонщину». Рассказав о победе русских над татарами на Куликовом поле в 1380 г., автор восклицает: «шибла слава к морю, к Железным вратам, к Риму, и к Кафе и ко Царю-граду, что Русь поганых одолеша» [107]. В новом списке «Задонщины» читаем слова «ко Торнову», т. е. к Тырнову. Итак, перед нами перечисление христианских стран, заинтересованных в русской победе. Среди них Болгария со своей столицей Тырново занимает определенное место.

В свою очередь русские были хорошо известны в южнославянских землях. Правда, в сербских и болгарских летописях мы почти не найдем указаний на Россию и русских, но не следует забывать, как бедны и кратки по содержанию южнославянские летописи. Они ни в какой степени не могут быть сравнимы с обширными и полными русскими летописными сводами. Но у нас есть иное бесспорное свидетельство о знакомстве сербов не только с русскими вообще, но и с русским языком. Константин Костенчский, составивший в начале XV в. «Сказание о письменах», высказывает любопытные суждения о различных славянских языках. Отвечая на вопрос, на каком языке

---

[106] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 143.

[107] Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 159; новый список в Государственном историческом музее. Муз. № 2060.

были сделаны первоначальные славянские переводы церковных книг, он говорит, что об этом судят по-разному. Одни думают, что переводы сделаны на болгарском, другие — на сербском языке, но, по мнению Константина Костенчского, все это не так. Греческий язык нельзя было передать на трудном болгарском языке, как и на сербском, высоком и сжатом, поэтому «добрые и дивные мужи», переводившие древние книги, избрали тончайший и прекраснейший русский язык, в помощь ему придали языки болгарский, сербский, боснийский, словенский, отчасти хорватский и чешский.

Свой домысел Константин Костенчский основывал на примерах, обнаруживающих его знакомство с русским языком. Он приводит, например, русское выражение «не лай на ме хосподине», переводя его словами «не карай ме» или «не раздражай се на ме», сообщает, что кошуля называется по-русски сорочкой и т. д. Думают, что Константин был знаком с языком украинцев, поэтому-то в слове господин он пишет «*х*». Само представление сербского писателя о русском языке, легшем в основу переводов Кирилла и Мефодия, по-видимому, было мнением, господствовавшим тогда в южнославянской литературе [108]. Оно стояло в определенной связи с упадком южнославянских стран под турецким господством и явным возвышением Северной Руси. Так выращивалась среда, в которой впоследствии выросло представление о Москве, как о третьем Риме.

Константин Костенчский выступает перед нами как выразитель идей славянского единства. «Дивнии и мудрии мужи», переводившие первые славянские книги с греческого языка, применили не только русский, но и другие славянские языки, только положив в основу своего труда «краснейший» русский язык.

Турецкое завоевание привело к быстрому культурному упадку южнославянских стран. Большинство христианского населения на Балканском полуостроове превратилось в бесправную райю, за исключением только некоторых

---

[108] См. П. А. Сырку. Очерки из истории литературных сношений Болгар и Сербов в XIV—XVII веках. «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. LXXI. СПб., 1902; см. также: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1895.

привилегированных селений, исполнявших султанскую службу. Началось массовое бегство из завоеванных стран на север, в задунайские области. Движение это, начавшееся уже в конце XIV в., особенно усилилось в XV в. Образованные люди переселяются из Сербии и Болгарии на Украину и в Россию и находят здесь радушный прием как единоверцы, говорящие на близком и относительно понятном сербском или болгарском языке.

Знаменитейшим из южнославянских выходцев был Киприан (умер в 1406 г.), поставленный в сан русского митрополита в Константинополе и после смерти Дмитрия Донского окончательно утвердившийся в Москве на митрополии. В XV в. племянник Киприана, Григорий Цамблак, сделался митрополитом в Киеве, что привело к временному отпадению «русских» (украинских и белорусских) земель от Московской митрополии, во главе которой стоял митрополит Фотий. В XV в. в Северной Руси подвизался плодовитейший писатель — болгарин Пахомий Логофет, написавший заново или переделавший большое количество русских житий святых. Историки литературы подчеркивают тот факт, что из болгарской столицы Тырнова и Сербии вышли видные деятели на поприще славянского просвещения. Споры Григория Цамблака с московским митрополитом не помешали широкому распространению поучений и слов Цамблака в русских рукописных памятниках [109].

С гораздо большим трудом прослеживается переселение в Россию из южнославянских земель менее видных людей, чем таких, какими были Пахомий Логофет или Григорий Цамблак. Но такие переселенцы действительно были и устанавливаются краткими сообщениями летописи. В средине XIV в., например, в Москве работал колокольный мастер Борис, отливший в 1346 г. три больших и два малых колокола [110]. Позднейшие летописи называют Бориса «римлянином», т. е. итальянцем, но уже И. Забелин заметил: «Русское имя Борис обнаруживает, что Римлянин был уже православным» [111]. Позднейшие летописи склонны были подправлять тексты и каждого иноземца делать римлянином или немцем. Имя Борис было распространено и на Руси и на Балканском полуострове,

[109] См. А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904.
[110] См. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 95.
[111] И. Забелин. История города Москвы, ч. I. М., 1902, стр. 86.

а отсутствие в древней летописи указаний на иноверность колокольного мастера заставляет в нем видеть выходца из южнославянских земель, если только Борис не был природным русским, в чем также нет ничего невозможного.

О другом иноземце, работавшем в Москве, уже точно известно, что он был сербом. В 1404 г., говорит московский летописец, великий князь Василий Дмитриевич поставил часы («часник») на своем дворе за Благовещенским собором. «Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы нощные и дневныя; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и... преухищрено. Мастер же и художник сему беяше некоторый Чернец, иже от Святыя горы пришедший, родом Сербин, именем Лазарь; цена же сему беяше вящьше полувтораста рублев» [112]. В обоих указанных случаях мастера из южнославянских земель обнаруживаются в Москве, особенно связанной с Константинополем и Балканским полуостровом водной дорогой по Дону и Черному морю.

Косвенным доказательством довольно оживленного переселения из южнославянских земель в Россию является появление на русской почве рационалистических ересей, подобных ереси стригольников. Неясные обличительные послания представителей русского духовенства позволяют установить, что стригольники осуждали продажу церковных должностей, отрицали церковную иерархию и обрядность, запрещали принимать причастие и т. д. Сами стригольники, по-видимому, были людьми образованными и отличались нравственной жизнью. Обличитель называет их постниками, молебниками, книжниками, отмечает чистоту их жизни: «аще бо бы не чисто житье их видели люди, то кто бы веровал ереси их?» [113]. Большинство исследователей считает стригольничество ересью западноевропейского происхождения, но учение их чрезвычайно напоминает распространенное на Балканском полуострове богомильство с его отрицанием официальной церкви и обрядности (в том числе причастия), а также стремлением

---

[112] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 281.

[113] «Памятники древне-русского канонического права», ч. I, «Русская историческая библиотека», т. VI, изд. 2-е. СПб., 1908, стр. 211—228.

к нравственной чистоте жизни. Время появления стригольничества, конец XIV в., в Пскове также совпадает с нашими представлениями о времени начала бегства сербов и болгар в Россию в связи с турецким завоеванием.

Говоря о богомильских сочинениях, довольно распространенных на Руси, академик М. Н. Сперанский пишет, что «богомильский памятник для нас не заключал в себе сознаваемого богомильства, становясь в уровень с легендой христианской вообще»[114]. Однако дело было не только в бессознательном переносе легенд на русскую почву, но и в той среде, где распространялись подобные рукописи и где вырастали ереси, подобные богомильству и стригольничеству.

Постоянные связи России с Балканским полуостровом объясняют нам очень многое в культурной жизни русского народа и южных славян. Наиболее заметные результаты культурное взаимодействие южных славян и русских дало в области письменности.

Некоторые факты, свидетельствующие об этом взаимодействии, обнаруживаются при изучении московских актов XIV—XV вв. Северная Русь, как известно, очень упорно держалась за пергамент в качестве основного писчего материала, и бумага стала применяться у русских только с XIV в., тогда как греки и южные славяне стали употреблять бумагу значительно раньше. Первый русский памятник, написанный на бумаге, — духовная грамота Семена Гордого 1353 г. К этому документу приложена печать с надписью: «Печать князя великого Семенова всея Руси»[115]. На обороте печати изображен «Семен с(вя. — *М. Т.*) ты». На других печатях современных московских князей имеются совсем иные обозначения. На печати Ивана Калиты читаем надпись «князя Ивана (на другой стороне. — *М. Т.*) великого печать», на печати Ивана Ивановича — «печать князя великого Ивана Ивановича». Дмитрий Донской вначале прикладывает к своей грамоте печать с подписью: «Печать князя великого Дмитрия». Только позже Дмитрий Донской в своей печати именует себя великим князем «всея Руси».

---

[114] М. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 258.

[115] «Сборник государственных грамот и договоров» (далее — СГГД), ч. I. М., 1813, стр. 38.

Отметим здесь же еще одну особенность печатей московских князей XIV в. На печатях Ивана Ивановича и Дмитрия Донского имеем рядом с фигурой святого, одноименного с князем, надпись «агиос», т. е. святой, тогда как печать Семена Гордого имеет здесь русское обозначение Семен «с(вя». — *М. Т.*)ты» [116].

Кто был тот мастер, который делал печать Семена Гордого, мы не знаем, но источник, откуда заимствован был титул «всея Руси», может быть указан со значительным вероятием. В любопытной статье о двух грамотах времен царствования Стефана Душана в Сербии приводятся данные о печатях сербских царей. К грамоте Стефана от 20 сентября 1349 г. приложена печать, на одной стороне которой изображен царь в короне и с крестом в правой руке, сбоку надпись: «о хр (и. — *М. Т.*) сте боге пр (а. — *М. Т.*) ведни цар Стефан все земли С (е. — *М. Т.*) рпс (кой». — *М. Т.*), на другой стороне печати — «св. Стефан Первомученник». Автор статьи о грамотах Стефана Душана сравнивает их с печатями московских великих князей и делает такой вывод: в течение всего XIV—XV вв. московские великие князья не называли себя титулом «всея Руси», тогда как печати первых московских великих князей носят этот титул [117]. Появление надписи «всея Руси» на семеновой печати становится нам понятным в свете русских связей с Сербией и самим царем Душаном, который, как мы видели, особо благоволил к монастырю Руссик на Афоне. Резчиком печати Семена Гордого был славянин, серб, болгарин или русский, поэтому вместо греческого «агиос» появляется обычное и понятное «с(вя. — *М. Т.*)ты Семен». Употребление бумаги для такого важного акта, как духовная великого князя, указывает также на византийское или южнославянское влияние.

Изучение формуляров русских грамот XIV—XV вв., вероятно, также обнаружит некоторую зависимость от формуляров южнославянских. Ввиду отсутствия подобных наблюдений отмечу только одно явление в области русской дипломатии. Известно, что в XVI—XVII вв. делопроизводство московских учреждений велось на

[116] Там же, стр. 35, 41, 43, 51, 62.

[117] А. В. Соловьев. Два прилога к роучагању Душанове државе, «Гласник Скопльског Научног Друштва», кн. II, св. 1—2, Скопље, 1927, стр. 43.

столбцах, т. е. длинных кусках бумаги, склеенных друг с другом. В соседнем Казанском ханстве, как это показывает известный ярлык Сагиб-Гирея, также в XVI в. употреблялись столбы, но еще более ранний образец их находим в грамоте Иоанна Шишмана Витошскому монастырю (до 1382 г.), которая представляет настоящий столбец, или свиток, только несколько более широкий, чем принято было в московских приказах [118].

Проводником южнославянского влияния на Руси было духовенство, начиная с митрополита Киприана, родом серба, воспитанника тырновского патриарха Евфимия. Как известно, тырновский патриарх Евфимий в конце XIV в. провел большую реформу болгарского правописания с целью введения единообразия в орфографию, что в немалой степени было связано с борьбой против ересей. Так, упомянутый ранее Константин Костенчский прямо ссылается на то, что от испорченных текстов бывает «въсяка злоба и ереси».

Образованные писцы в южнославянских странах охотно восприняли тырновские правила, так как единообразие навыков письма и орфографии сильно облегчало их работу. В XV в. южнославянская орфография и почерки быстро распространяются в России и вытесняют русский полуустав вначале из книжной, а позже из документальной письменности. С этого времени в русских рукописях появляются особенности, не свойственные русскому языку. Писцы пишут *тръгъ* вместо *торгъ*, *врьхъ* вместо *верхъ*, хотя и произносят написанные слова по-русски — торг, верх и т. д. Появляются *юс большой* (Ѫ), который ставится на месте русской буквы *у*; в конце слов, даже там, где слышится твердость, появляется не ъ, а ь. Наконец, в рукописях начинает мелькать южнославянское произношение, вроде «добраа» вместо «добрая» и т. д. Отголосок последней особенности памятников XV в. надолго застревает на Руси в виде титула великих князей и митрополитов «всеа Русии» вместо «всея Руси» [119].

Как всякое искусственное нововведение, южнославянская орфография в известной мере тормозила развитие русской письменности, которая стала избавляться от не-

[118] См. Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911, Приложение № 6.

[119] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 106—121.

нужного груза уже в XVI в. Тем не менее создание единой орфографической манеры, понятной и для восточных и для южных славян, на первых порах имело большое значение для их взаимного сближения. Особенно важно это было в XV в., когда балканские страны уже начинали ощущать гнет турецкого владычества, а Россия еще не была объединена в единое государство.

В Северной Руси создается новая литературная школа, находящаяся под явным южнославянским влиянием. Наиболее известными ее представителями были митрополит Киприан и серб Пахомий Логофет, проживший почти 50 лет в России (умер около 1480 г.). Из русских авторов выделяется Епифаний Премудрый, написавший в начале XV в. обширные жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Риторика Епифания Премудрого, как указывает исследователь древнерусской литературы, «сделала бы честь любому византийцу; в общем это уже типичный «перелагатель» в духе югославянско-византийской школы» [120]. В этом строгом отзыве не все справедливо, так как риторика Епифания особого типа, но принадлежность ее к определенной литературной школе, связанной с южнославянскими странами, а в еще большей степени с Византией, не подлежит сомнению.

Общее культурное оживление на Балканском полуострове в XIV в., вылившееся в своеобразную форму «южнославянского возрождения», нашло свое отражение на далеком севере. Правда, связи русского искусства, с южнославянским прослеживаются с большим трудом, но и то, что нам известно, говорит о многом. Так, например, архитектор П. Н. Максимов отмечает большое сходство собора Андрониева монастыря в Москве с некоторыми сербскими постройками XIV в.[121] Если вспомнить, что Андрониев монастырь был основан митрополитом Алексеем после его поездки в Царьград, то указанное сходство предстает перед нами в новом свете. В известном исследовании Н. П. Кондакова об итало-критской иконописи отмечается большая близость в композициях греко-итальянских икон с русскими памятниками иконописи и стенописи. Конда-

[120] М. Сперанский. История древней русской литературы, стр. 452.

[121] См. Н. Брунов. Русская архитектура X—XV вв. «Сообщения кабинета теории и истории архитектуры», вып. 1. М., 1940. стр. 6.

ков считает, что связующим звеном между Италией и Русью была Сербия. Итало-критские иконы должны были попадать на Русь в большом числе «и, как мы предполагаем, двумя путями: западным — через Галич — и юго-восточным — через порты Черного моря, пока они не были закрыты для торговли» [122]. В подтверждение своей мысли Кондаков указывает на то, что сербский архиепископ Савва принес на Афон икону, композиция которой восходит к итальянской школе в Сиене. Позже подобную же композицию находим в русских иконах, между тем Савва некоторое время жил в русском монастыре на Афоне. Так прослеживаются пути проникновения на Русь некоторых греко-итальянских икон, композиции которых распространялись на русской почве.

Конечно, русская культура не была и в эту эпоху исключительно заимствующей. К сожалению, обратное воздействие русской культуры на южнославянскую мало изучено. Некоторые шаги в этой области были сделаны М. Н. Сперанским, отметившим ряд русских письменных памятников, нашедших распространение в Сербии и Болгарии. Такова «Повесть об Акире Премудром», получившая распространение в Сербии примерно в XIII—XV вв. (не раньше 30-х годов XIII в. и не позднее половины XV в.), «Пчела», т. е. сборник разных изречений, и некоторые другие произведения [123]. Феодально-раздробленная и разоренная татарами Русь, как мы видим, нашла поддержку в южнославянских землях и сама влияла на южнославянскую культуру.

Глава седьмая

РОССИЯ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В XVI—XVII ВВ.

Завоевание Константинополя турками в 1453 г. создало новые условия для сношений южнославянских земель с Россией. Из столицы последнего «православного» царства,

[122] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери. СПб., 1911, стр. 138.

[123] М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур, стр. 190—196.

второго, или нового, Рима, как его называли византийские и славянские писатели, Константинополь сделался центром мусульманства. Впрочем, некоторое свое значение в качестве города, где встречались южные славяне и русские, Константинополь сохранил и в XVI в. Влияние славянской культуры на турок было так велико, что сербский язык получил в турецкой столице значение международного языка, на котором говорили в самом султанском дворце. Итальянский историк первой половины XVI в. рассказывает о распространении в Константинополе различных языков. «При дворе султана, — пишет он, — употребляются разные языки: турецкий — язык государя, арабский — язык священного законодательства Корана; третье место занимает язык славянский — на нем, как на самом общеизвестном, говорят янычары; четвертое место занимает язык греческий, речь константинопольцев и населения городов Греции» [124].

На сербском языке обычно составлялись грамоты, посылаемые от имени султана в Москву и в Молдавию. Значительное количество подобных грамот занесено в копиях в книги Посольского приказа в так называемых «турецких делах» [125].

Соответственным образом выросло значение Афона как единственного культурного центра славянской взаимности, более или менее свободного от турецкого гнета. В афонских монастырях постригались русские паломники, поддерживавшие постоянные связи со своей родиной. В свою очередь афонские старцы были постоянными гостями в Москве, куда они приезжали для сбора «милостыни». Вопросы, тесно связанные с внешней и внутренней политикой Московского государства, обсуждались афонскими монахами с большой страстностью. Так, известие о предполагаемом разводе Василия III с первой женой, Соломонией Сабуровой, вызвало бурные отклики на Афоне [126].

[124] А. Крымский. История Турции и ее литературы. М., 1916, стр. 126, 127.

[125] См. «Турецкие дела» в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА), а также: В. А. Уляницкий. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. 3.

[126] См. М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке Василия III. «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1928, стр. 91—94.

Московское правительство уже в XVI в. выступает вполне определенно в положении защитника порабощенных народов православного Востока. В поле внимания Москвы находятся не только собственно славянские народы, но и греки, сирийцы, вообще все православные христиане, населявшие Турецкую империю. Любопытнее всего, что это не встречало прямого отпора со стороны турецкого двора, который также предъявлял претензии на защиту мусульманского «юрта» (т. е. Казани и Астрахани), подчинившегося России. В переписке турецких султанов с царем Иваном IV найдем немало представлений турецкого двора по поводу преследования мусульман Казани и Астрахани. В свою очередь русский царь хлопочет перед султаном о православном духовенстве в Турции.

Сношения России со славянскими странами происходили главным образом при посредстве духовенства, ездившего в Москву за «милостыней». Расходы на раздачу милостыни составляли немалую статью в бюджете московских государей, потому что за милостыней обращались не только афонские старцы, но и монахи других монастырей, не исключая далекого Синая. Вслед за ними едут и присылают своих представителей в Москву высшие иерархи православных церквей на Востоке — константинопольский патриарх, белградский митрополит и т. д. Общая мотивировка всех прошений заключается в указании на разорение и оскудение от турок. «Попустил благий Господь, — пишет белградский митрополит Феофан великому князю Василию III, — Сербское господство в руки иноплеменных, и монастырь сей долу низвергся и оскудела милостыня». Рядом с этим в грамотах болгарского, сербского и греческого духовенства появляются новые мотивы: мысли о великой роли России в деле будущего освобождения славянства. Афонские монахи пишут Василию III приветствия и пожелания побед над иноплеменниками: «Да воздвигнут рог его (великого князя. — *М. Т.*) для победы над всеми иноплеменными языками и пособят попрать их под ноги его, во славу Божию и на радость всем православным Христианам и нам грешным» [127].

Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне окончательно делается патрональной обителью московских царей,

[127] «Сношения России с Востоком по делам церковным», ч. 1. СПб., 1885, стр. 15, 13.

«понеже бо из старины тот монастырь святаго Пантелеймона в Святой горе строение беяше прежних князей Русских» [128], как это объяснено уже в летописном известии о пожаловании ему в 1497 г. великокняжеской милостыни. В 1515 г. русский посол Василий Копыл Спячий ходил на Афон с «милостынею» от великого князя Василия III [129].

Результатом этой поездки было появление в Москве представителей от константинопольского патриарха Феолипта и от некоторых афонских монастырей, в том числе Максима Грека от Ватопедского монастыря. На этот раз монахи Пантелеймонова монастыря на Афоне обращались к Василию III как к новому ктитору монастыря («отчины своей») с просьбой о ремонте зданий, причем они сообщают, что волошский господарь и грузинский царь помогают своим афонским обителям.

Подобно тому как в годы татарского ига сербский царь Стефан Душан брал на себя защиту и украшение Пантелеймонова монастыря, забытого русскими, так теперь глядят в сторону Москвы старцы сербского Хиландарского монастыря на Афоне. Монахи величают Ивана IV солнцем христианским, которое сияет на востоке и севере, озаряя всю подсолнечную. В 1555 г. хиландарские монахи отправили в Москву особое посольство и просили взять их на царское имя, «чтобы его богомолья была другая во Святой горе» [130], ибо первой богомольей был Пантелеймонов монастырь. Ходатайство старцев сербского монастыря было удовлетворено, и монастырь получил богатые дары. Переход Хиландарского монастыря под непосредственное покровительство московских царей открывал еще больший путь для русского влияния в южнославянских землях.

Интерес к России выражался и в том, что в сербских летописях появляются заметки о событиях, связанных с Россией. Это особенно интересно вследствие крайней скудости содержания сербских летописных записей. Так, сербские летописцы помещают под 7006 г. (1498) следующую заметку: «Пленише Турци Русе и Лехе, и поробише и сьтрише землю». Под следующим, 7007 г. (1499) читаем продолжение: «Пак сьбраше се Турци много ок(тября)

---

[128] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 365.
[129] Там же, стр. 390.
[130] Там же, ч. 2, стр. 558.

месяца оставшее Русе пленити. Они — хь ощутише, бежаще, и Турци безделни возвратиши се, имущи предь собою начелника Манкоча. И гладь и зима налже на ныхь и коне ядоше, и зими ради помреше мнози; неколици озебли и пеши преидоше марта месяца» [131]. О каком событии идет речь в этом сообщении сербского летописца? По-видимому, о походе правителя Силистрии Балибега, опустошившего большую часть Украины в двух последовательных нападениях турок на украинские земли в 1497 г.

Под 1569 г. сербские летописи отметили турецкий поход против Астрахани: «воинствоваше Турци кроме цара на Казань, на Русе» [132]. Слова о Казани не являются ошибкой сербского летописца, а зависели от того, что поход мыслился турками как действие, направленное к освобождению Казанского ханства от русской власти, и осада Астрахани была только первым звеном в действиях, намеченных для осуществления этой цели.

Русские летописи также не проходили мимо событий, происходивших на Балканском полуострове. Голос не только современника, но и живого очевидца бедствий христианских народов на Балканском полуострове слышится нам в призывах летописца к современникам подняться грозной стеной против татарских полчищ хана Ахмата, двигавшихся в 1480 г. на Россию. «О храбрии, мужественнии сынове Рустии! — восклицает неизвестный автор, — потщитеся съхранити свое отчьство, Рускую землю, от поганых; не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разплениа и разграблениа домов ваших, и убиениа чад ваших, и поруганиа над женами и над дщерми вашими. Якоже пострадаша инии велиции и славнии земли от Турков, еже глаголю Болгаре, и Серби, и Греци, и Трапезон, и Аморея, и Арбонасы, и Хръваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнози земли, иже не сташа мужествене, и погибоша и отчьство изгубиша и землю и государьство, и скитаются по чюжим странам бедне в истинну и странне, и много плача и слез достойно, укоряеми, поношаеми и оплюваеми, яко не мужествени; инии же избегоша, котории с именми многими и

---

[131] Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, стр. 258.
[132] Там же, стр. 267.

с женами и з детми в чюжие страны, вкупе с златом и душа и телеса своя загубиша и ублажают тех, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странам яко бездомком. Тако ми Бога видех своима очима грешныма, великих государев, избегших от Турков с имением и скитающеся яко странных и смерти у Бога просящих яко мздувъзданиа» [133].

Неизвестно, кто написал эти строки, но весьма вероятно, что они принадлежат какому-нибудь выходцу с Ближнего Востока, скорее всего духовному лицу, судя по выражению «очима грешныма».

Царьград и Афон, как и раньше, не были единственными пунктами, где русские встречались с южными славянами и греками. По-прежнему существовал прямой путь для связи русских земель с Балканским полуостровом, проходивший через Молдавское воеводство. Сношения с Молдавией поддерживались постоянно, в особенности с конца XV в., после того, как Елена, дочь молдавского воеводы Стефана, вышла замуж за Ивана Молодого, старшего сына великого князя Ивана III. Иноземцы, выехавшие из Молдавии и южнославянских стран, находили, как единоверцы, радушный прием при московском дворе. История Ивашки Пересветова, служившего венгерскому королю и видевшегося в Сочаве с молдавским воеводой Петром, показательна для XVI в. и, видимо, не вызывала большого изумления в Москве. Ниже мы увидим, что русские князья на Украине женились на дочерях сербского воеводы.

Сухопутный путь из Москвы на Балканский полуостров шел через украинские земли. Из Москвы двигались на Путивль и Новгород-Северск, и отсюда в Крым, как об этом свидетельствуют записи в посольских книгах, касающихся сношений с Турцией. В то время как в более раннюю пору Россия поддерживала сношения главным образом с ближайшей Болгарией, в XVI в. замечаем усиление русских связей с сербами. Этому способствовало то обстоятельство, что Сербия пользовалась все-таки большей свободой, чем Болгария, порабощенная Турцией.

Наиболее удобным путем из балканских стран в Россию была дорога через Молдавию и Валахию.

---

[133] ПСРЛ, т. VIII, стр. 207.

Русский посол Голохвастов, ездивший в 1521 г. к турецкому султану, совершил такое путешествие. Он спустился по Дону к Азову, от Азова шел морем к Кафе, от Кафы в Константинополь, оттуда сухим путем в Адрианополь и оттуда в Димотику (около Адрианополя). Обратный путь он совершил через Сербскую землю к Дунаю и далее на Перекоп к крымскому хану [134]. Голохвастов ездил с официальными целями, и маршрут от Дуная на Крым определялся необходимостью видеть крымского хана. Обычная дорога вела через Валахию и Молдавию в пределы украинских земель, лежавших в Литовском великом княжестве. Таким путем добирались в Москву многочисленные «государевы богомольцы», т. е. православное духовенство, стекавшееся в Москву за «милостыней» для разорившихся церквей и монастырей Балканского полуострова.

Далеко не полный список городов и монастырей Балканского полуострова, откуда приезжали в Москву за милостыней и за разными другими делами, дает некоторое представление о непрерывных связях России с южнославянскими странами. Дадим только географические названия с краткими пояснениями тех монастырей, откуда присылали за милостыней в Москву. Из Сербии приходили посланники из Белграда, от Преображенского монастыря в Кучайне, Милешева монастыря, Аккольского монастыря, Вертарской епископии, Беочинского монастыря, Острицкого монастыря, Рождественского монастыря, Ильинского монастыря, Крушедольского монастыря Фрушковой горы, Студеницкого монастыря, Предтеченского монастыря в Скопле и др. Из Болгарии — от Охридской митрополии, Гревенской митрополии, Тырновской митрополии, из Благовещенского и Рыльского монастырей и др. Из Македонии шли посланники от Успенского монастыря, Погоянинского монастыря, Селунской области, монастыря Хосинца и др. Из Албании — от Сосина монастыря. Из Силистрии — от Архангельского монастыря. Из Кастории — от Успенского Кременецкого монастыря. Из Трикалы — от Троицкого монастыря [135].

---

[134] См. ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 401.

[135] См. «Сношения России...», ч. 1, стр. 15, 20, 132, 167, 169, 182, 185, 232, 270; ч. 2, стр. 4, 9, 37, 51, 57, 60—61, 62, 64, 83, 96, 107, 123, 192, 209, 218, 226, 233, 238, 280.

Даже этот неполный список, составленный только по одному и то неполному источнику, дает картину необыкновенной разветвленности сети тех церковных учреждений в южнославянских странах, которые сносились с Россией. К этому списку нужно добавить Константинопольскую патриархию и афонские монастыри, и тогда станет ясным, какое громадное влияние имела Россия на Ближний Восток. Нельзя забывать, что духовенство было единственным общественным слоем, который сохранял старые традиции сербской и болгарской культуры времени их расцвета. Кроме того, епископ в южнославянских странах в годы турецкого господства был не только церковным, но и «светским главою и представителем райи перед чиновниками» [136].

В Москве прекрасно понимали, что русский престиж на Востоке в немалой степени поддерживается духовенством. Московские приказы не гнушались пользоваться приездом «старцев» или «властей» с Балканского полуострова, с тем чтобы узнавать от них нужные политические новости, расспрашивали о сношениях турецкого двора с иностранными державами, о намерениях его по отношению к России и т. д. Однако на протяжении почти двух столетий московское правительство вело себя крайне осторожно по отношению к Турции и избегало крупных и неприятных конфликтов, а еще более вооруженного столкновения с империей султанов, несмотря на упорные попытки германских императоров, римских пап и польских королей привлечь московских государей в общую коалицию против турок.

Сношения России с южнославянскими странами кажутся явлением чисто культурного порядка, но за ними скрывались большие политические интересы. Сербы и болгары обращали взоры к Москве не потому только, что их церкви и монастыри получали оттуда богатые дары, не только в силу естественного тяготения к единственному славянскому государству, получившему полную независимость от «агарян», т. е. мусульман, но и потому, что это государство достигло высокой степени могущества и славы и сделалось естественным покровителем порабощенных южнославянских народов. Афонские старцы Пантелеймонова монастыря были так убеждены в значении

---

[136] К. И. Иречек. Указ. соч., стр. 601.

мощной поддержки русского царя, что просили Ивана IV ходатайствовать перед султаном об облегчении податей: «Мощно тебе Царю и Государю, солнцу христианскому, второму Константину на земли, сие дело доспеть своим царским приказом, ибо слышали от наместников Турецких: если бы Царь Московский до нашего Султана Сулеймана послал посла и грамоту, чтобы с вас дани не брались и вернули вам пашни, какия поотнимали Греки, и отдали бы вам записи крепкия, то бы вас никто ничем не трогал» [137]. Действительно, царь просил Сулеймана об облегчении дани, наложенной на Пантелеймонов монастырь [138].

В свете этих фактов становятся особенно интересными слова одного итальянского автора, писавшего в 1575 г.: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции поклоняются имени великого князя московского, так как они принадлежат к тому же самому греческому вероисповеданию и не надеются, что их освободит от турецкого рабства чья-либо рука, кроме его». Несколько позже эти слова почти буквально повторяет другой писатель: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции весьма преданы московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти» [139].

Приведенные слова дополняются другими сведениями, которые обнаруживают стремление московских государей к династическим связям с греческими и сербскими владетельными родами, еще сохранившимися в начале XVI в. В 1509 г. к великому князю Василию Ивановичу прибыли из Сербии три старца с письмами от белградского митрополита Феофана и бывшей деспотицы Ангелины, вдовы деспота Стефана. Митрополит просил о помощи Белградской митрополии, ибо «попустил благий Господь Сербское господство в руки иноплеменных, и монастырь сей долу низвергся и оскудела милостыня, и нет милователей». Из дальнейшего выясняется, что Белградская митрополия получала уже помощь от Ивана III и что у нее нет иного

---

[137] «Сношения России...», ч. 1, стр. 67.
[138] Там же, стр. 68, 69.
[139] А. Л. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, стр. 145, 146.

покровителя, кроме русского государя, ибо сербские деспоты умерли, «ныне же Деспот Латинской веры не хочет о нас пещись, как и сам писал вашей милости, передавая монастырь сей вашему благочестию». Сербский деспот Иоанн (Иваниска) также писал к Василию, прося принять под ктиторство монастырскую церковь Белградской митрополии. Наконец, деспотица Ангелина послала к великому князю священноинока Евгения «с некоторыми речами» и сообщала о желании построить церковь в честь Иоанна Златоуста с тем, чтобы положить в ней тела «мужа моего святаго Деспота Стефана и святаго Деспота Иована, сына моего». В ответ на эти просьбы великий князь велел послать богатую милостыню: Ангелине — четыре сорока соболей и четыре тысячи белок, митрополиту — три сорока соболей, три тысячи белок и серебряный ковш [140].

Кто эта деспотица Ангелина и чем объясняется участие к ней московского великого князя? Объяснение этому находим в сербских летописях, по которым Ангелина была женою сербского деспота Стефана, ослепленного по приказанию султана Мурада. После смерти Стефана, который «по мнозех злостраданних кон(ь)це жизни приемлеть», Ангелина с сыном Иоанном стала владеть Сремом (Сирмией), переданным им венгерским королем, где центром зависимого сербского княжества сделался город Купиник. После смерти Иоанна (Иована) король передал Срем другому деспоту «по племени своему господствовать», тогда как Ангелина с другим сыном, Георгием, принявшим в иночестве имя Максима, перешла к валашскому воеводе Иоанну Радулу, унеся с собой гробы Стефана и Иоанна, признанных святыми [141].

Так сербские летописи поясняют нам неясный текст грамот, записанных в посольских книгах.

О роде Ангелины написал интересную статью сербский историк Иларион Руварац, утверждающий, что Ангелина была дочерью албанского князя Аранита, или Арианита, Комнина [142], имевшего трех сыновей и восемь дочерей.

---

[140] «Сношения России...», ч. 1, стр. 15, 18, 19, 20.

[141] См. Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи, стр. 42, 43.

[142] См. «Зборник Илариона Рувараца», т. I. Београд, 1934, стр. 36—40.

Одна из дочерей была замужем за албанским вождем и героем Скандербегом.

Для истории сношений русских с южными славянами не совсем безразлична дальнейшая судьба Ангелины и ее детей. Внук сербского деспота Юрия Бранковича — Максим, постриженный в монахи, уже в 1503 г. был приглашен занять Угровлахийский митрополичий престол. Это произошло при воеводе Радуле IV. При его преемнике Михне I (1508—1510) митрополит возвращается в Срем в основанный им здесь Крушедольский монастырь, но при господаре Негу Бассарабе (1503—1518) снова был приглашен в Угровлахию. Максим скончался в 1516 г. в Крушедоле, куда возвратился из Валахии [143]. Эти переходы, по-видимому, были связаны с политическими переменами в отношениях между Венгрией, Валахией и Турцией. Может быть, Максим пытался сделать Белградскую митрополию опорой для сохранения сербского влияния на территории, подвластной Венгрии, пока Белград еще не был взят турками.

Действительно, есть указание на то, что дети Ангелины претендовали на роль последних сербских деспотов. Иларион Руварац указывает на евангелие, написанное в Сланкамене (Среме) «в дьни благочьстивыхь и христолюбивыхь деспоть сербскихь Юрья и Ивана и матере ихь Ангелины и отца ихь... Стефана». Дата и само содержание записи неясны и, возможно, переданы в испорченном виде, но интересно указание на то, что запись писал Елисей, дьяк из Подольского Каменца, т. е. с Украины. С этим вполне согласуется другая надпись, уже более несомненная, на «Толковом Апостоле», в Хиландарской лавре на Афоне. Апостол переписал «Андрей русин из града Санока (в Галиции. — *М. Т.*) повеленьем попа Гюрга протопопа Сланькаменского» [144]. Эти связи последних остатков полузависимой Сербии с Украиной объясняют нам дальнейшую родословную потомков Стефана и Ангелины. Деспот Иован был женат на Елене Якшич. От этого брака родились три дочери: одна из них вышла замуж за волошского воеводу Петра, другая— за князя

---

[143] См. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдаво-Валашской. М., 1871, стр. 357.

[144] «Зборник Илариона Рувараца», т. I, стр. 386, 387.

Ивана Вишневецкого, третья — за князя Федора Владимирского. Так перед нами выясняются пути появления отпрысков сербских знатных родов на Украине.

Елена Якшич, видимо, прочно основалась на Украине и притом не одна. Ее сестра Анна вышла замуж за другого украинского магната — князя Василия Львовича Глинского. От этого брака родилась Елена Глинская, мать Ивана Грозного.

В так называемом «Руварчевском родословце» (в Карловицкой патриаршей библиотеке), написанном между 1712 и 1725 г., читаем следующие строки о роде Якшича.

«Якшићи беху больши велможи у царь и у кралевь и у воиводи србскыихь даже и до деспоть, и от племене ихь и от родовь ведеше се кралевскаго. Стефань воевода роди Марка воеводу и Стефана и три дащери: кнегиню Глиньскую и Елену деспотицу и Ирину госпожду, иже бисть за мужемь за херцегомь господаремь Миклеушемь Баошићемь на западнему поморию, и роди са нею Николу херцега, инначе жив в удое своемь, и вельми храбарь, и добородань собою.

Вьтора же дащи Стефана Якшића кнегиня Анна, иже ю поеть за себе кнезь Василие Лъвовичь за Литовскому кралевству. И роди кнезь Василие и кнегиня Анна велику кнегиню Елену. По томь благоверний господарь кнезь Василие Ивановичь самодржаць васеи Русии поеть себе супружницу великую кнегиню Елену и роди от нее два сина: цара и великаго кнеза Ивана, самодрьжца васеи Русии, по истине великаго Константина, еже ваздвиже новаго и въскреси венаць царски васего новаго Исраиля и поискавь древньняго васего отечаскаго наследия и благолепия. Понеже прежде Елена царица србскаго роди цара Константина благочестиваго васем грекомь, на последакь же вьтора Елена царица, велика кнегиня срьбска, роди цара и великаго кнеза Ивана Васильевича самодрьжца васеи Русии, надежду васего новаго Исраиля. И вьтораго роди сина кнеза Георгиа, иже и почи о господи. По томь третиа дащерь Стефана воевода Якшића, сестра Аннина, кнегине Глинской, бисть за деспотомь Иоаннемь, србскимь господаремь, яко же више рехомь о ней зи. Потомь Марко воевода син стараго воеводе Стефана Якшића, беше благообразнь и васакимь благочестиемь украшень, том же родань беше брать кнегине Глинской. И он оженивь се от Венеције и роди трии

дащери и сына, и онь почи о господи и са сыномь его. А ина же госпожда его Поликсениа и с трими дащерми обладаеть землею и градовими даже и до последнихь в Угорской земли и проча» [145].

Приведенное «Родословие» носит все черты достоверности и осведомленности автора и было составлено еще при жизни Ивана Грозного, но уже после смерти его брата Юрия, скончавшегося в 1563 г. По всем данным, «Родословие» написано в Крушедольском монастыре, основанном митрополитом Максимом, и является памятником весьма любопытным по своей направленности.

Вместе с тем оно нам освещает по-новому брак Василия с Еленой Глинской. Мы видели выше, что Василий одарил дарами Ангелину и ее сына митрополита Максима. Следовательно, он не мог не знать о происхождении матери своей второй жены, княгини Глинской. Вступая в брак с Еленой, великий князь получал возможность связаться с многочисленной южнославянской родней своей молодой жены. Таким образом, этот брак вовсе не был прихотью старевшего Василия, а имел некоторые политические причины.

Здесь мы находим объяснение и тому волнению, которое известие о браке Василия с Еленой вызвало на Афоне.

Сохранилась выпись о втором браке Василия Ивановича, осуждающая его развод с первой женой, Соломонией Сабуровой, и брак с Еленой Глинской. В другой своей статье мне довелось доказать происхождение этого памятника из Серапонтанского монастыря на Афоне, а также реальность рассказа выписи о спорах в афонских монастырях по поводу развода. Споры происходили при проте афонских монастырей Гавриле, названном в одном списке выписи Мстиславичем. По одной записи «приведоше се Гавриилом священомонахом и препротом Святие Гори от грчские книги в србскую» [146]. Значит, Гавриил был сербом, дал книгу в сербскую Хиландарскую Лавру и был протом в 1535 г., а споры о разводе происходили за десять лет до этого. Часть афонских монахов

---

[145] Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи, књ. XVI, стр. 56, 57.

[146] Л. Стојановић, Стари српски записи и натписи, књ. 3, Београд, 1905,

яростно возражала против развода, и в их числе был знаменитый Максим Грек, живший в это время уже в Москве. Выпись, а вслед за ней и Курбский уверяют, что монахи выступали против развода только по чисто церковным мотивам, но есть основание думать, что основа споров лежала глубже. Афонские старцы, естественно, могли опасаться перемены московской политики по отношению к Турции, вследствие возникших связей московского великого князя с сербскими владетельными родами. От этого пострадали бы афонские монастыри. Могла быть и другая, менее важная причина — боязнь греческих монахов большей поддержки интересов южнославянских монастырей на Афоне со стороны Василия в ущерб греческим. Можно не верить обвинениям против Максима Грека в том, что он посылал грамоты к турецкому паше с призывом воевать русские земли, но нельзя отвергать, что ревность Максима Грека в деле о разводе Василия III была основана не только на чисто принципиальных началах.

Надеждами на изменение русской политики по отношению к Турции объясняется посольство в Москву тотчас после брака Василия III с Еленой папы Климента VII в 1526 г., с призывом к войне с турками [147]. Что родственные связи русских государей прекрасно учитывались на Западе, известно по сношениям России с Синаем. В 1516 г. в Москву приехал старец Климент и привез грамоту от игумена монастыря святой Екатерины на Синае, Даниила. С тем же старцем пришла грамота от деспота Карла, который подписался так: «сестричичь и сын царствия твоего, Карл, Деспот Артский и Сербский». Арта (Амбракия) в северной Греции была довольно значительным пунктом. Синайский старец, значит, по дороге заезжал к Карлу, а это объясняет нам, почему Климент поехал обратно из Москвы в Синай через Новгород и Данию [148]. Имя сестричичь, каким себя называет Карл, указывает на его родственные связи с матерью великого князя, Софией Палеолог. Между тем русские летописцы проходят мимо многих фактов, которые могли бы объяснить неясные места в нашей истории. Так, указание «Ро-

---

[147] См. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII, изд. 2-е. СПб., 1819, стр. 141.
[148] См. «Сношения России...», ч. 1, стр. 33—39.

дословца» на женитьбу князя Ивана Вишневецкого на дочери сербского деспота Иована вскрывает нам мотивы перехода его сына, Дмитрия, на сторону Москвы, так как Дмитрий также оказался в родстве с Иваном Грозным. В 1557 г. князь Дмитрий Вишневецкий, сын названного Ивана, перешел на службу к московскому царю [149]. Этот переход ничем не мотивирован в наших исторических источниках; между тем он приобретает новый смысл в свете приведенного «Родословия». Вишневецкие были не только родственниками Глинских, но и обладали владениями в непосредственной близости от них. Таким образом, в движении на юг против Крыма была заинтересована влиятельная царская родня по матери. Вишневецкие оказались в Москве по родству с Глинскими, так как Иван Вишневецкий и Василий Глинский были женаты на родных сестрах. Поэтому спустя полвека появление Дмитрия Самозванца в Гоще у Вишневецких могло быть делом не только случая, но и прямого расчета. Самозванный царевич появился не просто у польского магната, а у отдаленного царского родственника.

Оказавшись в родстве как с византийским царственным домом последних Палеологов, так и с сербскими деспотами, Иван Грозный занял особое положение на Ближнем Востоке. Мы видели, как «Родословие» называет Ивана надеждою всего нового Израиля, который воскресил венец царский. Речь идет, конечно, не только о русском царском венце, а и о венце греческом и сербском.

В конце XVI в. тот же взгляд на русского царя, как на наследника древних православных царей, проводится в деле о приезде в Москву тырновского митрополита Дионисия по случаю учреждения патриаршества в России. Соборная грамота от константинопольского патриарха Иеремии гласила, что патриаршество учреждается в России потому, что «один только на земле ныне Царь великий и православный» [150]. В другой грамоте Иеремия писал «самодержавному, святому Царю нашему, всея Русии» [151], употребляя титул «святой», применявшийся ранее по отношению к византийским басилевсам.

---

[149] См. С. М. Соловьев. История России, кн. II, стр. 103—105.
[150] «Сношения России...», ч. 1, стр. 236.
[151] Там же, стр. 240.

Тырновский митрополит Дионисий не отмечен в числе южнославянских иерархов в книге у Е. Голубинского [152], а между тем его приезд в Россию имел, видимо, не только церковное, но и политическое значение. Дионисий говорил, что он был из рода византийских императоров Кантакузинов и Палеологов, что подтверждалось патриархом Иеремией. Позже, в 1603 г., тот же Дионисий был в Москве в качестве посла императора Рудольфа II для переговоров о «великих делах, тайных Государевых» [153].

Первый приезд Дионисия стоял в тесной связи с крупным освободительным движением, которое в это время охватило южнославянские страны. Во главе его стал упомянутый Дионисий. Это движение вылилось в 1594—1595 гг. в форму открытого восстания, и в Тырнове был провозглашен царем мнимый потомок болгарской династии второго царства. Когда превосходящее по силам турецкое войско обрушилось на болгар, мнимый Шишманович с приверженцами спасся в Россию. Следует отметить, что восстание в Болгарии, поддержанное трансильванским воеводой Сигизмундом Баторием и валашским господарем Михаилом, происходило одновременно с войной русских с крымскими татарами [154]. Среди беглецов из Болгарии надо предполагать Дионисия, иначе он не мог бы появиться в Москве в качестве посла Рудольфа — врага Турции. Это и было то «тайное дело», ради которого его послал император к русскому царю.

Сношения России с южнославянскими странами в XVII в. не только не уменьшились, но еще больше усилились, о чем можно судить по большому количеству духовных лиц, приезжавших в Москву из балканских стран. Замечательней всего, что и в это время всякая попытка свергнуть турецкое владычество в южнославянских странах делалась с расчетом на русскую помощь. Так в 1655 г. сербский архиепископ Гавриил ездил в Москву, но не получил ожидаемой помощи. Знаменитый Юрий Крижанич также пропагандировал освобождение славян с помощью России.

Близкие сношения русских с южными славянами в XVI—XVII вв. по-новому объясняют нам некоторые яв-

---

[152] См. Е. Голубинский. Указ. соч.
[153] «Сношения России...», ч. 1, стр. 305.
[154] См. К. И. Иречек. Указ. соч., стр. 604—606.

ления в культурной жизни Московского государства. Как известно, в 1564 г. Московский печатный двор выпустил первенца русской печати — «Апостол». Впрочем, название «первенец» может быть оставлено за этой книгой только условно, потому что существует несколько печатных книг, выпущенных московскими типографиями до 1564 г., только без выходных листов, т. е. без указания места и времени их выхода. По всем данным, московское книгопечатание началось примерно в 1553 г., вскоре после взятия Казани, когда для вновь завоеванной страны понадобились церковные книги. Печатниками первых русских книг были Иван Федоров и Петр Мстиславец, русские по происхождению, но само печатное мастерство было заимствовано откуда-то с Запада.

Существование безвыходных московских изданий, вышедших ранее 1564 г., заставляет нас обратиться к изучению этих настоящих первенцев русского книгопечатания. По своим заставкам и украшениям они близки к венецианским и южнославянским изданиям. Московские печатные книги, как и южнославянские, не имеют титульных листов и сохраняют дорогую киноварь. Кроме того, вернейшим указанием на южнославянскую или венецианскую традицию является то обстоятельство, что московские печатные мастера в XVII в. употребляли в своем мастерстве итальянские термины. В самом послесловии к первопечатному «Апостолу» 1564 г. читаем, что Грозный «начат помышляти, како бы изложити печатные книги, яко же в Греках и в Венецыи и во Фригии», и ничего не говорится о немецких странах [155].

Приведенное выше «Родословие» Ивана Грозного по-новому освещает пути проникновения печатного мастерства в Москву. Печатание славянских книг в середине XVI в. довольно интенсивно производилось в Сербии и Венеции. Центром книгопечатания в Сербии был Милешев монастырь, где иноки Мардарий и Феодор в 1544 г. напечатали «Следованную Псалтырь», а в следующем году диакон Дамиан и Милан выпустили «Молитвослов». Второе издание «Следованной Псалтыри» было выпущено

---

[155] См. М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания. «Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова», вып. 41, История, т. I. М., 1940, стр. 81—95.

в Милешевом монастыре в 1557 г. Другим центром печатания книг был Белград, где упомянутый ранее Мардарий в 1552 г. издал «Евангелие». Но особенно многочисленны были венецианские издания Божидара Вуковича. Как раз в типографии Божидара Вуковича в 1538 г. был издан «Соборник», заставки которого по типу и украшениям близки к московским безвыходным евангелиям [156]. Оживление деятельности сербских типографий совпадает с началом московского книгопечатания. Теперь, когда мы знаем о родстве Ивана Грозного с сербскими владетельными родами, этот факт уже не кажется совершенно случайным. Наша догадка о связи сербо-венецианской типографской деятельности с началом московского книгопечатания найдет некоторое подтверждение еще в одном факте. Известно, что первопечатник Иван Федоров был дьяконом собора Николы Гостунского в Кремле. В другой своей работе мною отмечалось, что Никольский собор играл роль центра просвещения в Москве в середине XVI в. Между тем в 1551 г. «смиренный в священно презвитере Иаков, бывшей протопоп Благовещенской, Николы Гостунского, а во иноцех старец Иосиф Чюдова монастыря» подарил толковое евангелие в Благовещенский монастырь «в серьбьской земле во власти Босанской, глаголется Папратя», послав его с игуменом Григорием и братьею [157]. Монастырь Попрача находился в северо-восточной Боснии [158].

Обычные представления, прочно сложившиеся в науке, рисуют сношения России с балканскими странами как сплошную цепь русских заимствований от южных славян и греков. Выше мы видели уже всю условность таких представлений даже для раннего периода сношений России с Болгарией и Сербией. Конечно, некоторые остатки древней культуры продолжали еще привлекать внимание русских образованных людей к Ближнему Востоку, но основная струя заимствований в XVI—XVIII вв. идет не с юга на север, а с севера на юг. На стороне русских оказывается значительный материальный перевес, к кото-

[156] См. И. П. Сахаров. Обозрение славяно-русской библиографии, т. I, кн. 2. СПб., 1899, стр. 9—11.

[157] См. Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. 3, стр. 157.

[158] См. Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. 4. Ср. Карловици, 1923, стр. 52.

рому прибавляется еще высокий авторитет России как единственного и к тому же могущественного славянского государства. Между тем в нашей литературе это великое влияние русской культуры на культуру сербскую и болгарскую почти не отражено, и здесь исследователю снова приходится идти ощупью, по нетронутой почве.

Влияние русской культуры на южных славян особенно сказывалось в области письменности и материальной культуры. В области письменности это прежде всего выражалось в появлении ряда русских книг в монастырях и церквах Балканского полуострова.

Значительное количество книг притекало из России в качестве подарков от царя или от частных лиц. Такие подарки делались и в XVI в., когда в афонские и другие монастыри дарились напрестольные евангелия и прочие книги. Но особенно они умножались в XVII в. в связи с развитием русского и украинского книгопечатания. В 1652 г. царь Алексей Михайлович дал в Хиландарский монастырь на Афоне напрестольное евангелие с соответствующей надписью [159]. Около этого же года евангелие московской печати 1652 г. принес «проигумен Неофит от Москвы з братиею» [160]. Целый ряд таких печатных изданий с пометой о привозе их «от царствующего града Москвы» находим в сербских и болгарских монастырях [161].

Уже с первой половины XVII в. вслед за московскими печатными изданиями в южнославянские страны притекали книги с Украины. Архимандрит Киево-Печерской лавры Петр Могила подарил в Лепавинский монастырь печатное «Евангелие учительное» [162]. Митрофан Дионисивич Мартианович дал в Хиландарский монастырь на Афоне книгу бесед Иоанна Златоуста киевской печати 1624 г.[163] Печатную киевскую книгу 1631 г. в тот же монастырь привез владыка Мардарий из Киева [164] и т. д.

Духовенство, ездившее из южнославянских земель в Россию, кроме книг привозило различные церковные и бытовые предметы: сосуды, шитые пелены, ткани, одежду

---

[159] См. Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, кн. 4, стр. 161.
[160] Там же, стр. 162.
[161] Там же, стр. 19, 175.
[162] Там же, стр. 148.
[163] Там же, стр. 143.
[164] Там же, стр. 142.

и т. д. Например, уже в 1509 г. белградский митрополит Феофан получил в подарок серебряный ковш «в три гривны весом». Старцы Пантелеймонова монастыря на Афоне, добиваясь от Ивана IV новой денежной помощи, настойчиво требовали прислать им вспомоществование или взять обратно церковные сосуды, видимо, присланные также из Москвы. Непрерывный приток пожертвований из России отмечен неоднократно в южнославянских рукописях. Рашский митрополит Селивестр в записи на одной рукописи сообщает, что он в 1555 г. был послан в «велику Русиу ка благочастивому цару Иоану и светому Макарию митрополиту Московскому, и тамо принесох много добро и црьковну красоту у Хиландарь» [165].

Надо иметь в виду, что производство драгоценных изделий церковного обихода — сосудов, плащаниц, воздухов, дорогих переплетов для книг — в России было сильно распространено, тогда как в порабощенных балканских странах оно могло производиться только тайно. Дело будущего выявить, какие старинные предметы искусства, хранящиеся в музеях балканских земель, являются произведениями местных мастеров, какие из них привезены из России в качестве царской милостыни, доброхотных подарков частных лиц или даже в качестве просто вещей, купленных на московских рынках. Количество «московских» предметов окажется, вероятно, довольно значительным и заставит глубже и по-новому рассмотреть вопрос о связях южнославянских стран с Россией. Пока укажем только один многозначительный факт, правда относящийся к Молдавии. Роспись Сучавского монастыря в Молдавии, произведенная в 1578 г., как отмечает Н. Кондаков, «любопытна по тождеству многих ее тем и иконографических композиций с афонскими и русскими стенописями XVI века» [166]. В ней мы имеем, например, изображение Софии Премудрости божией в так называемом новгородском типе.

Связи России с южнославянскими странами в XVI—XVII вв. были предпосылкой еще более тесных связей русских с южными славянами в более поздние века. Большим счастьем для славянских народов была эта

---

[165] Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. 4, стр. 56.

[166] Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 206.

взаимная поддержка в годы тяжких бедствий и разорений. Молодая неокрепшая русская культура в раннее средневековье нашла поддержку в Болгарии, опиравшейся на могучую базу византийской образованности. В свою очередь Киевская Русь уже начала влиять на южнославянские земли, подчиненные Византии. После татарских погромов обнищавшая и разоренная Русская земля нашла опору в славянских странах, так же как с XV в. южные славяне находят помощь в мощном Русском государстве. Эти давние связи основаны на кровной близости языка, культуры и обычаев южных славян и русских. Они являются ярким примером братской поддержки народов, широкого обмена культурными достижениями, основанного не на завоевании или насилии, а на общности исторических судеб и взаимных интересов.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

*

Не приходится доказывать громадное значение письменности для культуры любого народа. Это особенно понятно нам, советским людям, видящим и живо ощущающим беспримерные достижения в культурном развитии в прошлом угнетенных народов царской России. Возрожденные к жизни Великим Октябрем, эти народы достигли ныне вершин культуры.

Одним из крупнейших событий в истории мировой культуры было создание славянского алфавита. Не случайно поэтому вопрос о начале славянской письменности давно уже занимает ученых всего мира, и прежде всего русских, украинских, белорусских, болгарских, чешских и румынских. Однако разрешение его до последнего времени затруднялось тем, что количество памятников, сохранившихся от ранних веков славянской письменности, очень невелико. К тому же многие из них не датированы, что порождает различного рода домыслы о том, когда и где появился данный памятник, — неизбежное следствие наших недостаточных палеографических сведений.

Изучение славянской письменности получило новый толчок, когда ученые обратились к материалам в виде различного рода надписей, которые долго оставались неизвестными и только в последнее время стали достоянием науки. Правда, еще академик Ф. И. Успенский произвел раскопки болгарской столицы Абобы-Плиски, что дало громадный материал для истории начальной болгарской письменности [1]. Но надписи из Абобы-Плиски, опубликованные Ф. И. Успенским, были по преимуществу сде-

[1] Об Абобе-Плиске в 1958 г. появилась брошюра Д. Кранджалова: Dimitr Krandžalov. Architektura budov a stavebni materiály v domnělé Plisce (Zvláštni otisk ze Sborníku Vysoké školy pedagogické v Olomouci. Historic V, 1958).

ланы греческим алфавитом, а отдельные буквенные начертания, в какой-то степени напоминавшие славянские, остались неразобранными.

Тем большее значение имели новые изыскания на месте древней столицы Болгарии — Преславы, или Великой Преславы, опубликованные в интересной книге Веры Ивановой [2]. В этой книге с большой полнотой изучены древние надписи, преимущественно сделанные кириллицей, причем найденные не только в самой Преславе, но и в других районах Балканского полуострова. Особый интерес представляет надпись X в. на могиле Мостича, которая гласит: «Здесь лежит Мостичь черьгобыля, бывший при Симеоне царе и при царе Петре, восемьдесят лет, оставил черьгобыльство и все имение, был монахом и в том кончил жизнь свою».

Вольный перевод дает, быть может, неточное представление о надписи, поэтому в сноске привожу ее текст, сохраняя по возможности орфографию [3].

В. Иванова подробно останавливается на палеографических особенностях надписи и убедительно показывает, что надпись на надгробной плите Мостича была сделана именно в X в. «Мостич» — это личное имя, а не фамилия или прозвище. Автор указывает на возможное словопроизводство его от «место», «Местичь». По-русски «местичь» обозначает жителя города или селения. Вместе с тем В. Иванова отмечает и существование племенного названия «Мостичи» у лужичан, а также местное название «Мостисти» в Греции (провинция Ахайя, которая в свое время была заселена пришлыми славянами). Кажется, второе словопроизводство и должно быть признано более правильным, так как слово «местичь» появляется в наших источниках сравнительно поздно, да и в самой надписи погребенный назван Мостичем.

В. Иванова объясняет слово «чергобыль» (чрьгобыль) как название должности, указывая и на то, что титул

---

[2] В. Иванова. Надписът на Мостич и преславкият епиграфски материал. София, 1955; см. она же. Два надписа от Асеновци Баташовският и Врачанският. «Известия на Българския археологически институт», XV. София, 1946.

[3] «Сьде лежитъ мостичь чрьгобыля бывыи при Симеоне цари и при Петре цари осмнуже десять летъ сы оставивъ чрьгобыльство и вьсе имение бысть чрьноризцъ и въ томь сьвръши жизнь свою». (В. Иванова. Надписът на Мостич..., стр. 52).

или должность «чергобыль» упоминаются в византийских источниках. Это была военная должность. Самый термин, видимо, надо выводить из праболгарского языка. Вторая частица слова — «быль» — встречается и в староболгарских и в русских памятниках, в частности в «Слове о полку Игореве», где говорится о черниговских «былях». В этом сближении надписи Мостича со «Словом о полку Игореве», надо, возможно, видеть еще одно напоминание о том, что древнерусский памятник конца XII в. не случайно говорит о Дунае, Траяне и Трояновой тропе. Это указывает на связи староболгарской и древнерусской письменности и фольклора.

В книге В. Ивановой мы найдем снимки, сделанные из других ранних славянских надписей, что само по себе ценно.

Надпись Мостича в Преславле явно перекликается с другой надписью, найденной в Добрудже, которой посвящена специальная статья Д. П. Богдана. Статья помещена в сборнике, издаваемом Ассоциацией славистов Народной Республики Румынии под общим названием «Романославика» («Romanoslavica») [4]. В 1958 г. было выпущено три тома этого сборника, посвященных IV Международному съезду славистов. Нельзя не отметить, что румынское издание является ценным начинанием, показывающим, какая большая работа по изучению румыно-славянских связей ведется в Румынии. Обзор «Romanoslavica» не входит в мою задачу, поэтому я постараюсь осветить только те вопросы, которые имеют непосредственное отношение к теме данной статьи и получили отражение в названном сборнике.

Добружинская надпись открыта румынским ученым Э. Комша при исследовании остатков укрепленного римского лагеря в с. Мирчеводе. Здесь был найден известковый блок с надписью 943 г., начало которой утеряно. Слепок с надписи был получен покойным академиком Б. Д. Грековым и передан мною по его поручению в Государственный исторический музей.

Исследование Д. Богдана, посвященное этому камню, представляет собой глубокий палеографический и лингвистический анализ остатков надписи. К счастью, сохранилась дата ее составления: 6451 год по византийскому

[4] «Romanoslavica», т. I—III. Бухарест, 1958.

летосчислению, то есть 943 год. Тщательный анализ, проведенный Д. Богданом, подтверждает, что надпись действительно относится к X в. и по своим начертаниям похожа на надписи в Преславле и на Гнездовскую надпись того же столетия, найденную Д. А. Авдусиным под Смоленском. В переводе и трактовке Д. Богдана надпись звучит следующим образом: «... против греков в 6451 году при Димитрии Жупане» [5].

Автор считает, что она была сделана неким болгарским жупаном Дмитрием, который после победы, одержанной им, распорядился соорудить этот памятник. Вероятно, замечает проф. Богдан, речь идет о набеге мадьяр на византийцев через Фракию и Болгарию, имевшем место в апреле 943 г., о котором повествуют византийские летописи (стр. 94).

Соглашаясь с тем, что в надписи говорится о болгарском жупане Дмитрии, я позволю себе предложить некоторую иную трактовку обстоятельств возникновения надписи. Возможно, что имеется в виду тот поход Руси на Византию, который в русской летописи приурочен к 944 году. По свидетельству летописи, русский князь Игорь направился на Византию в ладьях и на конях вместе с союзными печенегами. Он достиг только Дуная и повернул обратно, получив дары от византийского императора. Правда, летопись упоминает и о мадьярском походе 943 г., но настаивать на точности хронологии летописей и хроник, да еще при разнице в один год, очень трудно. Нельзя не обратить внимания на то, что камень найден в Добрудже, где лежал обычный путь русских войск и печенегов, двигавшихся в Болгарию. Надпись, подобная Добруджинской, но только не на славянском, а на греческом алфавите, открыта также у берегов Дуная, в районе древней Силистрии, или Дристры. Она была сделана при Феодоре Олгутракане, князе (комите) в Дристре. Добруджинская плита также найдена на севере Болгарии, подвергавшейся многократным нападениям печенегов и русских.

Какими бы ни были, однако, причины установления памятного камня в Добрудже, само его существование

[5] Передаем эту надпись в орфографии подлинника: «...зи гьрецехь (в)ь лето 6451 (п)ри деимитре бъ ... жоупане» (Д. П. Богдан. Добруджанская надпись 943 г. Палеографический и лингвистический очерк. «Romanoslavica», т. I, стр. 93).

крайне показательно. Проф. Богдан совершенно прав, когда называет Добруджинскую надпись древнейшей датированной славянской надписью, сделанной кириллицей. Надписи в Преславле и Добрудже убедительно показывают, что кириллица была распространенным письмом в X столетии.

Открытия в области славянской эпиграфики вызвали появление новых трудов, ставящих своей задачей объяснить историю создания славянских алфавитов. Здесь прежде всего следует остановиться на исследованиях Е. Георгиева.

В своей книге «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия» болгарский ученый доказывает, что кириллица возникла еще до Кирилла и Мефодия, «по тому же примеру, по которому создали свое письмо и финикийцы, и греки, и римляне». Кириллу и Мефодию принадлежит создание глаголицы, а не кириллицы. «В то время, как Кирилл и Мефодий, а особенно Мефодий, — пишет Е. Георгиев, — распространяют глаголическую письменность в Моравии и Паннонии, после официального крещения Болгарии Борисом, некоторые из славяно-болгарских духовных лиц, возведенные Борисом в более высокий сан, с целью противостоять греческому влиянию, и знакомые со славянизированной греческой азбукой, которую теперь называем кириллицей, открывают ей широкий простор в болгарской церкви, в болгарских монастырях и болгарской культуре. Это письмо распространяется все быстрее и быстрее, и скоро Борис его делает официальным болгарским письмом. После смерти Мефодия его ученики переносят в Болгарию и глаголицу» [6].

Нельзя сказать, чтобы теория Е. Георгиева являлась совершенно новой, что, впрочем, отмечает и сам автор. Уже Шафарик предполагал, что глаголица была изобретена Кириллом и Мефодием, а кириллица, несмотря на свое название, не является произведением славянских первоучителей. Такой же точки зрения придерживался и русский славист В. Н. Щепкин. Однако книга Георгиева обогащена большим количеством новых данных, до него еще полным образом не освоенных наукой. В частности, исследование Е. Георгиева убедительно свидетельствует

[6] Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, стр. 83.

о том, что кириллица была распространенным письмом уже в X в. Автор обосновывает свой взгляд анализом славянских надписей и памятников X—XI вв. Он показывает широкое развитие кириллицы в Болгарии и близкую связь этого письма с греческим алфавитом, отмечая, что греческое мышление и греческий навык писания выявляется в основе некоторых букв.

Свою точку зрения на начало славянской письменности Е. Георгиев изложил и в других работах. Особенно интересен его труд, посвященный школам письменности в средневековой Болгарии[7]. В нем ставится и отчасти разрешается вопрос о характере болгарской письменности на примере ее крупнейших средневековых центров — Преславы и Охриды.

Свои взгляды на начало славянской письменности Е. Георгиев как бы суммировал в докладе «Расцвет славянской письменности в Болгарии в IX в.» на Берлинском совещании славистов[8].

Небольшие размеры доклада и отсутствие аппарата не позволили автору полностью аргументировать свои положения. В этом докладе автор особое внимание обратил на деятельность царя Бориса. Для доказательства своей гипотезы о происхождении кириллицы Е. Георгиев привлекает как эпиграфические, так и литературные источники: сказания, жития и т. д. Автор рисует Болгарию IX—X вв. как страну с развитой письменностью и литературой, на что указывают произведения «черноризца Храбра» и Иоанна Экзарха. Обоснованным представляется и тезис о том, что развитие болгарской литературы было тесно связано с процессом феодализации. Об этом свидетельствуют уже самый факт принятия христианства и упорное сопротивление христианизации со стороны болгарских старшин, восставших против князя Бориса.

И все-таки вопрос о времени и причинах возникновения двух славянских азбук нельзя признать решенным и после появления трудов Е. Георгиева. Краткая глава о глаголице в его книге не удовлетворяет исследователя,

[7] Емил Георгиев. Създаването на преславската и охридската книжовни школе в средневековна България. София, 1955.

[8] Das Aufblühen des slavischen Schrifttums in Bulgarien im IX. Jahrhundert (Vorträge auf der Berliner Slawistentagung. 11.—13. November 1954, Akademie — Verlag, Berlin, 1956).

тем более что тексты, цитируемые в ней, говорят скорее о кириллице, чем о глаголице. Сам «черноризец Храбр» пишет, что Кирилл создал письмена отчасти «по чину греческих писмен», отчасти же «по словенстей речи». «По чину», то есть по порядку, или по образцу греческой азбуки, но с применением букв к славянскому языку. Нельзя согласиться с мнением Е. Георгиева, что жития Кирилла и Мефодия говорят именно о глаголице, так как речь идет о создании «новой» азбуки, а «новой» азбукой может считаться только глаголица, поскольку кириллица настолько сходна с греческой азбукой, что болгарские книжники не стали бы приписывать создание кириллицы Константину—Кириллу. При всем своем сходстве с греческими письменами кириллица была и является особой, новой азбукой: значительная часть ее букв выражает звуки, которых греческая азбука не знала. Если придерживаться взгляда автора на значение термина «новая азбука», то всякая азбука, основанная на русском алфавите, в применении к нерусским народам также не должна считаться новой.

Неясно также, почему создание кириллицы необходимо приписывать князю Борису. Ведь если ранние славянские надписи, допустим VII или VIII в., до сих пор не найдены, то это еще не может являться доказательством, что их не существовало. Напомним о тех буквенных знаках, которые были открыты в Абобе-Плиске. Среди них можно найти варианты некоторых славянских букв. И в надписях болгарских царей, выполненных греческими буквами, имеются слова негреческого происхождения, вероятно, не очень точно переданные греческими буквами.

Неразрешимые противоречия возникнут перед нами, если мы станем приписывать создание глаголицы Кириллу, а кириллицы — творчеству болгарских книжников IX в. Нам нужно будет ответить на вопрос, почему на протяжении веков глаголическая письменность удерживалась именно в Хорватии, тогда как глаголица и кириллица существовали одновременно в самой Болгарии и т. д.

Древние славянские авторы восторженно отзывались о деятельности Кирилла и Мефодия — создателях славянской азбуки. В русской летописи читаем рассказ о начале славянской письменности, восходящий к особому

источнику, по крайней мере XI в. Летописец пишет, что славянская грамота была создана в Моравии, «яже грамота есть в Руси и в Болгарех Дунайских». Что же это была за грамота, созданная в Моравии и одинаковая для Руси и Болгарии? Вероятно, кириллица. Сохранившиеся русские памятники, как правило, написаны не глаголицей, а кириллицей. Когда же были перепутаны названия двух азбук, когда глаголица сделалась кириллицей, а кириллица глаголицей? Этот и другие вопросы, естественно, возникают перед нами, но исчерпывающего ответа на них мы не получаем, в частности, и потому, что источники, рассказывающие о деятельности Кирилла и Мефодия, крайне противоречивы, глубокой же критики их мы еще не имеем. Каждый автор черпает из этих источников, в сущности, те сведения, которые согласуются с его гипотезами.

В пределах краткой рецензии трудно дать развернутую критику гипотезы Е. Георгиева. Отметим только, что некоторые особенности кириллицы заставляют связывать ее именно с деятельностью Кирилла, в частности наличие в кириллице таких букв, как «*ш*», которую сам проф. Георгиев считает заимствованной из еврейского алфавита. Последнее легче всего объяснить миссией Кирилла в Хазарию, а не еврейским влиянием в Болгарии. Ссылки Е. Георгиева на библейские имена болгарских царей (Самуил и др.) столь же мало говорят о еврейском влиянии в Болгарии, как и библейские имена новгородских посадников и тысяцких в XIII—XV вв. В частности, имя Авраам (Абрам) принадлежало к числу самых распространенных в русской деревне и нашего столетия.

Критическое отношение к гипотезе Е. Георгиева, конечно, не означает, что она не заслуживает внимания. Автор поднял важные вопросы, связанные с началом славянской письменности, и дал им интересное решение. Будем ждать от этого неутомимого выдающегося исследователя ранней славянской письменности новых трудов.

Е. Георгиев в своих трудах ограничивается пределами Болгарии. Между тем трудно сомневаться в том, что славяне, жившие на территории Византийской империи (а мы знаем о большом количестве славянских поселений в районе Салоник), приняли христианство значительно раньше, чем болгары. Христианство же требовало

применения письменности, так как без церковных книг нельзя было производить богослужение.

На славянские области Византийской империи как места создания славянской письменности и обращает внимание проф. И. Дуйчев. В своей статье он говорит о византийско-славянских отношениях и попытках создания славянской азбуки уже в первой половине IX в. И. Дуйчев правильно отмечает громадное значение славянского вопроса в Византийской империи. Приводим резюме его статьи: «Для византийских правителей приобщение к греческому языку, христианской вере и византийской культуре представляло одно из самых верных средств воздействия на славян в пределах империи или вне ее границ. Эта политика ассимиляции применялась прежде всего к подданным империи — славянам — и дала хорошие результаты. Однако христианизация славян шла исключительно медленно или оказывалась поверхностной и недолговечной. Это происходило главным образом потому, что проповедь и богослужение велись на греческом языке и оставались более или менее непонятными для славянского населения.

Таким образом, византийские церковные и светские власти давно пришли к убеждению, что христианская проповедь и богослужение могут дать результаты только в том случае, если они будут совершаться на соответствующих национальных языках. Такое признание национальных языков привело, вполне естественно, и к признанию необходимости национальной письменности. Византийская империя не признавала вообще теории триязычия, не допускавшей национальные языки в христианскую проповедь и богослужение. Стремления приспособить греческую и латинскую азбуку к языку славян не привели к удовлетворительным результатам. В пространном житии Кирилла указывается, что попытки создания славянской азбуки производились во времена императоров Михаила II и Феофила, как и «многими другими», однако безрезультатно. Константин Философ—Кирилл создал первую оформленную славянскую азбуку — глаголицу, имея в виду христианизаторскую миссионерскую деятельность среди южных славян (то есть около 855 г., как следует толковать указания Черноризца Храбра). Однако обстоятельства заставили использовать ее прежде всего западными великоморавскими и паннонскими

славянами. В своей работе над оформлением славянской азбуки Константин Философ, конечно, учел предыдущие попытки приспособления греческого письма как средства выражения славянской речи. Так, первая «устроенная» славянская азбука явилась делом одаренного филолога и знатока славянского и греческого языков, но в то же время утверждала опыт и достижения предыдущих поколений» [9].

Высказывания проф. Дуйчева ведут, как видим, в совершенно другую область, чем это делалось раньше, — в византийские владения на Балканском полуострове, где жили славяне. Громадное значение славянского элемента на этой территории видно уже из того, что славяне окончательно возобладали в Болгарии в IX в., когда болгары приняли христианство. Поэтому переносить центр тяжести только в пределы собственно Болгарии, полностью игнорируя славян Византийской империи, не представляется достаточно обоснованным. В сущности, миссия Кирилла и Мефодия исходила из мысли о необходимости вести церковную службу для славян на родном языке, без чего христианизация была бы крайне затруднена. Не надо забывать и того, что в пределах Византийской империи для славян были изданы особые законы. В. В. Васильевский, а вслед за ним и современные советские ученые отмечают, что такие византийские юридические памятники, как «Эклога», отразили некоторые особенности славянской жизни. Поэтому статья проф. Дуйчева вызывает не только большой интерес, но и заново ставит вопрос о целом ряде памятников подобного типа, как, например, «Закон Судный людем», который, по моему мнению, высказанному еще до появления статьи проф. Дуйчева, мог возникнуть в болгарской среде, но не обязательно в Болгарском царстве.

Новейшие труды болгарских ученых подводят нас к мысли о том, что письменность у славян, как и у других народов, не была плодом работы одного гениального творца и не могла появиться на пустом месте. В этом смысле весьма интересна статья Ф. Реппа, дающая много

---

[9] И. Дуйчев. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянска азбука през първата половина на IX век. — «Известия на Институт за Българска история», 1957, № 7, стр. 264, 265.

материала для суждения о культурной обстановке, в которой развивалась деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии [10]. Становятся ясными и причины позднейшего торжества латинской письменности в пределах Чехии и Моравии. Впрочем, нельзя не пожалеть, что автор не учел некоторых русских работ, выпущенных даже в дореволюционное время, в первую очередь книгу проф. Суворова о следах западноевропейского влияния в русской письменности. Вопрос о западном, латинском влиянии на славянскую письменность имеет гораздо большее значение, чем ему обычно придается. Вот почему и сопоставление некоторых славянских и германских памятников, проведенное Ф. Реппом, весьма полезно.

Широкое распространение славянской письменности в пределах Юго-Восточной Европы было фактом исключительного культурного значения. В этом смысле интересна статья П. Олтяну «О зачатках славянской культуры в северной Трансильвании и в Марамуреше» [11]. Автор убедительно показывает ту огромную роль славянской письменности, которую она сыграла в Трансильвании. Отметим в том же томе и ценную статью Вал. Костэкела «Общность терминологии «Русской Правды» и румынских средневековых памятников» [12].

Тщательное изучение надписей в соединении с археологическими и лингвистическими исследованиями многое объяснит в начальной славянской письменности. В связи с этим следует указать на пристальное внимание болгарских и румынских ученых к ранним славянским памятникам. Так, проф. Б. Ангелов напечатал краткое житие Кирилла Философа, имеющее большое значение и требующее специального изучения [13].

В самом деле, многие источники по истории деятельности Кирилла и Мефодия до сих пор еще внимательно не изучены. Вероятно, этим объясняются странные противоречия, которые имеются в трудах ученых, иногда

---

[10] См.: «Deutsch-slavische Kultur-Beziehungen auf dem Raume Österreichs vor Kirill und Method (Vorträge auf der Berliner Slavistentagung. 11.—13. November 1954)». Berlin, Akademie—Verlag, 1956.

[11] «Romanoslavica», т. I, стр. 169—197.

[12] Там же, стр. 73—87.

[13] Боню Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958.

по-разному трактующих одно и то же известие. Возьмем для примера известие о том, что Константин (Кирилл) нашел в Херсоне евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами. Е. Георгиев считает эти письмена русскими, то есть принадлежащими русским, или восточным славянам. Тогда становится понятным, каким образом Кирилл быстро овладел русским языком, на котором написаны были евангелие и псалтырь. Ф. Репп придерживается старого мнения, что Кирилл нашел готские письмена. Он исходит из мысли, что русскими в Крыму IX столетия могли быть только готы. Таким образом, Ф. Репп практически защищает так называемую готскую теорию происхождения Руси, не замечая того, какие серьезные и ошибочные выводы следуют из такого заключения.

Между тем почему нельзя допустить возможность существования в Крыму в IX в. несовершенных славянских письмен, выраженных хотя бы теми же греческими буквами? Ведь договоры русских князей с византийскими императорами говорят о заинтересованности Руси в делах Херсонеса («Корсунской страны»). К тому же, если даже признать невозможность существования «русской» славянской азбуки в IX в., то разве нельзя допустить наличия анахронизма в самом памятнике? Если евангелие и псалтырь были написаны готскими письменами, то возникает вопрос: каким образом за свое короткое пребывание в Крыму Кирилл усвоил готский язык, с которым он прежде не был знаком? Во всяком случае, нужно как-то более внимательно оценить достоверность известия о евангелии и псалтыри, которые были написаны «русскими» письменами в Крыму в IX в., основываясь и на археологическом материале. Ведь раскопки в Херсонесе обнаружили существование каких-то знаков на кирпичах и черепице, отчасти сходных с кирилловскими буквами, в частности с малым и большим юсами.

Чрезвычайный интерес к такому громадному культурному перевороту, каким явилась славянская письменность в кирилловском начертании, лежащая в основе русского, болгарского, украинского, белорусского, сербского алфавитов и долгое время лежавшая в основе первоначальной румынской письменности, заставляет с особым вниманием отнестись к начальному периоду славянской письменной культуры. Далеки от нас времена

славянских первоучителей — Кирилла и Мефодия, малопонятны старинные сочинения русских и болгарских писателей, подобных Иоанну Экзарху или Илариону Киевскому, но «Слово о полку Игореве» уже близко и современным читателям как замечательное произведение средневековой поэзии. Появление письменности на Руси было великим прогрессом, который в свое время отметил русский писатель XI в., составивший похвалу книжному учению и сравнивший книги с источниками мудрости. К сожалению, этими первоначальными источниками мудрости в настоящее время мы занимаемся чересчур слабо. Замечательные эпиграфические памятники, привезенные с Северного Кавказа два-три года тому назад, до сих пор остаются неизученными.

Не пора ли Академии наук СССР серьезно подумать о русской эпиграфике? Работу по составлению корпуса Боспорских надписей на греческом и латинском языках возглавляет крупнейший специалист — академик В. В. Струве. А кто стоит во главе славянской эпиграфики, кто ее направляет, кто ею интересуется? Вот тот вопрос, который хотелось бы задать соответствующим организациям. Неужели сейчас, в эпоху атомной энергии, реактивных самолетов, железных дорог и автомобилей, привезти плиту или крест с надписью труднее, чем в конце XVIII в., когда русская историческая наука впервые познакомилась со знаменитым Тмутараканским камнем?

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «КИРИЛЛОВСКОГО АЛФАВИТА»

*

«Книги суть реки, напояющие вселенную, в них ведь неисчетная глубина», — в таких проникновенных словах древнерусский книжник почти тысячу лет тому назад выразил свое отношение к письменности. И действительно, трудно переоценить значение письменности для мировой культуры и для культурного развития народов. Ведь письменная культура народов, их литература, их письменная традиция начинаются с создания азбуки. Так и славянские народы начинают свою письменность с Кирилла и Мефодия, «первоучителей словенских», создателей «кирилловского алфавита».

Конечно, элементы письменности существовали у славянских народов и раньше IX в., когда жили и работали Кирилл и Мефодий, но эта письменность была крайне несовершенной, так как латинский и греческий алфавиты, применявшиеся для передачи славянских слов, не имеют для этого подходящих букв. Один болгарский писатель X в. упоминает, что славяне, кроме чужих азбук, употребляли для обозначения букв также «черты и резы». Такие черты и резы действительно обнаружены на глиняных горшках, откопанных археологами в разных частях СССР, там, где жили славяне. Однако только появление двух славянских алфавитов — «кириллицы» и «глаголицы» — разрешило проблему славянской письменности, передав такие старославянские звуки, как *ч* и *щ*, *юсы* с их носовым произношением, глухие *ъ* и *ь*.

Некоторые ученые пытались доказывать, что Кирилл и Мефодий изобрели «глаголицу», но доказательства их запутанны, а древняя традиция, восходящая ко временам самих «солунских братьев», твердо настаивает на том, что «кириллица» по праву носит имя своего создателя.

Как наиболее удобный для письма алфавит, отвечающий строю славянских языков, «кириллица» утвердилась

в Болгарии, Сербии, в России, на Украине и в Белоруссии. Какими путями появился на Руси «кирилловский» алфавит — неизвестно. Наиболее вероятно его проникновение на Русь из соседней Болгарии, близкой по языку и культуре. Во всяком случае, все древнейшие русские книги и надписи, за малыми исключениями, написаны кирилловской азбукой.

Создание кирилловского алфавита имело громадное значение для славянских стран, непосредственно граничивших с Византийской империей, стимулируя развитие в этих странах национальной письменности. Ведь письменность на родном языке в те далекие времена не была достоянием всех народов. В странах Западной Европы, принявших католичество, господствовал латинский язык, на котором производилось богослужение, на котором писали церковные книги и составляли гражданские документы. Тем самым католическое духовенство старалось отгородить себя от народа, обеспечив себе полное господство в области духовной жизни.

Такие же попытки делало на Руси византийское (греческое) духовенство, занимавшее все высшие посты в русской церкви XI—XIII столетий. Греческий язык был недоступен широким народным массам, и только кирилловский алфавит создавал условия для развития национальной русской культуры. В то время как в странах, принявших латинский алфавит, древнейшие письменные памятники в основном написаны на латинском, а не на родном языке, на Руси уже в XI столетии появляется богатая литература на русском языке: летописи, жития святых, исторические повести. Следующее же столетие отмечено величайшим памятником русской средневековой поэзии — «Словом о полку Игореве».

Общность алфавитов создавала благоприятные условия для обмена литературными произведениями. Поэтому болгарские и сербские книги переписываются на Руси, а отдельные памятники русской письменности попадают в южнославянскую литературу. Об этом ярко говорит такой факт. Когда после татарских разорений XIII в. русский митрополит Кирилл начал искать список «Кормчей книги», содержавшей церковные и гражданские законы, он получил список этой книги из Болгарии.

Общность алфавитов и письменной традиции и в дальнейшем способствовала связям России и Украины с Бол-

гарией и Сербией. Образованные болгары и сербы, бежавшие на Русь в годы турецких завоеваний XIV—XV вв., нашли здесь вторую родину и создали ряд выдающихся литературных произведений.

Славянский кирилловский алфавит оказал великую помощь славянским народам в их борьбе за национальную независимость. Не довольствуясь подавлением болгарского народа путем тяжких податей и янычарской повинности, этого налога кровью, турецкое правительство пыталось задушить и самосознание болгарского народа, притом задушить чужими руками, с помощью константинопольского патриарха и подвластного ему греческого духовенства, несмотря на то что сами греки страдали от турецкого ига. Фанатики из числа греческого духовенства уничтожали и жгли болгарские книги. Но болгарская письменность непрерывно поддерживалась притоком печатных книг из Украины и России, доступных для болгар по своей письменной традиции и по своему алфавиту.

В борьбе украинцев за национальную культуру кирилловский алфавит также сыграл свою роль. В XVI—XVIII вв. именно кирилловский алфавит подвергся особым гонениям со стороны католического духовенства и польских панов. По их настояниям в XVII в. делопроизводство в Белоруссии и на Правобережной Украине, оставшейся под властью Польши, переведено было на латинский и польский языки, и даже белорусские и украинские документы стали составляться при помощи латинского алфавита. Злейшие враги украинского народа справедливо увидели в кирилловском алфавите одно из крупнейших препятствий для установления своего господства над духовной жизнью украинцев и белоруссов.

Кирилл и Мефодий жили в далекие от нас времена. Их имена и деяния овеяны легендами, и не так легко отделить легенду от действительности. Однако их творение живет и развивается вплоть до нашего времени. Конечно, современный «кирилловский алфавит» далек от той азбуки, которая была создана 1100 лет тому назад. За тысячу с лишним лет славянские народы, пользующиеся кирилловской азбукой, неизмеримо далеко ушли в своем культурном развитии. Изменились и сами языки, в особенности произношение слов, и старый кирилловский алфавит кажется теперь громоздким, без нужды осложненным. Однако его основные черты сохранились

до нашего времени и служат надежным средством для передачи теперь уже не только славянских, но и других языков. Один маленький пример, в частности, показывает, какое удобство для передачи звуков, имеющихся в славянских языках, даже в наше время сохраняет кирилловский алфавит. Достаточно сказать, что во французской печати для одной буквы *щ* употребляют пять букв (chtch).

Создание алфавита, который на долгие столетия мог бы удовлетворить требования, предъявляемые к алфавиту тем или иным народом, может быть выполнено только людьми, прекрасно знающими тот язык, для которого создается азбука. И в этом отношении кирилловский алфавит является поистине гениальным творением. Вот почему имена Кирилла и Мефодия всегда пользовались и пользуются таким глубоким почитанием в славянских странах, а все книги до сей поры печатаются «кирилловской азбукой».

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

*

«Летить бо ныне и словенсько племя». В таких словах говорит о начале славянской письменности азбучная молитва, приписываемая Константину (Кириллу), одному из создателей славянской грамоты [1]. И в этих кратких, но пламенных словах прекрасно выражена мысль о великом деле, совершившемся в славянских землях в IX в., о создании славянской письменности.

Долгое время сама дата создания славянского алфавита и начала работ по переводу греческих книг на славянский язык оставалась недостаточно точно установленной. Некоторые ученые переводили сообщения сказаний о создании славянской письменности в 6363 г. «от сотворения мира», как событие, происшедшее в 855 г. н. э., пользуясь византийским летосчислением, по которому старый счет от сотворения мира переводился на современное летосчисление путем вычета 5508 лет. Теперь уже можно считать установленным, что настоящая дата начала славянской письменности — это 863 год, так как сказания имели в виду не византийское, а александрийское летосчисление, по которому из суммы лет «от сотворения мира» надо вычитать 5500 лет [2].

Конечно, и эта дата является условной, так как миссия Кирилла и Мефодия была задумана раньше, как и созданный ими алфавит. Тем не менее годовщину 1110-летия со времени создания славянской азбуки и славянской письменности мы вправе были отмечать именно в 1963 году.

---

[1] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. «Труды Славянской комиссии», т. I. Л., 1930, стр. 199.

[2] Куйо М. Куев. Към въпроса за началото на славянската писменост. София, 1960.

Кирилл и Мефодий положили начало славянской письменности на территории современной Чехии. Пусть ростки того дела, которое начали славянские «первоучители», позже были задавлены в Чехии, дело просвещения славян продолжили их ученики в Болгарии и Сербии, а вслед за этим славянскую грамоту восприняла далекая Русь.

Но если мы более или менее знаем о распространении славянской грамоты и письменности у западных и южных славян, то о начале славянской письменности на Руси известно очень мало. Вот этому вопросу, вопросу о появлении и распространении славянской письменности на Руси в основном и посвящена моя работа.

Ко второй половине IX столетия, когда славянская письменность начала свое победное шествие в Центральной Европе и на Балканском полуострове, восточные славяне прошли уже долгий путь развития. Ярким показателем этого является образование отдельных княжеств на их территории. Как бы ни изощрялись сторонники норманнской теории, рассказывающие легенды о создании Русского государства при всеобъемлющей помощи варягов, действительность рисуется нам совсем по-иному. Летописи сообщают о первых русских князьях и старейшинах. Эти князья и старейшины носят славянские имена, например, основателем Киева был Кий (Кый — по-славянски «палка»).

Новгородский старейшина назывался Гостомыслом. Кий, по словам «Повести Временных Лет», княжил в Киеве. Такие же княжения существовали и в других славянских городах. «И после Кия и его братьев, — читаем в «Повести», — потомство их стало держать княженье у полян, а у древлян было свое, а у дреговичей свое, в Новгороде свое, а другое на Полоте, где полочане» [3].

Так «Повесть Временных Лет» подчеркивает самостоятельное возникновение славянских княжеств задолго до прихода варягов — неопровержимый факт, который тщательно обходят молчанием современные историки-норманнисты.

---

[3] «Повесть Временных Лет». Под редакцией члена-корреспондента В. П. Адриановой-Перетц, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 13.

Образование древнерусского государства со столицей в Киеве, естественно, повлекло за собой изменения и в области культурных отношений. Можно с полной уверенностью утверждать, что письменность на Руси уже существовала в самом начале X в. Об этом свидетельствует сохранившийся до нашего времени договор русского князя Олега с византийскими императорами, точно датированный 911 годом.

Здесь не место дискутировать по вопросу, когда был составлен славянский перевод этого договора, внесенный в «Повесть Временных Лет». Ведь само существование подобного договора свидетельствует уже о необходимости закрепления договорных условий Византии с Русью в письменном виде. Польский ученый Сильвиуш Микуцкий в своей статье об изучении древнейшей русской дипломатики справедливо указывает на то, что при киевских великих князьях должна была существовать особая канцелярия, где хранились и письменные документы. Подробно разбирая договоры Руси с греками X в., Микуцкий отмечает соответствие договоров византийской дипломатической практике [4].

Славянская азбука, созданная Кириллом и Мефодием, появилась на Руси, по-видимому, в своих двух первоначальных видах — глаголицы и кириллицы. Что глаголические рукописи существовали на Руси, об этом говорит свидетельство 1047 г., принадлежащее попу Упырю Лихому. Упырь Лихой, запись которого повторена в рукописи XV в., по мнению Е. Ф. Карского, пользовался оригиналом, в основе которого лежал «югославский текст с особенностями югославского извода и, несомненно, кирилловского» [5]. И. И. Срезневский объяснял некоторые неясные места в договорах Руси с греками тем, что текст договоров был написан глаголицей. Более подробные поиски укажут и на другие случаи употребления глаголической азбуки на Руси. Однако основное распространение на Руси получила не глаголица, а кириллица, и этот факт сам по себе замечателен. Он указывает на более раннее появление кириллицы, господствовавшей на Руси уже

[4] Silwiusz Mikucki. Etude sur la diplomatique russe, la plus ancienne. «Bulletin international de l'Academie polonaise des scienes et de lettres». Suppl. 7, Cracovie, 1953.

[5] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 364.

с начала X в. Так, древнейшая русская надпись, сделанная на глиняном горшке, найденном в Гнездове под Смоленском, вырезана кириллицей. Как бы ни читать эту надпись, «горужща» или по-другому, появление кириллицы на Руси в первой четверти X в. остается несомненным.

Дальнейшая история славянской письменности в русских землях уже выходит за пределы этой работы, это история дальнейшего развития письменности на Руси. Предыстория славянской письменности, когда славяне писали «чертами и резами» или пользовались греческой азбукой «без устроения», несомненно заслуживает особого внимания. Ведь в героической эпопее создания и упрочения славянской письменности имеется определенный пробел. Внимание исследователей целиком обращено только на Великую Моравию, где развертывалась деятельность Кирилла и Мефодия, или на Болгарию, куда ученики «первоучителей словенских» перенесли свою деятельность. Древняя Русь представляется лишь послушной ученицей соседней Болгарии, от которой она получает начатки славянской письменности и богатую литературу X в.

Конечно, нет никакого сомнения в громадном значении болгарского просвещения X в. для Руси того же и более позднего времени, но нельзя полностью выбрасывать и те известия, которые говорят о существовании на Руси, точнее в славянских землях Восточной Европы, своей письменности. Вот эти ростки письменности на Руси и попытается осветить наша статья.

Обширные пространства Восточной Европы в IX—X столетиях были населены различными народами, среди которых наибольшие территории занимали восточные славяне. Есть что-то изумительное и загадочное в том процессе, который привел к созданию Древнерусского государства со столицей в Киеве. Восточные славяне точно внезапно выходят на арену мировой истории и создают великое и могущественное государство. Предыстория этого государства может быть освещена лишь археологическими поисками, потому что свидетельства иноземных авторов о Руси IX в. крайне скудны, а летописи сохранили об этом времени смутные предания. К сожалению, и археологи не пришли к решающим выводам о славянской культуре в Восточной Европе, а некоторые

из них, «рассудку вопреки», изучают и отыскивают любую культуру, за исключением славянской, на основе которой возникла культура трех братских народов — русских, украинцев и белорусов, населяющих ныне бóльшую часть СССР.

Даже скудные иностранные и летописные известия показывают, что поселения славян в IX—X вв. спускались гораздо южнее, чем позже. Недаром «Повесть Временных Лет» говорит об уличах и тиверцах в прошедшем виде: «было множество их, жили по Днестру, вплоть до Дуная»[6]. Более ранние известия, сохранившиеся в Новгородской Первой летописи, говорят об уличах, как о племени, воевавшем с киевскими князьями в середине X столетия.

Уличи и тиверци непосредственно соседствовали с болгарскими владениями и хорошо были известны византийцам.

Совсем же в непосредственной близости к византийским владениям находились славяне, жившие в Крыму и на побережье Кавказа, в районе Тмутаракани. О существовании славянских племен в Крыму, известных под именем «русь», сообщают жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского. Эти произведения давно проанализированы и подлинность их доказана В. Г. Васильевским. Попытки некоторых ученых признать житие Стефана Сурожского своего рода фальшивкой только обнаруживают плохое знание авторов этой гипотезы русской житийной литературы. Подлинность свидетельств названных житий о существовании народа «русь» в Крыму не может подлежать сомнению.

Действительно, в IX в. славянские племена были тесно связаны с Херсонесом (Корсунем) в Крыму, а также с другими крымскими городами и Тмутараканью на побережье Кавказа. Эти давние связи славян с Крымом объясняют нам и некоторые статьи в договорах Игоря с византийскими императорами, которые говорят о «Корсуньской стране». Так, в договоре 944 г. читаем постановление о черных болгарах, которые воюют «в стране Корсуньстей» и которых не должен пускать русский князь[7]. В договоре отмечена прямая связь между Кор-

[6] «Повесть Временных Лет», стр. 14.
[7] Там же, стр. 37.

сунской страной и русским князем, причем даже неясно, кому по статье договора принадлежит Корсунская страна.

Пристальное внимание к Херсонесу и другим крымским городам вполне понятно в условиях морских походов русских князей на Константинополь, оставшихся памятными как в византийских источниках, так и в русских летописях.

Возникает вопрос, который и до сих пор дебатируется в исторической науке: существовала ли у восточных славян до появления азбуки, созданной Кириллом и Мефодием, какая-либо своя письменная система? Некоторый ответ на этот вопрос дает сказание о славянских письменах, написанное в X веке черноризцем Храбром. Славяне, по свидетельству Храбра, до появления у них славянской азбуки, созданной первоучителями, «не имели книг, но чертами и резами читали и догадывались, будучи язычниками, крестившись же пользовались римскими и греческими письменами, передавая славянскую речь без устроения» [8].

Указание на различного рода «черты» и «резы» ведет нас в определенную область памятников письменности на дереве или на берестяной коре. Такие куски дерева видел арабский писатель X в. у восточных славян и даже сделал описание надписей, до сих пор еще не расшифрованных. Подобные надписи соответствуют «чертам» и «резам», о которых говорит черноризец Храбр.

Конечно, подобная письменность не могла быть базой для создания какой-либо литературы. Она только могла удовлетворять потребности в различного рода хозяйственных и других записях. Известно, что различного рода «знамена» и позднее делались в лесах для отметки бортных деревьев, урочищ и т. д. В Древней Руси употреблялись так называемые «доски». Они даже в XIV—XV вв. служили документами при закладе имущества и хозяйственных расчетах. «Доски» упомянуты в Псковской Судной грамоте уже в качестве менее достоверных документов, чем письменные грамоты. «Чертами» и «резами», вероятно, делались и отметки на различного рода предметах, например на горшках, найденных в различных концах СССР. Происхождение подобных записей восхо-

[8] П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 162.

дит к очень давнему времени, может быть еще к Трипольской культуре.

Попытки прочитать подобные надписи до настоящего времени оставались, как правило, безрезультатными. И это совершенно понятно, потому что, по словам того же Храбра, при прочтении такого рода письменных знаков сами славяне только «гатааху», то есть догадывались об их значении. Однако вполне законно попытаться разгадать знаки, сделанные на глиняных горшках и других предметах, найденных при раскопках, как это удачно сделал Б. А. Рыбаков в своей статье о сельскохозяйственном и магическом календаре древних полян [9].

Значительно большее применение для различного рода надобностей, чем «черты» и «резы», могли иметь римский (латинский) и греческий алфавиты, о которых говорит черноризец Храбр. При их посредстве можно было передавать уже сложные фразы, хотя и «без устроения», несовершенно.

Применение греческого алфавита для передачи тюркской речи применялось уже проболгарскими царями, как это показали раскопки в древней болгарской столице Плиске (Абоба-Плиска). Позже такими греческими письменами пытались передавать «без устроения» и славянскую речь, хотя о невозможности точно передать ее греческим алфавитом говорит и сам черноризец Храбр. Он спрашивает читателя, как передать греческим алфавитом слова «живот» (жизнь), ѣжность (юность), «ядь» (пища) и пр.

О такого рода попытках создать славянскую грамоту на основе греческого алфавита говорит в своей интересной статье болгарский ученый И. С. Дуйчев [10]. Паннонское житие Константина (Кирилла) вкладывает в уста византийского императора Михаила III слова: «дед мой и отец мой и иные многие искали того (славянской азбуки) и не обрели ее» [11]. Дедом Михаила III был Ми-

---

[9] B. Ribakov. Calendrier agraire et magique des anciens polianes (VI Congrés international des siences prehistorique et protohistoriques). Moscou, 1962.

[10] И. Дуйчев. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийские опити за създаване на славянска азбука през пръвата половина на IX век. — «Известия на Института за българска история», 1957, № 7, стр. 261.

[11] П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 27.

хаил II (820—829), а отцом — Феофил (829—842). Следовательно, попытки создать славянскую грамоту относятся уже к первой половине IX в.

И. С. Дуйчев справедливо относит попытки создания славянской грамоты к славянским землям на Балканском полуострове. Но такого рода попытки с равным успехом могли иметь место и в Крыму.

Здесь мы, кажется, и находим разгадку того необычного свидетельства об евангелии, написанном русскими письменами, которое Кирилл нашел в Херсонесе (Корсуне) в Крыму. Кирилл «обрете же ту еваггелие и псалтирь русьскыми писмены писано, и чловека обрет глаголюща тою беседою, и беседова с ним и силу речи прииm, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и богу молитву творя, въскоре начат чести и сказати» [12].

Известие о книгах, написанных русскими письменами, вызвало различного рода толкования. Некоторые ученые тотчас же признали, что речь идет о книгах, написанных на готском языке, так как остатки готов еще долго жили в Крыму. Эта готская теория происхождения русских князей во главе с Рюриком давно уже оставлена наукой, но продолжает пользоваться успехом у иностранных ученых для объяснений, что́ надо понимать под «русскими письменами», найденными Кириллом в Корсуни.

Без всяких доказательств гипотезу о том, что русские письмена, которыми было написано евангелие, найденное Кириллом в Корсуни, были готскими, повторяют и некоторые новейшие исследователи. Так Ф. Репп в своем докладе на совещании славистов в Берлине в 1954 г. безапелляционно замечает, что Корсунское евангелие было готским, пускаясь в длинные рассуждения о том, что готская библия могла повлиять на Кирилла [13].

Однако, готское объяснение «русских книг», с которыми познакомился Кирилл в Корсуни, не может быть принято прежде всего потому, что готские богослужебные книги должны были проводить арианские взгляды о том, что Христос был человеком, а не богом. Как из-

---

[12] П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 12.

[13] F. Repp. Deutsch-slawische Kultur-Beziehungen auf dem Raume Österreichs vor Kyrill und Method (Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, 11.—13. November 1954). Berlin, 1956, S. 183.

вестно, арианская ересь считалась в византийских церковных кругах самой зловредной. Поэтому было бы удивительно, что житие Кирилла могло поставить знакомство с арианским евангелием и псалтырью ему в заслугу. К тому же, житие, как мы видели выше, говорит, что Кирилл нашел в Корсуни человека «глаголюща тою беседою» (т. е. русского) «и беседова с ним». Следовательно, этот человек мог говорить на понятном для Кирилла языке, а готский язык отнюдь не мог считаться языком понятным для грека ввиду своей особой редкости.

Можно привести и другой довод против присвоения русских письмен, найденных Кириллом в Крыму, письменам готским. То же житие Константина вкладывает в уста Кирилла следующее перечисление народов, имеющих свою грамоту. Эти народы указаны в таком порядке (даем их имена по житию, в скобках современное название народов): «Ормене (армяне), Перси (персы), Авазъги (абхазцы), Иверии (иверцы, или грузины), Сугди, Готьфи (готы), Обри (авары), Турсии (тюрки), Козари (хазары), Аравляни (арабы), Египтяни, Сури (сирийцы) и иние мнози» [14].

Бросается в глаза определенный круг народов, которые перечислены в житии. Все это народы, связанные с Византийской империей, по преимуществу ее соседи. При этом автор обнаруживает знакомство с небольшими народами, жившими на северном побережье Черного моря, которые были непосредственными соседями Византийской империи. В их числе указаны готы, абхазцы, грузины, авары (кавказские). Отмечен и народ «сугди», возможно жители Солдайи, или Сугдаи, — крымского города, известного позже под названием Судак, по-русски Сурож, если только речь не идет о согдийцах. Однако далекая Согдиана в Средней Азии и согдийцы плохо подходят к народам, перечисленным в житии наряду с другими народами Крыма.

Как все необычное, выпадающее из общих рамок, паннонское житие Константина подверглось придирчивой критике со стороны некоторых ученых, увидевших в нем произведение позднейшего времени. В частности, болгарский ученый В. Сл. Киселков признал житие про-

[14] П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 30.

изведением XIV в.[15]. Но подлинность всякого рода источников устанавливается прежде всего их соответствием реальной обстановке описываемых в них событий. Черты близости составления жития ко времени деятельности Кирилла имеются в самом паннонском житии. Оно хорошо рисует перед нами сложное политическое положение в Северном Причерноморье в IX в., в частности преобладающее значение хазар. Перечисление народов, обладающих своей грамотой, соответствует реальному значению этих народов в IX в. Религиозные споры и их международный характер типичны для IX—X вв. О них рассказывают и русские летописи в связи с крещением Руси. Создать житие Константина в более позднее время, чем во время, непосредственно связанное с деятельностью Кирилла, было фактически невозможно.

Вот почему свидетельство о псалтыри и евангелии, написанном русскими письменами, заслуживает большого внимания и находит себе опору в том, что мы знаем о попытках писать славянскую речь греческим алфавитом «без устроения».

Крым, или Таврика, издавна привлекал к себе внимание византийских политических и церковных кругов. Ведь Крым в некоторых случаях служил базой для морских нападений на Константинополь и побережье Малой Азии, как показал морской поход «безбожной Руси» на византийскую столицу в 860 г. Попытки обращения языческой «безбожной Руси» в христианство делались еще до хазарской миссии Кирилла. О них имеются прямые свидетельства греческих источников, введенные потом и в русские летописи. Во всяком случае, по известным посланиям Фотия, даже языческая Русь уже крестилась около 860 года. Принадлежала ли эта вновь окрещенная Русь к киевским славянам (полянам) или к какому-либо иному восточнославянскому племени, это мы не знаем, но что для новой, христианской Руси нужны были церковные книги на понятном для нее славянском языке, в этом трудно сомневаться.

Поэтому нет достаточных оснований, чтобы отрицать, что евангелие и псалтырь, найденные Кириллом в Корсуни, могли быть теми богослужебными книгами, какие

---

[15] В. Сл. Киселков. Пространните жития на светите братята Кирил и Методи, изд. 5, София, 1945.

были созданы для «безбожной Руси» при ее первом крещении.

Не случайно и упоминание о том, что Кирилл нашел человека, умевшего читать книги, написанные русскими письменами, именно в Корсуни, городе, где обосновались не только греки, но и славяне. Русские летописи сообщают о Корсуни XI столетия интересные сведения. Они, в частности, отмечают возмущение жителей Корсуня, узнавших об отравлении князя Ростислава. Греческий «котопан», начальник, отравивший русского князя, был убит корсунянами.

Впоследствии «корсунские» иконы и другие священные реликвии пользовались особым почитанием в русских землях, как и память Климента, похороненного в Корсуни, о чем имеем обширное и ценное исследование И. Франко.

Житие Константина позволяет думать, что Кирилл действительно нашел в Корсуни евангелие, написанное русскими письменами, которые представляли собою сочетание греческих букв с какими-то дополнительными знаками. То есть, это была вариация того греческого алфавита, которым «без устроения» пользовались славяне до создания совершенной славянской азбуки. Такое предположение находит подтверждение в словах жития о том, что после своей находки Кирилл «силу речи приим, прикладая различные письмена, гласнаа и согласнаа» и «вскоре начал читать и говорить («чести и сказати)». В этих несколько загадочных словах жития можно видеть как бы намек на то, что книги, написанные несовершенными русскими письменами, оказали влияние и на создание нового славянского алфавита, работа над которым началась еще в Крыму. Иначе остается непонятным, почему Кирилл стал согласовывать различные письмена, гласные и согласные звуки после знакомства с какой-то якобы готской грамотой, чуждой славянской речи.

Вообще говоря, рассказ жития Константина об ознакомлении Кирилла во время его пребывания в Корсуни с еврейскими, самаритянскими и русскими письменами прекрасно отражает работу Кирилла над созданием славянского алфавита. Основой для славянского алфавита явилась греческая азбука, дополненная, как это уже ранее было доказано, соответствующими знаками из

еврейской и самаритянской письменности. Никакого влияния готской азбуки на славянский алфавит, изобретенный Кириллом, до сих пор отмечено не было.

При раскопках в Херсоне Таврическом и найдены те знаки, которые вошли в созданную Кириллом славянскую азбуку, в частности, такие знаки, которые явно походят на большой и малый юсы. Мы их найдем и на предметах, открытых Блаватским при раскопках в Тмутаракани. Хазарская миссия и евангелие, найденное Кириллом в Корсуни, натолкнуло первоучителей на возможность, прикладая гласные и согласные, найти те способы, какими можно было бы лучше и более совершенно передать славянскую речь. Ведь и самые гениальные люди берут свои создания из жизни, из накопленного опыта.

Таким образом, и мы можем сказать, перефразируя слова русской летописи, сказанные по другому поводу: «Поэтому и нам наставник Кирилл». Так и называют его многие славянские сочинения прошлого: ведь он был «учителем славянского языка», первым «наставником для словенского народа» [16].

Славянская азбука, вошедшая в обиход всех народов, распространившая по всему миру великую литературу советских народов, по праву носит название «кириллицы» и пределы нашей Родины не чужды созданию славянской письменности.

---

[16] Б. Ст. Ангелов. Кирилометодиевото дело и идеята за славянско единство в старославянските литератури. София, 1958, стр. 44.

«ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ» КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ В РУССКИХ РУКОПИСЯХ

*

«Закон Судный людем» получил широкое распространение в старой русской письменности. Число списков его в русских рукописях большое, даже для этого издания привлечены были 54 рукописи. Но это число меньше действительного количества списков «Закона» в русских рукописях, так как многие поздние рукописи, содержащие текст «Закона», не учтены.

При первом же знакомстве с «Законом Судным людем» становится ясным, что все его списки, имеющиеся в русских рукописях, могут быть разделены на три основные редакции, которые пока условно назовем краткой, пространной и сводной. Краткая, пространная и сводная редакции «Закона Судного людем» представляют собой различные произведения, которые сосуществовали в русской письменности XIV—XVII столетий, их правильнее было бы назвать Кратким, Пространным и Сводным «Законом Судным людем». Такое деление текстов «Закона» несколько необычно и будет обосновано далее, но оно опирается на действительные различия трех редакций, что отмечалось и более ранними исследователями, отличавшими тексты «Пушкинского сборника» и связанных с ним рукописей (издание Дубенского) от текстов, помещенных в летописях (издание Строева) [1].

1. Древнейший извод. Обычно древнейшим списком «Закона Судного людем» считается текст, помещенный в «Устюжской Кормчей». С выделением «Устюжской Кормчей» как древнейшей мы встречаемся почти во всех монографиях, посвященных «Закону Судному людем». Однако признание Устюжского списка древнейшим встречает затруднения, так как эта «Кормчая» не имеет даты,

[1] При цитировании текстов употребляется облегченное написание (без титлов, выносных букв и пр.).

и ее написание определяют на основании палеографических наблюдений, которые отнюдь не сходятся в окончательных выводах. В действительности древнейший список «Закона Судного людем» помещен в «Новгородской Кормчей», имеющей прямые указания на время ее написания.

«Новгородская Кормчая» представляет собой громадную рукопись в лист 1°, на 631 листе пергамена. В начале «Кормчей», на первом листе, уставом одного из писцов сделана следующая запись: «В лето 67 ... написаны быша гнигы сия повѣлениемь благовѣрнаго князя новъгородьскаго Дмитрия, а стяжаниемь боголюбиваго архиепископа новгородьскаго Климента и положены быша въ церкви святыя София на почитание священникомъ и на послушание крестьяномъ и собе на спасение души. Ачи кто възмѣт я исъ церкви, а рекъ таком: се мне достоить взяти мое, попинъ ли, или епископъ или кънязь или игуменъ или дияконъ или причетникъ ...»

Конец записи в настоящее время неразборчив, но еще в начале XIX в. К. Ф. Калайдович мог прочитать продолжение записи на той же странице во втором столбце: «или инъ которыи мирьскыи ... не буди ему наше благословение ... на пагубу души и да будеть проклятъ святыми семью соборовъ вселенскыхъ иже в Ефесѣ и в Халкидонѣ и в Константинополи на Аригена... ра ...» [2] Калайдович делает тут примечание: «далее от древности в подлиннике разобрать нельзя».

В дате написания рукописи, как видим, имеется существенный пробел, так как последняя цифра (или последние две цифры) выскоблены. После цифры 700 (Ѱ) Калайдович еще мог различить черточку, которую он предположительно признавал за букву ч (90). В этом случае датой написания «Новгородской Кормчей» получался 6790 или 1282 г. Под такой датой «Кормчая» и известна во многих сочинениях.

Но есть возможность сделать более точную датировку написания «Кормчей». Климент был новгородским архиепископом с 1276 по 1299 г. Под новгородским князем Дмитрием можно понимать только великого князя Дмитрия Александровича, который сидел и княжил в Новго-

[2] «Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских», ч. I, М., 1815, стр. 19.

роде в 1277—1280 гг. и позже, в 1284—1292 г.; умер Дмитрий Александрович в 1294 г., следовательно, 1276—1294 гг. — это крайний срок, когда могла возникнуть рукопись. Но 1294 год как крайняя дата написания «Кормчей» может быть признана сразу же невозможной. Так, в записи имеем в качестве двух первых цифр 67..., что должно обозначать 6700. Последняя крайняя цифра 6700-х годов может быть 6799, то есть 1291 г. Значит, «Кормчая» была написана не позже этого года.

Однако можно с большим основанием предполагать, что «Новгородская Кормчая» была написана значительно раньше, так как вторичное княжение Дмитрия Александровича в Новгороде отмечено непрерывными войнами. В 1282 г. новгородцы находились в ссоре с великим князем Дмитрием и вели против него военные действия. Поэтому наиболее удобным временем для создания «Кормчей» можно считать промежуток времени между 1277—1280 гг., когда Дмитрий был новгородским князем и совместно с новгородцами удачно воевал в Карелии, заложив город Копорье у Финского залива. Наиболее вероятной датой написания «Кормчей» является 1280 г. В этом году состоялся церковный собор в Переяславле во главе с митрополитом Кириллом и при участии трех епископов: новгородского Климента, ростовского Игнатия, владимирского и суздальского Феодора. Собор состоялся в присутствии великого князя Дмитрия Александровича.

Митрополит Кирилл умер во время собора. Об этом в летописи читаем такое сообщение: «Тое же зимы преставись пресвященный Кирилл митрополит всея Руси, на Суждальскои земле, в Переяславли, месяца декабря в 7, на память святаго отца Амбросиа, ту сущю великому князю Дмитрию и епископу Новгородьскому Клименту, и епископу Ростовьскому Игнатию, и епископу Володимерскому и Суждальскому Феодору». Слова «ту сущу», то есть при находившемся здесь князе Дмитрии, отвергают предположение, что епископы съехались после смерти митрополита [3].

С палеографической точки зрения 1280 год, как дата написания «Новгородской Кормчей», может быть обоснован предположением, что последними цифрами были

[3] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950, стр. 338.

цифры 88 (пи), то есть в записи первоначально стоял 6788 или 1280 год.

Признав 1280 год временем написания «Новгородской Кормчей», мы поймем и некоторые особенности той рукописи, которая заключает текст «Кормчей».

По описанию И. И. Срезневского, «Кормчая» составлена из трех частей с различным счетом тетрадей. «В каждой из трех частей есть несколько разных почерков, повторяющихся в каждой из частей и во всех трех почти без исключения»[4]. Это наблюдение Срезневского имеет важное значение для суждения о том, как возникла рукопись «Софийской Кормчей». Работа производилась, видимо, довольно спешно, и это потребовало деления рукописи на три части, чтобы вести работу одновременно трем писцам. Может быть, такое деление вызывалось необходимостью одновременной переписки статей «Кормчей» из разных рукописей.

Срезневский действительно отмечает сводный состав «Новгородской Кормчей», который нашел отражение в несоответствии оглавления «Кормчей» ее содержанию. В оглавление не включено большое число статей, помещенных во второй половине «Кормчей», которые тем не менее были переписаны одновременно с первой частью «Кормчей» и ее оглавлением. На этом основании И. И. Срезневский сделал заключение, что ряд статей, которые обозначены в оглавлении «Кормчей», находящемся в ее начале, и составляли содержание «Кормчей» в первоначальном ее составе. Следующие за этим статьи являются дополнительными.

Это вполне правильное замечание можно еще более углубить, сравнив оглавление статей и действительное содержание «Кормчей». Легко заметить, что статей в «Кормчей» значительно больше, чем показано в оглавлении. Надо полагать, что эти дополнительные статьи отсутствовали в составе той «Кормчей», которая была положена в основание «Софийской» и которая нашла отражение в ее оглавлени. В числе таких дополнительных статей находим и «Закон Судный людем». В этом легко убедиться из следующей справки. Ему предшествует глава 23 — «Избранье от закона богомь даного Израиль-

[4] И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897, стр. 85—112.

томь Моисеемь». Далее следует без обозначения главы «Закон Судный людем» и статьи: «Яко не подобает жены звати госпожею» (л. 342 об.), «Вопрос. Вопросиша церковьници Федора Сикивота» (л. 342 об.). После этого идет глава 24 со статьей под названием «Изложение, рекъше воспоминание» (л. 344).

Таким образом, «Закон Судный людем» не входил в состав первоначального оригинала «Кормчей», положенного в основание «Новгородской Кормчей» и был взят из другого источника вместе или отдельно от других дополнительных статей. Поэтому «Закон Судный людем» и отсутствует в оглавлении «Софийской Кормчей». Отсюда можно сделать вывод, что «Закон Судный людем» мог попасть в Новгородскую рукопись из дополнительного источника, а не из первоначальной «Кормчей», лежащей в основе «Новгородской Кормчей». Этот вывод имеет важное значение, так как на основании его можно говорить, что «Закон Судный людем» не обязательно связан с текстом «Кормчей».

Особенностью «Новгородской Кормчей» является наличие в ней ряда статей новгородского и вообще русского происхождения. Из их числа в оглавлении показано четыре: правила новгородского архиепископа Ильи, правила Иоанна митрополита русского, вопросы Кирика к новгородскому епископу Нифонту (так называемое «Кириково вопрошание») и правила митрополита Кирилла русского. Последняя статья ценна тем, что дает датировку той «Кормчей», которая предшествовала «Новгородской» и легла в ее основу. Правила возникли не раньше 1274 г., в связи с собором епископов, собравшимся в Переяславле в этом году [5].

В «Новгородскую Кормчую» вошли и некоторые дополнительные русские статьи, в том числе: «Сказание о черноризческом чине Кирилла Туровского», «Речь жидовского языка преложена на русскую», «Правда Русская». Эти дополнительные статьи показывают стремление составителей «Кормчей» по возможности объединить русские статьи в едином кодексе с переводными статьями.

Из русских статей «Новгородской Кормчей» 1280 г. особый интерес представляет летописец Никифора патри-

[5] См. «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. VI, СПб., 1908, стб. 83, 84.

арха «воскоре», пополненный русскими статьями. Этот летописец заканчивается словами: «И нача ведати великое княжение Дмитрий Ольксандровичь. Борис Ростовьскыи княжи лет 40, и умре в Татарех; и седоста в Ростове сына его Дьмитрии и Костяньтин, а Глеб приехав ис Татар, княжив 7 месяць, и умре» [6].

По летописи, князь Глеб Васильевич Ростовский умер в 1278 г., а не в 1276 г., как писал И. И. Срезневский. Значит, и летописец не мог быть составлен раньше этого времени.

В непосредственной связи с «Новгородской Кормчей» стоит так называемая «Варсонофьевская Кормчая», написанная уставом XIV в. Следовательно, она относится к значительно позднейшему времени, чем «Новгородская». Однако можно предполагать, что ее первоначальный оригинал восходит также к концу XIII в. В этом убеждает состав «Варсонофьевской Кормчей» [7].

Содержание «Варсонофьевской Кормчей» почти совпадает с содержанием «Новгородской», но имеется и несколько важных отличий. Так, после 16-й главы помещена статья о иночестве: «Постниково от Номоканона». Такого же рода вставные статьи находим и в других местах «Варсонофьевской Кормчей». Для суждения об источнике, из которого «Закон Судный людем» попал в «Кормчую», важно то обстоятельство, что как в «Новгородской», так и в «Варсонофьевской Кормчей» «Закон» поставлен после трех дополнительных статей к 23-й главе. В «Варсонофьевской», кроме того, добавлена еще одна статья, отсутствующая в «Новгородской»: «Поученье к попом святаго великого Василья» [8].

«Варсонофьевская Кормчая», видимо, возникла самостоятельно от «Новгородской». В силу этого в «Варсонофьевской Кормчей» отсутствуют некоторые статьи новгородского происхождения, как и в «Новгородской Кормчей» статьи неновгородского происхождения. Эта особенность обеих кормчих заставила И. И. Срезневского сделать следующий вывод о различии содержания «Новгородской» и «Варсонофьевской» кормчих: «Разница

---

[6] Летописец напечатан в «Полном Собрании Русских Летописей», т. I. СПб., 1846, стр. 248—252.

[7] См. И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 85—112.

[8] Там же, стр. 98.

между Новгородским списком и Варсонофьевским заставляет думать, что или оба они списаны с одного, или каждый с особого списка, т. е. что и ранее 1280-х годов были списки этой сводной Кормчей, но не задолго ранее, уже после 1276 года» [9].

Третий древнейший список «Закона Судного людем» помещен в «Устюжной Кормчей». Этот список известен в науке с того времени, как А. Востоков характеризовал его как древнейшее собрание церковных законов на славянском языке, «за коим уже следовали другие». Востоков назвал текст «Закона Судного людем» в «Устюжской Кормчей» древнейшим и отсюда перешедшим во все другие списки [10]. Последнее замечание нашего знатока древностей перешло без проверки в дальнейшую литературу, посвященную «Закону Судному людем», хотя оно было основано на том, что во времена Востокова другие древние списки «Закона» не были известны.

«Устюжская Кормчая», хранящаяся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (Румянц. № 230) и написанная на 147 листах толстого пергамена, получила свое название от записи, сделанной на ее листах беглым полууставом XVI в.: «Сия книга гла(големая) правило святыхь отець Устюга Великого Архангельскаго монастыря домовая».

Михайло-Архангельский монастырь был крупнейшим и едва ли не древнейшим в городе Устюге. Основание его относят к XIII в. Название «домовая» показывает, что «Кормчая» принадлежала монастырской библиотеке в качестве церковного имущества и хранилась в ней, как особая ценность.

Что касается времени написания рукописи, то определенного мнения ученых по этому вопросу не имеем. Востоков колебался, к какому времени отнести рукопись — к XIII или к началу XIV в. В начале своего описания он датирует Устюжский список XIII в., а в конце непоследовательно пишет: «Хотя почерк и указывает на XIII в. или начало XIV, но язык перевода во многих местах сохранен древнейший». Эта непоследовательность дати-

---

[9] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 112.

[10] «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым». СПб., 1842, стр. 279 (далее — Востоков. Описание).

ровки зависела, видимо, от того, что и сами почерки в «Устюжской Кормчей» явно различаются по характеру: первый почерк более архаичен, чем последующие. И Востоков, поставив в начале составляемого описания «XIII век», в конце, после просмотра всей рукописи, стал склоняться к началу XIV в.

Более точно датирует Устюжский список И. И. Срезневский: «Рисунок букв и правописание не оставляют сомнения, что книга эта написана в XIII в. русским писцом». Однако Срезневский тут же добавляет, что книга написана, «судя по цвету чернил, не разом». В его записях найдем и другое пояснение: «Первые 40 листов до оборота 40-го (—47) писаны особенным нерусским почерком, отличающимся неровностью толщины толстых отвесных черт и особенной тонкостью горизонтальных; он постепенно изменяется, делаясь из узкого и сжатого широким. С л. 40 об. (—47) до 47 об. (—54) другой почерк с малыми отличиями черт толстых и тонких. С 48 (—55) начинается особый почерк, идущий до 94 (—102)» [11].

Такое наблюдение могло бы говорить о разновременном составлении отдельных частей Устюжского списка, но этому противоречит три счета тетрадей в рукописи, каждый из которых начинается с единицы и совпадает с тремя почерками, которыми написана рукопись. Этим почерки согласуются не с делением на главы по смыслу, а с делением на тетради (7, 6 и 6 тетрадей). Таким образом, надо допустить предположение, что рукопись переписывалась тремя писцами одновременно, как в свое время и сделал В. Н. Бенешевич: «Эти наблюдения дают право предполагать, что переписчики, приступая к делу, разделили свой оригинал на три равные части, и что поэтому Румянцевская в точности содержит лишь то, что в этом оригинале было» [12].

Время написания «Устюжской Кормчей» нельзя отнести к более древнему времени, чем конец XIII в. С большим основанием время ее переписки надо датировать началом XIV столетия.

Текст «Устюжской Кормчей» иногда корректируют при посредстве «Иосафовской Кормчей» начала XVI в.

---

[11] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 113, 114.

[12] В. Н. Бенешевич. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, стр. 201.

Однако следует иметь в виду, что «Закон Судный людем» в этой «Кормчей» дошел уже в подправленном виде. В целом варианты «Иосафовской Кормчей» имеют интерес главным образом для изучения дальнейших видоизменений «Закона Судного людем» и дают мало нового для понимания его протографа.

Состав «Устюжской Кормчей» описан И. И. Срезневским, который делает такой вывод, важный для истории «Закона Судного людем»: «Обозрение содержания Устюжской Кормчей и сродной с нею Академической, само собою, кажется, доказывает, что она не особого состава и расположения, не задуманное собрание церковных постановлений, а более или менее случайный набор выписок из других кормчих»[13]. С этим выводом согласен и В. Н. Бенешевич, крупнейший русский канонист XX в. Таким образом, и в данном случае следует подчеркнуть, что «Номоканон Иоанна Схоластика» не обязательно связан в Устюжском списке с «Законом Судным людем». Следовательно, и выводы о месте и времени создания «Номоканона» не могут быть механически перенесены на «Закон Судный людем».

Сранивая тексты трех древнейших списков «Закона Судного людем», можно прийти к выводу, что в основе их лежал общий протограф и что эти списки возникли независимо друг от друга, в целом передав довольно близко к подлиннику первоначальный оригинал.

2. **Извод «Мерила Праведного».** Этот извод представлен пергаменным списком «Мерила Праведного» XIV в. и другими более поздними списками этого же произведения XVI в. Извод «Мерила Праведного» имеет свои особенности, показывающие, что в основе его лежит «Закон Судный людем», может быть, даже более ранней редакции, чем дошедшие до нас изводы в пергаменных кормчих. Тем не менее извод «Мерила Праведного» уже в значительной мере отдалился от первоначального оригинала, путем внесения в него ряда поправок и изменений более позднего времени.

Под названием «Мерила Праведного» известен особый вид сборников поучений и законов. Слово «мерило» обозначает весы, меру. Значит, название «Мерило Праведное» может быть переведено как правосудные весы или

[13] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 134.

праведный суд. И действительно, лучший и древнейший список «Мерила Праведного» XIV в. украшен миниатюрой с изображением праведного судьи с весами в руках — вседержителя, сидящего на престоле. Содержание «Мерила Праведного» не оставляет сомнения в том, что этот сборник специально составлен как руководство для судей. Он состоит из двух частей: Сборника поучений и Сборника законов в 30 главах. Поучения имеют определенную направленность против неправедных судей, в том числе князей. Об этом говорят такие названия, как «Слово о судиях и властелех, емлющих мзьду и не в правду судящих», «Слово Сирахово на немилостивые князи» и др.[14] Что касается второй части, то она состоит из 30 глав, заключающих по преимуществу материал юридического порядка: главы 4—7 — о власти епископов, 7-я — о причетниках, 9-я — о лихвах, 10-я — о мирских людях, 15-я глава заключает «Избрание от закона богом данного Израилю», 16-я — «Закон Судный людем». В числе византийских законов в «Мериле Праведном» помещена «Эклога» и «Прохирон» (градской закон). 28 и 29 главы заключают «Пространную Русскую Правду», разделенную на «Суд Ярославль Володимерича» и «Устав Владимира Мономаха». К сборнику из 30 главы прибавлены некоторые статьи церковного характера, которые, возможно, первоначально не входили в его состав (о кресте, о 12 ветрах и пр.).

Наблюдения над составом «Мерила Праведного» убеждают в том, что этот сборник возник в церковных кругах, но не является сборником монашеского происхождения. На это указывает, в частности, то, что в «Мериле Праведном» почти отсутствуют специфические монашеские произведения, помещаемые в сборниках и кормчих. Вероятно, это и заставило позднейшего писца переписать дополнительные статьи о тугом опоясывании, о вопросе церковников, почему Федор Секиот запрещает мыться в день причастия и т. д. Предположительно можно думать, что «Мерило Праведное» было составлено при дворе митрополита или какого-либо епископа. В XVI столетии

---

[14] Описание сборников с названием «Мерило Праведное» см. в статье: Н. В. Калачов. Мерило Праведное. «Архив историко-юридических сведений, относящихся к России», кн. I, отд. 3, СПб., 1876, стр. 29—42.

списки «Мерила» принадлежали московским митрополитам Макарию и Дионисию [15].

Источниками «Мерила Праведного» были разнообразные материалы, в первую очередь кормчие разного состава, церковные сборники, «Русская Правда». Работа над «Мерилом Праведным» не ограничивалась только простой перепиской статей. Она явно носила творческий характер. Это особенно видно на 2-й главе — «О послусех и о числе их», которая составлена на основании разнообразных источников: на Правилах вселенских соборов, на извлечениях из «Законов императоров Юстиниана, Льва Мудрого (Философа) и Алексея Комнина», на выдержках из «Закона Судного людем» и «Русской Правды». В. П. Любимову принадлежит ценное наблюдение, что выдержка из «Русской Правды» в статье о послушестве отличается от текста «Правды», помещенного в том же «Мериле Праведном» в 29-й главе. Это признак того, что статья о послушестве была составлена раньше составления «Мерила Праведного», как особого сборника.

Время составления «Мерила Праведного» определяется поучением под заглавием «Семена епископа Тферьскаго наказание». В нем Симеон обличает полоцкого князя Константина Безрукого в том, что тот разрешал своим ставленникам («тиунам») творить неправедные суды. Статья эта не могла возникнуть раньше конца XIII в. (Симеон Тферской умер в 1289 г.), но могла быть написана еще при жизни епископа Симеона [16]. В другой работе я высказал предположение, что «Мерило Праведное» в дошедшем до нас виде и было составлено при участии епископа Симеона, о котором летопись говорит, как о человеке, не боявшемся вступать в спор с князьями. Этим, конечно, не решается вопрос о возможности того, что в основе «Мерила Праведного» лежал более ранний сборник, может быть, восходящий ко времени Владимира Мономаха. Однако в дошедшем до нас виде «Мерило Праведное» — произведение конца XIII в., явно связанное с деятельностью митрополита Кирилла и других людей, заботив-

[15] См. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 88—99 (далее — М. Н. Тихомиров. Исследование).

[16] М. Н. Тихомиров. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. — «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3, стр. 3—13.

шихся о воссоздании русской письменности и законодательства после татарских погромов.

Тот источник, из которого «Мерило Праведное» заимствовало «Закон Судный людем», неизвестен, но обращает на себя внимание то, что и в этом сборнике «Закону» предшествует «Избрание от закона богом данного Израилю», как и в списках кормчих. Это позволяет заключить, что «Избрание из Моисеевых законов», как далее мы его будем называть, предшествовало «Закону Судному людем» не только в кормчих, но и в том источнике, откуда он был взят в «Мерило Праведное», то есть наблюдается некоторая органическая связь между «Законом Судным людем» и «Избранием».

«Закон Судный людем» помещен в трех списках. Сравнение вариантов во всех этих списках приводит к мысли, что эти списки восходят к общему оригиналу. Троицкая рукопись XIV в., впрочем, отличается наибольшей древностью и исправностью.

Текст «Закона Судного людем», помещенный в «Мериле Праведном», в основном тот же, что и в кормчих. Однако он несколько короче, так как в нем отсутствует последняя статья «О малжену», имеющаяся в кормчих. Это обстоятельство можно объяснить случайным или намеренным пропуском этой статьи составителями «Мерила Праведного», но оно может указывать и на отсутствие статьи «О малжену» в первоначальном оригинале «Закона Судного людем», тем более, что во всех древних списках «Кормчей» статья «О малжену» не входит в нумерацию глав. К тому же, по наблюдениям Орошакова, статья «О малжену» взята из другого титула «Эклоги», чем остальные статьи «Закона Судного людем». Следовательно, не исключена возможность того, что в первоначальном оригинале «Закона Судного людем» этой статьи не было.

Сравнивая текст «Закона Судного людем» в «Мериле Праведном» со списками древнейших кормчих, мы придем к выводу, что «Закон Судный людем» в «Мериле Праведном» возник независимо от известных нам списков «Закона» в древнейших кормчих. Так, в «Мериле Праведном» найдем неискаженный текст о купетре, взятой замуж, как в «Новгородской Кормчей» 1280 г., «кметищи», а не «кмети», «воды», а не «вод» (с выносным *д*), как в Устюжском списке, «дълника», как в Варсонофьевском списке, вместо «должника» «Новгородской» и «далжь-

ника» «Устюжской» кормчих, «милость», как в Варсонофьевском и Устюжском списках, а не «месть», как в Новгородском и пр. Поэтому текст «Закона Судного людем» в «Мериле Праведном» должен считаться особым изводом «Закона», который тем самым корректирует тексты древнейших списков.

Главный интерес текста «Закона Судного людем» в «Мерилах Праведных» заключается в его новообразованиях. Текст «Закона Судного людем» подвергнут был составителями «Мерила Праведного» некоторой переделке в сторону его осмысления. Приведем наиболее характерные примеры, на основе Новгородского списка.

В Новгородском списке читаем (глава I): «а цена их дасться нищим», в «Мериле Праведном» вместо «дасться» поставлено «дана будеть». В главе «О послусех» в Новгородском списке: «а не мне сего рока», в «Мериле Праведном»: «а мне нъсть сего рока». В главе 3 (о полоне) в Новгородском списке читаем: «победа брани», в «Мериле Праведном» — «победа на враги» и пр.

Наиболее же существенная поправка сделана составителем «Мерила Праведного» при исчислении денег. Непонятное слово «стьлязь» заменено словом «пенязь». Это слово, употребляемое в русской письменности с древнейшего времени для обозначения монеты, денег, додержалось по крайней мере до XV в. включительно, тогда как термин «стьлязь» применялся очень редко. Время замены «стьлязя» более понятным «пенязь» установить невозможно, но сама замена указывает на то, что составители «Мерила Праведного» смотрели на «Закон Судный людем», как на произведение, которое имело какое-то значение в русской юридической практике, и поэтому старались облегчить его понимание. Такая же работа была проделана в «Мериле Праведном» с текстом «Русской Правды», наиболее понятным и лишенным архаизмов из всех трех древнейших списков «Правды», дошедших до нас в рукописях XIV—XV вв.

3. Чудовский извод. Списки «Закона Судного людем» этого извода довольно многочисленны. Они также помещаются в кормчих.

Чудовский извод стоит в непосредственной связи с изводом «Мерила Праведного». Списки этого извода помещаются в кормчих типа «Новгородской» 1280 года, в соединении с «Мерилом Праведным». Один из списков по-

добной «Кормчей» датирован 1499 г. и принадлежал Чудову монастырю в Москве.

Кормчие типа Чудовской рукописи возникли не раньше начала XIV в., так как они включили в свой состав «Правило митрополита Максима», и не позже 1499 г. — время написания Чудовского списка, следовательно, в XIV—XV вв. В другой своей работе [17] я высказал предположение, что тип «Чудовской Кормчей» возник в конце XIV столетия и связан с деятельностью известного суздальского епископа Дионисия. Оставляю это предположение в виде рабочей гипотезы.

Древнейшим датированным списком Чудовского извода является, как сказано выше, «Чудовская Кормчая», написанная по повелению митрополита Симона в 1499 г. и понавшая в Чудов монастырь в 1543 г. Рукопись, судя по записи, имела официальный характер. «Свершена бысть сия книга, — читаем в конце «Кормчей», — в лето 7008 года, месяца октября в 26 день при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при внуце его при благоверном велицем князе Дмитрее Ивановиче всея Руси и при священном митрополите Симане всея Руси» [18]. Чудовская рукопись тщательно правлена по другим рукописям, что опять-таки подчеркивает особое ее значение как произведения, вышедшего из митрополичьего двора. Однако предположение, что Чудовская рукопись является древнейшей для всего извода, не может быть принято, так как имеется Троицкая рукопись (Троицкая V), представляющая собой «Мерило Праведное» в той переделке, которая вошла в кормчии Чудовского типа. Водяные знаки датируют эту рукопись примерно первой половиной XV в. Таким образом, переделка «Мерила Праведного» существовала уже в первой половине XV в.

Чудовский извод кормчих в большинстве рукописей отличается четким и установившимся составом. «Кормчая» состоит из 110 глав, последней из которых является «Русская Правда», после чего следует заключительная статья: «Сии ряд и суд церковный».

---

[17] М. Н. Тихомиров. Исследование, стр. 107—124.
[18] «Правда Русская», т. I. Тексты. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, стр. 204.

«Закон Судный людем» помещается в Чудовских кормчих в качестве 102-й главы. Ему предшествует 101-я глава — «Избрание от законов богом даного Израильтом Моисеом». Таким образом, и в данном случае мы имеем соединение или по крайней мере непосредственную близость «Избрания из Моисеевых законов» с «Законом Судным людем», как и в древнейших кормчих.

Такая непосредственная близость «Избрания» к «Закону Судному людем» позволяет сделать и некоторые выводы о том источнике, из которого «Закон» попал в «Чудовскую Кормчую».

Априорно можно было бы предположить, что таким источником было «Мерило Праведное», и что «Закон Судный людем» в «Чудовской Кормчей» является лишь вариантом извода «Мерила Праведного». Однако текст «Закона» в Чудовском изводе оказывается связанным не с изводом «Мерила Праведного», а с изводом древнейших кормчих. Так, в Чудовском изводе текст «Закона Судного людем», как и в древнейших кормчих, оканчивается статьей «О малжену», отсутствующей в изводе «Мерила Праведного». В тексте «Закона Судного людем» Чудовского извода сохранился и счет на «стьлязи», а не на «пенязи», как было изменено в изводе «Мерила Праведного».

Сохранены и другие особенности «Закона Судного людем», характерные для извода древнейших кормчих. Вместе с тем оказывается, что и тексты «Избрания» в «Мериле Праведном» и в «Чудовской Кормчей» имеют значительные отличия друг от друга, несмотря на то, что и в «Мериле Праведном» «Избрание» связано с «Законом Судным людем». Таким образом, соседство «Избрания» и «Закона Судного людем» в Чудовском изводе указывает на то, что эти произведения были взяты в «Чудовскую Кормчую» из другого источника. Таким образом была какая-то «Кормчая» типа «Новгородской» 1280 года.

Действительно, чтения «Закона Судного людем» в Чудовском изводе отличаются особой близостью к Новгородскому и Варсонофьевскому спискам и не дают чтений «Устюжской Кормчей». Вместе с тем ни «Новгородская», ни «Варсонофьевская Кормчая» не были непосредственными источниками, откуда «Закон Судный людем» попал в Чудовский извод, который тем самым имеет самостоятельное значение для изучения «Закона».

4. Софийский извод. Четвертый извод краткой редакции «Закона Судного людем» можно назвать Софийским. Это название условное, но оно соответствует содержанию тех кормчих, в которых помещен названный извод. Как отметил уже И. И. Срезневский, состав Софийских кормчих очень близок к составу «Новгородской Кормчей» 1280 года [19].

Софийские кормчие, по-видимому, возникли уже в конце XIV в. при дворе новгородских архиепископов. На это прямо указывает запись на одном экземпляре «Софийской Кормчей», сделанная двумя почерками: более ранним — конца XV—начала XVI в., более поздним — середины XVI в. В самом начале второй части рукописи имеется приписка: «От зде не бысть в новгородском правиле и сие недостатьство наполнил архиепископ Феодосий Великого Новагорода и Пскова». Первая часть рукописи, названная Новгородским правилом, представляет собой «Кормчую», сходную с «Новгородской» 1280 года, к которой были добавлены дополнительные статьи второй части. Сделано это было при Феодосии, занимавшем стол новгородского архиепископа в 1542—1551 гг.

«Закон Судный людем» Софийского извода в основном дает текст древнейших кормчих. Однако он не является буквальным списком с Новгородского списка 1280 года и иногда отступает от его текста, что придает ему самостоятельное значение. В некоторых случаях имеется близость Софийского извода и к Устюжскому списку.

Таким образом, Софийский извод не может быть признан простым воспроизведением текста древнейшего извода, хотя бы и по какому-либо другому списку, чем известные нам древнейшие пергаменные рукописи, а представляет собой текст, испытавший некоторую переработку. Наиболее существенным нововведением являлось то, что дополнительная статья «О малжену» разбита в Софийском изводе на главы, в силу чего «Закон Судный людем» оказался разделенным на 36 глав. Это стремление к делению текста на главы, вообще характерное для

[19] Для отличия от «Новгородской Кормчей» 1280 г., в нашем издании извод назван Софийским, а не Новгородско-Софийским, как он именуется в академическом издании «Русской Правды».

XIV—XV вв., показывает, как трудно на основании такого деления строить какие-либо далеко идущие обобщения, как это делает, например, С. В. Юшков, делящий «Пространную Русскую Правду» на две части на основании рукописей XVI в.

Текст «Закона Судного людем» в Софийском изводе подвергся некоторым поправкам и уточнениям. Так, к фразе: «святый Костянтин І-й закон списав преда» слово «списав» добавлено для пояснения. Глава вторая «О судах» начинается словами: «Костянтина цесаря суд». Таким образом, царю Константину приписывается не весь «Закон Судный людем», а только одна статья.

В целом Софийский извод является не просто текстом, воспроизводящим какой-либо древний оригинал с искажениями, а сознательно обработанный, повторяя общепринятый в настоящее время, хотя и не вполне точный термин, отредактированный текст. В данном случае мы имеем перед глазами ту же картину, которую наблюдали при изучении списков «Русской Правды» и летописи, критическое отношение к тексту переписываемых памятников, а не простое их переписывание.

5. Замечания о протографе краткой редакции «Закона Судного людем» на Руси. В задачу настоящей статьи не входит рассмотрение вопроса о происхождении «Закона Судного людем». Передадим только некоторые наблюдения над его текстом, накопленные изучением его списков.

Возникает прежде всего вопрос, когда «Закон Судный людем» появился на Руси.

Время появления «Закона» на Руси нельзя датировать позже 1280 г., когда был написан древнейший его список, помещенный в «Софийской Кормчей». Но эта дата чрезмерно поздняя, так как Устюжский и Варсонофьевский списки основаны на особых ветвях «Закона Судного людем», более полных и порой более исправных, чем Новгородский. К 1280 г. текст «Закона Судного людем» уже испытал ряд перемен и добавлений, показывающих, что он принадлежал к числу таких памятников письменности, которые подвергались на Руси соответствующей обработке. Следы такой обработки прежде всего видим в том, что Новгородский список «Закона» получает дополнительное заглавие: «Правило царя Костянтина». Позже эта приписка вырастает уже в определение всего «Закона», как «Судебника царя Константина». Между тем позднее

появление второго названия «Закона Судного людем», как «Правила царя Константина», доказывается не только отсутствием этого заголовка в «Варсонофьевской» и «Устюжской» кормчих, но и тем, что в самом тексте Новгородского списка слова «правило царя Костянтина» написаны по выскобленному.

Возникновение протографа «Закона Судного людем» нельзя относить к 1280 г. и по другим причинам. Текст «Закона» уже в XIII—XIV вв. сделался в некоторых случаях непонятным. Так, начальные слова 8-й статьи «иже купетру свою поиметь жене себе», имеющиеся в Новгородском списке, не были поняты переписчиками «Устюжской» и «Варсонофьевской» кормчих или списков, использованных для этих кормчих. Устюжский список по-своему осмыслил это непонятное место в «Законе» и написал «иже купить рабу». Трудно сомневаться в том, что этот вариант возник на русской почве, где женитьба на рабе осуждалась и где существовал даже особый термин для обозначения детей от такого брака («рабичичи»).

Переписчик Варсонофьевского списка или его оригинала также не понял смысла статьи и значения слова «купетра» (кума), проведя над текстом сложную операцию, в силу чего у него получилось: «иже ужику і стру свою». Между тем в тексте первоначально было «иже оужи купетру свою», но у буквы *п* выскоблена была левая палочка и осталась правая, которую одинаково можно прочесть и как *і*, но без точки наверху, и как *с*. В этом случае получалось или «иже оужику етру свою», то есть кто родственницу какую-либо (етеру) возьмет в жены, или «иже оужику и (се)стру свою». Этот хитроумный способ передачи текста позволял русскому переписчику избежать слово «купетра», которое было ему непонятно.

Для конца XIII в. «Закон Судный людем» был уже произведением архаическим. Ведь в той же «Новгородской Кормчей» 1280 года, где помещен «Закон», имеется и «Пространная Русская Правда» с ее развернутыми статьями по имущественному и семейному праву. Не следует забывать и того, что первые десятилетия после татарских погромов были временем крайне неблагоприятным для появления новых юридических произведений на Руси. Деятельность по собиранию и воссозданию юридических сборников церковного и гражданского права оживляется только с 70-х гг. XIII в. и связана с митрополитом

Кириллом. Поэтому можно с полным правом предполагать, что «Закон Судный людем» появился на русской почве еще в домонгольское время, то есть до 1237 г.

Наиболее убедительными доказательствами существования «Закона Судного людем» уже в русской домонгольской письменности были бы прямые ссылки на «Закон» или по крайней мере выдержки из него в русских источниках XI—XIII столетий. Такой выдержкой «Закона» обычно считают статью «Правды Русской» о чужом коне. Но в действительности это не так. Сравним оба текста:

«Закон Судный людем»	«Правда Русская»
Аще кто испросить конь до нарочита места ли послеть, и ключится вредити ли умрети, испрошьшю достоить без тщеты быти, да творить господина коня.	Аже кто всядеть на чюжь конь не прашав, то 3 гривны (Троицкий список XIV в.) [20].

На сходство этой статьи «Русской Правды» с такой же статьей в «Законе Судном людем» первым обратил внимание Дубенский, но еще раньше Струбе нашел точно такую же статью в «Ютландских законах» («если кто поедет на лошади другого мужа без его воли . . ., то платит за это 3 марки») [21]. Между тем «Ютландские законы» возникли позже «Русской Правды» и не могли служить источником для ее статей. Краткая редакция «Закона Судного людем» возникла явно раньше «Пространной Русской Правды», но статья о чужом коне изложена в нем по-иному, чем в «Правде», представляя собой перевод соответствующего текста «Эклоги». Возможность же существования статьи одного и того же содержания в «Законе Судном людем», в «Русской Правде» и в «Ютландских законах» (в них она особенно близка к «Правде») говорит о самостоятельном ее возникновении на русской почве, где столкновения из-за чужих коней, взятых без спросу, были таким же обычным явлением, как и в других странах раннего средневековья. Вообще можно сомневаться в том, что юридические нормы «Закона Судного

[20] «Правда Русская», т. I, стр. 107.
[21] «Правда Русская», т. II, стр. 95.

людем» с их строгими византийскими наказаниями, применялись в русской юридической практике XI—XIII вв. Хорошо известно летописное свидетельство о попытке епископов ввести смертную казнь за разбойничество при Владимире Святом. Владимир ввел смертную казнь, отказавшись брать денежное возмещение («виры»), но сами епископы вместе со старейшинами (старцами) вынуждены были посоветовать вернуться к денежным взысканиям за убийство. «И живяше Владимир по устроенью отьню и дедню», — заканчивает летописец свой рассказ о неудачной попытке ввести новые нормы наказаний, не свойственные Древней Руси. Вернувшись к «вирам», Владимир стал жить по отцовскому и дедовскому устроению.

Выше уже говорилось о том, что появление на русской почве отдельных изводов «Закона Судного людем» объясняется стремлением русских составителей юридических сборников в какой-то мере приблизить «Закон» к русским условиям и осмыслить его не всегда понятные постановления. Между тем все исследователи краткой редакции «Закона Судного людем» даже не ставят вопроса о том, какие судьбы это произведение претерпело раньше, чем оно получило тот вид, в котором мы его имеем в древнейших кормчих. А между тем этот вопрос совсем не лишний, особенно в свете истории пространной редакции «Закона Судного людем».

В качестве своего рода презумпции заранее принимается положение, что «Закон Судный людем» в краткой редакции сложился сразу и вопрос идет только о месте и времени его создания. Между тем в известном нам виде краткая редакция «Закона Судного людем» носит характер компиляции из двух частей: перевода или переложения статей «Эклоги», с одной стороны, покаянных правил — с другой. В самом тексте «Закона Судного людем» встречаем прямое противоположение «людского» закона покаянному эпитимийнику: «По закону людскому нос ему урезают, а по церковному закону пост 15 лет да прелагается ему». Людской закон и есть «Закон Судный людем». На это указывает и само слово «людем». Аналогичные термины найдем в других произведениях русской и южнославянской письменности: «Устав людем о велицем посте», «Устав людем о Филиппове говении», — читаем в некоторых рукописях. «Люди» в данном случае миряне,

«бельцы» в отличие от монахов, так как в «уставе людем» упоминаются их жены [22].

Что статьи о покаянных мерах являются дополнительными к основному тексту «Закона Судного людем», показывает и то обстоятельство, что далеко не все главы «Закона» снабжены эпитимийными постановлениями. Так, если за насилие над девицей положено 7 лет поста, то за сношение с девицей, нареченной в замужество, даже в случае ее согласия, предписывается урезание носа и нет эпитимии. Некоторые другие статьи также не имеют указаний на покаяние. Таким образом, возникает мысль, что «Закон Судный людем» первоначально составлял произведение без постановлений об эпитимиях, которое впоследствии могло быть дополнено покаянными правилами.

Тем самым и вопрос о происхождении «Закона Судного людем» в краткой редакции может рассматриваться по-иному, чем раньше, и не потребует альтернативы болгарского или моравского происхождения.

Ценнейшие исследования по истории «Закона Судного людем» были произведены болгарскими и чешскими учеными. Сравнение «Закона Судного людем» с «Эклогой», проведенное Харлампием Орошаковым, показало, что только 11 статей «Закона» представляют собой перевод соответствующих статей «Эклоги» (11, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 25, 30). Но даже из этих 11 статей одна статья (13-я) существенно отличается от «Эклоги». Орошаков отмечает, что и другие статьи «Закона Судного людем» имели своим источником «Эклогу». Однако эти статьи отличаются от «Эклоги» существенными дополнениями и изменениями. Поэтому представляется правильным и вывод названного исследователя, что, несмотря на заимствование из чужеземного права, «Закон Судный людем» тем не менее получил значение «национальных законов» [23]. В данном случае Х. Орошаков имел в виду болгарское происхождение памятника.

---

[22] С. И. Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1914, стр. 182—185.

[23] «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», Stuttgart, 1916, S. 251—254. Существенным недостатком не столько самой статьи Орошакова, сколько способа ее издания является то, что все тексты «Закона Судного людем» переведены в ней на немецкий язык. Таким образом, с «Эклогой» сравнивается не «Закон» в подлиннике, а его перевод на немецкий язык.

Отделив гражданскую часть «Закона Судного людем» от его эпитимийной части, мы получаем возможность согласовать и две как будто несогласуемые точки зрения на происхождение самого «Закона»: если гражданская часть «Закона» носит черты болгарского происхождения, то его покаянные распоряжения отличаются западными чертами, как на это указывал еще Н. С. Суворов, а теперь И. Вашица.

Некоторое сходство с расположением материала в «Законе Судном людем» можно найти в русском церковном уставе Ярослава, где указываются штрафы по обычному праву и порою делаются ссылки на эпитимии. Например, в уставе читаем: «Аже кто с сестрою съгрешит, епископу 100 гривен, а в епитемьи и в казьни по закону»[24]. Л. В. Милов, указавший мне на такое сходство «Закона Судного людем» с уставом, справедливо видит в этой статье прямое указание на «Закон Судный людем». К сожалению, время возникновения различных редакций церковного устава Ярослава точно не определено. Прямых же указаний на время появлений краткой редакции «Закона Судного людем» на Руси мы пока не имеем. Нельзя, впрочем, не отметить того обстоятельства, что древнейшие кормчии (например, «Ефремовская») не знают «Закона Судного людем». «Закон Судный людем» не помещен и в «Рязанской Кормчей», несмотря на ее болгарское происхождение. Он появляется в русских рукописях как-то внезапно во второй половине XIII в.

Признание «Закона Судного людем» произведением сложного характера может нам объяснить некоторые церковные и филологические особенности «Закона Судного людем», в тексте которого чешский ученый Вашица отметил существование моравских особенностей[25].

Исследователи краткой редакции «Закона Судного людем» должны учесть то обстоятельство, что перед ними памятник сложного свойства, на судьбе которого отразились разные влияния. Что касается происхождения краткой редакции «Закона», то это особая тема. Во всяком случае наиболее вероятно, что краткая редакция «Закона Судного людем» не русского происхождения.

---

[24] «Памятники русского права», вып. I. М., 1952, стр. 260.

[25] I. Vašica. Origine cyrillo-methodienne du plus ancien code slave dit Zakon sudnyi ljudem. — «Byzantinoslavica», 1951, № 12.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ РУССКИХ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТЕРМИНАМИ НА ОСНОВАНИИ СЛАВЯНСКИХ ИСТОЧНИКОВ НЕРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

*

Тема данной работы с первого взгляда может показаться несколько узкой, на самом же деле, как мне представляется, она таит в себе довольно широкие возможности. Общность словаря тех или иных народов показывает и общность их культуры, а в некоторых случаях не только культурную, но и историческую судьбу. Определение взаимосвязи терминов дает понятие о времени их появления, об их развитии, позволяет датировать некоторые явления и их происхождение. Этим собственно и объясняется то, что я выдвинул такую тему с узким наименованием.

Разработка общеславянской терминологии имеет за собой значительную давность. В свое время Иречек выпустил «Свод законов славянских». Это пражское издание 1880 г. и до сих пор не потеряло своего значения.

Занимались вопросами единства славянских терминов главным образом ученые русские, польские и чешские, отчасти болгарские и сербские. Значение общеславянских терминов для объяснения славянских памятников средневековья особенно четко показано в трудах Б. Д. Грекова, который заново поднял вопрос об общеславянском окружении «Русской Правды». Этим вопросом он занимался много лет, вплоть до своей кончины. Можно указать и другие имена в области изучения славянских взаимосвязей. Сошлюсь на покойного академика М. Н. Сперанского, труды которого, к нашему стыду, до сих пор не изданы полностью, хотя Сперанский впервые поставил вопрос не только о влиянии южнославянских, болгарских и сербских памятников на русские, но и об обратном явлении — влиянии русских книжных произведений на южнославянские.

И в наше время изучением терминологии исторических памятников славянского происхождения занимаются

многие ученые, в частности Г. К. Ловмянский, Д. П. Богдан и др.

В своей работе я хочу затронуть несколько вопросов, связанных с терминологией некоторых средневековых славянских произведений, которые могут быть объяснены в свете их общеславянского происхождения.

Остановлюсь прежде всего на тех древнейших терминах в русских источниках, которые до сих пор не получили объяснения, но могут в значительной мере получить освещение при привлечении памятников южных и западных славян.

Известно, что одним из наиболее загадочных вопросов, который, к сожалению, почти не разработан, является вопрос о том, что представляла на Руси «десятина». Этот вопрос трактуется обычно только с точки зрения церковной истории.

Термин «десятина» в русских источниках упоминается редко, являясь производным от слова «десять» и связывается в наших летописях с построением Десятинной церкви в Киеве и церковным уставом Владимира.

Теперь уже можно определенно утверждать, что церковный устав Владимира Святославича или его жалованная грамота Десятинной церкви не является документом подложным, как это считали некоторые исследователи; устав основан на жалованной грамоте Владимира, которую он дал, по летописи, в 996 г.

В уставе говорится, что Владимир передал Десятинной церкви: «От въсякого княжа суда десятаа векша, ис торгу десятаа неделя от дани и от виры, и из всего съхода и прибытка и от всякого стада и от всякого жита десятое в Съборную церковь, царь или князь в 9 частех, а церкови саборнаа в десятой части» [1].

К сожалению, очень трудно вообразить себе реально, что собой представляла первоначальная «десятина», хотя долго сохранялись десятинники или чиновники епископов, собиравшие соответствующие церковные подати. Однако эти подати не стоят уже в прямой связи в «десятиной» устава Владимира.

Однако если мы попробуем объяснить значение древнерусской «десятины» славянскими памятниками, то получим следующие результаты. Прежде всего окажется,

[1] «Памятники древнерусского канонического права». РИБ, т. XXXVI, Пг., 1920, стр. 50—52.

что «десятина» именно с таким же названием (десятинника или десятиннека) встречается, например, в Хорватии. В одном хорватском памятнике встречаются совершенно такие же пояснения десятины, которые имеем и в церковном уставе Владимира.

Такое объяснение десятины мы встречаем и в польских источниках: «smardones cum decimis suis».

Об этом свидетельствует булла папы Целестина II монастырю Богоматери во Вроцлаве (1193 г.), где упомянуты эти смерды с их десятиной. Интересней всего, что эти смерды встречаются и в интерполированном документе монастыря бенедиктинцев в Тыньце под Краковом [1a].

То обстоятельство, что цитированный выше документ интерполирован особенно ценно для понимания значения десятины, потому что интерполяция имела задачей возложить на крестьянина дополнительные подати на основании существовавших обычаев. Поэтому, если в грамоте папы Целестина III упоминание о десятине смердов можно было бы считать случайным, то интерполированная грамота в 1204 г. уже прямо указывает на связь десятины со смердами.

Обратимся теперь к истории десятины. Мы до сих пор не имеем полного совпадения взглядов ученых не только о характере десятины, но и о том, откуда она произошла. В частности, знаменитый канонист А. Павлов готов был признать десятину греческим обычаем, указывая на существование такой десятины в греческих странах. Павлов отмечает, что словом «десятина» переводятся различные византийские понятия, в том числе арендная плата крестьян, которые обязаны были давать одну десятую часть урожая, экстраординарные подати и пр.

По мнению Павлова, в Древней Руси первоначальной формой государственной подати была именно десятина. Итак, если верить объяснениям нашего крупнейшего канониста, то получается, что десятина пришла на Русь из Греции. Если же основываться на других источниках, о которых я говорил выше, то приходится прийти к обратным результатам и думать, что десятина была связана как раз с такой реформой Владимира, которая разрывала с греческой церковной традицией.

[1a] J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski, t. I. Wyd. 2, Warszawa, 1964, str. 106.

Создание Десятинной церкви в Киеве отмечает определенный этап в истории русской церкви. Нельзя не обратить внимания на тот странный факт, что в «Повести Временных лет», в рассказе о крещении Руси, даже не упоминается русский митрополит, при котором происходило крещение. Между тем в одном летописном произведении, дошедшем до нашего времени уже в списке XV в., имеем имя этого митрополита — Михаил. Это имя сохранили и другие русские источники, начиная им списки русских митрополитов.

Отсутствие имени митрополита в «Повести Временных лет» — явление, конечно, не случайное. Ведь летописи упоминают о новгородском епископе Иоакиме, и нет возможности предполагать, что в Новгороде был епископ, а в Киеве его не было. Создание Десятинной церкви стояло в связи с реформой Владимира по образцу того, что происходило в соседних странах, в частности в Польше. В дальнейшем происходил процесс возвращения к греческим порядкам и постепенное снижение значения Десятинной церкви. Вот тот довольно смелый вывод, который, кажется, может быть сделан на основе анализа термина «десятина». Этот вывод, может быть, не очень укладывается в обычные рамки изложения истории Руси конца X—начала XI в., показывая гораздо большую близость нашу к таким соседним странам на западе, как Польша, Чехия, Хорватия.

Если теперь от десятины обратиться к «Русской Правде», то в свете того, что сказано о десятине, мы поймем один загадочный текст «Русской Правды», над которым много лет трудились русские ученые, наделали много ошибок, но не разрешили этого вопроса. Перед так называемым «поконом вирным», которым кончается «Русская Правда», мы имеем один любопытнейший текст. После слова о краже скота мы читаем: «А от гривны мечнику куна, а в девятину 15 кун, а князю 3 гривны, а от 12 гривну емьцю 70 кун, а в десятину 2 гривне, а кнезю 10 гривень».

В этом тексте остаются необъяснимыми два слова: «десятина» и «девятина». В моей монографии о «Русской Правде» сказано, что если князю дается 10 гривен, а от десятины идет 2 гривны, т. е. $^1/_5$, то это отражено средой церковной, связанной с Новгородской землей, где возникла «Русская Правда».

Но если перевести десятину по тому, что было сказано ранее, для нас важным упоминанием остается то, что шла десятина от князя; при этом заново расценивали соотношение двугривенного к десяти одной пятой вместо одной десятой.

Ясно, что перед нами подати, налагаемые на этих смердов, о которых говорилось выше, и что эта десятина представляла собой первоначальную подать, которая лежала на подчиненных князю смердах новгородской земли.

И здесь возникает другой интересный вопрос о датировке этой статьи, а датировка такова, что должны будем отнести ее к очень раннему времени, то есть к тому времени, когда еще в Киевской Руси слабо развивалось боярское феодальное землевладение, а смерды находились в прямой зависимости от князя.

Здесь мы встречаемся с еще одним термином, который не получил объяснения. Это термин — «девятина». В своей книге, а также в пособиях я дал ему ошибочное объяснение, вернее, не дал полного объяснения.

Дело в том, что в русских памятниках под этим словом известно поминовение покойников после девяти дней. И я взял это объяснение.

В хорватских и венгерских памятниках указывается, что девятина представляла собой тоже одну из податей. И рядом с десятиной крестьянских повинностей существовала и девятина, которую и удалось найти в хорватских памятниках.

Если теперь от десятины и девятины перейти к некоторым другим терминам в той же «Правде», то я остановлюсь на двух терминах — «дача» и «милость».

Со словом «дача» у нас связана одна статья в «Русской Правде». Там написано таким образом: «А в даче не холоп, ни по хлебе работать, ни по придатьце, но еже не доходять года, то ворочати ему милость, отходить ли, то не виноват есть».

Покойный Б. Д. Греков на основании большинства списков «Русской Правды» считал, что речь идет, может быть, об особой категории зависимых крестьян. Но по спискам совершенно ясно, что речь идет о двух словах «в даче». В русском языке с XVI в. «дача» встречается очень часто.

В самом понятии «дача» мы можем видеть государеву выдачу — дачу; дача — земельный участок, а в памятниках XIV—XV вв. и более раннего периода мы этого термина почти не встречаем.

Но, если мы перейдем к памятникам южнославянским, то найдем, что «дача» — это один из видов пошлин, обязанностей крестьянских, которые собирались в средневековье в Хорватии. Причем там «дача» встречается очень часто и в большом количестве [2]. Сравнивая это, мы можем точно перевести интересующий нас текст.

Человек, который получил какой-нибудь участок или ссуду и за эту ссуду он должен своевременно отдать с придатком назывался тоже «vdač», а от этого понятно и выражение «Правды» отходит, отработает, кончит, он не холоп.

Второй термин — «милость». Он находит объяснение не столько в русском языке, сколько в сербском. Мы встречаем совершенно определенное понятие «милость» в «Законнике» Стефана Душана: «ако тько дасть милость цареву и рече: «да ми есть господинь царь, како есть дрьжал мои другь прежде мене. Ако дасть милость цареву, будеть такозии, да дрьжи, освен царьковнаго» [3].

Милостник на Балканском полуострове представлял собой зависимых людей — категории низших служилых людей. У нас они встречаются точно так же, например «милостники» Андрея Боголюбского.

Опять-таки, привлечение текстов южнославянских позволяет в значительной мере осветить многие темные стороны наших памятников.

Я не буду останавливаться на целом ряде терминов; из них наиболее сложным является такой термин, как знаменитый «закуп», для которого найден аналогичный термин в южнославянских памятниках. Причем хорватский «закупок» будет совпадать с термином Псковской судной грамоты, в которой он означает не крестьянина, а купца-прасола, закупающего различного рода продукты в селах.

Обратим внимание на то, что привлечение большого количества таких материалов разрушит постепенно и

[2] См., например, «Acta croatica», 1, 265; «Za financisco pravni rječnik feudalne epohe Hrvatske», prvi sv., Zagreb, 1956.

[3] «Законик цара Стефана Душана», издао и превео Никола Радојчић, Београд, 1960, ст. 79, стр. 58.

наши представления, несколько неточные, относящиеся даже к таким замечательным памятникам, как «Слово о полку Игореве».

Хочу остановиться еще на одном вопросе в связи с объяснением древних терминов, которые, мне кажется, представляют значительную актуальность в наше время в смысле борьбы с норманнской теорией, которая касается не только Руси.

Что же можно противопоставить этой теории, что имело бы общий большой интерес?

Недавно мне заново пришлось заинтересоваться различного рода названиями славянских городов. В своей книге о древнерусских городах я, между прочим, говорил, что почти все русские города, за исключением, может быть, десяти из 300, объясняются славянскими корнями и это является прекрасным доказательством отсутствия у нас каких-либо сильных норманнских корней, ибо непонятно, почему некоторые города носят славянские имена и не носят имена, которые могут быть возведены к скандинавским и германским корням.

К сожалению, должен сказать, что у нас этот сильный аргумент не был принят на вооружение и, кроме моей книги, вы его нигде не найдете — ни в учебниках, ни в книгах, хотя, мне кажется, это довольно сильный аргумент.

Но вот что меня заинтересовало, — это близость наименований городов у различных славянских народов. Оказывается, что значительное количество городов Сербии, Хорватии, Польши носит названия чрезвычайно близкие, а иногда и тождественные.

Достаточно, что Белград имеется в Сербии и в России (Белгород). Любопытно, что Вышеград есть и под Киевом и в других местах.

В Сербии находится город Галич, о нем существовало предание, которое знал составитель Ипатьевской летописи. Такие термины, как град — город, встречаются довольно часто. В Сербии имеется название города Елец, раньше мне казалось, что это уникальное российское название. Любопытно, что Роман — у нас Романов.

В Сербии и в Киевской Руси существовал город Сутейск, был город с названием Борыч, а Борыч — это название Днепра. Самое интересное, что название «Серма» является однотипным для городов Польши и Сербии. Встречаются такие названия: «протолча», это напоминает

нам выражение наше: «протолча в реке». Название для обозначения части города южнославянское: «предградие» и в Польше: «предгродие».

Вся эта лексика, связанная с названиями городов, не была ни германской, ни скандинавской. А это чрезвычайно важно, так как свидетельствует, что городская жизнь у нас возникла раньше и что Новгород и другие города не были основаны у нас скандинавцами или норманнами.

Мне кажется, что нам необходимо обратить свои взоры на вопросы, связанные со славянским единством. так как мы в этом отношении отстаем от других славянских стран.

РУССКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ В «ИСТОРИИ ПОЛЬШИ» ЯНА ДЛУГОША

*

Вопрос о древнейшем русском источнике, которым пользовался в своей «Истории Польши» Ян Длугош, является основной темой этой статьи. Этот вопрос в значительной степени уже освещен в работе Е. Перфецкого [1], но выводы этого ученого нельзя признать целиком правильными.

Нет никакого сомнения в том, что в руках польского историка находился особый летописец, который содержал сведения о древнейшей истории Руси и был доведен до смерти Владимира Святого. Для определения этого источника всего удобнее сделать краткий обзор тех сведений по истории Руси, которые имеются в первых книгах «Хроники» Длугоша (до начала XI в.).

Сведения о Древней Руси помещены у Длугоша уже в первой книге его «Истории» под заголовком: «Каким образом создалось Русское государство и кто создал главные города и замки» [2]. Рассказ начинается с повествования о Кие, Щеке и Хореве и их сестре Либедь. Братья построили три замка. Кий поставил над Днепром замок (castrum) Киев, Щек — Щековицу и Хорев (Korew) — Хоривицу. Они и род их были язычниками и поклонялись болотам (stagna), озерам, источникам. Были и другие племена, происшедшие от поляков: Радим сидел на реке Сожи, Вятко на реке Оке. От них произошли радимичи и вятичи. Над рекою Бугом жили дулебы с их

---

[1] Е. Перфецький. Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXIX, Львів, 1928, стр. 31—33; т. CI, Львів, 1931, стр. 19—56.

[2] Цит. по кн. «Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Krolewstwa Polskiego», ks. I—II. Warszawa, 1962. Латинский текст дается по кн. «Joannis Dlugosii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae Liber», v. I—II, Varsaviae, 1964.

князем Дулебом, их потом звали волынянами, а теперь зовут лучанами.

Далее Длугош рассказывает об обычаях славян, но в более кратком виде, чем это описано в «Повести Временных Лет» и в «Новгородской Первой Летописи».

Потомки Кия, Щека и Хорева — повествуется дальше у Длугоша, — по прямой линии владели Русью много лет вплоть до двух родных братьев Аскольда и Дира (Oszkald et Dir), которые владели Киевом. Некоторые же русские племена поискали для себя новых мест для житья и призвали трех князей из варягов, так как никого не могли выбрать среди своих из-за раздоров. Рюрик начал княжить в Новгороде, Синеус в Белоозере, Трувор в Изборске. По смерти Синеуса и Трувора, у которых не было потомства, землями их овладел Рюрик. У него был сын Игорь, который, достигнув юношеских лет, предательски убил киевских князей Аскольда и Дира.

Игорь напал на древлян, не ждавших от него никакой напасти, и захватил их княжества, которые имели своего русского князя, именовавшегося Нискиной.

Не довольствуясь первой данью, Игорь наложил на древлян в том же году другую дань. Он погиб, убитый древлянами, которые послали своих послов к Ольге, вдове Игоря, и предлагали ей выйти замуж за их князя Нискину и овладеть обоими княжествами. Ольга ласково встретила первых и вторых послов древлян, а потом их погубила вместе с князем Нискиною. После этого она пошла против древлян к их городу с сильным войском и отомстила за смерть своего мужа, наложив на древлян дань. Игорь и Ольга имели единственного сына Святослава, который, когда вырос, оказался храбрым, деятельным и охочим до войны. Мать же его Ольга во времена греческого цесаря Цимисхия отправилась в Константинополь, где патриарх окрестил ее и назвал Еленой. Вернувшись из Константинополя, Ольга уговаривала Святослава сделаться христианином, но тот не послушался матери и остался язычником.

Рассказ Длугоша о начале Киевской Руси имеет значительные отличия от русских летописных данных. Так, Аскольд и Дир оказываются прямыми потомками Кия и киевскими князьями. Игорь овладевает Киевом при помощи предательства, о самом княжении Игоря в Киеве

не сообщается никаких подробностей за исключением рассказа о его борьбе с древлянами.

Пожалуй, самое любопытное заключается в том, что Длугош ничего не знает о князе Олеге, и это вполне соответствует тем неясностям в изложении событий начала X в., которые мы имеем в «Повести Временных Лет», в рассказе об Игоре и Олеге.

Объяснение этому сделаем позже. Здесь же отметим только, что тот источник, которым пользовался Длугош, заключал в себе особую традицию, частично переданную в «Повести Временных Лет». Отметим и то, что летопись Длугоша стояла в непосредственной связи с одним из источников в «Повести Временных Лет» и «Новгородской Первой Летописи», а не была из них заимствована. Начальные страницы истории Киевской Руси изложены у Длугоша кратко, но в строгой последовательности, без тех многочисленных вставок из разных источников, которыми отличается «Новгородская Первая Летопись» и в особенности «Повесть Временных Лет». Длугош, видимо, передавал свой источник очень точно. Однако, согласно своему представлению о том, что «поляне» (киевляне) это польское племя, он делает киевлян потомками Леха, от которого произошли и поляки.

К истории Руси Длугош возвращается во второй книге своего сочинения, помещая свое известие под определенным годом: «Год от рождения Христа 970. Святослав, князь русский делает болгар своими данниками». Под этим заголовком кратко рассказывается о том, что Святослав начал войну с болгарами, своими соседями, и захватил 80 городов на Дунае, обложив их данью. В то время, когда Святослав пребывал в Болгарии, печенеги осадили Киев, где сидела его мать Ольга с тремя внуками: Ярополком, Олегом и Владимиром. Им бы пришлось сдаться печенегам, если бы Святослав не вернулся с войском из Болгарии, тогда и умерла Ольга.

Это известие имеется и в летописи, но там оно расширено рассказом о юноше, переправившемся через Днепр, чтобы известить Святослава о неминуемой сдаче Киева, если он не придет на помощь. Как доказал Шахматов, рассказ о юноше является позднейшей вставкой. Следовательно, Длугош пользовался более кратким источником, рассказывавшим о набеге печенегов и смерти

Ольги. Под 971 годом у Длугоша рассказывается, что Святослав, во избежание споров между его сыновьями, посадил на киевском княжении Ярополка, а над древлянами поставил князем Олега, у новгородцев — Владимира, потребовав от каждого из них, чтобы каждый из братьев довольствовался своей долей и не вступался в чужую. Уже К. Н. Бестужев-Рюмин отметил, что этой фразы, обычной вообще в наших летописях, нет в соответствующем тексте «Повести Временных Лет».

Под 972 годом новый заголовок сообщает о смерти Святослава от вождя печенегов. Здесь рассказывается, что Святослав возвращался из греческой земли через землю печенегов и был убит печенежским вождем Куром, который велел сделать из черепа Святослава чашу и пил из нее, показывая свою победу.

Чрезвычайно интересно, что источник Длугоша почти ничего не рассказывает о войне Святослава в Болгарии, повествование о которой и в «Повести Временных Лет», и в «Новгородской Первой Летописи» представляется также вставным эпизодом.

Под 976 годом Длугош рассказывает о распре сыновей Святослава, давая такой общий заголовок: «Киевский князь Ярополк убил своего родного брата Олега, третий же брат, Владимир, убил Ярополка из-за власти и жену убитого взял себе в жены».

Под этим заголовком рассказывается, что по смерти Святослава возник спор о старшинстве. Старший брат Ярополк захватил город Вареж, в котором пребывал его родной брат Олег. Ярополк убил Олега и захватил Древлянское княжество. Младший же брат, Владимир, боясь тирании Ярополка, осадил Киев и сидевшего в нем Ярополка, говоря, что он мстит за смерть брата. При помощи воеводы Блуда он убил брата и захватил все три княжества в свое владение. Взял также себе в жены жену Ярополка, гречанку по происхождению, беременную (ex Iaropolko tuhe gravidam) от Ярополка, которая родила ему сына Святополка, вследствие чего тот имел двух отцов, Ярополка и Владимира.

Этот рассказ представляет собою передачу летописных сведений о распрях между сыновьями Святослава. У Длугоша город, в котором сидел Олег, осажденный Ярополком, назван Warasz. В новейшем польском издании здесь имеется примечание: «Город Варин, положе-

ние которого точно не установлено». Но это недоразумение. Название Warasz является латинской передачей наименования Овруча или по летописи Вручего. Сам по себе рассказ, переданный Длугошем, заслуживает особого внимания, так как в нем речь идет об особом Древлянском княжестве со столицей Вручей, где раньше сидел Олег. Действия Владимира объяснены тем, что он мстил за смерть брата. Что же касается до женитьбы Владимира на вдове его брата Ярополка, то неясные слова летописи «Володимер же залеже жену братьню грекиню, и бе непраздна, от нея же родися Святополк» объяснены у Длугоша. Святополк был сыном Ярополка, а не Владимира, который захватил грекиню уже беременной от Ярополка.

Под 978 годом Длугош рассказывает о том, что Владимир восстановил языческий культ в Киеве, поставив языческих богов на горах, поблизости от замка (крепости) поставил идол Перуна (молнии) и других языческих богов, которым русские приносили жертвы. Далее следует перечисление детей Владимира (10 сыновей и 2 дочери).

Под 985 годом у Длугоша сообщается, что Владимир завоевал польские города Червень и Перемышль, а также, что он возложил дань на радимичей, происходящих от поляков.

Под 987 годом рассказывается о приходе послов к Владимиру от магометан (из Болгарии), от латынян (католиков), от иудеев и греков, о избрании Владимиром греческой веры.

Под 990 годом Длугош говорит о походе Владимира на Царьград и женитьбе его на греческой царевне Анне, причем сообщается, что императоры Константин и Василий прибыли в Корсунь. По возвращении на Русь князь Владимир утвердил христианский культ в Киеве. Владимир выстроил первую церковь св. Василия на том месте, где раньше поклонялись языческим богам. Владимир построил в Киеве и другую церковь — Пресвятой девы Марии. Корсунский епископ отправил к нему священников, на содержание которых Владимир дал доходы. Кончается эта статья перечислением сыновей Владимира: Вячеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд и Судислав. Владимир учил письменности, вызывал извест-

ных художников из Греции и построил многие церкви из камня и кирпича.

Весь этот рассказ о крещении Владимира отличается особыми чертами от наших летописей. В нем говорится о корсунском епископе, но принятие Владимиром христианства отнесено еще до его похода на Корсунь. Этот факт имеет громадное значение для понимания первоначальных повествований о крещении Владимира. «Повесть Временных Лет» и «Новгородская Первая Летопись» сообщают о различных версиях, рассказывающих о крещении Владимира, замечая, что некоторые говорят, что Владимир крестился в Василеве, другие говорят по-иному, следовательно, еще до похода на Корсунь. Эту первоначальную версию передает и «Память и похвала мниха Иякова». В данном случае мы имеем дело с ранней исторической традицией, явно предшествовавшей «Повести Временных Лет».

Длугош говорит, что Владимир окрестил 12 своих сыновей. Перечисление сыновей Владимира имеет отличия от такого же их перечисления в «Повести Временных Лет» и в «Новгородской Первой Летописи», где говорится, что после смерти Вышеслава Владимир посадил в Новгороде другого своего сына, Ярослава. Следовательно, летописное известие передает перечисление сыновей Владимира уже в более новом виде. К сожалению, отметить время, когда умер Вышеслав, нет возможности.

Без указания года Длугош рассказывает о нападении печенегов на Переяславль и о поединке русского юноши с печенегом. При этом добавляется: «На том месте Владимир построил замок Переяслав». Следует отметить, что выражение «замок» (castrum) разрешает неоднократно высказанные в исторической литературе сомнения о начале Переяславля при Владимире, так как этот город упоминается в договорах Олега с греками уже за сто лет до этого события. Общее обозначение города, употреблявшееся в русском языке в первоначальном летописном тексте, обозначало также замок.

Из дальнейших событий княжения Владимира упоминается о его соглашении с польским королем Болеславом. Однако это известие взято не из русских летописей, а из польских источников, хотя о дружбе Владимира с соседними государями сообщает и наша летопись.

Особый интерес представляет рассказ о смерти Владимира и о распре между его сыновьями, так как сведения об этих событиях даны в редакциях, неизвестных по русским источникам.

Под 1005 годом Длугош рассказывает о смерти Владимира, начиная свое повествование сообщением о том, как Владимир разделил свои земли между 12 сыновьями. Один из его сыновей, Ярослав, недовольный своей вотчиной Ростовом, напал на Киев, занял киевский замок и захватил отцовские сокровища. Владимир в ответ начал войну против Ярослава, который собрал печенегов и варягов. Тогда Владимир послал своего сына Бориса против Ярослава и вскоре после этого умер в Берестове, тело его привезли в Киев и погребли в церкви св. Марии под мраморной плитой.

Далее сообщается о том, что Святополк убил своих братьев Бориса и Глеба, причем названы имена их убийц: Путши, Галич, Лович и Ласко.

Дальнейший рассказ под 1009—1011 годами о борьбе Ярослава со Святополком и поддерживающем его польским королем Болеславом, основан как на русских, так и на польских известиях.

Под 1014 годом Длугош сообщает о нападении Мстислава Тмутараканского на Ярослава, после чего опять идет сообщение о борьбе Болеслава с Ярославом.

Под 1033 годом у Длугоша говорится о смерти Мстислава Тмутараканского, под 1038 — о походе Ярослава на Мазовию, под 1040—41 годами — о походе русских на Константинополь.

Подведем нашему обзору некоторые итоги.

Длугош для своей «Истории» пользовался каким-то русским источником, передав его со значительной полнотой и даже сохранением особенностей языка. Так, например, рассказывая о крещении Ольги в Константинополе, Длугош приводит слова патриарха: «Благословена ты среди жен русских и имя твое во всех родах будет славным и благословенным». Эти слова вполне совпадают со словами летописи: «Благословена ты в женах русских, благословити тя хотят сынове русстии и в последний род внук твоих».

И в другом случае Длугош передает летописные слова, относящиеся к смерти Святослава и победе печенежского князя Кура, сделавшего чашу из черепа русского князя.

Конечно, Длугош несколько менял летописный рассказ при передаче его латинскими словами, иногда его сокращал, иногда дополнял, но во всяком случае делал это с большой осторожностью, сохраняя даже некоторые особенности подлинника. Бережное отношение Длугоша к русскому источнику подчеркивается и тем обстоятельством, что он, как католик, польский каноник не делает ни одного выпада против православной церкви, а передает летописные сведения о церковных делах на Руси так, как они были записаны в его источнике. В этом отношении Длугош поступал гораздо более осторожно, чем русские летописцы, в особенности XIV—XV вв., позволявшие себе выступать с нападками на католическую церковь, на ее уставы и обряды. Произведение Яна Длугоша поэтому имеет не только значение большого исторического источника, но и крупное историографическое значение, наглядно опровергая замечания многих русских историков царского времени о какой-то врожденной ненависти поляков по отношению к русским. Эту традицию добросовестного отношения к источникам, несмотря на различие в религиозных взглядах, позже сохранил и другой польский историк — Стрыйковский. Таким образом, мы можем со значительным доверием отнестись к показаниям Длугоша, тем более, что они соответствуют и нашим летописным сведениям.

В своей статье о «Перемышльском летописном своде» Е. Перфецкий возводит источник Длугоша к летописному своду, возникшему в Перемышле в XIII в. Соображения Префецкого очень интересны, но для нашей цели нет необходимости подвергать их общему анализу, так как в данной работе трактуются не общие вопросы о происхождении и взаимоотношении тех или иных летописных сводов, а только о ранних известиях по истории Киевской Руси, содержащихся в труде Длугоша.

Как мы видели выше, события истории Киевской Руси сообщаются Длугошем в таком порядке: основание Киева тремя братьями и начало Киевского княжества, призвание варяжских князей; Игорь, сын Рюрика, овладевает Киевом и убивает Аскольда и Дира, сам Игорь погибает в стране древлян; Ольга и Святослав мстят древлянам; Ольга принимает христианство в Константинополе и уговаривает своего сына Святослава стать христианином, но тот отказывается; печенеги осаждают Киев, где в осаде

сидит Ольга и сыновья Святослава; Святослав освобождает Киев, вскоре после этого события делит Русь между тремя сыновьями; умирает Ольга; он воюет в Болгарии, где берет 80 городов, на обратном пути его убивает печенежский князь Кур. Старший из трех братьев, Ярополк, осаждает в городе Варяж брата Олега, княжившего в древлянской земле, и убивает его, в отмщение за брата младший Владимир идет войной на Ярополка, при помощи воеводы Блуда Владимир убивает Ярополка и берет себе в жены жену Ярополка, которая была беременной от последнего; Владимир ставит языческих идолов в Киеве, захватывает польские города Червень и Перемышль, побеждает радимичей; Владимир принимает послов от магометан, иудеев, латинян и греков, решает принять крещение от греков; Владимир идет походом на Корсунь, захватывает этот город и посылает в Константинополь послов, сватаясь к царевне Анне. Императоры Василий и Константин приезжают с Анной в Корсунь. Владимир принимает крещение от корсунского епископа и женится на Анне, Владимир низвергает идолов и крестит киевлян при посредстве корсунского епископа, строит церковь святого Василия, а затем Десятинную церковь (у Длугоша — церковь пресвятой девы Марии), Владимир строит другие церкви, идет войной на хорватов, изгоняет печенегов и строит замок в Переяславле и живет в мире с Болеславом польским.

Здесь, видимо, и оканчивается основной источник Длугоша, рассказывающий о древнейших киевских событиях, так как древнейший рассказ представляет собой отрывок из какого-то особого сказания о смерти Владимира и распрях между его сыновьями, о чем будет сказано далее.

Сравнивая состав известий в летописном источнике Длугоша с «Повестью Временных Лет» и «Новгородской Первой Летописью», мы обнаруживаем, что источник Длугоша не имел ряда статей двух последних источников. Поскольку «Повесть Временных Лет» дает текст уже осложненный многими вставками, сравним состав летописного источника Длугоша только с «Новгородской Первой Летописью».

Источник Длугоша не имел предисловия к «Софийскому Временнику», помещенному в «Новгородской летописи», а начинался рассказом о Кие с братьями, не имел

рассказа о хазарах и дани киевлян, не знал об Олеге, его походах и смерти, не имел рассказа о пребывании Святослава в Переяславце, кроме упоминания о взятии им 80 городов, не имел рассказа о мучениках варягах, не имел «речи философа» о христианской вере, не имел рассказа об осаде Корсуни и Анастасе Корсунянине, не имел исповедания веры. Источник Длугоша кончался сообщением о сыновьях Ярослава и прерывался, как прерывается и рассказ «Новгородской Первой Летописи», на этом сообщении.

Таким образом, русский летописец Длугоша по своему составу был древнее «Новгородской Первой Летописи» и не был осложнен дополнительными вставками. Иными словами, русский летописец Длугоша основан на источнике, более раннем, чем «Новгородская Первая Летопись» и «Повесть Временных Лет».

Нет никакого сомнения в том, что русский летописец, использованный Длугошем, был южнорусского, точнее, киевского, происхождения. В нем на нашли отражения какие-либо новгородские события, за исключением легенды о призвании Рюрика с братьями. Весь рассказ о событиях Киевской Руси построен на основании южнорусских материалов. В сущности, перед нами рассказ, начинающийся сообщением о Кие как основателе династии киевских князей, кончавшийся Аскольдом и Диром, которых предательски убивает Игорь, после чего следует рассказ о самом Игоре и его потомках, оканчивавшийся княжением Владимира.

Ранний русский летописец, которым пользовался Длугош, известен был ему не в своем первоначальном виде, а дошел до него в составе какой-то более поздней компиляции. Эту компиляцию Е. Перфецкий возводит к «Перемышльскому летописному своду», строя целую схему взаимоотношений летописных сводов между собою. Не ставя себе задачей оспаривать интересные построения Перфецкого, отметим только, что они отражают наиболее слабую сторону исследований А. А. Шахматова с его взаимоотношениями гипотетических и взаимно противоречащих летописных сводов. Нельзя забывать и того, что Длугош пользовался разными источниками при освещении ранней истории Киевской Руси. Все это крайне затрудняет определение того, где кончался тот текст, на основании которого он писал об истории Руси X в.

Выше уже говорилось, что почти дословное совпадение Длугоша с «Первой Новгородской Летописью» и «Повестью Временных Лет» кончается примерно на княжении Владимира. Далее у Длугоша следует особый текст, рассказывающий о войнах Болеслава с Русью, не имеющий текстуальных совпадений с русскими летописями. Длугош говорит и о некоторых событиях, помещенных в русских летописях, но рассказ об этих событиях у Длугоша не совпадает текстуально и основан на различных источниках. Сказанное легко подтвердить сравнением текста Длугоша с текстом «Повести Временных Лет», сделанным Бестужевым-Рюминым.

Для установления того, что собой представлял русский летописец, положенный Длугошем в основу его рассказа о древнейшей истории Руси, имеет значение сравнение его хронологии с хронологией «Повести Временных Лет». Начальные известия о Руси даны у Длугоша без указания на даты. Таким образом, подтверждаются предположения многих ученых о том, что первоначальный летописный текст не имел каких-либо хронологических показаний. Этот вывод подтверждается и тем, что сама «Повесть Временных Лет» вводит хронологические выкладки в свой текст словами: «тем же отселе почнем и числа положим». В отличие от «Повести Временных Лет» и «Новгородской Первой Летописи», первая русская дата дана Длугошем в рассказе о походах Святослава: 968 и затем 970 годы. Следующими за этими датами у Длугоша даны сообщения под 971, 972, 976 годами.

Все эти даты относятся к княжению Святослава, но не совпадают с летописными. Это несовпадение обнаруживаем и в других датах, приведенных у Длугоша. Таким образом, становится ясным, что русская летопись, которой пользовался Длугош, не имела хронологических дат или, что трудно предположить, эти даты не совпадали с летописными. Второе предположение менее вероятно, так как источник Длугоша по содержанию находится в явной связи с «Повестью Временных Лет» и «Новгородской Первой Летописью».

К какому же времени следует относить появление русской летописи Яна Длугоша? Некоторый ответ на этот вопрос дает то обстоятельство, что перечисление сыновей Владимира дано Длугошем дважды, причем эти перечисления не согласованы одно с другим. Говоря о сыновьях

Владимира, польский историк (под 978 годом) перечисляет их в таком порядке: Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод и две дочери. Дальше Длугош замечает о происхождении других сыновей Владимира: от гречанки Владимир имел сына Святополка, от чехини — Вячеслава, от четвертой жены — Святослава и Мстислава, от болгарки — Бориса и Глеба.

Подобное перечисление сыновей помещено под 980 годом и в «Повести Временных Лет», где сообщается, что Владимир от Рогнеды имел четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей, от гречанки — Святополка, от чехини — Вышеслава, а от другой — Святополка и Мстислава, а от болгарини — Бориса и Глеба. Это перечисление явно составлено после смерти Владимира и Бориса и Глеба и взято из другого источника, чем иные статьи у Длугоша.

Но у Длугоша имеется и второе перечисление сыновей Владимира. Оно помещено у него после рассказа о крещении Руси и в таком виде: «Крестился же Владимир с сыновьями Вышеславом, Изяславом, Святополком, Ярославом, Всеволодом, Святославом, Мстиславом, Борисом, Глебом, Станиславом и другими». Особенность этого перечисления в том, что оно написано в явной связи с крещением Руси и, таким образом, имеет датирующее значение, так как в той же летописи как-то невнятно сообщается, что после смерти старшего сына, Вышеслава, на его место в Новгороде был посажен Ярослав. Все это заставляет предполагать, что рассказ о крещении Владимира, помещенный у Длугоша, стоит в тесной связи с рассказом о сыновьях Владимира.

Из всего сказанного выше можно сделать в значительной мере обоснованный вывод: русский летописец Длугоша представлял собой особое сочинение, начинавшееся повествованием о начале Киева и кончавшееся княжением Владимира после его крещения. Источник Длугоша был написан в виде повести о русских князьях X в. и не был разделен на годы. Отсутствие годов в первоначальной повести или сказании о первых русских князьях, как известно, подтверждается и наблюдениями Шахматова и других ученых, указавших на искусственность внесенных погодных дат в текст летописи.

II. РЕЦЕНЗИИ

СЛАВЯНЕ В «ИСТОРИИ РОССИИ» проф. Г. ВЕРНАДСКОГО

(A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich, Vol. I. Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history. Yale University 425 8 maps. New Haven). Yale University press. 1943. (Lec. printing, 1944).

*

Проф. Вернадский, конечно, прав в том, что начинает историю России с отдаленных, первобытных времен. Это внимание к отдаленным эпохам составляет, несомненно, ценную сторону его труда, так как многие явления позднейших периодов уходят своими корнями в очень далекое прошлое. Тем не менее при чтении его книги возникает вопрос, что же именно проф. Вернадский понимает под названием «Россия»? Является ли для него «Россия» только определенным географическим понятием, или речь идет о большем, не только о территории, но и о народе, ее населяющем. Автор оперирует необычными географическими понятиями. По его мнению, территория, обычно называемая Европейской Россией, должна скорее называться Западной Евразией, а термин «Евразия» означает, по автору, общее пространство Европейской и Азиатской России (стр. 6). Таким образом границы Евразии, о которой говорит проф. Вернадский, в основном совпадают у него с границами России. Но границы России — образование сравнительно недавнего времени. Возьмем раннюю историю восточных славян. Территория их на востоке не доходила даже до среднего и нижнего течения Волги. Самыми восточными племенами были северяне и вятичи, далее на восток жили неславянские народы, а на Волге находились царства хазар и болгар. Продвижение русского народа на восток относится к более позднему времени, когда образовалось Русское государство с центром в Москве, что началось с царствования Ивана Грозного.

Заселение Сибири происходило в ту же эпоху, когда происходило заселение Америки.

Неправильная общая концепция автора привела и к неправильному построению всей книги. Проф. Вернадский, в сущности, изучает даже не историю Восточной Европы, а историю только степных ее районов. Скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары — вот те народы, на историю которых обращено главное внимание автора. Все они приходят с востока и действуют на широкой арене причерноморских степей. Только в последних двух главах внимание автора обращается на север в связи с возникновением Киевского государства. Проф. Вернадский, в сущности, пишет не историю славян и России, а историю тех народов, которые жили или появлялись на юге России. Создание же русской государственности в основном происходило же не на юге, в полосе степей, а на севере, в полосе лесов. Нет спора, история южных областей имеет прямое и непосредственное отношение к истории России, но не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находиться в поле внимания историка России, а не те народы, которые давно исчезли с мировой арены. Между тем истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места. Только в главе о Киевском государстве мы находим параграфы о русских племенах в IX в.

Автор знает новейшую литературу, но использует ее очень слабо. Он, по-видимому, совершенно не знаком с трудами по исторической географии России проф. Середонина, не говоря уже о литографированном курсе исторической географии проф. М. К. Любавского. Поражает и то, что книга покойного акад. Ю. В. Готье «Железный век», известная проф. Вернадскому, использована для этих параграфов крайне слабо. Не отмечен даже тот многозначительный факт, что поселения кривичей заходили далеко на запад, по течению Западной Двины, что кривичи поддерживали тесные сношения с леттами и ливами, вследствие чего вся русская земля известна у латышей, как земля кривичей. Особенно не повезло вятичам, о которых автор говорит только в связи со своей странной теорией, согласно которой имя легендарного родоначальника вятичей (Вяток) происходит от осетинского faetaeg («leader»), то есть вождь. Автор весьма существенно

видоизменил показания летописей (стр. 319—320). Там читается не «Вяток», а «Вятко» («Радим, а другый Вятко»; ниже «а Вятко седе») [1].

Вятко — имя славянское, вероятно, производное от «вятший» — лучший (как и Вячеслав). Надо иметь очень большое воображение, чтобы произвести его от какого-то осетинского слова. К сожалению, проф. Вернадский на этом подробно не останавливается и делает неожиданную поправку к летописи. Оказывается, текст летописи о Радиме и Вятке — «бяста два брата в Лясех» — надо читать с поправкой — «в Ясех» («v Jasekh»). Но для такой поправки нет никаких оснований, так как в летописи написано совершенно недвусмысленно: «Радимичи бо и Вятичи от Ляхов». Полагаем, что и проф. Вернадский не может здесь внести поправку и читать «от яхов», что было бы совершенно бессмысленно.

Приведенные примеры уже до некоторой степени вскрывают перед нами характер труда проф. Вернадского. Обратимся теперь непосредственно к тем главам «Ancient Russia», которые относятся собственно к истории славян. Наше внимание привлекает история антов. По мнению автора, анты получили свое название от аланов-асов. Правда, для отождествления антов с асами автору приходится преодолеть кое-какие трудности. Асы, по китайским источникам, жили около 127 г. до н. э. у Аральского моря, тогда как анты, по византийским источникам, вели оседлый образ жизни. Но автор не затрудняет себя особыми исследованиями (стр. 83—84). Он просто пытается объяснить, каким образом название анты связывается с асами. Это, по его словам, может быть выведено из фонетических законов греческого языка. Так из законов греческой речи выводится объяснение названия племени, говорившего на совсем ином, негреческом языке. Возникает вопрос: как называли себя сами анты — антами или асами? Возникает и другой вопрос: кто же были анты — славяне или асы? По мнению проф. Вернадского, дело происходило так: между другими племенами подчиненными антам, были некоторые славянские племена, и, «наконец, одно из них, анты, приняло имя своих новых господ» (стр. 90). Но где же доказательства подчинения славянских племен этим предпола-

[1] «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 7.

гаемым асамантам? Доказательств таких автор не приводит. Проф. Вернадский указывает лишь на то, что имена антских вождей во многих случаях иранского или полуиранского происхождения. Таковы имена: Ардагаст, Пейрагаст, Келагаст (стр. 159). Автор утверждает, что вторая половина этих слов — «гаст» — может быть иранской, кельтской, фракийской или славянской, но, так как имя Гастес имеется в одной боспорской подписи, то это указывает, что окончание «гаст» было ассимилировано славянами именно от иранцев. Нельзя не подивиться той простоте, с которой любое славянское имя превращается автором в какую-то ученую загадку. Укажем только на то, что «гаст» (гост), по греческим источникам, в именах антских вождей — излюбленная часть русских имен. По Новгородской летописи, например, известны Вой*гост* и *Гост*ил [2]. Напомним и *Гост*омысла из наших летописей. Не забудем и того, что имена антских вождей известны нам в греческой передаче. «Пейрагастас» у Феофилакта — это славянский Пиро*гост*, имя, употреблявшееся в Киевской Руси XII в., где известна была икона Богородицы Пирогощей, то есть икона, принадлежавшая Пиро*госту*. Совсем уж по-славянски звучит имя Добро*гаста*, упоминаемого среди антов.

Если бы речь шла о народе, о котором сохранились только отрывки письменных известий, предположения проф. Вернадского могли бы иметь какую-то ценность. Однако с историей антов дело обстоит совсем не столь безнадежно. О них говорит Иордан, прямо причисляющий антов к венетам, то есть славянам. Он указывает, что венеты, анты и склавины происходят от одного племени. Об антах говорит Прокопий Византийский, указывающий прямо, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». Антов знает Менандр, о них пишет подробно Маврикий, который также подчеркивает, что «племена славян и антов сходны по своему образу жизни». Маврикий отмечает особенную любовь антов и славян к свободе: «Их никоим образом нельзя склонять к рабству или подчинению в своей стране» [3].

---

[2] «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888, стр. 121, 244.

[3] См. подбор сведений об антах в «Вестнике древней истории», 1941, № 1 (14).

Все это прекрасно известно проф. Вернадскому, но тщетно мы стали бы искать в его книге рассказа о жизни и общественном устройстве антов. Автор занят только изложением внешних событий, особенно много места уделяя рассуждениям об иранском, фракийском, славянском и т. д. происхождении того или иного имени. При этом переделка любого имени производится проф. Вернадским с большой легкостью. В хронике Малалы, по словам проф. Вернадского, упомянут Мугель, или Муйль («a sertain Mugel or Muil»). Но «*б*» и «*м*» в тюркских языках очень часто меняются. «Не могло ли быть имя вождя восстания Буйль или Бойль вместо Муйль?» Если так («if so»), то «бойль» означает не собственное имя, а имя боярина, ибо по-болгарски «бойль» — боярин (стр. 168—169). Однако и подобная, малоубедительная система доказательств не находит никакой опоры в источниках. В печатном издании хроники Малалы, на которое ссылается проф. Вернадский, мы найдем только имя Мугель. Никакого имени Муйль мы там не найдем[4]. Значит, и все рассуждения о Муйле-бойле ничем автором не обоснованы. Пресловутая замена звуков помогает отождествить двух вождей антов — Мусокия и Божа (Буса). Дело обстоит просто: «Мусокий» должен читаться, по мнению проф. Вернадского, как «Бусокий». И далее уже без всяких оговорок речь идет о Бусоке: «Busok's compaign ended in catastrophe» (стр. 186—187). Пусть не подумает читатель, что мы что-нибудь прибавляем или упрощаем в доказательствах проф. Вернадского. Такова именно система доказательств автора «Истории России». Не лишне тут же отметить, что «Бусок» проф. Вернадского произошел из слияния «Мусокия» и «Божа». О смерти Божа известно из рассказа Иордана, который относит его жизнь к концу X в., а Мусокий жил в конце VI в. О нем говорят Феофилакт и Феофан, называя Мусокия властителем славян. Даты жизни того и другого исторического лица известны, и спутать их невозможно.

Общая концепция книги проф. Вернадского — обязательно находить для восточных славян каких-нибудь господ — особенно ярко сказалась на тех страницах его работы, где речь идет об истории венгров. После гибели аваров наступило время, когда в Восточной Европе не

[4] Malalas «Chronographia», Ad. Dindorf, Bonn, 1831, p. 432.

было уже столь могущественной державы, какими были державы аваров и гуннов. Однако автор находит новых господ славян в лице венгров. Глава об уграх и Асах в Южной России («The Ugrians and the as in South Russia») особенно интересна для характеристики ученых приемов автора. Ссылаясь на Константина Багрянородного, автор указывает, что до прихода в Паннонию венгры (угры) жили в Лебедии. Где находилась эта загадочная Лебедия, неизвестно, но автор легко выходит из положения, ссылаясь на различные географические названия на Украине. Эти названия следующие: Лебедин — деревня в Чигиринском уезде, Лебедин на Брацлавщине, Лебедин на Харьковщине, Лебедянь на Тамбовщине, речка Лыбедь в Киеве. К этому небольшому списку мы добавим от себя ряд подобных названий: озеро Лебедино у Тихвина, деревня Лебедино в Татарской АССР, село Лебединцы в 40 км от Бердичева, река Лебедь в Томской области, Лебяжий камень на Каспийском море, село Лебяжье на Полтавщине, село Лебяжье на Харьковщине, Лебяжье озеро среди манычских озер. Эти сведения взяты нами из географического словаря Семенова [5], а сколько подобных же названий не вошло в указанный словарь? Ведь мало указать сходство названия, а надо объяснить время его возникновения. Речка Лыбедь течет не только в Киеве, но такое же название имеет ручей во Владимире на Клязьме, вероятно, получивший свое название в подражание киевской Лыбеди. О Лебедине на Харьковщине становится известно не ранее середины XVII в., ничто также не говорит о раннем возникновении Лебедянки, столь известной по рассказу Тургенева. Как прихотливо возникновение географических названий, видно на примере харьковской Ахтырки, которую автор (правда, несмело) возводит к осетинскому khtyr (стр. 96). Между тем село Ахтырка имеется и под Москвой (в бывшем Дмитровском уезде); оно получило свое название от церкви в честь иконы Ахтырской богоматери.

В каждом отдельном случае географическое название должно быть тщательно изучено, раньше чем автор может сказать о его происхождении что-либо обоснованное. А между тем проф. Вернадский с необыкновенной легкостью обходит законные вопросы, возникающие в связи

[5] П. Семенов. Словарь Российской империи, т. III. СПб., 1867.

с его изложением венгерской истории, и необоснованно объявляет венгров господами славян (стр. 245). При этом по вопросу об археологических древностях принимаются во внимание доводы только иностранных авторов вроде Феттиха, мнения же представителей русской археологической науки оставлены без внимания (стр. 241). Но проф. Вернадский не останавливается на этом и идет дальше. Говоря о распространении хазарского и мадьярского владычества на южнорусские племена (стр. 330), он разбирает известия хроники нотария короля Белы. Он соглашается с тем, что хроника нотария была составлена в XIII в., но указывает, что эта хроника использовала так называемые «Деяния Венгров» («Gesta Hungarorum»), которые были написаны в начале XII столетия, значит, одновременно с русской летописью («which was written in the beginning of the twelfth century — that is, simultaneously with the Russian Book of Annals»).

Здесь, что ни слово, то искажение фактов. Прежде всего, неизвестно, что включено из «Деяний» в сочинения нотария Белы, следовательно, ставить равенство между хроникой нотария и русской летописью нельзя. Кроме того, проф. Вернадский прекрасно знает, что и «Повесть Временных Лет» основана на более ранних исторических трудах XI в. и, кроме того, включила в себя кое-какие материалы X в. (договоры Руси с греками). Он сам пишет на стр. 177, что первые русские летописи были написаны в XI в. Знает проф. Вернадский и о том, что «Повесть Временных Лет» в смысле достоверности стоит несравненно выше хроники нотария Белы, произведения очень посредственного по качеству сообщаемых в нем сведений. Однако это нисколько не смущает проф. Вернадского, и он продолжает ряд сопоставлений. Венгерский воевода Олом (Almus — нотария) назван у Константина Багрянородного, а «Повесть Временных Лет» упоминает Ольмин дворец (Ольмин двор), который был расположен на холме близ Киева. Холм был известен как угорский (то есть мадьярский) квартал (Ugorskoe). Ввиду важности этого места приведем его в передаче самого автора: «It must be noted in this connection that the Book of Annals mentions Olom's palace (Olmin dvor), which was situated on a hill near Kiev. The hill was known as the Ugrian (i. e. Magyar) settlement (Ugorskoe)» (стр. 332).

Проф. Вернадский уверяет, что воевода Олом упомянут у Константина Багрянородного в книге «Об управлении империей». Идем по следам проф. Вернадского и находим по его же ссылке, что Константин Багрянородный называет воеводу Сальмуцием, причем издатели указывают на ошибочность чтения Альмуций, так как первое чтение дважды имеется в тексте [6]. Опять проф. Вернадский приписывает предположения историков самому источнику. Но и этого мало. В летописи говорится об Олме в связи с рассказом об убиении Аскольда и Дира с добавлением: «и погребоша и на горе, еже ся ныне зовет Угорьское, кде ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Олма церковь святого Николу» [7]. К какому времени относится это «ныне»? К тому времени, когда жил Олма и построил свой двор. А это могло произойти только после крещения Руси, то есть не ранее XI в. Ведь Олма был современником летописца. Олма жил в Киеве, там указывали его двор, там он построил церковь Николая, тогда как Олом Константина Багрянородного жил задолго до этого времени, а по истории Белы — увел венгров в Паннонию. Простая справка в летописи — и рушатся построения автора.

Здесь же проф. Вернадский переходит к преданию об основании Киева. Имя «Кий» выводится из тюркского «kiy» — берег реки («bank of a river») — и тотчас же связывается с хазарами. Хорив — библейское имя, Щек — болгарский боярин, убитый на Днепре (по одной надписи в Абобе—Плиске). Тут добавлено, что имя Шок (Саак) упомянуто в венгерских хрониках («a similiar name Shok (Šaac), is mentioned in old Magyar chronicles»). Сестра трех братьев Лыбедь связывается с именем венгерского воеводы Лебедия. Тут же добавлено, что царевна Лебедь популярна в русских былинах и сказках (стр. 333). Не отрицаем последнего, добавим еще, что лебедь подавалась на царских пирах, а фамилия Лебедев очень распространена у русских. Но почему же проф. Вернадский не обратил внимания на то, что венгерский воевода у Константина Багрянородного носит славянское прозвание воеводы (слово, несколько раз повторяемое в греческом тексте), почему венгерский воевода носит славянское имя Лебедь?

---

[6] J. Migne. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, t. 13.
[7] «Полное Собрание Русских Летописей», т. I, СПб., 1846, стр. 10.

Ведь, если уж быть последовательным, то отсюда надо сделать вывод, что славяне господствовали над венграми, а не наоборот. Какой же народ — завоеватель заимствует имена и титулы вождей у побежденных? Далее, по какой причине проф. Вернадский так упорно игнорирует рассказ русской летописи о начале Киева? Ведь летописец знал разные версии о первоначальной истории и ни одну из этих версий не связывал с уграми. Никто не отрицает ранних сношений венгров со славянами, но отсюда далеко до вывода об их господстве над славянами. И зачем искать тюркское «кий», когда известно славянское слово «кый» — молот.

В последних главах своего труда проф. Вернадский касается вопроса об образовании Киевского государства. Как и следовало предполагать по общему направлению его книги, проф. Вернадский целиком стоит на позициях норманнистской школы, хотя и упоминает о Гедеонове и некоторых других историках иного направления. Проникновение варягов в Восточную Европу автор излагает без всякого учета географических условий. Например, проф. Вернадский полагает, что варяги достигли верховьев Оки и ее притока Зуши. Здесь к Зуше подходит верховье реки Сосны, впадающей в Дон, а река Тим — приток той же Сосны, впадающей в Дон, — протекает близко от верхнего течения Оскола. Так проф. Вернадский открывает прямой путь для поездок варягов с верховья Оки к Донцу.

Что русские реки близко подходят притоками друг к другу — это давно известно, но это еще не значит, что по всей Восточной Европе было легко разъезжать на речных судах. Стоит только посмотреть на карту, чтобы увидеть полное отсутствие возможности ехать на речных судах по пути, намеченному проф. Вернадским. Между Новосилем, на повороте Зуши к северу, и Ливнами, на повороте Сосны к югу, лежит пространство в добрых 50 км при полном отсутствии притоков этих рек, которые могли бы быть использованы даже для мелкого, лодочного судоходства. Не лучше дело обстоит и с Тимом, протекающим по высокой, водораздельной местности, к тому же подверженной нередким засухам. Ведь речь идет не о лесной, а лесостепной полосе. Поэтому какой-то насмешкой звучат слова автора, что по этой сети речных путей варяги могли легко проникнуть с Верхней Оки в область

Верхнего Донца и Оскола (стр. 269). Этот воображаемый путь создан проф. Вернадским только для того, чтобы дать варягам возможность достигнуть Верхнего Салтова, где, по мнению автора, раньше сидели мадьяры. Какие особые удобства сделали из района Верхнего Салтова столь привлекательный центр, куда тянулись асы, мадьяры, а теперь с далекого севера прибывали варяги, — в книге не объяснено. Но проф. Вернадскому и этого мало. Он даже указывает точную дату столкновения мадьяров с варягами в этом районе. Это случилось около 730 года (стр. 269).

Тут и сам проф. Вернадский приходит в некоторое смущение по поводу чересчур большой гипотетичности своих построений («we admit that the argument is rather hypothetical») и пытается обосновать свою гипотезу: во-первых, прекрасный меч северного типа найден в Краснянке у Купянска, во-вторых, большое число «восточных» вещей, найденных в Швеции, сходны с вещами, выкопанными в Верхнем Салтове (стр. 270). Нетрудно заметить, что это «археологическое доказательство» звучит несколько странно. С таким же правом можно говорить о том, что арабы завоевали Скандинавию, так как арабские диргемы и восточные предметы найдены на ее территории. Второй аргумент проф. Вернадского сложнее. Народ Саворти, о котором говорится в трактате Константина Багрянородного, проф. Вернадский отождествляет со ... шведами. Для этого ему приходится непрерывно вносить поправки к известиям византийского императора, который этим термином обозначал венгров и ни одним словом не упоминал о норманнах. Скажем откровенно, спорить с проф. Вернадским в этом вопросе бесполезно, так как он оперирует и такими доказательствами: черный цвет — это цвет севера, меч — типично скандинавское оружие и т. д. Все это совершенно голословно.

Перейдем к последней главе, повествующей о начале Киевской Руси. Никто из серьезных ученых в настоящее время не отрицает того, что летописные варяги были скандинавами, речь идет не об этом, а о том, какая роль принадлежала варягам в создании Киевского государства. Проф. Вернадский и не думает ставить этот вопрос. Свои рассуждения о начале Киевского государства он начинает с того, что считает поход датчан в 852 г. в страну славян тем же эпизодом, который в «Повести Временных Лет»

отнесен к 862 г. (стр. 335). Но «Житие св. Анскария», откуда взято известие о походе датчан, вовсе не говорит о Новгороде, а просто о городе в земле славян, тогда как летопись сообщает об изгнании варягов за море. Наивно звучит ссылка проф. Вернадского на Иоакимовскую летопись — памятник очень позднего происхождения. Не имеет смысла обращаться к помощи этой летописи и летописи Татищева, чтобы найти Гостомысла, о котором говорят многие летописи.

Что же это был за народ, который известен у летописца под именем «Русь»? Проф. Вернадский решает этот вопрос следующим образом. Летопись знает шведов, норвежцев, англичан и готов, но не упоминает датчан; поэтому датчане и были «Русью» (стр. 337). Однако, если уж верить летописному рассказу о призвании князей, то его надо цитировать полностью. Говоря о приходе Рюрика в Новгород, летописец замечает: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю Русь»[8]. Летописец, следовательно, полагал, что «вся Русь» выселилась на новую родину, а этого никак нельзя сказать о датчанах.

Написал же так летописец потому, что он прекрасно знал, что никакой Руси, кроме славянской, в его время найти было нельзя. Думать же, что датчан на Руси в XI—XII вв. вовсе не знали, невозможно.

Проф. Вернадский далее переходит к установлению тождества Рорика Ютландского с Рюриком нашей летописи, основываясь на статье Беляева. Несчастье только в том, что ни один источник ничего не знает о походах Рорика на восток, в русские пределы. А между тем о Рорике Ютландском известно немало. Биография Рюрика у проф. Вернадского получается полной, но несколько странной. Он пишет, что в 855 или даже в 856 г. Рюрик появляется в Новгороде. Почему же понадобилось Рюрика поместить в Новгород не в 862 г., как в Начальной летописи, а лет за 6—7 до того? Да потому, что в 867 г., по западным известиям, Рорик делает попытку вернуть себе Фрисландию, а это чересчур уж близко к 862 г. В 873 г. Рорик получил Фрисландию обратно, после чего исчезает из западноевропейских хроник (стр. 365—366) и попадает, по проф. Вернадскому, в Новгород. Если принять во внимание, что Рорик ро-

[8] ПСРЛ, т. I, стр. 8.

дился около 800 г., нельзя не подивиться прыти и отваге семидесятилетнего датского князя, который одним махом берет Новгород и держит в руках столь отдаленные владения, как Фрисландия и Новгород. Нечего и говорить, что, кроме созвучия в именах Рорик и Рюрик, никаких доказательств их тождества привести нельзя. Начинаешь чувствовать полную неловкость, когда проф. Вернадский ссылается на Иоакимовскую летопись в доказательство того, что Олег был урманином (норвежцем). Ведь Иоакимовская летопись — произведение конца XVII в., подобных которому немало имеется в рукописях этого столетия.

Нам пришлось остановиться только на некоторых вопросах, затронутых в книге проф. Вернадского, и отметить стремление автора говорить об истории России, по возможности менее упоминая о славянах, хотя автор, конечно, не будет отрицать того, что Россия — государство славянское. Конечно, в древнерусской истории много спорных вопросов, требующих разрешения, но подход к этим вопросам должен быть строго объективным. К сожалению, этого нельзя сказать о научных приемах проф. Вернадского.

Прежде всего следует отметить недостаточно серьезное отношение автора к цитированию и анализу письменных источников, которыми он пользуется. Так, например, проф. Вернадский уверяет, что анты впервые упоминаются в сочинениях географа Помпония Мелы (стр. 83), но так говорится далеко не во всех текстах Помпония Мелы. В других же имеются указания, что «выше» («super») амазонов и гиперборейцев находятся кимерии, зиги и т. д.[9] Следовало бы подробнее изучить указания на антов у Помпония Мелы и Плиния.

Проф. Вернадский говорит (стр. 226), что, по Ибн-Фадлану, «царь Булгар имел вассала, который был известен, как царь Аскал, то есть король племени Аскал» («king of the Askal tribé»). Автор делает ссылку на «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, с указанием 76-й страницы. В подлиннике находим несколько иное: «Другая группа была с царем из некоего племени, которого называли

[9] M. Nisard. Collection des auteurs latins. Macrobe. Varron. Pomponius. Mela, Paris, 1845, p. 603.

царь Аскал»[10]. Имя собственное передано проф. Вернадским как название племени, и отсюда сделаны выводы о реке Осколе и т. д., хотя, казалось бы, Аскал арабского путешественника мог бы напомнить об Аскольде нашей летописи.

Произвол в цитировании документов вообще очень характерен для приемов проф. Вернадского. В параграфе, посвященном дунайским болгарам, анто-славянам и Византии в 670—701 гг. (стр. 246), автор описывает наряд болгарского хана. Ссылка сделана на известную работу Калайдовича об Иоанне — экзархе болгарском. Между тем Иоанн писал не в VII, а в X в., во время царя Симеона, когда порядки периода болгарских ханов давно уже отошли в прошлое. Такой же характер имеет и другая справка из болгарской истории, сделанная проф. Вернадским. Он упоминает о болгарской надписи с именем утонувшего в Днепре некоего Окорса из рода Чакагар («Chakagare») (стр. 301). Этот Окорс из рода Чакагар через 32 страницы (со ссылкой на предыдущее упоминание) делается Chok'ом, болгарским бойлем, воевавшим на Днепре (стр. 333). Проф. Вернадский, видимо, уже успел забыть, что своего героя он называл Окорсом из рода Чакагар. При этом надо отметить, что в подлинной надписи стоит не «Чакагар», а «Чакарар»[11].

Случаев подобного искажения текстов источников найдется в книге проф. Вернадского достаточное количество. И происходит это не от незнания автором основных методов исследовательской работы над источниками, а от своеобразного к ним отношения. Проф. Вернадский не столько изучает источники, сколько подбирает их для уже готовых выводов. Там, где источники упрямо противоречат его выводам, он их отбрасывает или видоизменяет. Причем, предположения, поправки и дополнения к источнику так причудливо переплетаются друг с другом, что порой не знаешь, что цитирует автор — подлинный источник или чье-либо мнение об этом источнике.

Отсюда вытекает и другая особенность работы проф. Вернадского: полный произвол в хронологических

[10] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 76.

[11] «Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска». «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. X. Одесса—София, 1905, стр. 190.

датах. В этом отношении особенно поучительна хронология, составленная автором (стр. 390—396). Автор отметил звездочкой предположительные даты. К их числу отнесен, например, 840 год с пометкой: «Киев занят хазарами и мадьярами. Мадьярский вождь Альмус (Олом) делается правителем (воеводой) Киева». Мы видели уже, как неубедительны домыслы автора о венгерском господстве над Киевом. Замечательнее всего, что самая хроника нотария Белы ничего не говорит о взятии Киева венграми и сообщает только об осаде Киева и мире между венграми и русскими. Проф. Вернадский оказывается куда более воинственным, чем сам королевский нотарий. Историки Венгрии, придерживаясь в основном хронологии нотария Белы, относят осаду Киева к 887 г., а прибытие венгерской орды в Паннонию — к 889 году [12].

Такой же необоснованной датой является 852 год — нападение датчан на Новгород. «Житие св. Анскария» не дает никакого права говорить, что «славянские пределы» — это обязательно Новгород. Подобного рода датами наполнена книга проф. Вернадского. Конечно, наша Начальная летопись давала далеко не идеальную хронологию, но хронология проф. Вернадского является просто его личными предположениями и не может быть принята наукой.

Еще больший произвол проф. Вернадский допускает в области объяснения имен и географических названий. Одно сходство названий говорит еще очень мало, если не объяснены причины этого сходства. Казалось бы, развитие лингвистики и исторической науки должно было удержать проф. Вернадского на какой-то грани, после перехода через которую история перестает быть наукой. Такой грани в рецензируемой книге мы, к сожалению, не находим. «Ancient Russia» — большая неудача проф. Вернадского.

---

[12] См., напр. Н. Борецкий—Бергфельд. История Венгрии. СПб., 1908.

Н. С. ДЕРЖАВИН. ПЛЕМЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

М.—Л., Изд-во АН СССР, 1944, 86 стр.

*

Академик Н. С. Державин написал интересную книгу, нарисовав перед нами картину длительных и благотворных сношений между русскими и болгарами. Работа состоит из пяти глав, объединенных общей идеей, и каждая из этих глав имеет свою целевую установку и особый интерес.

В первой главе изучаются показания вещевых памятников древности. Автор совершенно правильно отмечает, что «о каких-либо народах в современном смысле этого слова в эпоху палеолита на интересующем нас участке средне- и восточноевропейской территории говорить преждевременно. Народов в этнографическом смысле слова в это время еще не существовало, но был комплекс родовых коллективов, объединенных в известной степени общностью, характерной для позднего палеолита культуры и культурного наследия» (стр. 7). Отмечая существование мощной трипольской культуры, следы которой найдены на громадной территории, Н. С. Державин считает, что она явилась общим наследием в культурной жизни преемников трипольцев на той же территории. Таким образом, устанавливается та общая культурно-историческая почва, на которой развертывается история Болгарии, России и других славянских стран.

Во второй главе автор разбирает данные исторической этнографии, отмечая существование двух групп славянских народов на юге Европы: склавин и антов. Последние, занимавшие лесостепную полосу современной территории СССР, справедливо считаются предками восточных славян. Наблюдения акад. Державина основаны на его более ранних исследованиях и при всей краткости изложения имеют интерес не только для массового читателя, но и для ученого. Так, автор подчеркивает, что создателем славянского государства в Болгарии был

не Аспарух, «а местное славянское население» — вывод, очень важный при тенденции профашистских болгарских кругов всячески замалчивать роль славянских племен в создании Болгарского государства. Особенно плодотворна мысль автора о принадлежности мизийских славян, на территории которых образовалась Болгария, к числу восточнославянских племен (стр. 15), чем объясняется позднейшая близость болгар и русских и возможность непосредственной передачи культурных приобретений от одного народа к другому.

Глава третья — о русском и южнославянском фольклоре, — также основанная на особом исследовании акад. Н. С. Державина, дает много нового, хотя имеет несколько специальный интерес. Разбирая легендарный образ Траяна в русском и болгарском фольклоре, автор отмечает возникновение этого образа на почве общего культурного единства славянских народов в прошлом, что надо искать прежде всего в «тесной племенной общности русского и болгарского народов и в единстве их культурно-исторического наследия» (стр. 40).

В двух последних главах книги Н. С. Державин рассматривает вопрос о языковых и литературных связях болгарского и русского народов. У читателя, мало знакомого с историей языка и письменности, эти страницы вызовут неослабное внимание. Отмечая близость русского и болгарского языков, Н. С. Державин указывает на многочисленные болгаризмы в русском языке. Современный русский, прекрасно понимающий разницу между такими словами, как «гражданин» и «горожанин», считает и то и другое слово одинаково русским, не подозревая о древнеболгарском происхождении слова «град» в отличие от русского, полногласного, «город». «Болгарский язык, — отмечает автор, — значительно обогатил сокровищницу русского языка» (стр. 45). Заимствования русского языка из староболгарского относятся к древнему времени. В свою очередь русский язык в XVIII—XIX вв. мощной струей влился и обогатил собой болгарский язык. Произошло любопытнейшее явление, когда многие староболгарские слова, вошедшие в русский язык, вернулись к себе на родину, в Болгарию, уже в качестве заимствований болгарского языка из русского («броня», «вельможа» и пр.). Рядом с ними в Болгарию пришли многочисленные русские слова, благодаря которым бол-

гарский язык обогатился множеством понятий, для выражения которых болгарский язык не имел своих слов. По словам болгарского ученого проф. Ценева русские слова болгары «употребляют все, от мала до велика». Примерно тот же процесс взаимодействия культур наблюдаем в области русско-болгарских литературных связей. Русская письменность долгое время черпала из богатой сокровищницы болгарской переводной и оригинальной литературы не только в киевское время, но и в XIV—XV вв., когда мощное южнославянское влияние веяло на Руси и принесло с собой много нового. Но вот начинается обратный процесс. Уже замечательный деятель болгарского возрождения Паисий Хилендарский пользуется русскими источниками и переводами. Позже многие деятели болгарского возрождения учатся в русских учебных заведениях. Передовые идеи русских революционеров-просветителей проникают в среду болгарской революционной эмиграции, представителем которой был, например, Любен Каравелов. Интересна простая справка Н. С. Державина о том, что первый болгарский поэт, автор прекрасных по языку и форме стихотворений Петко Славейков познакомился с русской литературой по старой хрестоматии Галахова, «которая впервые попала в его руки в 1849 г. и, по характеристике болгарских историков, оказалось для него подлинным откровением в области поэзии» (стр. 73). После этого Славейков с увлечением читает произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Шевченко и др. Н. С. Державин знакомит нашего читателя с современной болгарской литературой и справедливо замечает, что о болгарской культурной жизни начала XX в. можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Н. С. Державин написал нужную и полезную книгу. «Непреодолима сила племенных и культурно-исторических связей болгарского и русского народов!» (стр. 80). Этими знаменательными словами автора закончим и мы свою рецензию.

«ИСТОРИЧЕСКИ ПРЕГЛЕД».

Година първа. София, 1945, № 1, 2—3, 4.

*

Научно-популярный журнал Болгарского исторического общества «Исторически преглед» («Историческое обозрение») ярко отражает те глубокие политические и общественные сдвиги, которые произошли в Болгарии после ее освобождения от фашистско-немецкого гнета.

В небольшой передовой статье редакция нового журнала отмечает, что в течение десятилетий болгарская историческая наука была поставлена в зависимость от германской политики на Балканах. Некоторые болгарские ученые и профессора проявляли великое усердие, чтобы заслужить доверие своих немецких господ. Например, проповедовались «теории» о неславянском происхождении болгар, имевшие целью внести вражду и разногласия между славянскими народами. Журнал ставит своей задачей борьбу за истинную историческую науку, против великоболгарского шовинизма и великоболгарской идеологии, «за которыми скрывалась хищническая, гегемонистическая политика немецкого империализма».

Вышедшие номера журналов (1, 2—3 и 4) состоят из статей, обзоров и библиографии. Основное место занимают статьи; некоторые из них принадлежат советским ученым.

Статьи, помещенные в журнале, отражают новые течения болгарской исторической мысли, возникшие после памятных событий 9 сентября. В центре внимания авторов стоят вопросы социально-политического характера, из которых многие до сих пор не находили почти никакого отклика в болгарской исторической литературе. Таковы статьи Велчева, Пастухова, Натана, Мавродинова по социальной истории Болгарии. Велчо Велчев (№ 2—3) написал интересную статью о социальной структуре Болгарии X в., основанную на «Беседе пресвитера Козьмы». На основании этого интереснейшего памятника

автор рисует общественную структуру Болгарии в X в., аргументируя свои построения подробными ссылками на источник. Как известно, «Беседа пресвитера Козьмы» направлена против ереси богомилов, в учении которых наряду с мистическими представлениями о вселенной необыкновенно ярко проявлялся общественный протест болгарских народных масс против социального неравенства и угнетения. В своих попытках разоблачить богомилов пресвитер Козьма невольно вынужден был говорить об особенностях их учения, объясняя успехи богомильской пропаганды. Эта особенность беседы делает ее ценнейшим источником по социальной истории Болгарии в X столетии. Нельзя, впрочем, не отметить, что далеко не все выводы В. Велчева могут быть признаны бесспорными. Прежде всего бросается в глаза, что В. Велчев разбирает беседу Козьмы несколько оторванно от других памятников болгарской истории. Отсутствие сравнений с другими памятниками, которые могли бы подтвердить комментарии В. Велчева к тексту беседы, особенно чувствуется там, где автор пытается установить категории болгарского общества. Так, выпады богомилов против старейшин («ругаются старейшины», «насилия от старейшин») приводят автора к мысли, что под названием «старейшины» скрывается определенная общественная категория (стр. 142). Другую такую же категорию В. Велчев находит в термине «властели земные» (стр. 144). Думается, что этот вывод поспешный и малоубедительный, так как термины «старейшины» и «властели» нередко употребляются в древнеславянских памятниках для обозначения вообще высших кругов общества, а не отдельных общественных категорий.

Близка по теме к статье В. Велчева и статья Ив. Пастухова, посвященная борьбе за социальную справедливость в Болгарии в древнее время и средневековье. Она имеет свой интерес для широких кругов болгарской общественности, хотя, по собственным словам автора, не претендует на оригинальность или полноту.

Интересный вопрос затронут Н. Мавродиновым в статье о влиянии государственных форм западного феодализма на Второе Болгарское царство. Небольшие размеры статьи не позволили автору развернуть подробный анализ государственного устройства Болгарии XIII—XIV вв., но самая постановка вопроса о влиянии западно-

европейского феодализма на Болгарию представляется плодотворной. Следует только отметить, что речь должна идти о формах феодального устройства. Феодализм вырос и развивался в Болгарии времен Второго царства самостоятельно, на основе экономического и социального роста страны, а не был занесен со стороны.

Классам и классовым отношениям в эпоху болгарского возрождения посвящена статья Жака Натана. В этой небольшой статье дан анализ классового состава болгарского общества в XVIII и первой половине XIX в. Особенно интересны замечания автора о чорбаджийстве, которое составляло большую социальную группу землевладельцев и представителей ростовщического капитала в селах и городах.

Несколько статей в журнале отведено вопросам всеобщей истории. Таковы, например, статьи доцента Хр. Гандева о европейском ренессансе. «Исторически преглед» живо отозвался на вопросы борьбы славянства с немецкой агрессией. Этому посвящены статьи И. Митева о вековой борьбе славян с немецкими завоевателями и редакционная статья во 2—3 номере «Победа над гитлеровской Германией».

В обзорах и библиографии даны сведения о научных новостях и книгах, напечатанных в славянских странах. Эти отделы журнала, дающие представление о живой научной деятельности в Болгарии, очень полезны для наших советских историков. Достаточно указать список докладов, прочитанных в Болгарском историческом обществе: «Взгляд на историческое развитие Болгарии в средневековье» (доц. А. Бурмов), «Австрийская политика на Балканах в 1912—1913 гг.» (доц. Панайотов), «О происхождении так называемых праболгарских земельных валов» (доц. Кръндjалов), «Богомильство (Д. Ангелов), «Народность св. Кирилла и Мефодия» (В. Киселков), «Сношения Рыльского монастыря с Русью в XVI—XIX веках» (Н. Дылевский), «Поголовная дань Османской империи в болгарских землях» (Б. Недков) и др. Очень интересны и ценны заметки об Архиве освободительного движения в Болгарии и Научном институте Христо Ботева в Софии.

Наконец, нельзя пройти мимо еще одной особенности нового болгарского журнала, — мы имеем в виду глубокий

и жизненный интерес болгарских читательских кругов к советской исторической науке.

Работы акад. Н. С. Державина по истории Болгарии были по праву оценены болгарской исторической наукой как новое слово в области изучения древнеболгарской истории. Академик Н. С. Державин, пишет А. Бурмов о советском ученом, ответил на многие вопросы, «которые были неразрешимы для прежней болгарской исторической науки вследствие ее методологической закоснелости». На страницах болгарского журнала мы найдем ряд имен советских ученых (акад. Б. Д. Греков, акад. Н. И. Новосадский, проф. С. Д. Сказкин и др.). Особая статья посвящена работам сектора славяноведения Института истории Академии наук СССР во главе с его руководителем чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета.

Четвертая книжка журнала «Исторически преглед» завершает собой номера журнала за первый год издания. Она открывается статьей В. Коларова о борьбе болгарского народа за новую Болгарию («Българският народ в борбата му за нова България»). Эта статья вызывает громадный интерес как у болгарских, так и у советских читателей: она дает яркую картину борьбы народных масс Болгарии против ненавистного режима фашистской болгарской правящей клики, опиравшейся на гитлеровскую Германию. Особенно действенно звучат заключительные слова автора о том, что развитие новой, демократической и независимой Болгарии опирается на нерушимую дружбу с Советским Союзом и со всеми свободолюбивыми народами.

В этом же номере журнала помещены статьи Д. Ангелова и П. Зарева. Статья Д. Ангелова рассматривает вопрос о земельных отношениях в средневековой Болгарии и Византии. Небольшие размеры статьи не позволили автору развить поставленную тему в полном объеме, но общий вывод Д. Ангелова о крупном значении аграрной проблемы для объяснения слабости Болгарии в борьбе с турецким завоеванием заслуживает всяческого внимания. Статья П. Зарева посвящена политическим партиям Болгарии в период после ее освобождения. Советским читателям приятно видеть в 4-м номере болгарского журнала статью акад. В. П. Волгина «Диалектический материализм и историческая наука», написанную на основе доклада, прочитанного на заседании Отделения истории

и философии Академии наук СССР 18 июня 1945 года. На последней странице опубликована краткая программа журнала на 1945—1946 гг. (година II). Журнал ставит своей задачей помещать статьи научно-популярного характера по истории Болгарии и всеобщей истории, разоблачать неправильное и ненаучное объяснение исторических событий, осведомлять читателей о достижениях исторической науки в Болгарии, во всем мире и особенно в СССР и славянских странах, давать оценку книгам и статьям по истории.

Перед нами только первые номера журнала. Не все еще стоит полностью на месте, строгая критика может указать на ряд недостатков, в особенности пожелать большей равномерности в освещении болгарской истории (например, почти отсутствуют статьи по истории Болгарии XIV—XVIII вв.), но в целом нельзя не приветствовать хорошего почина болгарских историков. Этот почин надо развивать и углублять. И права редакция журнала «Исторически преглед», когда она пишет, что героические усилия Болгарской армии, действовавшей плечом к плечу с Красной Армией и Народно-освободительной армией Югославии, создали в ходе общей борьбы против фашизма боевое единство и братство между армиями и народами Болгарии, великого Советского Союза и Югославии. Пожелаем журналу «Исторически преглед» полного успеха в его ценной и полезной деятельности на пользу исторической науки.

«ИСТОРИЧЕСКИ ПРЕГЛЕД».

Научно-популярно списание за българска и обща история. Година втора. София, Книгоиздателство на Българското историческо дружество. 1945—1946, № 1—5

*

Журнал «Исторически преглед», издаваемый Болгарским историческим обществом в Софии, объединяет видные исторические силы Болгарии. В нем помещены статьи по разным вопросам болгарской и всемирной истории, немалое внимание уделено и истории СССР. Содержание журнала за второй год его издания разнообразно. Каждый номер имеет следующие разделы: статьи, научные сообщения, исторические материалы, критика, хроника.

Нелегко дать общее обозрение богатства первых двух отделов, в которых представлены статьи и сообщения по всей истории Болгарии с древнейших времен до наших дней. Поэтому наш обзор мы проведем не по книгам «Исторического прегледа», а в хронологическом порядке.

В статье проф. Я. Тодорова «Очерк на античната цивилизация в България през времето на римските императори» изучаются древнейшие судьбы Болгарии в эпоху поздней Римской империи. Автор очень ярко и убедительно рисует картину проникновения римской культуры на территорию Болгарии. Эта культура, впрочем, больше всего сосредоточивалась в городах, но и там она являлась привилегией только господствующего меньшинства («селянинът кой то ес орал земята и пасел стадата, не е вкусвал от благата на тази култура» — № 3, стр. 265). Некоторые выводы проф. Я. Тодорова имеют значительный интерес и для русских историков, например, его указание на особое внимание римских императоров к охране устья Дуная и северной части черноморского побережья, от Дуная до Днепра. В этом районе, который по русской летописи называли Великой Скифией, впоследствии мы находим восточнославянские племена уличей и тиверцев. Еще летописец помнил об особенностях жизни в этих районах, называя уличей и тиверцев толковинами (переводчиками).

Многие из статей посвящены истории средневековой Болгарии. Наиболее значительными в этой области нам представляются статьи А. Бурмова и Д. Ангелова (№ 4—5). В статье А. Бурмова ставится важный вопрос о существовании в средневековой Болгарии феодального строя. Известно, что ряд видных ученых, в том числе проф. П. Мутафчиев, решительно отрицали существование феодализма в Болгарии. Этот взгляд основывался на неправильном понимании самого термина «феодализм». Поэтому А. Бурмов поступил вполне правильно, начав свою статью с общего определения — что такое феодализм, — основываясь на высказываниях Ленина. Автору удалось доказать, что в средневековой Болгарии существовало феодальное землевладение, что боярские земли представляли собой замкнутые владения, которые в хозяйственном отношении почти полностью себя удовлетворяли (стр. 159). Болгарский крестьянин отдавал феодалу десятую часть получаемых продуктов и обязан был выполнять целый ряд повинностей. Жалованные грамоты болгарских царей подтверждают, что земля переходила во владение феодалов с пожалованием им власти над ее населением. Так, в грамоте Ивана Александра, данной Зографскому монастырю, говорится: «И обладает честный то монастир властию самовластною и неотъемною». Иммунитетные права феодалов подтверждаются и жалованными грамотами Рыльскому и некоторым другим монастырям (стр. 163).

То обстоятельство, что жалованные грамоты говорят только о монастырских крестьянах и не упоминают о боярских, не имеет никакого значения. А. Бурмов по этому поводу вполне основательно замечает, что производственные отношения и правовое положение крестьян оставались одними и теми же в монастырских и боярских вотчинах. Автор, конечно, не ставил себе задачу полностью разрешить вопрос о существовании феодального строя в средневековой Болгарии, и его статья является только кратким изложением его большой работы о феодализме в Болгарии до завоевания страны турками. Подождем выхода этой работы, отвечающей на один из интереснейших и насущнейших вопросов средневековой истории, пока же ограничимся несколькими замечаниями. Нам кажется, что наиболее уязвимой частью построения А. Бурмова является его периодизация феодализма

в Болгарии. Усиление процесса феодализма автор относит ко времени конца царствования Бориса и начала царствования Симеона, то есть к самому началу X в. Следовательно, процесс феодализации начался раньше, в IX столетии. «Войны Симеона имели результатом полное оформление феодализма в Болгарии» (стр. 169). Такое важное заключение требует убедительного подтверждения, и исследователя не удовлетворит ссылка на беседу в «Учительном евангелии» Константина Болгарского, в котором говорится, что крестьяне обязаны выполнять «и властельскую работу и божию службу». Известно, что Константин для своих бесед пользовался различными источниками, в том числе и византийскими, а церковный характер памятника заставляет особенно осторожно отнестись к его показаниям, так как подобные памятники порой употребляли выражения, далекие от терминов и понятий, действовавших в обществе. Достаточно сказать, что русские церковные памятники знают только слово «раб», а юридический памятник «Русская Правда» всюду говорит о холопе. Нельзя согласиться и с положением автора, что установление феодализма при Симеоне произошло вследствие массового обеднения крестьян, разоренных от непрекращающейся войны (стр. 169). Установление феодальных отношений тесно связано с хозяйственным развитием и не может быть объяснено войнами, которые являются лишь характерным явлением для феодального строя.

Весьма интересной является и статья Д. Ангелова «Приходи на средневековата българска държава». Автор подробно разбирает доходы средневековой болгарской державы, предпосылая своему изложению объяснение понятия «держава» в средневековой Болгарии. Эта статья имеет особый интерес для историков вообще и историков права в средневековой Руси по целому ряду любопытнейших параллелей.

Тому же автору принадлежит статья «Рабството в средневековна България». И эта работа имеет интерес для историков не только Болгарии, но и России. Д. Ангелов указывает на то, что в средневековой Болгарии создавались условия, при которых рабский труд в производстве имел ограниченное применение, тогда как работорговля получила большое развитие: «търговията с роби била далеч по-характерно и подчертано явление, откол-

кото прилагането на рабския труд в производството» (стр. 142).

Значительное число статей «Исторического прегледа» отведено истории Болгарии XIX в. Сюда относится, например, статья Б. Недкова о поголовной дани в Османской империи — «Поголовният данък в Османската империя с оглед на България» (№ 1). Большая статья П. Топалова «Борба на български народ за демократично устройство и независимост на България (1878—1894)» (№ 5) рисует картину внутренней борьбы в Болгарии после ее освобождения. Она читается с неослабным интересом, так как по существу вскрывает корни тех несчастий, которые постигли Болгарию в XX в. С одной стороны, широкие массы болгарского народа, демократичные и свободолюбивые («силата на демократична България е заложена — първо, в моралните устои на българските народ» стр. 435), с другой — проходимцы и авантюристы, которые преследовали личные грязные цели. Ярко вырисовывается и тупая антидемократическая позиция русского царизма в болгарских делах, быстро потерявшего всякие симпатии в демократических кругах болгарского народа. Поражают и смешные претензии Александра Баттенбергского, маленького человечка, усевшегося на болгарский трон при поддержке российского царизма. Ничтожный немецкий офицер пытался начать свою карьеру болгарского государя, подражая замашкам российских самодержцев.

Маленькая Болгария сделалась игралищем международных политических комбинаций, и автор показывает подрывную деятельность в ней немецких агентов. Тем не менее широкие болгарские круги вели упорную борьбу за установление в Болгарии демократических порядков, несмотря на жестокую диктатуру Стамбулова, который подготовил приход к власти Фердинанда Кобургского. «Интересы немецких завоевателей, их агентура в Болгарии, болгарский монархизм старательно добивались не только отстранения Стамбулова от власти, но и его физического уничтожения, а это не представляло для Фердинанда и его клики особых затруднений. В 1893 г. Фердинанд отстранил Стамбулова от власти, а в следующем году произошло убийство Стамбулова. Так жестоко отплатил князь Фердинанд тому, кто укрепил его «престол».

Непосредственно примыкает к предыдущей статье и

статья И. Панайотова «Австрия, Русия и съдбата на Балканите» (№ 5), автор которой останавливается на событиях конца XIX начала XX в., вплоть до начала империалистической войны. В журнале помещено и несколько статей, относящихся к истории просвещения и идей в Болгарии XIX в. В их числе статьи: Д. Косев «Просветното движение в България през първата половина на XIX век» (№ 2), Жан Натан «Идеологичен и социологичен разбор на «Под игото» «Ив. Вазова» (№ 1) и «Идеологията на Христо Ботев» (№ 3).

Значительно слабее отражены вопросы всеобщей истории. По-видимому, в дальнейшем редакции журнала надо будет обратить большое внимание на этот пробел, так как «Исторически преглед» является журналом, освещающим не только болгарскую, но и всеобщую историю.

В «Историческом прегледе» по-прежнему помещаются и статьи советских ученых: акад. Б. Грекова — «О начале русского государства» (№ 1), акад. Н. Державина — о богомилах (№ 1), проф. В. Бочкарева — «Александр Невский» (№ 3). Нельзя, впрочем, не пожелать, чтобы история СССР освещалась и трудами самих болгарских историков. Пока только статья Б. Божикова «Петр Первый» (№ 5) показывает, что история СССР стоит в поле внимания болгарских ученых. Но и эта статья носит очень скромный характер и имеет в конце помету: «По проф. В. О. Ключевскому». Желательно было бы также усиление разделов историографии. Например, в отделе библиографии мы почти не найдем указаний на книги по истории СССР, вышедшие за последнее время, а их вышло немало, причем некоторые из них имеют прямое отношение к истории Болгарии.

В заключение мы должны признать, что «Исторически преглед» за второй год своего издания сильно шагнул вперед. Подзаголовок «Научно-популярное описание» слишком скромно характеризует значение рецензируемого журнала. Многие его статьи имеют глубокий научный интерес, заново ставят и разрешают большие проблемы. Особенно хочется подчеркнуть то большое значение, какое имеют болгарские исторические труды для правильной разработки истории СССР. Статьи «Исторического прегледа» наглядно показывают, как с древнейших времен неразрывно были связаны судьбы болгарского народа с судьбами русского и других народов СССР.

О НЕКОТОРЫХ БОЛГАРСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ

*

За последние годы появилось несколько интересных работ по истории Болгарии. Обзор некоторых из них мы и предлагаем читателям, тем более что история Болгарии представляет особый интерес для русских читателей ввиду близости судеб Болгарии и России с самых отдаленных времен.

Николай Дылевский. *Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII веках. София. 1946, 173 с.*

Небольшая книжка Н. Дылевского ставит своей задачей на примере одного болгарского монастыря показать, каким путем происходили сношения России (Московского государства) с Болгарией в XVI—XVII вв. Рыльский монастырь в Болгарии, основанный еще в X в., был мощным очагом болгарской национальной культуры и приобрел особенно важное значение «с момента своего возобновления во второй половине XV в., сделавшись оплотом болгарского религиозного и национального сознания и бережно сохранив в своих стенах остатки погибших в огне и разрушениях вражеского нашествия ценных исторических памятников» (стр. 39). Книга Н. Дылевского состоит из восьми глав. В первой дается представление о культурных сношениях русских с болгарами в IX—XV вв.; во второй — о сношениях болгарской церкви с Русью после установления турецкого владычества; в третьей — о роли монастырей и, в частности, Рыльской обители во времена турецкого порабощения; в четвертой — о самом Иване Рыльском и его монастыре; в пятой — о приезде рыльских монахов в Москву в XVI—XVII вв.; в шестой — о почитании Ивана Рыльского в русской церкви; в седьмой — об украинском житии Ивана Рыльского; в восьмой — о печатных изданиях жития и службы Ивана Рыльского. Далеко не все главы в книге Н. Дылевского равноценны по содержанию. Первые три

главы в основном носят вводный характер, представляя собой очерк истории сношений Болгарии с Россией, основанный на разнообразной литературе, хорошо изученной автором. Последние пять глав являются самостоятельным исследованием. Впрочем, автор несколько сузил свои задачи, ограничив их только областью культурных сношений, а это, естественно, наложило свой отпечаток на его выводы. Поэтому Н. Дылевский и делает вывод, что после установления турецкого владычества в Болгарии сношения болгарской церкви и монастырей с Русью предположительно установились «не ранее начала XVI века». Между тем правильнее было бы сказать, что эти сношения никогда не прерывались, если принять во внимание, что выходцы из южнославянских земель занимали немаловажные церковные посты на Руси в XV в. Характер этих сношений выяснен мной в особой статье, помещенной в «Славянском сборнике» (Огиз, 1947).

Очерк истории Рыльского монастыря дается автором по книге И. Иванова «Свети Иван Рилски и неговият монастир» (София, 1917). В этом очерке, впрочем, не обошлось без некоторых недоразумений. Так, автор упоминает о хрисовуле Иоанна Шишмана 21 сентября 1387 г., тогда как хрисовул был дан в 1378 г. — «в лето 6887, ендикта 2». Упоминая статью В. Киселкова о подложности названного хрисовула, автор почему-то забывает о прекрасном русском издании болгарских грамот, где воспроизведен и заподозренный хрисовул («Грамоты болгарских царей». Труд Г. А. Ильинского. М., 1911), в котором издатель памятника дает палеографический и лингвистический его разбор, подчеркивая «западноболгарский характер акцентуации грамоты» (стр. 87). Поэтому исключение этого хрисовула из числа источников по истории Рыльского монастыря представляется несколько необоснованным. Очень любопытна глава о почитании Ивана Рыльского в России и на Украине. В высокой степени примечателен тот факт, что Иван Рыльский помечен в числе святых в месяцеслове «Галицкого евангелия» 1143 г., что автор вполне правильно объясняет близкими сношениями Галицкой Руси с Болгарией. Замечательнее всего, что в более поздние времена, в XV—XVI вв., почитание Ивана Рыльского было особенно распространено на севере Руси. И это, конечно, не случайное явление, если вспомнить о митрополите Киприане,

Пахомии Логофете и других выходцах из южнославянских стран. Не следует забывать, что Рыльский монастырь был тесно связан со знаменитым «Русиком», русским монастырем на Афоне. Из другого источника мы знаем о ктиторстве Стефана Душана над тем же русским монастырем. Старинные связи между русским монастырем на Афоне и сербским и болгарским монастырями (Рыльским и Хиландарским) прослеживаются с очень раннего времени. Они говорят нам о древних взаимосвязях славянских народов.

Книжка Н. Дылевского заслуживает внимания историков русской и украинской культуры. Сделана она тщательно, и можно только пожалеть, что автор ее не был в состоянии использовать более полно греческие дела (дела о приезде православного духовенства в Россию), хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, а также богатейшие русские собрания рукописей, которые значительно пополнили бы изложение автора новыми и немаловажными деталями.

Д-р В. Сл. Киселков. *Славянские просветители Кирил и Методий. Книгоиздателство на Българското Историческо Дружество. София, 1946, 434 с.*

Литература о славянских просветителях Кирилле и Мефодии чрезвычайно обширна. И это вполне понятно. С именами Кирилла и Мефодия связано установление славянской азбуки, на которой и до сих пор пишут и печатают книги в большинстве славянских стран, в том числе и в России, на Украине, в Белоруссии, в Болгарии и Сербии. Славянская азбука, изобретенная Кириллом, отличалась большими достоинствами и была значительно лучше приспособлена к звукам славянских языков, чем латинский алфавит, который нужно было приспосабливать для передачи некоторых звуков, например, чешского и польского языков. Многострадальная жизнь и драматическая борьба славянских «первоучителей» с немецким духовенством, преследование церковной службы и письменности на родном славянском языке в Моравии — все это всегда привлекало к личности Кирилла и Мефодия внимание историков славянской культуры, особенно в годы тяжких гонений на славянский язык в странах, зависевших от германских владетелей. Поэтому и объемистая книга д-ра В. Киселкова о Кирилле и Мефодии, несомненно, заслуживает внимания как но-

вый опыт биографии двух замечательнейших людей средневековья. Автор очень подробно, со знанием дела прослеживает жизненный путь Кирилла и Мефодия, говорит об их детстве и юности, об их ученических годах в Солуни (Салониках) и в Царьграде, о миссионерских миссиях Кирилла, о просветительской деятельности Кирилла и Мефодия в Моравии.

Впрочем, нельзя не отметить и некоторых недостатков книги В. Киселкова. Прежде всего бросается в глаза неравномерность изложения. Автор порой останавливается на совсем несущественных вопросах, для разрешения которых он, к тому же, не имеет подходящих материалов. Какое, например, имеет значение вопрос, почему Кирилл при крещении был назван Константином (Кирилл — его монашеское имя). Очень часто автор основывает свои построения на разных домыслах. Таково рассуждение о времени, когда Мефодий принял монашество (стр. 96), и пр. Особую главу автор посвящает вопросу о национальной принадлежности братьев-учителей, и нельзя сказать, чтобы эта глава была особенно удачной. В. Киселков стремится доказать, что славянские первоучители были македонскими славянами, а не греками по происхождению. Общая мысль автора нам кажется правильной в том смысле, что Кирилл и Мефодий были славянами по языку и по своей деятельности. Только люди, с детства выросшие среди славян, знавшие до тонкости их язык, могли создать поистине гениальное произведение — славянскую азбуку, пережившую сотни лет и все гонения, направленные против нее воинствующими католическими кругами. Но по своему образованию братья были греками, и такими они казались для современников. Вот это сочетание византийской (греческой) образованности и пламенной любви к родному славянскому языку и народу и дало возможность Кириллу и Мефодию сделаться «учителями словенскими». Поэтому вопрос о кровной принадлежности великих братьев не имеет никакого значения, тем более что на византийском престоле нередко восседали представители самых разнообразных народов, в том числе и славян. Между тем, отстаивая македонское происхождение братьев, В. Киселков делает крупную источниковедческую ошибку. Он доказывает, что пространные жития Кирилла и Мефодия написаны только в XV в., что это не оригинальные, самобытные творения, а обыкновен-

ные компилятивные средневековые жития (стр. 58). Для того чтобы доказать свою мысль, автор приводит ряд доводов. Первым доводом служит указание на то, будто бы все списки пространных житий Кирилла и Мефодия не старше второй половины XV в. (стр. 60). Однако и В. Киселков признает, что существует пергаменный сборник Успенского собора XII—XIII вв. с пространными житиями Кирилла и Мефодия. Кажется, перед ним неодолимое препятствие к тому, чтобы датировать пространные жития XV веком. Однако автор выходит из положения просто, высказывая сомнение о раннем написании «Успенского сборника», вследствие чего великолепный памятник старины безапелляционно опорочивается в угоду неправильным построениям. Доказательств же более позднего происхождения «Успенского сборника» автор не приводит, а между тем первая часть «Успенского сборника» издана под названием «Сборник XII века» под наблюдением таких палеографов, как А. А. Шахматов и П. В. Лавров с участием М. Н. Сперанского и В. Н. Щепкина по бумагам А. Н. Попова. Против таких авторитетов славяно-русской палеографии следовало бы выступать со всем арсеналом доказательств, а не ограничиться легковесным указанием на то, что уставный почерк и пергамент якобы не дают убедительных доказательств того, что «Успенский сборник» написан в XII в. Приводимые же В. Киселковым сравнения текстов пространных житий с другими памятниками говорят только о том, что пространными житиями впоследствии нередко пользовались как источником и что жития эти в свою очередь сами пользовались различными источниками. Особенно неудачна в научном отношении попытка В. Киселкова опорочить пространные жития с позиций научного критика, вооруженного литературой XX в. Несогласованность в показаниях житий и других памятников уж никак не может служить доказательством их позднего происхождения, если в этих показаниях нет анахронизмов, свойственных другим векам. Вообще нежелательно включение в научно-популярную книгу (труд В. Киселкова опубликован без ссылок на источники и литературу) сомнительных авторских выводов, не опирающихся на специальные исследования автора, ибо подобные домыслы дезориентируют широкий круг читателей, а ученые остаются неудовлетворенными, так как автор этих домыслов не в состоя-

нии подкрепить их ссылками на источники и подробным разбором.

Д-р В. Сл. Киселков. *Пространните жития на светите братя Кирил и Методий. Пето издание. София, 1945, 64 с.*

В непосредственной связи с предыдущей книгой стоит изданный тем же В. Киселковым перевод пространных житий Кирилла и Мефодия. В предисловии переводчик опять высказывает мысль о появлении жития Кирилла только в первой половине XV в., а жития Мефодия — еще позднее. Мы уже указывали на необоснованность такой датировки этих памятников, практически и сам автор чувствует некоторую неловкость своей датировки, иначе какой бы был смысл переводить на современный болгарский язык пространные жития, отражающие не эпоху, близкую по времени к деятельности Кирилла и Мефодия, а компиляцию какого-то позднего сочинителя.

Известия на Българското Историческо Дружество. Кн. XXI. София, 1945, 167 с.

Новая книжка «Известий Болгарского исторического общества» представляет большой интерес. Она начинается статьей Дм. П. Димитрова об одной эллинистической статуарной группе в Августе Траяне. Как известно, Болгария богата памятниками эллинистического времени. Об одном из таких памятников, предположительно о целой статуарной группе, говорит и статья Димитрова, которая представляет несомненный интерес для работающих над историей культуры и искусства эллинистического времени.

В статье «Когда Адрианополь был захвачен турками» А. Бурмов рассматривает вопрос о захвате турками этого крупнейшего на Балканском полуострове города. Автор статьи отвергает показания турецких хроник, на которых основывались Хаммер и другие историки, указывая на произвольность датировок в турецких исторических трудах. Поэтому не может считаться достоверной дата овладения Адрианополя турками, указывающая в турецких источниках на 1359—1362 годы. А. Бурмов отвергает и другую дату того же события, 1369 г., помещаемую в византийских хрониках и русской летописи, источники которой, по его мнению, восходят к тем же византийским хроникам. Поскольку вопрос о том, из какого источника наша летопись почерпнула сведения о взятии Адриано-

поля турками, имеет интерес и для болгарской и для русской истории, позволим себе на нем несколько задержаться. В числе статей, помещенных перед Воскресенской летописью под главой 10, читаем краткую заметку «о туркех, како приидоша во Греческую землю». В ней читаем сообщения и даты о первом появлении турок (измаильтян) «на сю сторону», то есть на европейской стороне проливов о взятии ими в 1369 г. «Яндренополе», о взятии Селуня, Царьграда, Амореи, Трапезонта, Егрипа, Кафы, Белгорода и Килии, Неопакта, Мофонеи, Корона. Кончается глава словами: «Христова Рождества в лето в 13, в Перскую землю пошел и Малуков разорил Селим и Египет взял. После того Сулимен салтан сентяврия пошел на Угричь и Угр победил» [1]. Здесь не место разбирать точность той или иной даты в приведенной главе, но нельзя не отметить необычное ее окончание — «Христова Рождества в лето 13» или «от Христова Рождества в лето 1508» по другому списку Воскресенской летописи, что ведет нас не к византийскому, а к западноевропейскому летосчислению от Рождества Христова. Нельзя не отметить и крайней условности приведенного выше летосчисления, достаточно сказать, что в этой же Воскресенской летописи взятие Килии и Белгорода (Аккермана) показано в одном случае в 1482 г. (стр. 251), в другом — в 1484 г. (стр. 258). Самый же термин «Яндренополе», читаемый в Воскресенской летописи, стоит в явной связи с обозначением того же города в сербской летописи, цитируемой А. Бурмовым, где читаем «Дренополе», тогда как в начальной летописи тот же город соответственно назван «Ондреян-город» («Мы же зовем Ондреянем градом»). А. Бурмов считает дату взятия Адрианополя турками 1371 г., на основании показаний сербских летописей о том, что царь Отман убил краля Вукашина и деспота Углешу в Македонии на Марице в сентябре 1371 г. «и прими Дренополе». Но дата сербской летописи относится только к первому факту, смерти Вукашина и Углеша, а не ко взятию Адрианополя. Во всяком случае, если дата занятия турками Адрианополя, предложенная А. Бурмовым, и не представляется нам бесспорной, то само исследование запутанной

---

[1] «Полное Собрание Русских Летописей», т. VII, стр. 251.

хронологии событий на Балканском полуострове в XIV в. сделано очень тщательно и с большим уменьем.

Очень интересную и неожиданную по своим выводам статью написал Дм. Крынджалов об одном «праболгарском» вале, который не существует. Автор тщательно изучил литературу о так называемых праболгарских валах в Южной Румынии и пришел к мысли, что предполагаемого огромного сплошного вала, ограждавшего северные границы Румынии, не существовало, имеется лишь вал, который начинается у Турна-Северина на Дунае и доходит до реки Арджеш, самое дальнее — до Плоешти. Особенно интересны замечания автора об изученных им бумагах румынских ученых Точилеску и Полонника, которые обнаруживают, как неправильно понятые этими учеными патриотические стремления заставили их сделать настоящий подлог и обнаружить гигантские валы даже там, где не было никакого следа подобных сооружений. Если принять во внимание, что о Траяновых валах нередко упоминается и в нашей исторической науке, причем их порой связывают с Киевом, то статья Дм. Крынджалова должна привлечь внимание русских историков и археологов. Ведь упоминание о Траяновом вале помещено у молдавского хрониста Мирона Костина (1633—1691 гг.), причем обозначено, что этот вал пересекает реки Серет, Прут, Днестр, Буг и Днепр вплоть до Дона. Часть этого вала Костин видел поблизости от Киева, где действительно имеются валы. Однако следовало бы проверить, существуют ли такие валы в районе между Днестром или Днепром или мы имеем дело с настоящей «творимой легендой», которая при беспечности исследователей по части проверки источников может послужить поводом к сочинению различных широковещательных теорий и безвозбранно позволить им «рыскать в тропу Трояню», опираясь на ложные авторитеты.

Интересные материалы, заимствованные из записной книжки поэта-революционера Ботева, опубликовал Иван Хаджов. Материалы относятся к важному моменту в жизни Ботева, к 1875 г., и пребыванию Ботева в России, а также к следующему 1876 г., и формированию болгарских дружин (четников), имена которых записаны в книжке Ботева.

Несомненный интерес имеет и статья В. Иванова об изображениях царя Петра на двух старинных иконах.

Автор стремится доказать, что на иконе Ивана Рыльского, принадлежащей Софийскому народному музею, помещено изображение царя Петра, увенчанного короной, соответствующей византийским знакам отличия X в. Соображения автора, впрочем, подрываются поздним происхождением иконы. Сомнительно, чтобы иконописец сохранил одну деталь, а изменил всю композицию в целом. Сравнение всей композиции икон Ивана Рыльского с житием в статье отсутствует.

В книжке «Известий» помещено еще несколько небольших статей: об одной неизданной греческой надписи, воспоминания Д. Ценовича (один из членов Болгарского революционного центрального комитета), письмо Ивана Вазова 1882 г., письмо К. Величкова 1881 г., а также статья «Авгандира и Велта, два предполагаемых названия Старой Загоры» (Дм. Димитров).

Александр Бурмов. *История на България през времете на Шишмановци (1323—1396). Свезка втора. София, 1947. 22 с.*

Во втором выпуске труда А. Бурмова «История Болгарии во времена Шишмановичей» помещена глава вторая — «Иван—Стефан (1330—1331)». Автор тщательно изучил источники, относящиеся ко времени мимолетного царствования Ивана-Стефана, ему удалось установить ряд новых фактов по истории Болгарии этого периода, а некоторые уточнить. Впрочем, сказать подробнее об этой задуманной в большом масштабе работе затруднительно. Несколько удивляет то обстоятельство, что А. Бурмов избрал для деления на главы крайне устарелый способ приурочивания событий к отдельным царствованиям. Насколько это неподходяще, видно и по данной работе. Да и старая работа Иречека в свое время отказывалась пользоваться династической терминологией. Наиболее значительное событие в истории южнославянских государств после битвы при Вельбужде (1330 г.) — это попытка сербских царей сделать Болгарию зависимой страной. Автор говорит об этом событии, но излагает его в зависимости от решений Уроша III. В таком же духе сообщается и о заговоре болгарских бояр, которые свергли Ивана-Стефана. Свержение болгарского царя объясняется тем, что он не мог защитить Болгарию от нападения византийского императора Андроника III, а также переворотом в самой Сербии, закончившимся

воцарением Стефана Душана. Между тем вслед за воцарением болгарского царя Иоанна-Александра начинается новый период усиления Болгарии. Уточнение той или иной даты или факта является само по себе ценным элементом исторической работы, но от «Истории Болгарии» мы вправе ожидать большего — анализа внутренних общественных отношений, без которого останется непонятным быстрое падение Болгарии после культурного расцвета во второй половине XIV в. Может быть, наши замечания останутся несколько беспредметными: ведь перед нами только одна глава работы, но нам кажется, что пожелание наше вполне законно. Старые болгарские историки как раз обращали главное свое внимание на внешние события. Поэтому в обширной истории Первого Болгарского царства, написанной Н. Златарским, найдем очень много о болгарской орде и очень мало о славянах, хотя Болгария, как известно, — страна славянская. Пожелаем же, чтобы автор рассматриваемой главы, обладающий всеми данными для написания полноценного исторического труда, обратил большее внимание на анализ внутренней общественной жизни Болгарии.

Никола Мавродинов. *Росписи Боянской церкви. С 22 таблицами. София, 1946. 32 с. 22 табл.*

Свой небольшой обзор мы заканчиваем книжкой Н. Мавродинова, посвященной замечательным фрескам Боянской церкви в окрестностях Софии. Фрески были написаны в 1259 году. В числе фресок находим и портреты болгарского царя Константина Асеня и царицы Ирины. Фрески требуют детального изучения. Они поражают изяществом исполнения. Можно вполне согласиться с издателем фресок, что «своими композиционными особенностями и техническими приемами эта живопись отличается от византийской и, будучи чисто болгарской, является в то же время одной из наиболее своеобразных в общеевропейском искусстве» (стр. 9). Интересны замечания Н. Мавродинова о характере изображения святых на стенах Боянской церкви. Вместо строгих лиц постников и подвижников художник Боянской церкви изобразил монахов «с опрятно подстриженными острыми и широкими бородами, с легким румянцем на лице» (стр. 19). Перед нами отказ от строгой, аскетической манеры Византии, характерный, впрочем, не только для Болгарии XIII в., но и для Киевской Руси. Художник по-своему

интерпретировал сцены из житий святых. В этом отношении особенно интересны сцены из жития Николая Чудотворца. Фрески изображают чудо с ковром и чудо о кораблекрушении. Автор правильно отмечает, что изображение «чудес» Николая мало напоминает византийскую живопись. Добавим от себя, что вопрос о происхождении некоторых рассказов о «чудесах» Николая еще не решен. Поэтому нельзя категорически говорить об их византийском происхождении. Напомним здесь же, что запись «чудес» Николая в соответствующей обработке была сделана русским писателем начала XII в., причем писателем, жившим в Константинополе и хорошо осведомленным в его топографии. Нет ничего невозможного в том, что житие и «чудеса» Николая существовали и в болгарской обработке, тем более что в некоторых случаях Николай связывается с Дмитрием Солунским, почитание которого было распространено в Болгарии.

* * *

Заканчивая краткое рассмотрение болгарских исторических трудов, позволим себе сказать несколько слов об особом значении южнославянской истории для истории России и Украины. На протяжении многих веков сохранялась непрерывная культурная связь России и Украины с южнославянскими народами. Эта связь была гораздо более крепкой и плодотворной, чем это обычно представляется в наших исторических трудах. Впрочем, много ли таких трудов имеется, много ли русские историки писали о связях с южными славянами? Очень мало. А южнославянские историки и того меньше. А между тем многие страницы из истории России и южнославянских стран останутся непонятными без пристального изучения славянской взаимности, особенно русской и южнославянской. Когда же будут изучены эти взаимосвязи, тогда походы Святослава и попытка его утвердиться на Дунае перестанут нам казаться авантюрой смелого полководца, а найдут себе объяснение в старинных связях Руси с Болгарией. Тогда скорое утверждение христианства и расцвет письменности на Руси тоже получат свое объяснение и понятны станут многочисленные памятники, свидетельствующие о том, как древняя Русь впитывала в себя богатую южнославянскую письменность времен

Первого Болгарского царства. Тогда яснее станет, какую роль русские княжества сыграли в восстановлении болгарской независимости в период Второго Болгарского царства (ведь Асени пришли из России). Тогда станет понятнее, на каких традициях взращивались идеи о третьем Риме — Москве, — после того как рухнули претензии другого третьего Рима — болгарской столицы Тырнова. Тогда станет яснее, почему в годы тяжкого турецкого рабства Россия была единственной страной, откуда сербы, болгары, греки ждали своего освобождения и откуда на Балканский полуостров притекали денежные пожертвования, церковные ссуды, иконы, печатные и рукописные книги, поддерживавшие очаги национальных культур Болгарии, Сербии и Греции.

III. ОПИСАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

«ИМЕННИК» БОЛГАРСКИХ КНЯЗЕЙ

*

В 1866 г. А. Н. Попов впервые опубликовал список болгарских князей, найденный им в двух рукописях Еллинского летописца. Он отметил, что список болгарских князей помещен в виде вставки в текст Еллинского летописца тотчас же после окончания «IV книги Царств». А. Н. Попов отлично понимал значение своего открытия и определил список, как «в высшей степени замечательную вставку» [1]. Открытие Попова, естественно, вызвало большой интерес в науке, и список болгарских князей, получивший вскоре характерное наименование «Именника» (данное ему Рачким), сделался одним из основных источников по истории древней Болгарии. Ведь наука впервые получила список болгарских князей от легендарного Авитохола до Умора с краткими замечаниями о времени и продолжительности их жизни и царствования. Особенное внимание привлекли непонятные термины «Именника», явно восходящие к тому языку, на котором говорила династия болгарских властителей. Сделано было несколько попыток расшифровать эти термины с помощью разных языков.

Одними из первых трудились над расшифровкой терминов «Именника» В. Златарский и Бюри. В своей расшифровке Златарский и Бюри исходили из мысли о тюркском происхождении болгарской царской династии. По мнению Бюри, загадочные термины «Именника» («дохс твиремъ», «шегоръ вечемь») являются числительными. Первое слово обозначает единицы, второе десятки. Болгары придерживались шестидесятилетнего лунного

[1] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. Вып. I. М., 1966, стр. 25—27.

цикла. Каждый лунный год состоял из 12 лунных месяцев и заключал 354 или 355 дней. Бюри определил числовое значение восьми слов для единиц и шести слов для десятков. Вместе с тем он пришел к мысли о некоторой неисправности именника, что должно объяснять не всегда успешное применение его метода к уточнению дат болгарской истории[2].

К выводам Бюри в основном присоединился и В. Н. Златарский, внесший, однако, несколько существенных дополнений. Так, он делит именник на две части. Первая часть от Авитохола до Исперихa оперирует не с лунными, а с солнечными годами, имея исходным пунктом византийскую эру от Р. Хр. Свои лунные годы болгары систематизировали по византийскому летоисчислению. Болгарские числа показывают не восшествие на престол того или другого князя, а истекшие годы от Р. Хр. до восшествия на престол. Вторая часть именника дает не солнечные, а лунные годы, новая эра с Исперихa начинается после истечения 680-го лунного года или 600-го солнечного года от Р. Хр., то есть начало болгарской эры совпадает с началом 661-го византийского сентябрьского года нашей эры[3].

В. Н. Златарский сделал, как мы видим, ряд поправок к выводам Бюри, еще более усложнив расшифровку терминов именника. И. Маркварт признал выводы Бюри вообще неудовлетворительными. Впрочем, и собственные домыслы Марквартa нельзя признать обоснованными, хотя они и подкупают своим стремлением объяснить имена болгарских князей историческими сопоставлениями[4]. Также отрицательно отнесся к выводам Бюри и Н. В. Степанов, который исследовал его методы с математической точки зрения. В. Н. Степанов отметил, что

---

[2] I. B. Bury. The chronological Cycle of the Bulgarians. «Byzantinische Zeitschrift», XI (1910, Heft 1—2). В Известиях Казанского Общества археологии, истории и этнографии» за 1911 г. помещен перевод труда Бюри, сделанный Н. Петровским и снабженный его же комментариями.

[3] В. Н. Златарский. Болгарское летосчисление. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XVII, кн. 2, 1912, стр. 28—59.

[4] I. Marquart. Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Čatalar und der altbulgarischen Fürstenliste. «Известия Русского Археологического института в Константинополе», т. XV. София, 1911, стр. 130.

«метод Bury ненадежен и приводит к выводам неверным»[5].

По-новому разрешил вопрос о непонятных терминах «Именника» болгарских царей И. Миккола. По его мнению, неславянские выражения в «Именнике» состоят из двух слов, обозначающих название года в 12-летнем цикле тюрков и месяцев года («год мыши» «год быка», и т. д.). Общий вывод исследователя сводится к признанию того, что «тюркские выражения в списке князей, означающие порядковый год в цикле (название животного) и месяц, указывают начало правления каждого хана»[6]. Нам кажется, что Миккола уже близко подошел к расшифровке непонятных терминов «Именника», хотя некоторые его сопоставления и вызывают серьезные возражения. Однако наша статья отнюдь не ставит своей задачей дать еще одну попытку объяснить содержание «Именника», наша задача состоит в том, чтобы усилить источниковедческую базу для новых исследований в области болгарской истории. Дело в том, что все эти исследователи продолжали пользоваться в основном публикацией Попова.

Между тем до сих пор не была сделана проверка публикации Попова на основании подлинного текста с привлечением новых материалов, хотя от точности передачи текста, нередко от одной неправильно поставленной буквы или значка могут существенно изменяться выводы исследователей. Эту простую, но совершенно необходимую задачу и поставил себе автор.

Проверка издания А. Н. Попова по подлиннику убеждает в несовершенстве его публикации. Правда, допущенные отклонения от текста незначительны, но и эти незначительные отклонения имеют свои неудобства для историков и особенно лингвистов. Приведем несколько ошибок в издании А. Н. Попова, давая вначале печатный текст, а потом рукописный: *Печ.* — Авитохолъ житъ, *рук.* — Авитохолъ жытъ; *печ.* — Ирникъ бытъ, *рук.* — Ирник житъ; *печ.* — Есперих, *рук.* — Есперерих: *печ.* — текуче темь, *рук.* — текучитемь; *печ.* — оукиль ему,

---

[5] В. Н. Степанов. Заметки об исследовании Вичу «Известия Отделения русского языка и словесности АН», т. XVIII, кн. 2.

[6] И. Миккола. Тюркско-болгарское летосчисление. «Известия Отделения русского языка и словесности АН», т. XVIII, кн. I.

рук. — оукиль а летъ ему; *печ.* — алтемъ, *рук.* — алтемь. Мы отметили только важнейшие ошибки, но имеются и кое-какие другие мелкие отличия от подлинного текста в расстановке выносных знаков, точек и т. д. Во всяком случае нельзя не признать того, что открытие А. Н. Попова, увековечившее его память в исторической науке, нуждается в пополнении и некоторых поправках. Поэтому нами издается текст «Именника» по тому же Синодальному списку № 280, которым пользовался А. Н. Попов, заново по подлиннику. Текст дается с указанием отличий от печатного (отмечены как *П* (Попов) и с вариантами из рукописи Уваровского собрания № 10 (варианты обозначены буквой *У*).

Поскольку А. Н. Попов сделал только краткое и неточное описание Синодальной рукописи № 280, а «Именник» по Уваровскому списку и вовсе не был использован, то приводится краткое описание обоих списков.

Рукопись Синодального собрания № 280 представляет собой большой сборник, в лист, на 728 листах (у Попова — 404 листа), полууставом начала XVI в. Первых двух листов недостает. Рукопись начинается статьей — «князи рустии (л. 1), за которой следует сказание Ипполита об антихристе (л. 3). На 4—407 листах помещен Еллинский летописец, за ним помещен (л. 408) список израильских и византийских царей, кончая «Калуяном» Палеологом, степени митрополий и архиепископий, подчиненных Константинопольской патриархии (л. 411), краткий летописец от сотворения мира до 1473 года (412), послание патриарха Филофея (л. 426), правила Кирилла митрополита (л. 428). Вторую часть сборника занимает Новгородская 4-я летопись до 1496 г., неверно названная у А. Н. Попова летописью типа «Софийского Временника»[7]. Сборник, вероятно, возник в конце XV в., после 1496 г., так как летопись кончается этим годом, а статья «Князи рустии» в начале сборника заканчивается великим князем Дмитрием-внуком, что указывает на конец XV в., во всяком случае не позже 1505 г., так как в статье не отмечен Василий III, начавший княжить с этого года.

Что касается второй рукописи (Уваровская № 10), то она написана в 1°, на 432 листах, полууставом конца

[7] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. VI.

XV в. Она заключает в себе Еллинский летописец (на 1—422 листах), после чего следуют статьи из летописи (на листах 431, оборот — 432), вероятно, выписанные также из Новгородской 4-й летописи[8]. Обе названные рукописи находятся в собрании Государственного исторического музея в Москве.

Третья рукопись, содержащая Еллинский летописец с именником болгарских князей, имеется в Публичной библиотеке в Ленинграде (Погодинское собрание № 1437). Она написана в I°, полууставом XVI в., на 240 листах. По указанию А. Н. Попова, этот список «дословно сходен с первым списком» (то есть Синодальным № 280), но оканчивается раньше — на рассказе Еллинского летописца о Максимиане[9].

Соединение Еллинского летописца в один сборник вместе с Новгородской 4-й летописью произошло не раньше и не позднее XV в., но это не решает вопроса о времени возникновения самого Еллинского летописца, а тем более «Именника» болгарских князей.

В Еллинском летописце «Именник» представляет собой явную вставку. В. Н. Златарский полагает, что текст «Именника» был первоначально вырезан на каком-нибудь памятном столбе, наподобие других таких столбов (например Чаталарского и Тырновского), которые относятся к временам Омортага. Кроме того, в самом «Именнике» В. Н. Златарский видит две части, разновременно составленные. Первая часть кончается словами о переходе болгар через Дунай и относится к временам Исперихa, другая составлена позже, вероятно, в начале VIII в.[10] Соображения В. Н. Златарского кажутся убедительными, хотя и нуждаются в дальнейшей проверке. Время же внесения «Именника» в Еллинский летописец возможно определить более точно. В. М. Истрин очень

---

[8] Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. Ч. III. М., 1894, стр. 25, 26. У Леонида рукопись показана под № 1334 (10) и обозначена написанной полууставом XVI в.

[9] «Временник Общества истории и древностей Российских», кн. IX. М., 1851, стр. XCV—C (описание рукописи сделано М. А. Оболенским).

[10] В. Н. Златарский. Болгарское летосчисление. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XVII, кн. 2, 1912, стр. 28—59.

остроумно объясняет заглавие Еллинского летописца как составленное из перечисления источников. Заглавие это, по Истрину, звучит так: «Летописец Еллинскый и Римкый. Сия книгы списаны не из единех книг, но от различных, истинных, великих, по исправлению многу». Эти книги названы составителем Еллинского летописца ниже. Ими были: 1) «Моисеева истинные сказания и о четырех царствий от пророчества»; 2) «Георгиева по истине изложена», 3) выписки из книги Ездры и других, 4) из Иоана Антиохийского (Малалы) [11].

Между тем «Именник» поставлен в Еллинском летописце тотчас же за IV книгой Царств, после которой следует статья из Георгия Амартола. Следовательно, «Именник» причисляется к источникам, которые носят название «Моисеева истинные сказания о четырех царствий». Остается предположить, что «Именник» находился уже в том списке книги Царств, который был использован составителем Еллинского летописца. Следовательно, установление времени появления редакции четырех книг Царств, помещенных в Еллинском летописце, до известной степени может указать на время появления «Именника» в рукописном виде.

* * *

Транскрипция

Авитохолъ жытъ лѣтъ 300, родъ емоу Дуло, а лѣтъ ем (у) диломъ твиремъ. Ирник житъ лѣтъ 100 и 8 лѣтъ, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сый 2 лѣт(а), род ему Ерми, а лѣтъ ему дохсъ твиремъ. Курт 60 лѣтъ, дръжа, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему шегоръ вечемъ. Безмѣръ 3 лѣт(а), а родъ сему Дуло, а лѣтъ ему шегоръ вѣчемь. Сии 5 кънязь дръжаше княжение обону страну Дуная лѣтъ 500 и 15 остриженами главами. И потомъ приде на страну Дуная Исперих князь, тожде и доселѣ. Есперерих князь 60 и одино лѣто, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему верени алемъ. Тервель 20 и 1 лѣть(о), родъ ему Дуло, лѣтъ ему текучитемъ. Тви-

[11] В. М. Истрин. К вопросу о взаимоотношениях еллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XVI, кн. 4, 1911, стр. 141—150.

ремь 20 и 8 лѣтъ, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему дваншехтемь. Севар 15 лѣтъ, родъ ему Дуло, а лѣтъ ему тохалтомъ. Кормисошь 17 лѣтъ, родъ ему Вокиль, а лѣтъ ему шегоръ твиримь. Сий же князь измѣни родъ Дулов, рекше Вихтунь. Винехь 7 лѣтъ, а родъ ему Укиль, а лѣтъ ему имяше горалемь. Телець 3 лѣт(а) родъ ему Угаинъ, а лѣтъ ему соморъ алтемь. И сий иного рода (?) Умор 40 дний, родъ ему Укиль, а ему диломь тутомъ.

Обратимся теперь непосредственно к тексту «Именника». Отметим прежде всего, что Уваровский список дает годы некоторых князей суммарно. В Синод. № 280 читаем: «Ирник житъ лѣть 100 и 8», в Уваровском просто — «108 лѣтъ»; в Синод. — «Гостоунъ намѣстникъ сый 2 лѣтъ», в Уваровском — «два лѣт(а)»; в Синод. — о князьях, бывших за Дунаем, говорится, что они княжили «лѣтъ 500 и 15», в Увар. — 515 и т. д. Это позволяет проверить некоторые числа «Именника», отбросив предположение об их случайном написании. Наиболее интересным вариантом Уваровского списка является название «Тервень» вместо «Тервель» в Синодальном. Чтение «Тервень» может считаться результатом описки или сознательной поправки в чтении этого имени, получающего в Уваровском списке характер славянский. Нельзя не отметить и того, что Уваровский список не повторяет написания «Есперерих», а даже чтение — «Есперих». Здесь же отметим, что в слове «Есперих» в обоих списках имеем киноварные «*Е*». Другие киноварные буквы начинают слово «Тервель» (в Уваровском — «Тервень»). Это могло быть каким-то образом выделено уже в источнике, с которого «Именник» был написан в Еллинском летописце.

При объяснении текста «Именника» следует обратить внимание на некоторые особенности письма в наших списках. Сведения о каждом царе даны в определенном порядке, образцом которого является первая фраза об Авитохоле: «Авитохолъ житъ лѣтъ 300 родъ емоу доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ». Точки (не считая обычных точек, выделяющих цифры) разделяют три фразы: 1) имя царя и его годы; 2) название его рода; 3) указание на годы с непонятными словами. Следовательно, по такому же принципу мы должны читать и последующий текст «Именника». Тогда мы получим

следующие результаты. Текст «Именника» хорошо сохранился во фразах об Ирнике, Гостуне, Курте, Безмере. Иными словами, вся первая часть «Именника» до Исперихa дана без видимых ошибок. Такой же характер сохраняют фразы и дальше — об Исперихе, Тервеле, Севаре, Кормисоше, Телеце. Гораздо затруднительнее прочесть следующую фразу: «Тервель. 20 и 1. лѣт (о) родъ емоу доуло, а летъ емоу текоучитемъ твиремь. 20 и 8 лѣтъ родъ емоу доуло, а лѣтъ емоу дваншехтемь». Слово «твиремь» выделено точками и одинаково может обозначать имя или термин. Такое же затруднение находим дальше в фразе: «сии же князь измѣни родъ доуловъ рекше вихтунь винехъ. 7 лѣтъ, а родъ емоу оукиль, а лѣтъ емоу имяше горалемь». Маркварт считает «винех» за собственное имя «Винех» и сближает его с именем болгарского князя Сабина византийских источников, но между «вихтунь» и «винех» нет точки и слова «вихтунь — винех», возможно, надо читать вместе, считая, что имя царя почему-нибудь пропущено. Во всяком случае возможность таких пропусков должна быть заранее учтена.

Загадочна в обоих списках фраза об Уморе. В тексте сказано: «и сии иного радъ оумор 40 днии». В Уваровском читаем — «ради» с выносной буквы «*д*», рядом с которой стоит точка. Выше в тексте встречается слово «сии», в контекстах. В обоих случаях фразы, начинающиеся с «сии» представляют дополнение к тексту «Именника». Во всяком случае читать текст — «сии иного рода» весьма затруднительно, хотя это и является наиболее приемлемой поправкой к тексту.

Пока полное объяснение «Именника» — дело будущего.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ И МОЛДАВО-ВАЛАШСКИЕ ЗАПИСИ НА РУКОПИСЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

(Хлудовское и уваровское собрания)

*

1295—1320 гг.

Хлуд. № 142. **Паремейник.** В 4°—ку, на 171 листе, полууставом XIII—XIV вв.

На л. 170 об.—171 полууставом запись:

«Слава с врьшителю господу богу створьшому всѣ мѫдростиѧ своѧ небеса и землиѧ и морѣ и ѫже в немь. Изволениемь ѡтца и сына и святого духа написаса книгѫ сиѧ рѫкоѫ многорѣшноѫ и недостоиноѧ нарещисѧ рабь божеи Николь, а зовомъ мирьскы Брата, вь дни благовѣрнаго царѣ кирь Ѯндроника Палеѡлога и при сынѣ му кирь Михаилѣ цари, написахь Брату си попу Дѣдославу книгы сиѧ; да молѧвисѧ честны ѡтци и попове и диѧкони и диѧци вси поѫще вь книгы сиѫ исправѣѫще поите, а не кльнѣте чѣ медъ, аще и на черовѣ корѣень благье, тако и слова божиѧ; аще сѫ грѫба или неисправена и ѫ божиѣ сѫ и спасѫтсѧ вси поѫщеи в нихь, понеже не пище духь святы, нѫ рѫка грѣшна, егы до та суе ѡт работы. Да помѣнѣте и мене грѣшнааго и родителѣ ми, а вас богь да простить вь всемь и вѣцѣ и в бѫдущихь, аминь, аминь, аминь».

Основанием для датировки служит указание на царя Андроника Палеолога и его сына царя Михаила. Андроник II царствовал в 1282—1328 гг., его сын Михаил IX был соправителем в 1295—1320 гг.

1361—1371 гг.

Хлуд. № 39. **Апостол.** В 4°, на 273 листах, полууставом XIV в.

На л. 193 об. помещена запись полууставом XVI века, на нижнем поле рукописи, но таким образом, что

буквы обращены в обратную сторону по отношению к тексту.

«Си пракось, кьди поиде краль Влькашинь турке, приложихь стои[1] Петкце да е вьи врть»[2].

Вукашин был кралем, деспотом, в 1361—71 гг., убит в битве с турками при реке Марице в 1371 г. Этим датируется запись.

См. 1475 г., Хлуд. № 39.

1370 г.

Хлуд. № 188. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом.

На л. 282 запись рукописи полууставом, выцветшей киноварью и большими заглавными буквами:

«Влава съврьшителю Христоу цароу Аминь![3] Писа грѣшнїи Нїкола дїакь в лѣто 6878».

Издана у Хлудова[4]; на внутренней, задней корке переплета запись 1808 г.: «Сию книжицу от монастиръ Марковь глаголеми триодь велики постъ читасе 1808 Трпко».

См. также 1808 г., XIX в., Хлуд. № 188.

1386 г.

Хлуд. № 42. **Апостол.** В 4°, на 250 листах, полууставом XIV в.

На об. 228 листа полууставные записи, сделанные с интервалами в 1 строку, но одним почерком:

«Вь лето 6894 съписа се дїакомь Ратисомь».

«Сиа кнїга повѣза Сидорь ермонах при егумена ермонах Їѡкима при стра Стефана в наше село Срежево ѡ вь лѣто 7166.

Тогда бисть кругь солнце 26, а кругь луни 3, темее 6».

---

[1] Так в рукописи.

[2] Конец записи мало разборчив, в рукопись *врь*, сверху выносное *т*.

[3] Написано лигатурой.

[4] Имеется в виду издание: А. Н. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.

По-видимому, запись 1658 г. повторяет старую запись.

См. также 1658 г. Хлуд. № 42.

1388 г.

Хлуд. № 146. **Минея служебная,** октябрь. В 1° на 211 листах, полууставом.

На л. 211 помещена запись киноварью полууставом, почерком писца:

«В лѣто 6896 писасе сиѧ книга домоу матере божие Грачанске[5], повелѣниемь прѣѡсвященнаго архіепископа Липлянскаго кѵр[6] Сімеѡна, ему же вѣчная паметь».

См. XVIII в., 1847 г., Хлуд. № 146.

1392 г.

Хлуд. № 134. **Триодь цветная.** В 1°, на 265 листах, полууставом. На л. 265 запись киноварью, рукою писца:

«Простите и благословіте исписавшаго сиѥ комате тріѡда святымь Θеѡдрѡм, роукою грѣшною Стефана монаха, бівшаго страны таха и хтитора святы Θеѡдора[7], іже дрьзнеть ѡдне тих да моу соу супостати вь день страшнаго соуда. В лѣто 69 сотне, кьди тоурци приеше Скопиѥ, месяца ген... день»[8].

Издана у Хлудова, причем после слова *моу* почему-то пропущено *соу* и поставлены три точки, в рукописи пропуска нет.

Конец XIV в.

Хлуд. № 149. **Минея служебная.** в 1°, на 140 листах, полуустав конца XIV века.

На листе 139 об. запись полууставом, рукою писца:

«Христос зачало и конець». «И съврьшихь повелѣніѥ курь Θеофиле».

В конце листа:

«Почини ѡт велика троуда многогрѣшна роуко».

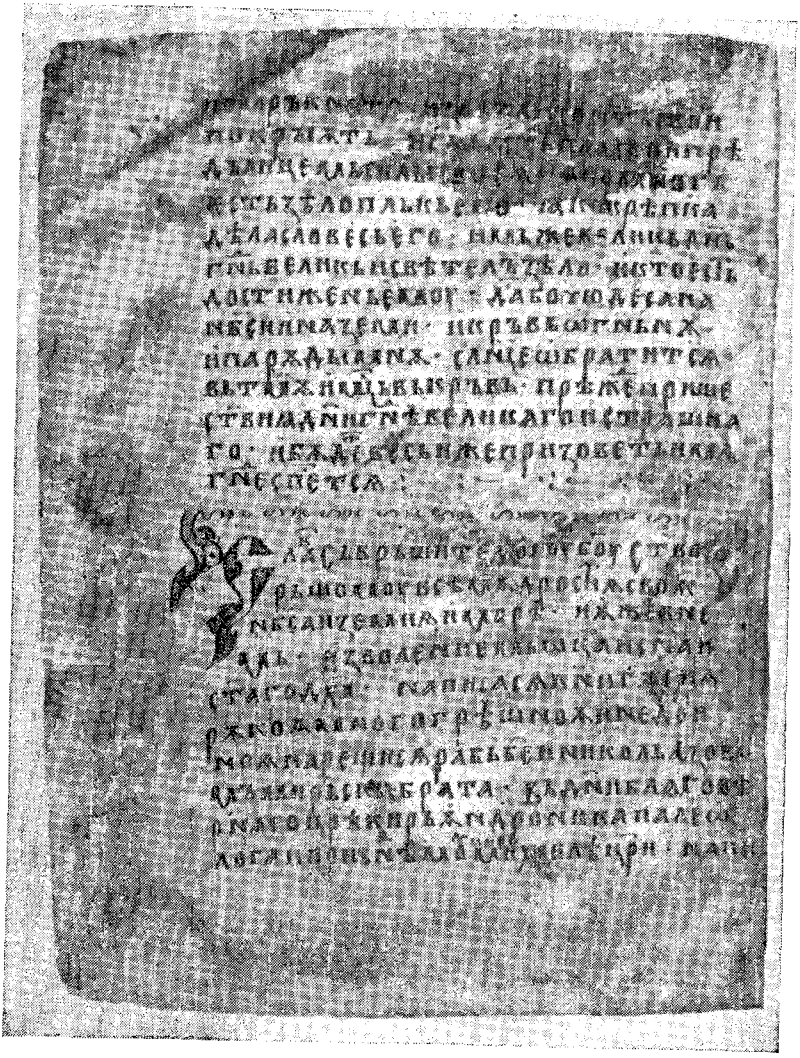
---

[5] В рукописи *гранска*, сверху выносное *ч*.

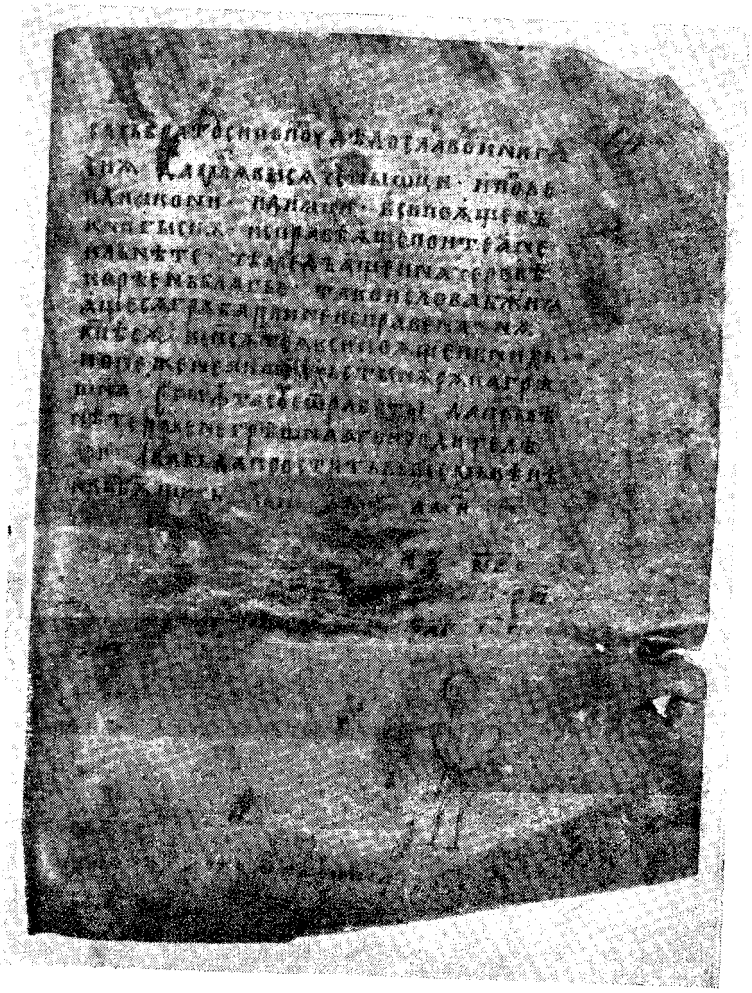
[6] Через *ижицу*.

[7] В рукописи **Θеѡром** и **Θеѡра** с выносным *Д*.

[8] Конец записи плохо различим.



Запись Николая Брата
XIII—XIV вв. (Гос. Исторический



о написании книг.

музей, Собр. Хлудова, № 142).

Конец XIV в.

Хлуд. № 154. **Минея служебная.** В 1°, на 158 листах, полууставом конца XIV в.

На листе 76 об. полууставом запись писца:

«Си месяць написасе роукою диꙗка Милака, аще и сьгрѣших, простите, а вась богь, аминь».

На листе 158 запись полууставом:

«Владыцѣ кир Савѣ патриарху, си на всѣмь, Сербльмь, и Грѣкомь».

На листе 158 плохо разборчивая запись скорописью:

«Старѣму брату ми да зна ...»[9].

См. также 1834 г., Хлуд. № 154.

Конец XIV в.

Хлуд. № 195. **Торжественник.** В 1°, на 363 листах, полууставом конца XIV в.

На листе 6 запись писца полууставом:

«Ꙋ господи мои Исусе Христе, сыне божіи, человколюбче, помілоуи и мене грѣшнаго Маниша».

Запись эта повторена на полях тем же почерком.

На листе 347 об. запись полууставом:

«Простите ме грѣшнааго Доброслава діака, писавшаго честь нѣкоу ѡт сие книгы ѡт 20 іаноуаріа месяца до ѡсмаго дне маіа месяца, а вас богъ да прости и нынѣ и присно и вь бесконьныи вѣк. Аминь».

См. также 1792 г., Хлуд. № 195.

Конец XIV в.

Хлуд. № 183. **Хроника Георгия Амартола.** В 1°, на 291 листе, полууставом конца XIV в.

На листе 42 запись полууставом, современным рукописи:

«Помози господи Карлу».

На листе 63 об. беглым полууставом запись, из которой можно разобрать слова:

«Смѣренніи теха ... Петрь ... Да простите отци святи молѥвние».

---

[9] Далее запись неразборчива.

На листе 155 и полууставом запись тем же почерком, что и на листе 42:

«Помози господи, рабу своему Карлу Теопии. Аминь».

На листе 200 об. записи тем же почерком, что и на листе 42:

«Того ради ѿста за злу хартию».

«Боже прости Карлу Феѡпиу, господина моего, аминь».

На листе 223 об. запись тем же почерком, что и на листе 42:

«Ѡ зло хартиѥ много, ну поиди напрѣдь».

Запись датируется указанием на Карля Феопиу.

См. также 1795 г., Хлуд. № 183.

XIV в.

Хлуд. № 55. **Златоуст.** В 4°, на 118 лл., полууставом XIV в.

На листе 1 об. полууставом запись:

«Слава сьврьшителю богу во вѣки, аминь. Написахь книгоу сию и дроугоу агырысть и третию поучениꙗ и типикь тетравангелоу[10] ... азь грѣшни диꙗчинь ...[11] бреньною роукою и оумомь тлѣннимь, даѥ сиѥ писаниѥ господиноу на спасениѥ на вьтороѥ пришьствиѥ Христово и прѣстола владычна, его же кемо прѣдстати *назы и безгласни*, тоу *бо* не можеть помощи ни брат братоу ни чедо родителю, ни злато ни сребро ни кони, ни златиѥ оузди нь вьстроубысть архангель и вьзбудить спещеѥ и выстаноуть ꙗкы от *сна*.

Господь богь да простить[12] ... вь си вѣкь и вь боудоущи. Аминь, аминь, аминь, и богь да ганастави да ме *прости си писаниꙗ*, ѥре не могоу сти... нагь ходити агІ щдо и видать ми сене комать круха... а я ни башиноу имать ... ч не раба истинити да витю пренѣсемь ня потрѣбоу[13] ...».

На обороте 34-го листа запись полууставом:

---

[10] Далее выскоблена почти строка (примерно 15 букв).

[11] Далее выскоблено одно слово.

[12] Далее выскоблена целая строка (около 25 букв) и попорчены от сырости некоторые слова.

[13] Далее одно слово стерто.

«Спась Христось да простит Ѥромонаха чрьнорисца Димитриа».

См. также 1867 г., Хлуд. № 55.

XIV в.

Хлуд. № 152. **Минея служебная.** В 1°, на 225 листах, полууставом XIV в.

На листе 149 запись писца полууставом:

«Азь писахь вь словеси душеспасеное, многогрѣшныи и недостоинь быхь ни вь словесехь имѧ свое оуказати, нѫ надѣѫсѧ на великое и неизреченное твое человѣколюбие, сына твоего и бога нашего, и тебе молѧсѧ вьсепитаꙗ и прѣнепорочнаа дѣво бононевѣсто владычице, искоупи заплѣненѫѫ душѫ моѫ ѡт дѣлиї, злых миї, и помѣни мѧ, егда осѫждена мѧ видиши, вь вторѣмь пришествыи страшнѣм, сына твоего и бога. Тебѣ и намь глѫбино, рыторы неисчетеннаꙗ и неизглаголаннаа ѡт аггель, прѣоудивленнаꙗ, мати вьсемоу родоу человѣчьскому, и моему грѣшьнствоу, господе богородице, прѣнеизреченнаꙗ и прѣнепорочнаꙗ, прѣвеликое имѧ твое, царице и владычице, многоименитаꙗ, небеснаго царѣ и владикѫ, писавшаго книгѫ сиѫ тебе и твѡѫ».

На листе 1 об. запись полууставом XIV в.:

«Псаѡ брать Сира многогрѣшны Сиракъ ї многоѡкаꙗны. Ѡ братие, ѡткѫдоу начанѫ плакатисѧ страстнаго мї жїтїа».

Далее вязью:

«Хто не прочеть писание се, да нѣ богом не благослвенъ».

Затем следует греческое молитвословие кирилловскими буквами и запись:

«Поучение ...[14] нищети добра бить добре да знаеш...».

На нижних полях листа 148 об. запись полууставом:

«Ѡх, пречистаа богородице, либо даи ты мѧ помени,колми даи милостиѫ си, помощи ми на страшнѣмь прї-

[14] Здесь неразборчиво.

шествии Христовѣ, еги сѧ азь ти кажѫ по христїанехъ, а никожѫ милости ѿт нихь не приѧти».

См. также XVIII в., Хлуд. № 152.

XIV в.

Ув. № 521. **Октоих.** В 1°, на 161 листе, полууставом, конец XIII—нач. XIV в.

На листе 161 полууставом запись большими киноварными буквами:

«Стефань краль Урошь[15]. Канон святыимь аньгеломь сбрань ѿт всѣх канон».

На листе 122 об. полууставом запись писца:

«Помените мене грѣшнаго Меѳодиѥ».

Издана у Леонида. — «Систематическое описание Славянороссийских рукописей собрания гр. А. С. Уварова». Часть вторая. М., 1893, № 733.

XIV в.

Хлуд. № 189. **Пролог.** В 1° на 282 листах, полууставом XIV в.

На л. 250 об. почерком писца:

«Благослови владыко святи дѣло сиѥ и начетькь прьвие роукоу мою раба своѥго многогрѣшнаго монаха Равоулю».

На листе 251 запись того же писца:

«Благослови владыко святы дѣло сиѥ и начетькь прьвы роукоу моѥю раба твоѥго».

У Хлудова издана со многими ошибками и пропуском имени монаха.

См. также 1425 г., 1441 г., XV в., XVII в., Хлуд. № 189.

XIV в.

Хлуд. № 164. **Трефологий.** В 1°, на 184 листах, полууставом XIV в.

На листе 102 об. запись полууставом:

---

[15] Запись сделана вдоль всей страницы, слова разделены интервалами и точками, перед каждым словом киноварный крест. Слова написаны так: *Стфнь*, над буквами *т* и *н* поставлены титлы: *кра*, сверху выносное *л*; в слове *Урошь омега* и *у* составляют лигатуру.

«Ѡд тѣзи почехь ни такь писати, ере ми би драго».

На листе 110 об. запись полууставом:

«Просты, боже, Ѳодора, кои ми скова ножиць, та си перо направых».

На листе 126 об. запись полууставом:

«Просты, боже, ковач Мирослав ѡт Бѣлоушина, кои ми скова ножиць, та си перо направых, и кто прочте, рци: богь да прости...».

На л. 170 об. запись рукою писца, с середины страницы, начинается киноварным заглавием:

«Слава съвршители богоу вь вѣкы. Аминь, аминь, аминь. Пысасе сиѧ кныга оу Порѣчи, оу селѣ зовомь Калоугерець вь дьны благовѣрнаго краля Марка, ѥгда ѡтдаде Ѳодороу Грькоуровоу женоу Хлапеноу, а оузе женоу свою прьвовѣнчанну Ѥленоу Хлапеновоу дьщере. Вь то врѣме се писа попоу Тодороу на Калоугерци Рада тод Сазетоу, азь многогрѣшни и недостѡини и всѣхь послѣдны недостоѥнь нарещисе рабь Христу. Добре диѧкь Радовь сынь ѡт Маргарита, пѡпа Станковь брать, ѥмоу же ми есть гробь ѡтчьство, а земля маты, прьсть прьва ѡдежда, црьвиѥ вѣчни гости. Тѣм же, аще и боудь съгрѣшиль где либо вь коѥмь чрьтѣ, либо сь другомь глаголе, а или напильсе будоу, да молю ви се азь Добре диѧкье недостоѥнь рабь Христа бога, нь ѡгню вѣчномоу рабь, братиѧ мала и велика проучаще: поите, а не кльнѣте, нь паче поминаите писавшаго сию книгу и родителе ѥго, а вась Христось ѡт кленоущихь клеть ѥсть, а благословеще благословень ѥсть. Починѣте роуцѣ ѡт дѣль, а ѡчи ѡт сльзь и оумь ѡт мислие».

1401 г.

Хлуд. № 158. **Минея служебная.** В 1°, на 251 листах, полууставом 1401 года.

На листе 251 запись писца:

«Благоволениемь прѣѡсвященным архіепископомь Призрѣньскым курь Арсениемь исписасе сиѧ книга, в месяць маи в помень ѥму и вѣчнаѧ ѥму паметь, лѣто же бѣ тогда 6909»[16].

См. также 1642 г., XVIII в., Хлуд. № 158.

[16] Слово *Призреньскым* написано другим почерком по выскобленному и чернилами, а не киноварью.

1425 г.

Хлуд. № 189. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом XIV в.

На 81 листе запись беглым полууставом:

«В лѣто 6933, месяць генварь 11 день, прѣставис всеѡсвщанни архиепискупъ Скопски кур Мафеи в дни господина Гюрга».

У Хлудова не издана.

См. также XIV в., 1441 г., XV в., XVII в., Хлуд. № 189.

1428 г.

Хлуд. № 125. **Октоих и Праздничная минея.** В 1°, на 253 листах, полууставом XV в.

На листе 253 об. запись полууставом:

«Написасе сі̀е въ лѣто шестотисущно и деветосьтно и тридесети и шесто, по прѣставлѥні̀и благочестиваго краля срьблѥм деспота Стефан».

1434 г.

Хлуд. № 139. **Сборник.** В 1°, на 163 листах, полууставом XV в.

На листе 263 об. запись писца полууставом:

«Сию книгу сирѣч тріѡдь изведохѡм из бугарскые книгы на срьбскы чинь. Да ако е нечто и недоставено, не прокльните велми молю ви се, понеже не быхѡм вѣщи слову тому и чьтеи усмотри и увѣждь добрѣ, и ѡпасно, или изводеи пакы из нѥи знаи, еже ѥсть кому даль богь и болще можеть извести. Вѣчна паметь Еустраті̀ю попу ермонаху».

На листе 263 об. киноварью полууставом:

«Изволѥні̀ем ѡтца, и поспешені̀ем сына и съврьшені̀ем святого духа написасе сі̀а божественна книга въ дны благочестиваго и христолюбиваго господара срьбаѥм, деспота Гюрга въ лѣто 6942, и писа Гроубць ді̀акъ, и ѡтци святыи и браті̀е прочитающе благословите, а не прокльните, понеже духъ святи не писа, нь рука грѣшна, а богь да простит вы».

См. также XVII в., Хлуд. № 139.

1441 г.

Хлуд. № 189. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом XIV в.

На листе 74 запись полууставом:

«Прѣстависе всеѡсвещени митрополить кур Нифонь месяца декебра 29 день, в лѣто[17] 6949, а вь дни цара Амурата».

У Хлудова не издана.

См. также XIV в., 1425 г., XV в., XVII в., Хлуд. № 189.

1443 г.

Хлуд. № 131. **Параклитик.** В 1°, на 257 листах, полууставом XV в.

На листе 257 скорописью:

«Сиѧ книга бжьствна писасе вь дни цара Паѧзита вь лѣто девецатно 51».

Там же скорописью:

«Сиѧ книга бжьставна писасе вь дни цара Паѧзита вь лето девцатно, диѧкона Николе»[18].

См. также 1464 г., 1800 г., Хлуд. № 131.

1457 г.

Хлуд. № 13. **Евангелие.** В 1°, на пергаменте, на 294 листах, полууставом XIV в.

На листе 82 об. запись:

«На 400 и 50 и 7 лѣто смрьть господина крала Владислава Албертовића, крала Угарскага, месяца декебра».

1464 г.

Хлуд. № 131. **Параклитик.** В 1°, на 257 листах, полууставом XV в.

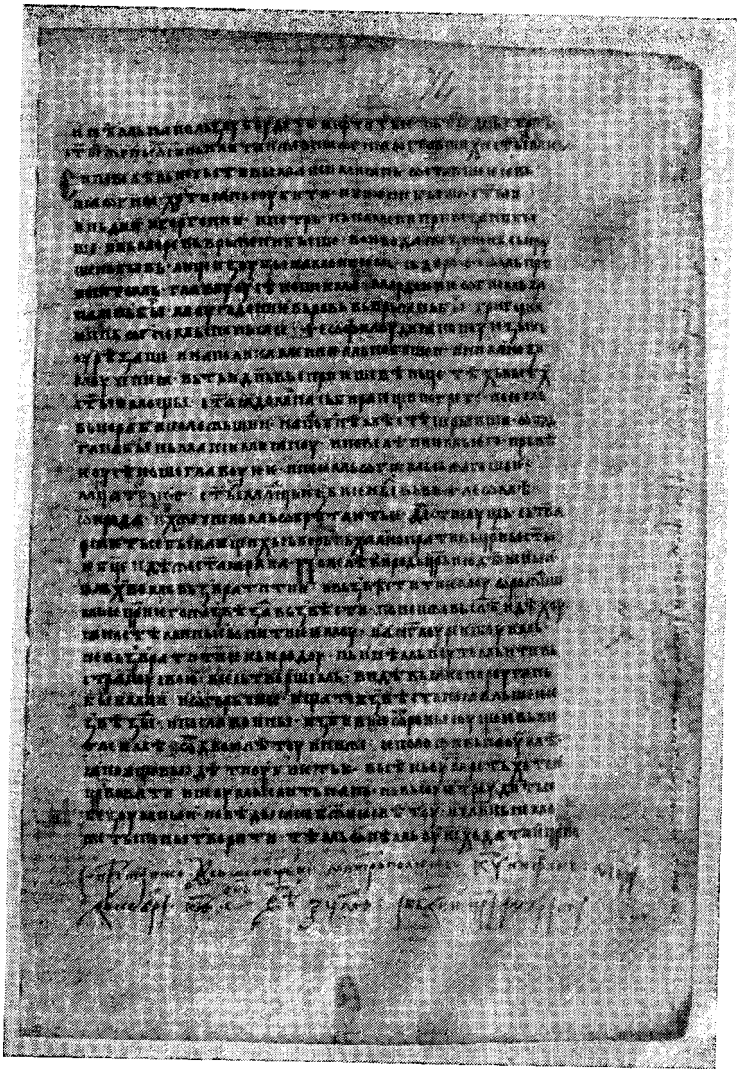
На листе 195 записи полууставом:

---

[17] Вместо *в льто* в рукописи поставлено: *в вѣ*, сверху выносное *т*.

[18] Последние слова (*«диякона Николе»*) написаны другим почерком, отличающимся от того, каким написаны предшествующие слова.

Вся вторая запись, повторяющая первую, по-видимому, сделана в более позднее время.



Запись о смерти митрополита Нифонта. 1441 г.
(Гос. Исторический музей. Собр. Хлудова, № 189).

«Сые пис Ивань пѡпь в лѣто 6972».
«Сиѥ писах азь попь Иван».
См. также 1443 г., 1800 г., Хлуд. № 131.

1475 г.

Хлуд. № 39. **Апостол.** В 4°, на 273 листах, полууставом XIV в.

На листе 272 помещена на оставшемся чистом месте, поперек страницы, запись, полууставом; слова в «лѣто 6983» выделены крупными буквами, наподобие заглавия:

«В Лѣто 6983 коупи сию книгу попь Драгославь ѡт Говрьлѣво у Скопье оу Дмитра Манкова. И тому сведоци[19] Иѡсифь митрополить[20] и попь Никола ѡт Махале, Пронко ѡт Водна, попь Дранчинь, и Гуро деспоть, и от Добридоль попь Йковь и Продань, и Пеѡ Туревичь и Никола Прѣкь».

Напечатана у Хлудова с ошибками.

См. также 1367—1371 гг., Хлуд. № 39.

1486 г.

Хлуд. № 15. **Евангелие.** В 1°, на 307 листах, полууставом XIV в.

На 1-м переплетном листе запись скорописью:

«В лѣто 6994. Сѣе лето расипаше арапы Анатолиску воиску на полю Чупурѡва...»[21].

В этой заметке имеется в виду победа египетского войска над турецким (анатолийским) в 1486 г. То же известие повторено ниже по-гречески.

1490 г.

Ув. № 91. **Евангелие.** В 1°, на 299 листах, полууставом XV в.

На листе 80 об. запись, написанная скорописью XVII в.

«Въсѣвидцу и преблагому богу слава и величие държава и ѡбласть над всеми и всехъ в тому по за-

[19] В рукописи *свеоци*, сверху выносное *д*.
[20] В рукописи *мрполить*, причем над *м* поставлено *р*.
[21] Так в рукописи.

чале и конецъ благиъ делъ ...[22] месяца ноѧмвриѧ исписася даѧнiемъ и повелениемъ всеблагочестиваго господина Иоанна Стефана воеводѣ господаръ въсеи земли Молдавскои сынъ Богдана воеводы и даде его в помѣнъ себе и родителемъ своим во еже быти емоу в храмѣ святаго великомученника и победоносца Геѡргиѧ, иже есть на Воронцы. Исписаше же ся кънiга сиѧ евангелиѧ мънiха Пахомиѧ при митрополите всеи земъли Молдавской киръ Геѡргие и при игоумене Генадие и совершися в лѣто 6998 года. Письма при Стефанѣ воеводѣ евангелиѧ сиѧ».

См. также XVII в., XVIII в., Ув. № 91.

1498 г.

Ув. № 132. **Евангелие.** В 1°, на 291 листе, полууставом 1498 г.

На листе 84 об. запись писца в орнаментальной рамке:

«Благым произволенiемь ѡтца, съпоспѣшенiем сына, и съвръшенiем святого духа, благочестивiи и христолюбивiи Иѡанн Стефан воевода, божiею милостiю господаръ земли Молдавскои, сынъ Богдана воеводи, даде и исписа и ѡкова и съвръши, съи тетроевангель въ молбѫ себѣ, и за свято почивших родителiи своих, и даде в монастири ѡт Молдавици, идеже есть храм пресвятѣи и владычици нашей богородици, еѫ Благовѣщенiа, в лѣто 7006, а господства его лѣта 40, и пръво текѫщее, и потружденiем многорѣшнѣго Теѡдора монаха, и написа же ся въ монастирѣ нѣмецкаго и съвръшисѧ мѣсяца геньвара въ 24».

XV в.

Ув. № 479. **Евангелие.** В 1°, на 294 листах, полууставом XV в.

На внутренней стороне верхней доски переплета беглым полууставом запись:

«Лѣтъ 7 ...[23] априлие днъ 26 приде ту Домна

[22] В рукописи неразборчиво.
[23] Дата заклеена ex-libris'ом.

Илинъка Влашкога бега майка у град Ерусалим съ сином своим Михаил Спатар и съ схъѣерiе своею станъкою и шнима дойде Ꙗнъко Булюбаша съ десет сеимени, и код Домне бiаше 40 людии и съ сеимени и съ свим чином ... И сви сеимени у Зелених халинах доишли».

+ И писах я Гаврилъ Хмелницки ꙗз ациꙗ сеименъскыи ѡт Лешке земли ѡт Илъвова града».

+ Булюкбаша ѡт Сегедина града.

+ Радоица чаушъ ѡт нова Назара.

+ Владиславъ ѡт Араца града.

+ Геѡргiе ѡт Веръшица.

+ Арънаут Христо ѡт Гѡрци.

+ Томо ѡт Преморiа.

+ Драгно ѡт Трънова.

+ Петрѡ ѡт Сараꙗ.

+ Филипъ ѡт Белиград.

Запись внизу справа:

+ Татаръ худа верди ѡт Бугака.

+ Ибрахим бешлꙗ беговъ».

На листе 1 беглым полууставом запись киноварью:

«Да се знае како чъхотъ сiю книгу Арсенiе ермонах ѡт манастира святаго Николае Вишеград Плдьвена на реце Дунавцеи вь градъ Ерусалимъ».

См. также 1657, 1671, 1675, 1691, 1695 гг., Ув. № 479.

XV в.

Хлуд. № 15 **Евангелие.** В 1°, на 330 листах, полууставом XIV в.

На листе 330 об. киноварью полууставом запись:

«Си тетроеувангель даде Ивань Кущникъ и прксь Богородици Чрѣногорскои, и прѣстависе месяца февраля 21 день».

На листе 330 об. полууставом запись:

«Месяца августу 2 день прѣстависе вь Христа бога благовѣрнiи и христолюбивыи сынь благовѣрнаго и христолюбиваго и прѣвысокаго ...» [24].

---

[24] Далее половина листа оторвана.

XV в.

Хлуд. № 189. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом XIV в.

На листе 98 запись полууставом XV века:

«Благочестивомоу и христолюбивому и богъм избраному господину кѵр Гаурилоу д дете тати[25] Стефан много поклон ни, да знаше мои господи, що ѥсть у му[26] Скопию дом».

Надпись плохо разборчива. У Хлудова не издана.

См. также XIV в. 1425, 1441 гг., XV в., XVII в., Хлуд. № 189.

XV в.

Хлуд. № 28. **Евангелие и Апостол.** В 4°, на 313 листах, полууставом XIII и XIV вв.

На обороте 302 листа запись полууставом XV в.:

«Въ имѧ ѡтца и сына и святаго духа, азъ мнихь Иѡаникие, а зовомь Калоѩнь Пасарель, по изволению божию прѣставихся ѠТ сего суетнаго свѣта, месяца генварѣ 1 день, на ѡбрьзание господа нашего Исуса Христа, и дахь книгѫ си господиноу си святому Геѡргию, и триѡдь с паремиами, и к тому придахь що, изволи господинь ми, святы Геѡргие, за помѣна ради, и за гроба ради моего да кто ще взѧти, и гевасати или продати ѡт святого Геѡргиа, да е проклѧт ѡт господа бога и ѡт матере божиѫ и от 300 и 18 ѡтець никеиских и ѡт 4 евангелисть и святы Геѡргие да му една дикъ[27] и копие его вода му сѫдит вь сеи вѣкъ и вь будѫщи».

На листе 302 на приклеенном бумажном листке запись полууставом конца XV—XVI вв.:

«Сию кныгу апостоль приложистя богородице Карпынске Дмїтѫд Канарева за свою душу, богъ да га просты въ царство небесное».

XV в.

Хлуд. № 237. **Сборник.** В 1°, на 305 листах, полууставом XV в.

---

[25] Так в рукописи.
[26] Под титлом, возможно, *моему*.
[27] Так в рукописи.

На листе 49 заметка писца:

«Господину ми Андреашу ѡд Грубадина ...[28] твоегѡ кефалиѥ Рустустужимиле[29] ѡт /т/воих юнакъ не послуха, а ѡт».

На листе 57 об. запись писца:

«А се Грубадинь грешни писа кепалиѧ у кѣле заградскои; и аще тко прочте сиѧ словца, молю ви братиѥ рьцете: богь да прости грешнога Грубадина, а васъ богь».

На листе 190, на правом поле заметка писца полууставом:

«Сиѧ главїзнѫ изведох ѡт кнїгы глаголемыѧ дїоптра ѡт грьска на блъгарьское».

На листе 203 об. на полях заметка писца:

«Сиихь двоихь главизнахь исписа Фудулъ, прьведъше из грьцька на блъгарьско ...[30] гы бьх вь пара рие вьсь братиа».

XV в.

Хлуд. № 162. **Сборник.** В 1°, на 254 листах, полууставом конца XIV в.

На листе 1 об. запись скорописью:

«В лѣто 6945. Погину сльнце мѣсяца Їоуна 16 день».

«В лѣто 6975. Прѣгнаше ѡд Скоп(ие) града 15 кюкь у Конухь мѣсяца маѧ 13 денъ у срѣду».

«Вь лѣто 6975. Сїе лѣто прѣселище ѡт Скопа града 15 кукь православных хрїстиан, без порока, не имее вини никое, у граду рекомомоу Конюху от Арбанашскые земли, сь грагеному ѡт цара Мехмеда царствующї тогда».

«В лѣто 6936. Узеше изьмальтѣни святога великомученика Христова Геѡрьгиѧ, мѣсяца ѧприла вь 27 днь при цари Мурат Бегу».

На листе 247 запись скорописью:

«Манастирь Рунешь».

На листе 254 запись скорописью:

«Мѣсяца марта 9 день, ѧ Марена на проданом и с моим сынови Калѡѧнемь и зь Борислав(ом) ... и с Ра-

[28] Слово неразборчиво.
[29] Здесь начало слова («Русту») смазано.
[30] Здесь лист оборван.

дославом прѣдадосмои попоу Станиши тетравангель новоизьводни ипркьсь два комат агирста новизьводна, Минеи ѡдь ферьфара до сектевра, други всему годищу, триаѡда два ѡдь фарисеея до всех святихь. И други минеи всему гѡдицу четверу коматъ, минеѧ единь мѣсяць сесьтевра кат дне в нь, литургиѧ новоизьводна и друга ветьха, молитвьник, часо(сло)вець,... теѡтокарь, псальтир, Дамаскина пение и ... агиристь катапетаземе, 2 покт в ... чистоми и пакамени, 3 петрахиль да ... 53 ветхи, ризе 2 ветхи. И лод ... и ... и лѣжица.

Единь кома и други у стен(ы) що е уздигль ар/ /бе/л...

И та и лозья дах и дре жи и на крал нем церкви 3 дель. И що мое гробнина помло..., а половина попу. И що в сенах один ни ... дае по попу или ...[31] И дажь медянь.

И тому и свѣние и попь Никола и Симон и Ѳеѡдосиѧ Клим и я Калоѧнъ писах».

1541 г.

Хлуд. № 192. **Пролог.** В 1°, на 461 листе, полууставом 1541 года.

На листе 460 об. беглым полууставом запись писца: «Слава богоу въ троици, давшому по зачелѣ и конецъ, тому слава въ вѣкы вѣкѡм, аминь. Исъписа сі҆ю божественую кн҆гоу убогі҆и въ иноцѣх и богати въ грѣсѣх і҆еромонах Вѵсарі҆ѡн, и прѣ именовані҆и Варламъ, да речеть богь да га простит. Аминь. Въ лѣто 7059 априль 7 съврьш҆се».

См. также 1666 г., 1704—1732 гг., Хлуд. № 192.

1543 г.

Ув. № 391. **Триодь цветная.** В 1°, на 146 листах, полууставом 1543 г.

На листе 146 запись писца полууставом:

«Блговолен҆емь ѡтца и поспѣшен҆ем сына и съвършен҆емь святаго духа. Се азь Ѳеѡдос҆е епископь Радовскыи, рачително душевно и ѡт сердца раждизателно,

[31] Текст записи дефектен, многие слова не читаются.

въсѣмь пѣнiа полезно, церквамь красѡта въ нем же легко спасенiе полоучено, оубѣдих писати нашемоу о господи порѫчникоу Крачюнови. Сиѧ книга, Петодесѧтѡчникь, ꙗко же ꙗвѣ прѣдлежит зрѣщим на нѧ. В дни благочестиваго господина Iѡанна Петра воеводы, божiею милостию господарь земли Молдавскои, в лето 7051, месяца марта 11, происход лъсть человекѡмь мимотечна же и тлѣнна соугоубо, петородесяти петородеся и излишна пят. Прiими святыи Николае зде въ храм ти съ Радовстѣ епископьствѣи».

1548 г.

Хлуд. № 24. **Евангелие.** В 1°, на 360 листах, полууставом XVI в.

На листе 359 об. четкою скорописью запись:

«Прохор милостию божiею архiепископ 1-е Иустинианiе всѣм блгъром сръблѥм и прочим, смѣренiе мое пише. Понеже да се знает, како прiидох вь богохранимое мѣсто Ꙗнѥво при вьсеосвященнѡм митрополiте кир Нiканоре. И прiиде къ нам кир Петръ Герзiк и приложи сiю книгу тетрьевангелiе церкве архiстратигу Михаилу и Гаврiилу у плаканичке махале, и да си имат вышереченна церква сiю кнiгу никим неѡтемлѥму. И на се убо бысть сiе наше писанiе вь всако съхранѥние и утвръжденiе. В лѣто 7056, апрелиа 11 денъ».

Ниже подпись зеленой краской, которая частично выцвела, поэтому подпись разобрать нельзя.

См. также 1749 г., Хлуд. № 24.

1552 г.

Ув. № 535. **Минея.** В 1°, на 1°, на 264 листах, полууставом 1552 года.

На листе 264 об. беглым полууставом запись писца:

«Въ лѣто, 7000 и 58 почесе сiа книгы мѣсяць Iоуль, и съвръшыся, вь лѣто 7060 мѣсяць Iоуль 12, вь час, 6 днѣ, вторник, писа Пѳовевпъ[32] попу Коноу, оу селоѾрѣшане».

См. также 1685—1689 гг., Хлуд. № 535.

---

[32] Так в рукописи, имя писца написано тайнописью,

1557 г.

Ув. № 598. **Служебник.** В 4°, на 95 листах, молдавским полууставом XVI в.

На л. 95 об. скорописью запись:

«Изволенїем ѡтца и поспѣшенїем сына, и съвръшенїем святаго духа, благочъстивїи и христолюбивїи Иоан Алесандръ воевода, божїеѫ милостїѫ господарѣ земли Молдавскои, сынъ Богдана воеводї, оувноук стараго Стефана воеводи. Благоизволи своим изволенїем и божїею помощїю, сътвори сиа лѵтургїѧ въ памят себѣ и господжи своеи Роанди и чѧдом их и даде я святому своему монастирю Салтинскому, иде же есть храм Прѣѡбраженїе господа и бога спаса нашего Їисуса Христа. Исписасѧ и съвръшися рѫкоѫ многогрѣшнаго въ священноиноцѡках Евлогиа Путенскаго въ Поутнои, в лѣто 7065, месяца маи 24».

1562 г.

Хлуд. № 170. **Трефологий.** В 1°, на 225 листах, полууставом XV в. На листе 209 об. запись:

«Сїа книга повезасе и понови глаголеми минеи, трудомъ и подвигомъ и настоятельстомь попь Дмитрь ѡт Новосел, богъ да га прости. И плати за сїю книгу ѡт огнанце Лазарь 40 ас, таю приложио святому Дмитрїю у таворь, и кто лютѣе тимить от святого Дмитрїа, да есь проклеть ѡт 318 святых отець, иже въ Никеи, да му е съпьренїкъ на страшнемь суду святы Дмитрїи»

Ниже беглым полууставом запись:

«Поновисе сїа кнїга вь лѣто 7000 и 70 месяца Іюля 15 день, у селу Йсиковьцу».

На листе 225 запись:

«Иже вь вѣлицѣи чѣстї и благодати прѣствятагѡ духа живущимь въ богохранимѣмь градѣ Призрене богѡм възлюблинным и из чрѣва матерня ѡсвящѣнными, и мнѣ и мнѣ о господи възлюленным презвитерѡм, кїр Геѡргїю и господину Димитрїю. Молимо иже вь троици славимаго бога и того пресвятоую ѐго матерь, ѩко да вы обрѣте сїе и вьсако писанїе здравствующа в ѡбоих купно душевне и телѣсне».

1563 г.

Хлуд. № 66. **Диоптра инока Филиппа.** В 1°, на 268 листах, полууставом 1563 года.

На листе 268 об. запись писца полууставом:

«Славимому въ трцици богу, слава въ вѣки. Аминь. Въ лѣто 7071, написа се, при Ігумена Стефана иеромонаха, у монастир Продром».

Далее следует тайнопись.

См. также 1789 г. и 1797 г., XIX в. Хлуд. № 66.

1571 г.

Хлуд. № 148. **Минея служебная.** В 1°, на 184 листах, полууставом 1571 года.

На листе 184 об. полууставом запись писца:

«Слава тебѣ, боже наш слава тебѣ, и паки реку слава тебѣ, изволившомоу даровати начело и конець въсакомоу начинанїю благоу, прославлающоу ти се въ нѣмь, нынѣ и въ вѣкы вѣкомь. Аминь. Писа сїю кнїгоу ѡкаанныи и мьнши въ священицех поп Лазарь, ѡт мѣста Кратова, въ монастиръ[33] въ храмѣ прѣсвятые богородице честнаго и славнаго ея оуспенїа. Списасе при игоуменоу Іеромонахоу Павлу, сыноу Никѵфора Морозвидзскаго, в лѣто 7079, маиа 21»[34].

См. также XIX в., Хлуд. № 148.

1581 г.

Хлуд. № 238. **Сборник.** В малый 1°, на 264 листах, полууставом 1581 года.

На листе 264 об. показано время написания рукописи: «7089».

См. также 1843 г., Хлуд. № 238.

1581 г.

Хлуд. № 113. **Служебник.** В 4°, на 96 листах, молд. полууставом XVI в.

На листе 93 об. запись скорописью:

---

[33] После слова монастирь одно слово выскоблено.

[34] Две последние фразы написаны другими чернилами.

«Кѵр Анастасіе митрополит Соучавскыи, сътвори и ѡкова сиѫ свяѯѫѧ литургіѫ и даде ѧ святому монастиру Поутенскѡму вь памѧть себѣ, иде ж есть храм Оуспеніѭ пречистѣи владычици нашеи богородици. Писа же сѧ вь томжде монастири, при архимандритѣ кѵр Евстатіе рѫкоѫ многорѣшнаго тах иермонах Амхилофіе ученика вышереченного прѣѡсвященнаго отца, в лето 7082 месяца августа 2».

На обороте листа 35 помещена запись чернилами на молдавском языке (5 строчек и подписи).

1584 г.

Ув. № 808. **Псалтырь.** В 4°, на 186+1 листах, полууставом конца XVI—начала XVII в.

На л. 186 скорописью запись:

«Да се знае како приде попъ Стоꙗнъ ѡт Софиꙗ на божии гробъ Исоскулъ ѡт Повдивъ и Ꙗно Казачиꙗ и Димо и Симионъ Пеіка от Пазарчикъ и ѡт Плеванъ Тошо и Нешо 7 тисушно и 92».

XVI в.

Ув. № 837. **Минея.** В 1°, на 541 листе, полууставом XVI в.

На листе 310 внизу запись писца скорописью:

«Съи месяцъ генварь исписа мнѡгогръшнии Василіе діакѡн ѡт Сѵчав».

На листе 541 об. внизу киноварью полууставом запись другого писца:

«Слава богу давшому по зачалѣ и конецѣ. Смѣреніи многогрѣшніи ереи Маноил писал ѡт трчъ Сучавь».

См. также 1613 г., Ув. № 837.

XVI в.

Ув. № 135. **Октоих.** В большой 1°, на 239 листах, молдавским полууставом конца XVI в.

На л. 233 запись писца мелким полууставом:

«Сіи ангелис писал мнѡгорѣшныи и недостоиныи раб божіи Иванко. Аще ли въ коем словѣ или силѣ

съгрѣщих, вы же ѡтци святiи и братiа, прочитажще книгж сiж, исправлѣите духом кротости, поне же не писа духь святъ ни аггель, нж ржка бренна и зѣлѡ грѣшна, благословите а не клънѣте, да и вы благословенiе прiимете ѡт господа бога в векы, аминь. В лѣто . . .»[35]

На листе 239 об.: «239 листовъ». Следует запись на молдавском языке.

XVI в.

Хлуд. № 132. **Параклитик.** В 4°, на 229 листах, полууставом XVI в.

На листе 1 запись скорописью:

«Сеи писмо написа[36] . . . киръ Бошко Кавтацие своею броною рукою и подписа сию божественую книгу киръ . . .[37] . . . Кафтанцие».

В описании рукописей Хлудова № 132 датирован XVII веком.

См. также 1834 г., Хлуд. № 132.

1602 г.

Ув. № 168. **Молебник.** В 1°, на 118 листах, полууставом 1602 года.

На листе 113 полууставом запись писца:

«Благоволѥнiемь ѡтца и съпоспешенiемъ сына и съвръшенiем святѡго духа, съписасе сiа святаа и божествена и душепользнаа книга глаголема молебникь ѡт бытiа въ лѣто 7110, кроуг солнцоу 26, луне 4, златѡ число 7. Съвръшисе мѣсяца априла 22 день у Шоудiковы. О сѣмъ троудисе смѣренiи и мнѡгорѣшнiи въ иноцѣх . . .

Далее следует тайнопись.

Из тайнописи частично можно разобрать слова:

«Рабь Iисусов Христовь дiакое Михаилъ . . . (следуют три слова не расшифрованные) . . . гробь . . . (два слова не расшифрованные) . . . моя мати».

---

[35] Далее стерто.
[36] Слово неразборчиво.
[37] Слово неразборчиво.

1603 г.

Ув. № 391. **Триодь цветная**. В 1°, на 146 листах, полууставом XVI в.

На листе 146 об. скорописью запись:

«Бжiем благым произволенiем, сиа богодьхновеннаа книга, рекомаа пендекостiе, рачително душевно и ѡт сердца раждизателно, любве ради Христовы и честнаго храма, въжделѣлъ и усерьдствовал прѣжде почившаго и приснопоминаемаго кир правѧщаго сего святого прѣстола, въсеѡсвященнiи и упокоеннiи вышеписаннiи тьзоименну наш епископь Радѡвскыи и учинил и написал ѧ на кожаномъ папирѧ вь памѧт себя и за еже оулучити вѣчных благь, тек щих тогда лѣт 7051 месяца марта.

И азь смѣреннаго вь епископѣх кир Феѡдосие ...[38] посльдовах святительских, избравшаго нас господь богь правити сего святого прѣстола иерарха Николае вь Радѡвстѣ и епископьи обрѣтох ѧ обетшала искажена и тжѣчаиша и неоудобносима на кенжрханiе, и мы поревновахом тому божiем промыслом, средцем ражидзаемы, любве ради христовы и честнаго храма, и раздѣлихом ѧ на двое легчаиша быти, и понових их и сребрьнами цѣтами украсих их, ꙗко же ꙗвѣ прѣдлежит зрѧщим на нѧ. Въ дни благочестиваго и христѡлюбиваго господина нашего Еремиа Могила воеводы прѣвьзлюленных сынѡвь господева си Иоанн Константин воевода, Иоанн Александру воевода, божiею милостию господарь земли Мѡлдавскои, в лета 7112 месяца сентября 24».

1604 г.

Хлуд. № 173. **Каноны на повечериях Богородице.** В 4°, на 147 листах, полууставом 1604 года.

На листе 147 об. полууставом запись писца:

«Писах грѣшны вь иноцѣх Иѡан в лѣто 7112».

1610 г.

Ув. № 91. **Евангелие — тетр.** В 1°, на 299 листах, полууставом XVI в.

На листе 222 скорописью надпись:

[38] Слово неразборчиво.

«И благоволенїем отца и поспѣшенїем сына и съвръшенїем святого духа сии тетраевангелие Исуса Христа ермонах Θеѡфан, игумен Потранском монастирь и послушник святому храму Оуспенїю пресвятѣи владычици нашей богородицы и приснодевы Марїи, абие благо произволих моим благым произволеніемь свѣтлим и чистым сердцем вьседухѡвно, и потьщахся поновити и свѣзати сии тетроевангель, ѡт моего праваго стѣжанїѧ, и заплатих мастру Лукачу свѣзанїе, да ми есть помѣн на вѣкы и строенїе церкви. Свезасѧ сїи тетроевангель в дны благочестиваго и христулюбиваго господарь земли Молдавской Иоанна Констѧнтин Могила воевод, въ лѣто 7119 месяца ноемврия 20 день».

1611 г.

Ув. № 877. **Минея служебная.** В 1°, на 316 листах, полууставом 1611 г.

На листе 316 об. полууставом запись:

«Сые книги, глаголемїи менею, месяца декамврїа, писа, ермонах Евѳимїе многогрѣшни, въ день Иѡанна, Раду воевѡд, ѡт бытїа, въ лѣто 7119. И почшисѧ месяца, юль 6 день, и съврьшисѧ ѡт месяца ѡктовріе 24 день»[39].

На 2 листе запись на молдавском языке.

См. также 1703 г., Ув. № 877.

1613 г.

Ув. № 837. **Минея.** В 1°, на 541 листе, полууставом XVI века.

По листам 2 об. — 8 внизу скорописью сделана запись:

«Изволенїем ѡтца и поспѣшенїем сына, и рачением пресвятого духа. Се аз раб Христовъ и поклоникъ святеи и живоначѣнѣи трѡици ерьмонах Симон купих съи минею, генварь и февраль, и въдаст святїи цркии, иже именуетсѣ оупоени под чахльу, иде же есть храм Чест-

[39] Слова «*и почшеся... 24 день*» написаны другими почерком и чернилами.

ныи акафист преподобныѧ владычицѫ нашѫ богородицѫ, ıако бити ми въ памѣть и въ молбу, и родителем моим и подружІѧ и чѣдом моим, в лето 7121, при днІ благочьстивому и христолюбивому господину Радул воеводе обладатель земли Молдавскои, и прІ настояли и учителІ святого того мѣста, наипачи оусръдІи и раченІи его быти къ сему. И сего ради никто наважденІем диаволским, ли инок или мирьскІи или бьди кто или ѡт сьродникъ наших да не дръзнет сиѫ святѫѧ книгѫ ѡтдалет или прѣдати въ ино мѣстѡ от того вышереченаго святого мѣста, под клѣтвоѫ святих апостоль и богоносных ѡтецъ 318, иже въ Некеи. И тъи чловекь иже покуситсѣ ѡтдалити или прѣдати еѫ от сего скита да будет анаѳема, маранаѳа, и да будет ему съпрьник истинаа божІа матеръ въ второе прІшествІе сына еѫ и бога нашиго, емо же есть слава в векы аминь».

См. также XVI в., Ув. № 837.

1613 г.

Хлуд. № 157. **Минея служебная.** В 1°, на 179 листах, полууставом XV века.

На нижней доске переплета скорописью запись:

«Сыю книгу купых азъ поп Никола за ...[40] въ лѣто 7121».

См. также 1642 г., Хлуд. № 157.

1616 г.

Ув. № 88. **Пятидесятница.** В 1°, на 138 листах молдавским полууставом XVII в.

Внизу по 1—6 листам беглым полууставом запись:

«АнастасІе Кримкович и митрополит Сучавскыи, и даде и въ новосъзданнаго своегѡ монастирь Драгомирьна, идеже храм СъшествІе святого Духа, въ памѣть себѣ и рѡдителим его Иоанна Кримка, и Крестина, и аще хощетъ възѣти или продати ѡт святого монастырь, да бъдет проклѣт и тръклѣт, анаѳема, мараниѳа, ѡт господа бога, и ѡт пречистыѧ его матеръ, ѡт въсѣх

[40] Здесь выскоблено.

святых, аминь. Въ дны благочестиваго господина Іѡанна Стефана воеводи Томшевич, в лета 7124, март 13».

На листах 8—22 внизу запись скорописью на молдавском языке кирилловской азбукой, можно разобрать отдельные слова:

«... митрополитул Крикович ... ермонах ... кирь митрополиа Молдавие ... ши клопотул ... Драгомире ...»

Рукопись написана тем же почерком, что и Ув. № 109.

1623 г.

Ув. № 108. **Евангелие.** В 1°, на 243 листах, молдавским уставом XVII в.

Внизу, с листа 4 по лист 8 скорописью надпись:

«Изволенїем отца, и съпоспѣшением сына и съвръшенїем святого духа. Блгочестивыи и христолюбивыи Іоанн Стефан, воевода божїею милостїю господарь земли Молдавскѡ, сынъ блгочестивому Стефана Томши, воевѡди, благоволи град си. И написася сьи святыи тетроеувангель, еже и дал его въ новосъзданаа своа монастирь Сѡлка иде же есть храм святых врьхѡвных апостолъ Петра и Павла, въ задушїе и въ памѣть себѣ, и родителем его и господжи его и богоданным сыновѡм его. А кто възмет ѡт святаа монастира любо нѣкоѫ употрѣбѫ, или съ благословенїем събора, или без благословенїа, и не пакы вънес тѫ въ монастир, таковыи да бѫдет проклѣт ѡт господа бога, и ѡт пречистаа приснодевѫа Христовѫ матерь и ѡт святых врьхѡвних апостолъ Петра и Павла и ѡт въсѣх святых. Аминь. В лето 7131 мѣсяца марта 20».

1623 г.

Ув. № 479. **Евангелие.** В 1°, на 294 листах, полууставом XV в.

На нижней доске переплета:

«Смерени ермонах Парѳенїе ѡт Сѵчевиц монастырь от Богданѣа, в лѣто 7131, мѣсяца августа 9.

Смеренїе Атънасие Їрмонах ѡт Богдански земли из монастир именуетсѧ Съкуль».

Там же запись:

«Испитаему перо и мастило».

1625 г.

Ув. № 109. **Псалтырь.** В 1°, на 121 листе, молдавским уставом XVII в.

На 1—6 листах полууставом запись:

«Съи честный и святий ѱалтирь, да бъдет прѣз въсѣх въ святїи и великїи пость прѡчитати, до Пасхи въ святѫѧ церкѡвь, пѡтѡм, да полѡжи въ вистѣ церковнїи, стѡити прѣз лѣта. Сътвори смѣренїи архїепископъ, кѵр Анастасїе Кримкович, и митрополит Сучавскыи, въ памѧть себѣ и родїтелем своим Іѡанн Кримка и Кръстина, и даде въ новосъзданаго своего монастира Драгомирна, идеже есть храм съществие святого духа и аще кто хочет покусити, или възѣти, или украсти, или продати, ѡт святого монастырѣ без благословенїа, да бѫдет проклѣт и тръклѣт, ана҂ема и ѡт 318 ѡтецъ, иже въ Никеи, и да има есть съперник сам господь наш Їисус Христос, на страшнѣмь его сѫдище Христовѣ. Аминь. В лѣто 7133, мѣсяца, юнь 24. Въ дни благочьстиваго і христолюбиваго господина нашего Іѡанна Радул воевода Михневич, господарь земли Молдавскѡи».

Запись повторена на листе 55 об., где орфография некоторых слов несколько отличается от таковой в записи на листах 1—6.

1634 г.

Ув. № 500. **Псалтырь.** В 4°, на 207 листах, полууставом XVII в.

На л. 88 полууставная запись:

«Съи святыи ѱалтирь сътвори ермонах, Ефрем ѡт Хѡмор и даде и оу святаа монастирь Хѡмор, иде же есть храм Оуспенїе пресвятыѧ владычице нашеи богородицѫ, за душѫ своѫ и за рѡдителем его. Въ паметь себе, и аще ктѡ хощет възѧти или продати, или оукрасти оу святаа мѡнастирь безь благословенїа, събѡрѡм, да бѫдет проклат и тръклѣт, ана҂ема, маранаѳа, ѡт господа бога, и ѡт пречистыѧ его матерь, и ѡт въсѣх святых, и да има есть съперник ѡтецъ и сынь

и святый духъ, на страшнѣм его съдище Христовѣ, аминь. В лѣто 7142».

На листе 207 об. полууставом запись:

«Сиѫ псалтирь исписа поп Маноил ѡт Сучав, рѫкоѫ своеѫ ермонаху Ефрему ѡт монаастирь Хѡмор, за 34 талер, в лето 7142».

На листе 207 об. полустертая запись, не поддающаяся прочтению.

1636 г.

Ув. № 499. **Псалтырь.** В 4°, на 186 листах, полууставом XVI в.

На листе 170 об. в цветной рамке беглым полууставом запись:

«Сыи псалтирь купи ермонах Стефан ѡт святаа монастир Драгормирна да бѣдет ему на прочитанїе при егѡвѣ живатѣ грѣх его ради и родителем его, и купи еѫ от еродїакѡнъ Варлаам, ѡт там ради ѡсем талери, при дни господина Їѡанна Василїе воевода, в летѡ 7144, а по его съмрѣти, да бѣдет святому монастиру. Написана бисть в лето 7048[41]. А кто въсхощет извадити ѥ ѡт там, да имает съперник ѡтецъ и сынъ и святїи духъ. Аминь».

1642 г.

Хлуд. № 157. **Минея служебная.** В 1°, на 179 листах, полууставом XV в.

На нижней доске переплета скорописью:

«Въ лето 7150 начелство приеть ѡбдръжати въсточною страноу, Амиръ султан Ибрахимь и измени ѡбразъ прочих цареи сребру не хотеше нъ кралеву искаше спензу, и неки свои рьѣави образъ постави, и бисть велика туга по дръжавние его земле, богь му лета умалиѣ, проклетцу».

На листе 179 об. запись скорописью:

«Последни вь человѣцех и мьнши вь иноцех игоуменъ

[41] Вероятно, это указание на время написания рукописи. Василий воевода — вероятно, Василий Лупу — господарь Молдовы (1634—1653 гг.).

Вѳплнъ[42] купих сІю книгоу и приложих на службу святому Николе иже вь Пире на реце Треска за 280 ас».

См. также 1613 г., Хлуд. № 157.

1642 г.

Хлуд. № 158. **Минея служебная.** В 1°, на 251 листе, полууставом 1401 года.

На листе 251 запись беглым полууставом:

«Али, кои е подписа призрен, слЬгае, боасе, даю нѣ узму у пек ерье святого АрсенІа архІепископа, теке лукавство калуѣрско. ПакЬ по нѣкоих врѣмень случисе нам смѣренным прІити близ манастира и обрѣтох въ сІе книги слоужбу святого Андрее апостола прьвозванна и възхѣ ю, у прѣдрьжанІе, и прѣчрьтах своею рукою. Богь да простит кою е ѡставІа и тко е строитѣль и беше се расула испалите трази искиала[43] и поправІ ю пакы ю послахь, да е пакы на службу, где ее и била. И подписах своею рукою аз смѣренныи и многогрѣшнІи Паисеи, бивІи тогда архІепископъ, въ нужана врѣмена. Оувы, оувІи, оувІи, мнѣ грешному, тогда лѣту мимотѣкущу 7150 а ѡт рождества Христова 1642, мѣсяца февраля 21. Тогда егумѣну сущу Калесту, Авьниру. Иковъ моуж добродѣтелень не сьлучисе тогда, когда мы смѣренныи приходимо. Боуди волѧ господня, и да ни несть отѥмлѥма ѡт сее божІе церкве святого апостола Андрее, да нѣсть благословено, нь клето и проклето, нъ зде да е на службу, иде же есть за оного душу тродившагосе, и наше грѣшанство не забудите господа ради, помѣните, и вамъ пода господь помень».

См. также 1401 г.; XVIII в., Хлуд. № 158.

1651 г.

Хлуд. № 21. **Евангелие.** В 1°, на 280 листах, полууставом первой половины XV в.

На нижней переплетной доске скорописью запись:

«СІе Іѵангелие святого отца ИѡакІма записа ермо-

---

[42] Эта тайнопись обозначает «Иаковъ». На листе 179 об. помещена другая нерасшифрованная тайнопись — «дазинашъ косгон оэтаало».

[43] Так в рукописи.

нахь Иоиль въ лѣто 7159 настающоиго кине ...[44] Писахь азь ерѡнахь Пеладѣе»[45].

Ниже скорописью записано чернилами: «Село цвско пис ватикъ ѡцу своему браку пом мати КиркѢпом».

«Село ...[46] баба Мара писа сверку своему Коратинъ и Вукашинъ пом сверкуку и сѢну Цвеѡ ... помяна пом и сину Ѩнку и себ пом»[47].

1657 г.

Ув. № 479. **Евангелие.** В 1°, на 294 листах, полууставом XV в.

На листе 103 скорописью запись:

«Млостию божиею Михалъ митрополить Коласийскы и Кратовскы, Щипьскы и Радомирскы, приход въ святи град Иерусалимь, поклонихсе живоносному гробу Христову, и святим местам, иде же Христось плътию чюдеса сътвориль, придох азь съ братанца своего иеромонахь Дамаскина, и диакона Никодима от Русийские земли. Въ лѣто 7165, пасхи христианом марта 29, круг солнце 25, круг лоуне, 2, фемелион 25, въруцѣ лѣто 3».

См. также XV в., 1671, 1675, 1695 гг., Ув. № 497.

1658 г.

Хлуд. № 42. **Апостол.** В 4° на 250 листах, полууставом XIV в.

На об. 228 листа полууставом:

«СѢа кнѢга повѣза Сидорь ермонах при егумена ермонах Ѩкима при стра[48] Стефана више село Срежевоѡ, вь лѣто 7166. Тогда бисть кругь солнце 26, а кругь луни 3, темнее 6».

См. также 1386 г., Хлуд. № 42.

1665 г.

Ув. № 479. **Евангелие.** В 1°, на 294 листах, полууставом XV в.

На л. 1 об. скорописью запись:

---

[44] Так в рукописи.
[45] Здесь неразборчиво.
[46] Здесь неразборчиво.
[47] Здесь неразборчиво.
[48] Так в рукописи.

«Ва лелетоѡ[49] 7173 како придохмова[50] святи градъ Иерусалимъ от манастира Мораче наречени чрнаць Атанасие и стараць Михаилъ. Ради, великие, господи, милости твое прости грехи мое, ходихъ великіе ради милости твое. И ва то лето проигоуменъ Симеѡнъ ѡт манастира Грабоваца приде ва святи Ероусалимъ простите брати, бога ради».

Ср. с 1665 г., Ув. № 808.

1665 г.

Ув. № 808. **Псалтырь.** В 4°, на 186 листах, полууставом конца XVI—начала XVII в.

На листе 186 скорописью запись:

«От манастира Морачя. Ва лето 7173 да се зна, како приде проигуменъ Атанасія и старъ Михалъ и проигоуменъ Симеѡнъ ѡт манастира Грабоваца на святое богоꙗвленіе господа и спаса нашего Исоуса Христа пожените и нас брати о либе ради Христове».

Сравнить с 1665 г., Ув. № 479.

1666 г.

Хлуд. № 192. **Пролог.** В 1°, на 461 листе, полууставом 1541 года.

На листе 461 запись скорописью:

«Да се знает, кога Падна паша въ манастирь Продромъ, въ лѣто 7174, много стори харчь».

См. также 1541 г., 1704—1732 гг., Хлуд. № 192.

1666—1671 гг.

Ув. № 479. **Евангелие** на 294 листах, полууставом XV в.

На листе 1 скорописью запись:

«Ва лето 7174, боже, ва име твое, да се зна каде приходи худи и малоумни Евгение ермонах ѡт монастира Хиландара ѡт Светие гори, придохъ поклонитисе гробу господну и прочатох сие евангеліе и ту би проигуменъ

[49] Так в рукописи.
[50] Так в рукописи.

Василие от монастира Сланаца близъ Белиграда и попъ Михаило ѡт монастира Раковца ѡт Врушкие гори и дяконъ Евхремъ».

«Да се зна каде приде Григорие ермонах от монастира Хопова въ градъ Иерусалимъ мѣсяца ѡктомбриѧ 6 день, на апостола Фому 7178, и пребива въ Иерусалиму годъ, 7 мѣсяц, 8 дни и више, и мораше напрасна самрьтъ чума. Уви мне ѡкаѧному тогда, и поклонисе божию гробу и светимъ местомъ, и бисть то лето свети Геѡргие на въскръсение Христово 7179 г. иде же и мощи почивають велико мученика Теѡдора Тирона».

См. также XV в., 1657, 1675, 1691, 1695 гг., Ув. № 479.

1675 г.

Ув. № 479. **Евангелие** на 294 листах, полууставом XV в.

На листе 1 об. запись:

«Сие Евангелие чате Спиридонъ еръмонах ѡт монастира Крушедола ѡт Рушскѣе гори ѡт Срѣмъскѣе земле, блѣзъ богом словущога града Белиграда, на рѣце Доунаву, глаголемомъ Тивгаръ, оу божоставнеи книзе и на реце Саве воде, иде же доходи ихъ гробъ, въ лѣто 7183. Господи, великие ради милости твоие, прости грехи мое, ходих виликие ради милости твоие».

См. также XV в., 1557, 1671, 1695 гг., Ув. № 479.

1681 г.

Ув. № 499. **Октоих.** В 1°, на 136 листах, полууставом конца XVI в.

На листе 136 об. скорописью:

«Сиѣ книга, глаголеми ѡткоих, купи е блажени попъ Кѡню у село Леденикъ и постави е у храмъ светаго великомучиника и победуносца Христова Геѡргие и сегае у сина му у хаци попь Петра у градъ Трновъ. Въ лѣто от рождество Христова 1681, месяца октоврие день 21. Тази година си додохъ ѡт бѡжи грѡбъ, а от Адама бѣше 7 тисущо 189. Азъ грѣшникъ[51] хацѣ попъ Петръ Конювъ синъ у Трновъ велики».

---

[51] Так в рукописи.

1685—1689 гг.

Ув. № 535. Минея. В 1°, на 264 листах, полууставом 1552 г.

На внутренней стороне задней доски запись скорописью:

«Да есе знае, как купи поп Стоѵан сиѵа кнїгѫ ѡт Петрадина за 3 грош и пол въ лѣто 7193, мѣсяць март, 27 день». «Да съ знаие, кѡгда ся е потресе землѣ прѣдъ успѣние богородицы въ денъ понедѣликъ, на девети чѣсъ, числѡ 7 тисущо 197».

На верхней доске переплета запись старательно замазана, причем отдельные слова выскоблены до самой доски. Можно разобрать только:

«Пише попь ... ѡт селѡ Ѳрешане ко пи купи сїѫ книгѫ ѡт Мартїна ...[52] бог да прости, кое продаде сиѫ кныгѫ, бог да прости коѫ при печали, вѣчна паметь въ царство небесное въ вѣки. Аминь».

«Помѣни господи ереи Иѡан, филчо Нисторь Петрадин».

«Да съ знаие, кѡгда ся е потресе землѣ: прѣдъ успѣние богородици въ днъ понедѣликъ на девети чѣсъ, число 7, тисущо 197».

«Да се знае как купи поп Стоѵан сиѵа кнїгѫ от Петрадина за 3 грош и пол, в лѣто 7193, мѣсяць март, 27 день».

См. также 1552 г., Ув. № 535.

1689 г.

Хлуд. № 1. **Книга пророчеств.** В 1°, на 428 листах полууставом начала XVI в.

На нижней переплетной доске:

«От Лесново сия книга. От Леснова Троица монастир».

Ниже беглым небрежным полууставом запись:

«Сїѧ божествена книга глеголеми 16 прѡрѡкъ, храмъ архыстратига Михаилъ и преподобнаго отца Гаврила, иже въ подъкрилїе гори Лесновъскые постившагосе въ Ѳблово да не будетъ ѡтъемати никымъ ѡт вышереченаго храма да нїе просто ни благословоно[53] наклеть

[52] Два слова выскоблены.
[53] Так в рукописи.

и проклето въ си векъ, въ будущи. И архистратигъ сили господне и преподобни ѡтецъ Гаврилъ да му е супоръникъ на страшному суду въ место заступленїа кроме монастиръскаго разоренїя и запустенїя. Писа азъ еръмонахъ Костанфинъ[54] рукою, многогрешнїи. Прочти, ѡбрето въ немъ слатка словеса, мѵромъ благоухаю. Писа месяца сектемрїа 12 день въ Ꙍбловои купово на Връшидбе при игумена кир Гаврила проигумена Кѵрила, въ лето 197».

См. также 1695 г., Хлуд. № 1.

1690 г.

Ув. № 168. **Молебник.** В 1°, на 118 листах, полууставом 1602 г.

На листе 118 об. скорописью запись:

«Да се зна како божїею милостїю прїиде въ монастиръ святыи зовоми Цетиње, прѣвъсеѡсвященны патрїарх Пеѣскѵї кѵр Арсенїе, при митрополиту кѵр Висарїѡну Чрьногорскѡм и при игумену Сави їермонаху и клисїарху Теѡдору са братїамии. И азъ грѣшны проигумень Василїе їермонах ѡт монастира Добриловинѣ, тогда придѡх съ святымъ старїемъ на Цетенѣ и тогда дасъ ми Нѥгово святоѥ писанїе на духовное исповѣданїе на Чрьную гору и на приморье и на ина племена ихъ[55] тко хощеть исповѣдатисе въ лѣто 7198. И тогда прїими кесарова войска васа места по Косову и Пеѣь град и[56] ина места многа. И прїидоше са старїемъ четири калуѣера негова ис Пеѣи: пръво Хачїа Василїе їермонах, и архїдїаконъ Данило, и Викентїе и Атанасїе даскалъ и сташе 4 днїи на Цетине, и ѡттоле се врати на трагъпреко Цуца у Никшиѣе».

1691 г.

Ув. № 479. **Евангелие.** В 1°, на 294 листах, полууставом XV в.

На л. 1 об. скорописью запись: «Въ лето 7199 како

---

[54] Так в рукописи.
[55] «*Иже*» — над строкой.
[56] Неразборчиво.

приходи Іермонахъ Исаиꙗ ѡтъ Боудисмьке краине ѡт манастира Грабовца поклонитисе гробоу господну и святимъ местомъ..».

1695 г.

Ув. № 479. **Евангелие.** В 1°, на 294 листах, полууставом XV в.

На листе 103 внизу запись:

«Писал Евѳимꙗ ѡт манастиръ Рилъски, святы, ѡтецъ Иѡаннъ, поустины житель, лѣто 7203».

См. также XV в. 1657, 1671, 1675, 1691 гг., Ув. № 479.

1695 г.

Хлуд. № 1. **Книга пророчеств.** В 1°, на 428 листах, полууставом начала XVI в.

На листе 428 об. после заключительной части текста пророчества следует запись небрежным полууставом:

«Писахъ азъ ердіꙗконъ Василиꙗ въ лето 7203 при егумена Невтария ермонахь и при клисиарха попа Ѳеодосия ермонахь и под архиепꙋскупа милостиею божиею ... вь патриꙗрха ...[57]

Возможно, 428 л. (на котором также написано оглавление книги) является вставкой из другой книги.

См. также 1689 г., Хлуд. № 1.

XVII в.

Ув. № 91. **Евангелие.** В 1°, на 229 листах, полууставом XVI в.

На листе 298 об. запись скорописью XVII века:

«Сіе пісаніе добро быесть стихословиꙗ моего ради сіе бысть».

См. также 1490 г., XVIII в., Ув., № 91.

XVII в.

Ув. № 535. **Минея.** В 1°, на 264 листах, полууставом 1552 г. болгарского извода.

На листах 263 об. и 264 полууставом запись:

---

[57] Здесь части листа оборваны.

«Да се знае сиа книга от село Сопоть Димитрова, кое е украдне, да е проклеть от 300 и 18 отци, а ко е чете, да е благословень вь веки и да поменува».

XVII в.

Ув. № 168. **Молебник.** В 1°, на 11 листах, полууставом XVII в.

На листе 119 об. полууставом XVII в. запись:

«Ва лето 6998. Престависе мона Ихѡвь прьноевикъ.

Ва лето 7 тисущно 155, како бисть пръва ръть.

Ва лето 7175. Како бисть велики потресъ.

Ва лето 7152. Како бистъ потопъ у манастиру на Цетине.

Ва лето 71 шестъ 6. Како дође Мемедъ паша на Которъ.

Ва лето 7193. Престависе владика Рувимь Болоевићъ, и то лето погибе Баѡ Пивланинъ з дружиномъ от проклетога Сулеиманъ паше из Бушата, и пороби манастиръ ниде нища не оста[58].

В лето 7183. Како пороби Асанъ Бегъ Цетине.

Ва лето 7195. Како прими ћенераѡ нови почега бити на усекновение Иованово и узе га за месецъ.

Ва лето 7178. Како узе сулътанъ Мемедъ Кандию глаголеми Критъ и то лето умирисе царъ и дуждъ».

XVII в.

Хлуд. № 189. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом XIV в.

На листе 34 запись полууставом XVII века:

«Сію книгу повеза святому Благовѣщению, Сімонъ ѡт Скопие Напучіа Богь да га прости».

У Хлудова не издана.

См. также XIV в., 1425 г., 1441 г., XV в., Хлуд. № 189.

XVII в.

Ув. № 922. **Псалтырь.** В 4°, на 121 листе, полууставом начала XV в.

Внизу по листам 1—3 запись скорописью XVII века:

---

[58] «*оста*» над строкой, над словами «*нища не*».

«Сеи псалтирь епископъ Гервасие Могила митрополит Сучавский ...[59] во храм Богоявления Господа нашего Иисуса Христа».

XVII в.

Хлуд. № 139. **Сборник.** В 1°, на 263 листах, полууставом XV в.

На листе 1 скорописью XVII века:

«Ова книга писана е во лѣто отъ рождества Христова 1234». См. также 1434 г., Хлуд. № 139.

1703 г.

Ув. № 877. **Минея служебная.** В 1°, на 316 листах, полууставом 1611 года.

На листе 8 об. запись польской скорописью: «Mineia ta roku ot Stworzenia Swiata 7119, a od Narodzenia Chrystosowego roku 1611, pisana aby przy cerkwi chowana była pod wizytę generalną zaleca się, dałł w Bobrycy dnia 20 miesięca lutego W. L. K. 1703 roku».

См. также 1611 г., Ув. № 877.

1706—1732 гг.

Хлуд. № 192. **Пролог.** В 1°, на 461 листе, полууставом 1541 года.

На листе 1 запись скорописью:

«В лето 7214. Да се знаеть, кога ерѣа Афанасъ. Сиа книга, глаголеми Прологъ, от святи Иоанъ, ко кего понесеть, да е проклеть».

На листе 1 об. скорописью запись:

«Сиа Прологъ святомоу Иѡано пророкоу Предитечу Крьстителю. Да се знаеть ...[60] манастирь рѡт Продрѡмъ Ігумень Гавриль преправи Іеромонахъ ѡтечь, богь да го поменить вь вечнѡю паметь. Аминь. Вь лето 7240 попь писа Кипрİианнь иермонах».

На листе 461 запись:

«Да знаеть, кога се расипаха полелеити, беха два и толику ѡдежди, и фелони и евангелİе ковано мух

[59] Следующие два слова написаны неразборчиво.
[60] Далее два слова неразборчивы.

(уо)урь и толико книги и бакарь и свѣћицеи 2, големи, и прочи работы, ништо не ѡста. Се сам сътвори Їигумень Антони ерьмонах въ лето 7222».

См. также 1541 г., 1666 г., Хлуд. № 192.

1705 г.

Ув. № 285. **Псалтырь.** В 4°, на 267 листах, полууставом XVIII в.

На листе 12 об. запись:

«Въ лѣто 1705 придосмо въ Їеросолим ѡт Сръбскіе землѥ ѡт монастира Раковице арьхимандритъ Григори и поп Висариѡн, Їерофеи Їеромонах ѡт монастира Раче ...»[61]

См. также 1709 г., Ув. № 285.

1709 г.

Ув. № 285. **Псалтырь.** В 4°, на 267 листах, полууставом XIII в.

На листе 1 об. скорописью:

«Приде аки Живно Бели ва свети градъ Ерусалимъ поклонитисе частному и животворещому гробу господа нашего Исуса Христа и ва сем месте ико би ѡво потле прочати и ѡ ѡтаць свещеникъ али ти брати реци: богь да га простит тако и васъ богъ прости ѡ своимъ милости. Писа месеца верварија 2 данъ ѡт рождаства Христова 1709».

См. также 1705 г., Ув. № 285.

1719 г.

Ув. № 347. **Книга о должностях.** Сочинение Иоанна Николае Маврокардата. В 4°, на 119 листах, русской скорописью XVIII в.

На листе 1 скорописью заглавие:

«Книга о должностѧх, которые надлежатъ до человѣка, списанна ѧ ѡт благочестивѣйшаго высочаишагѡ и мудрагѡ господаря и княза всеѧ Унгровлахіи господина Іоанна Николаѧ Маврокардата. В лѣто от богорождениѧ

[61] Далее два слова неразборчивы.

1719, декабрѧ. Переведена з греческаго на славенскои дїалектъ ...[62] ноября».

На листе 119 об. запись:

«Сеи ѡ должностях книзѣ, сочиненнои ѡт мудраго моего[63] господина Николая Маврокардота, конецъ. Богу же все царю слава и держава».

1722—1727 гг.

Ув. № 56. **Стихологий.** В 8°, на 187 листах, полууставом XVIII в., молдавского извода.

На листе 42 полууставом запись писца:

«Писах азь грѣшныи Ісїдорь въ лѣто 7230».

На листе 185 полууставом запись писца:

«Вь лѣто 7235, а ѡт рождества Христова 1727».

По листам 17 об.—31 скорописью запись:

«Да са знаи, сиѧ Катавасїаръ и стихулогъ, какъ са постависѧ на святоѧ Преображенїе да работи за душевное спасенїе преподобном Исидору иермонах ѡт святаѧ гора Афонскаѧ, от монастиръ святого Павла, храмъ святого великагѡ мученика Геѡргїа, и кои щеѧ извади, от святоѧ Преображенїе господа нашего Іисуса Христа, или попъ, или їермонах, или монахъ, или четецъ, или белецъ, даѧ клетъ ѡтъ 318 святыи».

1732 г.

Ув. № 808. **Псалтырь.** В 4°, на 186 листах, полууставом конца XVI и XVII в.

На листе 186 об. скорописью запись:

«Въдомъ да есть кое врѣме придѡхмо на поклѡненїе въ святий градъ Ерусалимъ на поклоненїе живонѡсному гробу и святимъ местамъ; Симеѡнъ архимадритъ ѡт Софиски места ѡт Зеполъ вилаетъ съ съхаци Рашѡ ѡт Кострешевци, въ лето 7240».

1749 г.

Хлуд. № 24. **Евангелие.** В 1°, на 360 листах, полууставом XVI в.

На листе 1 об. запись полууставом:

[62] Три слова и год зачеркнуты.
[63] Слово «*моего*» зачеркнуто.

«Сиѧ святаа и божественнаѧ книга глаголем ѡѣ еванъгелїе тако дасе има знати прелѡжи азь именемь Ѕнъкула ѡт градь Ѳеѳово. Сия книга еувангелие да служи въ храмъ святаго архиепископа Мирилекискаго чудотворъца Наколаѧ за сваю дшу и его родители ѡтца[64] Веселинъ и мать Китокръсте въ лето господне 1749».

На внутренней стороне верхней доски переплета запись: «Писаста кѡло пата[65] у храма святаго Николѣ бога прости». Там же ниже другим почерком запись: «Сия книга Ѳеѳово».

См. также 1548 г., Хлуд. № 24.

1782 и 1797 гг.

Хлуд. № 66. **Диоптра инока Филиппа.** В 1°, на 268 листах, полууставом 1563 г.

На листе 268 об. записи:

«Имати о знати, кога доиде на Слепче, на свети Иѡван, се глави у попа Атанаса попъ Лазаръ ѡт Деборъ педесетъ гроша и що на бера на полоина». «На месецъ септевръѧ ва денъ 20 1782».

На нижней доске переплета:

«Да се знаетъ кѡга беше Аверкиѧ игуменом, 1797 въ месяца маѧ въ 18».

См. также 1563 г., XIX в., Хлуд. № 66.

1792 г.

Хлуд. № 195. **Торжественник.** В 1°, на 363 листах, полууставом конца XIV в.

На листе 342 об. небрежным полууставом запись: «Знано буди вамъ, ѡ читателїе, сиѧ книга ѡбретаетсѧ оу Скопска нахїа во монастыръ Марковь святагѡ Димитрїа. Да не дерзнеть некїи злїи человекь даѧ оукраднетъ, тако же нецїи сотвориша во сеи монастырь кои книга узе кои мощи узе и оста монастырь едино зданїе во време митрополита Захарїа то бисть. Обаче не добро сотвориша за себѣ имать соудь божїи аще не нынѣ мучатсѧ, то во будущїи вѣкь, аще оумроша безь покаѧ-

[64] Над строкой.
[65] Так в рукописи.

нѣе, горе имь, горе, горе, горе и человеку тому аще и ѡтинынѣ паки сотворить некіи подобне первімь. 1792».

См. также конец XIV в., Хлуд. № 195.

1795 г.

Хлуд. № 183. **Хроника Георгия Амартола.** В 1°, на 291 листе, полууставом конца XIV в.

На листе 156 об. на нижнем поле скорописью запись:

«Да се знае, кѡга се запони пѡпа Нико ѡт Кратѡвѡ в месяцъ мартъ 21 день 1795 г.»

См. также конец XIV в., № 183.

1799 г.

Хлуд. № 147. **Минея служебная.** В 1°, на 207 листах полууставом 2-й половины XIV в.

На листе 150 об. запись полууставом:

«Во лѣтѡ от воплощенїа божїа 1799 Правителствующыхъ Синодъ иже во Цариградѣ послаша митрополита во Скопїи именемъ господинъ Анфимъ и бѣ искусенъ во писанїе обаче, бѣ зѣлѡ сребролюбецъ ѡт сребролюбїа своего Номоканѡнъ не держаше, сїмѡнїа вящще бѣ в него, монастиры не щадяше ниже церкви ниже сирѡтъ, ниже вдовицъ, ниже милостиню даваше во Марковъ монастиръ. Бѣхъ, азъ смиренїи игуменъ Хрїсанѳъ їермонахъ обаче зелѡ во нищетѣ пребивахъ, оранїе манастирско еже во Варвара митрополитъ держаше и еще други. 50 грош ѡт монастиръ ми земаше. Писахъ сїе своею рукою азъ Хрисанѳъ їермонах вѡ лѣтѡ ѡт Христа бога 1799».

См. также 1802 г., Хлуд. № 147.

1800 г.

Хлуд. № 131. **Параклитик.** В 1°, на 257 листах, полууставом XV в.

На внутренней стороне нижней доски переплета запись тайнописью:

«Сия книга манастирска на святую (БГРХ) ... аввъ. А такое попъ Никифор, попъ Цветко».

Там же запись канцелярской скорописью:

«Да се знае кога прииде ва манастир Карпинѡ, тога и ѡтиде на Ѡскѡпье. На тоѧ време биеше чума у ристиѧне вь летѡ 8002 бори ристиянски церква».

См. также 1443 г., 1464 г., Хлуд. № 131.

XVIII в.

Ув. № 91. **Евангелие.** В 1°, на 299 листах, полууставом XVI в.

На листе 80 об. запись скорописью XVIII в.:

«Въсѣвидцу и преблагому богу слава и величие дѣржава и ѡбласть над всеми и всехъ, давшомоу по зачале и конецъ благихъ делъ, сими нерекольши месица ноѧмврия исписаса даѧніемъ и повелениемъ всеблаго-честиваго господина Йоанна Стефана воеводѣ господарь въсеи земъли Молдавскои, сынъ Богдана воиводы. И даде его и в помѣнь себе и родителемъ своимъ, во еже быти емоу в храмѣ святаго великомоученіка и победоносца Георгиа, иже есть на Воронцы. Исписа же са кніга сиѧ евангелиѧ мънІха Пахомія при митрополите всеи земъли Молдавскои Киръ Геѡргие и при игоумене Генадие, и совершиса в лѣто 6998 года. Писана при Стефанѣ воеводѣ евангелиѧ сиѧ».

На листе 288 об. тем же почерком воспроизведена эта же запись за исключением последней фразы.

На листе 3 об. запись скорописью конца XVIII века: «Всеблагаго и преблагаго господа бога нашего хрІстоимснитаго да боудет богом ненавидимаго и славимаго и предатнаго богом движнаго того бысть в славномъ граде в Москвѣ».

На листе 292 запись: «Сиѧ богодухновѣная книга евангелиѧ Стефани пакы Кыкливича».

См. также 1490 г., XVII в., Ув. № 91.

XVIII в.

Хлуд. № 146. **Минея служебная.** В 1°, на 211 листах, полууставом XIV в.

На листе 186 об. запись скорописью XVIII века:

«Да е знае, кога беше егумен Ананиа ѡт село Крушовѡ».

На листе 211 об. тем же почерком:
«Да се знаетъ кѡга беше ѣакъ Кѡзма наста».
См. также 1388 г., 1847 г., Хлуд. № 146.

XVIII в.

Хлуд. № 152. **Минея служебная.** В 1°, на 225 листах, полууставом XIV в.
На нижней доске переплета скорописью XVIII в.:
«Да дасть господь здравие на христани, на турци болесъ».
См. также XIV в., Хлуд. № 192.

XVIII в.

Хлуд. № 158. **Минея служебная.** В 1°, 251 листе, полууставом 1401 г.
На листе 251 об. запись скорописью:
«Сиѩ книга мастиръська на святаго Андреѩ прьвозванагѡ ѡт преко тресъка да се знае ...»
На том же листе об. на наклеенной позже бумаге записи:
«Сиѧ писмо Захарино, що написал на овая книга».
«Сиѧ книга Минеѧ до маѧ даспее».
«Лето дойде воиська».
См. также 1401 г., 1642 г., Хлуд. № 158.

XVIII в.

Хлуд. № 162. **Сборник.** В 1°, на 254 листах, полууставом XIV в.
На листе 254 об. фрагментарно сохранившаяся запись XVIII в., подражающая полууставу:
«Мѣсяца марта 9 день, ѣа, Марена на ... проданом и с моими сынове Калѡѣанемь и зь Бислав ... и с Радославом прѣдадосмои попоу Станиши тетравангель новоизьводни ипракьсь два комат агирста новизьводна, минеи ѡдь ферьфара до сектевра, други всему годищу, три ѡда два ѡдь фарисеея до всех святихь. И други минеи всему гѡдищу четверу коматъ, минеѩ единь мѣсяць сестевръ кат дне в нь, литургиѩ новоизьводна и друга ветьха, молитвьник, часо(сло)вець ... те ѡтокарь, псалтир, Дамаскина пение и ... агиристь катапетаземе,

2 покт в ... чистоми, и пакамени, 3 петрахиль да ... 53 ветхи, ризе 2 ветхи. И лод ... и ... и льжица.

Единь кома и други у стен(ы) що е уздигль арь бел ...

И та и лозья дах и дре жи и на крал нем ... церкви 3 дель. И що мое гробнина помло ..., а половина по полу. И що в сенах один ни ... дае по полу или ... И да жь медянь. И тому и свѣ ... ние. И попь Никола и Симон и Ѳеѡдосиѧ Климѧ и я Калоѭнъ писах».

На обороте листа запись повторена.

1802 г.

Хлуд. № 147. **Минея служебная.** В 1°, на 207 листах полууставом II-й половины XIV в.

На листе 150 полууставом запись:

«В лѣтѡ ѡт воплощенїѧ господа бога и спаса нашего Їисуса Христа 1802 обрѣтохсѧ азъ игуменъ грѣшныи во Иеромонасѣхъ Кѵрилль, ѡбаче зѣлѡ во лѣности иждихь свое житїе окаѧнній, ово тѣсноти ради ово ѡт насилїе владѣющихь, ѡво небрѣженїѧ ради своегѡ но молю васъ братїа прочитающыхь сїе рцыте, боже, ѡ прости раба своегѡ, аминь».

См. также 1799 г., Хлуд., № 147.

1808 г.

Хлуд. № 188. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом XIV в.

На нижней доске переплета скорописью запись:

«Сию книжица ѡт монастиръ Марковь, глаголеми триѡдь велики постъ, чита се 1808, Трпко».

См. также 1370 г., XIX в., Хлуд. № 188.

1834 г.

Хлуд. № 154. **Минея служебная.** В 1°, на 158 листах, полууставом XIV в.

На листе запись скорописью XIX в.:

«У това време беше Zоргиа Дасколь дошѡль 1834 месяца ѭнуария вь 4 день храма святаго великомученика Геѡргиѧ».

См. также конец XIV в., Хлуд. № 154.

1834 г.

Хлуд. № 132. **Параклитик.** В 4°, на 229 листах, полууставом XVI в.

На верхней доске переплета запись:

«1834 г. Михаиле архангеле моли бога о мнѣ грѣшнѣмь».

На 1 листе записи:

«Тимофее монаха».

«Ѳеѡдоръ».

«Михаль Аточцки, ѡт како дошолъ ле ...»[66]

На листе 1 об. и на 2 листе записи на греческом языке.

На листе 2 об.:

«Сі҃м книга апостолова Сіманова».

На нижней доске переплета записи:

«Село По(рф)иране зе 20 влънъка».

Ниже другим почерком:

«7 жинѣка на 2: у, 20 ѡка, вино по 20, пар урубил 2 аде».

«Жито».

См. также XVI в., Хлуд. № 132.

1843 г.

Хлуд. № 238. **Сборник.** В малый 1°, на 264 листах, полууставом 1581 г.

На листе і̇ об. запись скорописью:

«Сі̇е житі̇е иже во святих ѡтца нашего Григориа архиепископа Омирі̇тскаго, декембриа во 19 денъ два листа искинати и і̇згублени ѡт зачалото и братохмо во друго житие и го преписа Арсениа иеромонах его рукою при игумена Мисаила і̇еромонаха Дечанца бивши настоятелъ во монастиръ храмъ святі̇хъ архангелъ Михаилъ и Гаврилъ и прочи безплотныхъ, во Скопска епархиа во Черниа гори више село Кучовише во время Гаврии̇ла митрополита Скопскаго и у врема честитаго Абези пашу турскаго вери 1843 иануариа у день. Мисаило игуменъ со братиами его, Арсениа иеромонахъ, Захариа диаконъ, Атанасиа монахъ, Маринко, ученикъ

[66] Здесь неразборчиво.

игуменовъ, Иоанъ диакъ игуменовъ. Овиа вси биша родомъ от Тетово, турски Калканделе».

На листе 3 после текста следует запись тем же почерком, что и на л. I об.:

«До здѣ нови преписъ преиди ѡ читателю, на старо рукописъ и да разумешь житие святому Григорие и Ерваново преніе оу време Авраама царя».

На листе 264 об. имеется оттиск круглой печати, надпись на нем неразборчива.

См. также 1581 г., Хлуд. № 238.

1847 г.

Хлуд. № 146. **Минея служебная.** В 1°, на 211 листах, полууставом XIV в.

На листе 186 об. полууставом:

«Знанно буди. Азъ Венедикъ монахъ пребиваамъ во монастиръ во име святи Николаѧ, зовомиѧ Шишевскіѧ. Скопскіѧ епархіи при царѧ Турскаго султанъ Межита. Се пиша овое неисчетное писмо при митрополита Иоакима и при гумена Вениамина и братиамъ его Діонѵсіа монаха, Даніілъ монах; Иѡанна Михаиловича ѡт града Кзилкь[67] Едреневскіѧ епархіи се пиша во месеца септемврія 26 ден 1847».

См. также 1388 г., XVIII в., Хлуд. № 146.

1846 г.

Хлуд. № 55. **Златоуст.** В 4°, на 188 листах, полууставом XIV в.

На обороте листа 113 и на полях 114 запись скорописью:

«1867. Се престави мати моѧ Вирсавіа монахинѧ мѣсяцъ ноемврія въ 20 день на 7 час. И сію книгу прочитахь до декемрія 16 утешки болести май кини, овая святая книга ми била големо утѣшение. Богь да прости, кои ѧ испісаль и кои я донел, и бог да прости вси православни христіани. И бог да прости мати Вир-

[67] Т. е. Казанлык.

савІю монахиня и отца ...[68] и вси православнІи и мѵропомазани христиани восточнІи».

На л. 114 запись XIX в. на полях:

«АнтонІе священомонахъ отъ свите грениць, сынь по плоти Воинов пречистанець».

См. также XIV в., Хлуд. № 55.

XIX в.

Хлуд. № 66. **Диоптра инока Филиппа.** В 1°, на 268 листах, полууставом 1563 г.

Записи почерком начала XIX в.:

На 1 листе запись:

«Село сели».

«Молитвами свети отецъ на ...»[69]

«Азъ Серафимъ монахъ».

«С село Лесково митре бо ища бжинѣ милеꙗ но стоꙗко Лазоре». «Никола тргуе, Стамено стано стоꙗ ко Лазоре ꙗнкулабовць вулишьь (!) попь Атанасъ Лазоре. Лоза не бо жине Тодоре лазе дете миле димом, Лазоре, Атанасо».

«Писа написа сеова книга старь нискам[70] от сега да се за...»[71]

«Село Латово деспо ...»[72]

«Кодо ризо стоико».

На листе I об. записи:

«Да се знаетъ, кога беше Ристе ћакѡтъ ѡт Гѡстиваръ на монастиръ».

«Да се знаетъ ко седель гулапь ѡт село Српци на манастирь сегу Киприћиприꙗна, на светего Оана Подрумь».

«Стоѧнъ Наумъ, Костадинъ деспотъ».

«Дѡсто хвала».

«Досто».

«Село Црънове».

На листе 2 разными почерками записи:

«Атанасе, Маламо, Милоше Ћиприꙗне, Серапионь, ꙗно Гулабъ, Гулабъ тргуе».

---

[68] Здесь в тексте пропуск.
[69] Тайнопись.
[70] Тайнопись.
[71] Здесь неразборчиво.
[72] Здесь неразборчиво.

«+ Да се знаетъ кѡга беше, Петре ѣакъ на мастиръ Слепче свети Продрумъ».

«Попъ Никола, попъ Марко, попъ Неданъ, Ристо, Мино, Маро, Бидо, Туро, Магдо, Крьсте, Несторъ, Гулапъ, Папа, Мате».

«+ Да се знаетъ, кога беше Петре Такъ, Слепечки мо(на)стиръ свети овинъ, Продрум».

«Стамено карафило».

«Сие писание от мене Ристета»,

«ѣанкула Никѡла пено грусно».

«Торе кѡле Сокѡле,

«Туро деспотъ анъ ле трпе Митре, Павле, Цвете ко Миленка».

«Помѧны господи Арсенїа дїакѡна».

«На листе 2 об. записи различными почерками:

«Петре, Несторъ, Симо, Вело, Неделко».

«Да се знаетъ, кога се престави егуменъ слепчески Аверкиа монахъ, егуменъ на свити Иѡванъ кога беше товаротъ еръшъ 51 гроша 1803 години».

«Да се знает кога седох ж у манистьре Подрвомъ отидех на Москова петоро (?) вопателе въ Баин в Срьв ...» [73]

«Да се знаетъ кого седелех Гулаб ѡтъ село српци, кога го истеллъра Митрофану ѡт село Рижано щот пасеше говеда та налисола».

«Арно поминнаме Прићия на попа бог да го прости».

«Знано буди кога гледахъ азъ недостаоиниу ѡваѧ книга многу маривети има ама кои да разуме ѡт темнота световна да га разбере душе полезна и питанїе има на человѣка, како душа и снага ѡтветъ да даватъ на с(т)рашнаго судиѧ що не можат сами анћели да гледат на светлоста, ѡ судие прав(е)дни, да ни(с)послешь анћела хранителя прежде смерти да свободитъ душу мою ѡт темни образи. 1850 месяца маиа 10 день».

На 3 листе запись над заставкой:

«Несторъ».

«Писа азь Никола».

Над заставкой рисунок XIX века, изображающий двух разговаривающих людей. Надпись над рисунком:

«Бѣседуютъ душа и плотћь».

Под рисунком запись, обведенная кружком:

---

[73] Здесь неразборчиво.

«АрсенІи Іеромонахъ азъ писахъ, душа и плоѣь здѣ 1833».

Ниже тем же почерком запись на поле правом:

«Именемъ есть слова: се домъ що дръжатъ една, сто, двесте петъ педесеть, десеть, ѡосомъ». Это Тайнопись. Получается: «Артении».

На листе 3 ниже текста запись:

«Писмена написан человѣкъ».

На листе 6 запись:

«Село Велмецу ...»[74]

На листе 259 об. запись на полях:

«Имати знамение на села та».

См. также 1563, 1789—1797 гг., Хлуд. № 66.

XIX в.

Хлуд. № 148. **Минея служебная.** В 1°, на 184 листах, полууставом 1571 года.

На нижнем поле листа 1-а запись скорописью:

«Ова книга е написана во лѣто отъ рожество ХрІстово 1459».

На нижнем поле листа 1 запись, частично стертая:

«... аспре, богъ ему да прими въ свою ру... и коѣе куде померитъ, да есть проклетъ в сии вѣкъ и въ буду...».

На внутренней стороне нижней доски переплета запись скорописью:

«Уз летово 1855 ко дойда на рожеств(в)о».

См. также 1571 г., Хлуд. № 148.

XIX в.

Хлуд. № 188. **Пролог.** В 1°, на 282 листах, полууставом XIX в.

На листе 282 скорописью запись:

«Писах аза грѣшни и хоуди въ иноцех Таиню ѯѯѯ».

Другая запись скорописью:

«Си свѣть слатькъ кратакъ».

На нижней доске переплета запись скорописью:

«Власіе, старць ѡви, вькь сладакь, елье кратакь».

См. также 1370 г., 1808 г., Хлуд. № 188.

[74] Здесь неразборчиво.

· ОПИСАНИЕ ПЕРВОПЕЧАТНЫХ СЛАВЯНСКИХ КИРИЛЛОВСКИХ ИЗДАНИЙ

*

Часословец, напечатанный Швайпольтом Феолем в Кракове в 1491 году.

В 4°. Наши экземпляры (Хлуд. I — Цар. А. I, Щап. 68 а) и б) — все дефектные, особенно щаповские. Нет ни выходов, ни начала, в Хлудовском начало добавлено полууставом XVI в. Шрифт в Часословце чистый, ровный и красивый, с частым употреблением киновари; он, по-видимому, подражает письму западно-русских рукописей, выносные буквы употребляются редко (наᵐ, послѣᵈнѣѧ). Зависимость от рукописи сказывается в разнообразных начертаниях букв. Таковы, например, *о*, которое пишется, как □, о, |··| (очи) и т. д., особо употребляется ѡ. Нумерации листов нет, есть только нумерация по тетрадям. В тексте употребляются всюду киноварные заглавные буквы (подобные рукописным) и вязь. Во 2-ой тетради даны две заглавные буквы — Р и Т, типа балканской плетенки.

По Каратаеву[1] Часословец имеет всего 384 листа, на верхней стороне л. 384 — отпечатано изображение герба города Кракова с буквами «SV Кракова». На 7 строках выходная летопись.

«Докончана бысть сиѧ книга оу великомь градѣ оу Краковѣ при державѣ великаго королѧ полскаго Казимира и докончана бысть мѣщанинѡм краковьскымь Швaиполтомь Фѣоль, из немець немецкаго родоу, Франкь и скончашасѧ по божием нарожением ·҃дı (14) съть девѧть десят и а҃ лѣто» (Каратаев № 2). Кара-

[1] Здесь и далее «Каратаев» и «Кар». сокращенно обозначает издание: И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. I (с 1491 по 1652). СПб., 1883.

таев (стр. 12—14) полагает, что все 4 издания Феоля не могут относиться к одному 1491 году, так как на это не хватило бы одного года.

«По всему вероятно, печатание своих изданий Феоль начал несколько лет раньше договора, заключенного им с резчиком и литейщиком букв Рудольфом Борсдорфом, в феврале 1491 года, на вторичное отличие славянских букв». В ноябре того же 1491 года Феоль был привлечен к суду, вероятно, за то, что он напечатал церковные книги греческого закона; после этого времени деятельность Феоля по части печатания книг прекратилась»... (стр. 13). Я прихожу к тому заключению, что Феоль начал печатание своих книг еще около 1485 года и продолжал свою работу в течение «пятишести лет, а год выставил 1491-й на книгах вместе, когда вполне окончил печатание всех своих изданий» (стр. 14).

Чрезвычайно характерна разница в изданиях Феоля между Часословцем и остальными 3-мя изданиями. Часословец напечатан в четвертку, тогда как остальные в лист. Вязь часословца меньше и другого, более правильного рисунка. Только 2 узорных малых инициала. Шрифт в начале книги шире. Знаки препинания . *и* : —

На экземпляре Петербургской духовной академии написана заметка ректора Павла Доброхотова: «Основываясь на Радецких актах города Кракова, заведение церковно-славянской печати в сем городе утвердительно должно относить к 1491 году. В сих актах под 1491-м годом aute Dorotheam Virginem (по Римскому месяцеслову это 6-го февраля) помещено на немецком языке условие двух Краковских жителей Швайтполта Феоля с Рудольфом Борсдорфом о вырезке русских, т. е. церковнославянских (Rewsische sehrift oder Buchstaben) букв, с клятвенным обещанием, что Борсдорф еще для другого кого не будет вырезывать их и не откроет никому тайны вырезывания их».

Захар Копистенский (ум. 8 апр. 1626 г.) пишет об изданиях в своей «Палинодии», часть III, разд. I. Артик. 2: «Есть и третяя книга, которую з грецкого языка называемо Орологион, а по словенскому Часословъ, въ Кракове друкованная року 1491 чрез неякого Швантполта Фиола за короля Казимера Ягелловича». В том же месте «Палинодии» он пишет: «Книги Триодио

з грецкого языка названыи в Кракове друковано. А находятся тыи книги в многих церквах, и в монастырох, в земли Львовской и в монастыре Дорогобужском и в Городку монастыра Печерскаго маетности, на Волыни и инце по разных местцах».

В Часословце Швайпольта Феоля в последовании встречаем следующие праздники, «которые являются принадлежностью только русских «последований»:

21 дек. «Въ тъи день престависѧ преосвященыи митрополит Петр всеѧ Роуси в $\overrightarrow{з}$ (7) час нощи в лѣто, тысѧща ѡ҃л҃д (834)» и т. д.

11 генв. — преподобнаго ѡтца нашего Феодосьѧ, начальнико общежитью».

14 фев. — «святаго ѡтца нашего Кирила епископа катаѡньскаго оучителя словѣномь и болгаромь».

2 мая — «пренесенiе мощем святых мученик Бориса и Глѣба».

3 мая — «оуспение преподобнаго ѳеѡдосиѧ игумена Печерскаго».

20 мая — «святѫѧ мученикоу Бориса и Глѣба».

15 июля — «святаго равнаапосломь великого кнѧзѧ Володимера. Оуспенiе, именемь Василиѧ, крестiвшаго землю Рускую».

1 окт. — «Покровь святыѧ Богородица».

Почти полное отсутствие не только сербских святых, но и вообще югославянских.

Язык Часословца тоже свидетельствует о связи его с русскими памятниками.

ѫ, но и ѹ и другие гласные, — например, *но* и *нѫ*, *всѣкоѧ* и *въсѧкоѧ*, *трава* и *трѣва*.

О-ъ (иди во мир, во единь, во кровь)
е-ъ (богатество, воинества)
ье-е (Чтенье, зачѧтье, питье)
ж-жд (одежю, межи, ражаеть)
полногласие — (*Володимера, съволкъся*)
еи-и (*Сергѣѧ, Андреѧ*)
оу-въ, во-оу (*оу городѣ, у Краковѣ, ѹ вѣкы аще пьете ѹ мое въспоминанье*).

Эти особенности вместе с 1 лиц. множ. числа с выдержанностью, с формой род. п. ед. ч. прилагательного («съ греческое грамоты») и проч. заставляют отнести рассмотренное издание Феоля к южнорусским памятникам. «Мы не считаем себя вправе относить наши замеча-

ния о Часословце ко всем изданиям Феоля, в которых также встречаются признаки русского правописания; но издания эти требуют еще определения редакции оригиналов, которые могли быть, как это и признается, юго-славянскими». (Владимиров П. В., Доктор Франциск Скорина. СПб., 1888 г., стр. 24—26).

Октоих напечатан Швайпольтом Феолем, 1491 г. В 1°, напечатан тем же шрифтом, что и Часословец 1491 г., но формат взят в лист, кроме того, шрифт набран более убористо, одна буква стоит ближе к другой, та же вязь и киноварные инициалы, как в Часословце, но плетеных инициалов нет. Наши экземпляры Щап. 1 и Цар. Б. 8. — дефектные.

У Каратаева показано 169 листов. Вначале гравюра на дереве — Распятие. На последнем листе — герб города Кракова, также, как и в Часословце. Выход такой же, как и в Часословце. В примечании Каратаев объясняет значение латинских букв S и V в гербе (см. Каратаев, № 1.)

В тетради 1-й помещена киноварная заставка (Кар. № 1).

Октоих. (Кар. № 7). Цетинье, 1494 г.

Напечатан в 1°, в один столбец. Шрифт чрезвычайно четкий и красивый, явно подражает рукописям, особенно заметно это на лигатуре *ау* в слове *радуисе* (на л. 97 об.), во вторник вечер, глас 2 — по полям пущены киноварные шрифты (*чіи, сѣдьмне, крестны, глась. в* ⁘), как это бывает в рукописях. Употребляется вязь, очень фигурная по виду, каждый стих начинается киноварным или черным инициалом, которые чередуются по очереди, что придает странице нарядный вид. Заметны опечатки, например (на л. 95 об.), оттиснуто киноварное *Р*, которое заменено черным *С*, хотя здесь должна была следовать после черного инициала — киноварная буква. Знак препинания обычно ⁘ (три точки), в средине текста точка. Водяной знак — «весы в круге».

Наш экземпляр (Щап. 2) очень неполон, нет конца, начала и многих листов середины.

Другой экземпляр (Мнш. 772) — полный.

Начинается с листа с обозначением — а/1/, вверху плетеная заставка на черном фоне (см. рис.). На об. 2 л. — вверху заставка на черном поле белым: арабески, посреди них два ангела держат гирлянду, в ней двуглавый орел

с буквами *Б*, *И*, *Л*. Ниже на киноварном квадратном поле белый инициал П и еще ниже предисловие.

Л. 3 — начинается заставкой, белое узловатое плетенье (иного типа, чем у Феоля) по черному полю, далее киноварная вязь и белый инициал на черном квадратном поле. Еще один инициал П (рисунки первого инициала) белый на черном поле. Еще один инициал в конце книги — |С|, тетрадь 32, в той же 32 тетради один лист оставлен чистым без пропуска текста, текст продолжается на обороте этого листа. Послесловие начинается инициалом П (см. выше) и напечатано киноварью и черной краской, чередуясь по строке.

В предисловии впереди книги говорится: (на л. 2 об.) — «Видѣвь азь вь Христа бога глаговѣрныи и богомьхраними господинь Гюрго Цьрноевыкь церквы праздныственных книгь, грѣхь ради наших разхищенiемь и раздранiемь агаранскыхь чедь. Вьзрѣвновахь поспѣшенiемь святаго духа и любовiю кь божественным, церквам и написах сiю душеспасную книгу ѡсмогласныкь».

И далее «Повелѣнием господина ми Гюргꙗ Цьрноевикꙗ азь Христу рабь священоинокь Макарiе роукоделисах сiе при всеѡсвященном митрополите Зетском кур Вавуле, вь лѣто $\overline{\text{ЗА}}$ (7001), круг солнца, $\overline{\text{а}}$ (1) луне : : ».

В послесловии в конце книги говорится опять «о раздрании книг», и далее Гюрги говорит: «...и съставихь форми на них же вь едино лѣто ѡсмимь человекомь съврьшати ѡхтоихь $\overline{\text{ѡ}}$ (800), $\overline{\text{Д}}$ (4)-го гласа. Далее — «троудихся же се ѡсемь и роукоделисахь сiе смерени священникь мнихь Макарiе ѡт Чрьнне гори». и ниже — «съврьшишесе сiе книги ѡтбитiа в лѣто $\overline{\text{ЗВ}}$ (7002), а от рождьства Христова тисоуща $\overline{\text{ѵчД}}$ (494), кругь солнцу $\overline{\text{в}}$ (2), а лоуни $\overline{\text{і}}$ (10), индiктiѡнь $\overline{\text{аі}}$ (11), $\overline{\text{θемелiонь}}$, $\overline{\text{ВІ}}$ (12), епахти $\overline{\text{а}}$ (1)-вые злато число, $\overline{\text{ВІ}}$, : : месяца. гевара $\overline{\text{Д}}$: день ∴ »

По-видимому, предисловие относится к окончанию списка, а послесловие уже говорит о печатании. На это указывает и то обстоятельство, что предисловию предшествуют два листа текста.

«Октоих». Лист 3 с заставкой. Цетинье. 1494 г.
(Гос. Исторический музей. Собр. Мнш.)

Евангелие 1512 года, без места выхода (Кар. № 12). Евангелие напечатано в лист, четким крупным почерком, начертания воспроизводят начертания рукописей (молдавских) начала XVI в. В один столбец. Евангелие украшено заставками, инициалами и вязью. Начинается оглавлением, за которым следует предисловие Феофилакта Болгарского и далее само евангелие от Матфея.

Далее порядок такой же: перед каждым евангелием оглавление, предисловие и сам текст. В конце приложено: «Сказание приемлющее всего лета число евангельское»; «Евангелие на всяк день» и «Соборник 12 месяцем», «Сказание, како подобает обратити повседневно евангелие, прокимны воскресные»; «Указ гласам евангелиям воскресным». В конце непосредственно за текстом следует послесловие. Нумерация листов отсутствует (наш экземпляр Цар. 4).

Очень любопытны заставки. Они все типа узловатого плетенья, сделаны белым по черному. Первая заставка с крестом вверху из плетенья помещена на л. 1 и далее — перед предисловием Феофилакта, епископа Болгарского, перед оглавлением евангелия от Марка, и перед «Сказанием приемлющим всего лета число», — всего 4 раза. Кроме этого, встречаем тип малой заставки — в продолговатом четырехугольнике плетенье из 5 узлов. Такие заставки помещены перед — оглавлением евангелий от Луки и от Иоанна и соборником. Всего 3 раза. Эта малая заставка более проста по виду. Перед евангелием от Матфея помещена громадная заставка того же узловатого плетенья, занимающая половину листа. Вверху плетеный крест и буквы по бокам. В середине плетенья птица под короной. Такая же заставка перед евангелием от Луки. Всего 2 раза. Пред евангелием от Марка и от Иоанна помещена другая заставка, хотя того же характера. В середине ее черная птица дарует крест, по бокам растения (деревья).

Общий тип всех заставок (кроме малой) — один и тот же: черное поле, по которому вьются белые нити, пуская вверх и по сторонам отростки, вверху плетеный крест. Кроме того, употребляются инициалы, исполненные черной краской и киноварью. Своеобразно белое плетенье на черном поле, в средине белая корона.

Обычно инициалы — плетенье, тип простого инициала попадается только как исключение. Любопытна техника: один и тот же инициал печатается то черной краской, то киноварью. Такой же способ видим и в Осьмогласнике 1494 года (Кар. № 7). Характерно, что заставка Осьмогласника как бы дает в зародыше будущую заставку Евангелия 1512 г. На черном поле белое плетенье, по бокам же его как бы 2 столбика из плетенья (в Евангелии 1512 г. остростки).

В послесловии говорится: «И азь вь Христа Бога благовѣернїи и богомь хранимїи и самодържавни господарь Іωан Басараба великыи воевода и господїнь вьсеи земли Оугровлахїискои и по Доунавїю сын прѣдобраго и великааго господїна Іωанна Басараба Воеводѣ. Възревновахь поспѣшенїемь святаго духа... (и далее) — повелѣнїемь господара Іωана Басараба великааго воеводы • азь Христу рабъ священноинокъ Макарїе трудихсѧ ω семь и съвръшихомь сїе книгы. В лѣто ҂ЗК (7020), кржгь солноу. К (20), лоуни ѳ (9), индиктїωнь ДІ (14), месяца Іоунїа КЕ день».

Таким образом, опять встречаемся со священноиноком Макарием, который в 1494 г. печатал в Черной горе Осьмогласник. Где напечатано было это Евангелие, неизвестно, но, вероятней всего, в Молдавии. На это указывает и правописание Евангелия (начало Марка, 62 — «или часѣ», «а ѩже вам глаголѧ въсѣмь глаголѧ»; «глаголаахж же пж не вь праздникь»; начало Луки 86 — «царствїе божїе вънѧтрь вась есть»).

Служебник или Литургиарион (Кар. № 15).

Напечатан в Венеции в 1519 году.

В 1°, в 1 столбец, более крупным шрифтом, чем Октоих 1494 г. Кроме основного шрифта, употребляется еще более крупный и фигурный шрифт киноварью, для выделения отдельных мест в тексте и заглавий. Употребляется вязь, очень узорная. Инициалы двойного типа. Больше всего простые киноварные, из них характерно *Р* с короной наверху, реже употребляются небольшие плетеные инициалы «*б*» и «*в*». Один раз простой инициал «*в*» дан черной краской. Заставки разного типа, на л. 3 перед уставом служб большая плетеная заставка балканского типа, в середине гербовый щит, разделенный на 2 части, вверху крест, внизу — буквы «бож». Характерно, что фон

заштрихован черными линиями. Меньшая заставка того же плетеного стиля, но иного рисунка на л. 48 перед литургией Василия Великого, но фон здесь черный.

Кроме того, перед главными статьями помещены еще 4 заставки (4-х угольные, продолговатые). Из них две — черными линиями со штриховкой изображают цветы с птицами, две других розетку и 2 цветка, отходящих в сторону. Эти последние заставки исполнены на черном фоне с захтриховкой, под явным влиянием венецианских печатных (латинских) изданий. Нумерации листов нет, только по тетрадям. Поставлены ударения (правильно). Знаки препинания — . ◇ ⁘ . Знак ⁘ (черный и киноварный) следует и для заполнения пустых мест в строках. Употреблен паерок.

На последних 5 листах послесловие — вначале вступление и далее: «Сего ради и азь грѣшнiи и мьнши в человецех Божидарь Вуковик ѡт Гюрик подгорича-нинь оувѣдевь ꙗко житiа сего сѹѥтна и врѣменна и прѣходеща съмртiю вьса прѣсѣкаѥма. Бывшоу ми тогда въ западных странахь италскыих въ славнѣмь граде ВенетIани ... поспѣшенiем святаго духа трѹдолюбьзнѣ потьщахсе сьставити форми въ ѥже быти оугодна вьсакомоу прочитающому и сьписхь душепользнiе книгы сIе литургIе ... (просьба простить) понѥже не писа дух святый ни аггель, нь рѹка бренна, и духь грѣшни и оунили. ПовелѣнIемь господина БожIдара. Трудихсе ѡ сем (оз окаанеиши) и мьнши вь иноцех Iеромонахь ПахомIе, ѡт Црьние гори ѡт реке ... Поюще же поменоуите ра(ба) божIа БожIдара (изложившего) типари сIе. А писавшего благословите а не кльнете ...» В конце — «СIе сьврьшисе в лѣто ≠ЗКИ (7028), а рожьства Христова ≠аφѲI (1519), круг солнцу КИ (28), а луни ЗI (17), индIктIон Ѳ епахта З (7), месяца IулIа З (7) день, оу БнецIех».

Наш экземпляр (Щап. 71) полный, нехватает лишь немногих строк в послесловии [2].

Псалтырь с Часословцем. Напечатано в Венеции в 1520 г.

---

[2] Этот Служебник был перепечатан в 1554 г. с сохранением всех особенностей старого Служебника. Перепечатано было также и послесловие, за исключением последних строк: «Съврьшишесе **се буе** книгы».

Наш экземпляр (Щап. 72) неполный, только 70 листов из 352. Но, судя по этому отрывку, шрифт и инициалы Служебника были вполне повторены и в этом издании (Кар. № 16).

Октоих, Венеция 1537 г. (Кар. № 30).

Напечатан в 1°, в 2 столбца, очень мелким убористым шрифтом. Начинается заставкой. Эта заставка смешанного типа в 4-гольной раме, в середине круг (венок), в котором Спаситель на кресте, по бокам ІС, ХС, на верхней дощечке буквы — ІNRІ, по бокам трость и два бича. Кругом венка плетенье, но разбросанными плетенками, из которых вырастают точно листы. Эта заставка носит явно выраженные западные черты. Фигура Спасителя обнажена и реалистична, он сидит перед крестом, вверху надпись латинская — ІNRІ. Плетеный орнамент обратился в подобие цветов. На об. л. 1 — концовка, плетенье с двумя цветами вверху. На л. 2 вверху гравюра — «Козма», «Іѡан (Дамаскин)», «Іѡсиф». Эти изображения носят также следы Запада, вверху цветы, причем средний цветок исполнен смешанно и напоминает балканское плетенье. На об. л. 2 — концовка, а на л. 3 вверху — заставка типичного балканского плетенья. В этом издании, таким образом, встречаем первые концовки и миниатюры. Любопытен шрифт, в нем лигатуры-раудисе—З, очень высокие І, ѥ и пр. Вообще говоря, шрифт неровный, два вида буквы *б* — один выходит из строки, І выпирающее вверх *оо* — в слове *очима*, лигатура ѣ. Знаки препинания ·, ⁖, ~. Характерно, что сказание о неделях набрано иным, более крупным шрифтом, как и «Сказание глаголомь», и часть послесловия. В них для украшения употреблены черные и киноварные кресты — ✝ и ⁖. Октоих заключает в себе только 5—8 гласы. Таким образом, он является как бы продолжением Цетинского Октоиха 1494 г.

На л. 1 — предисловие, в котором вначале пространно говорится о вере, далее: «сего ради и азь грѣшнїи смѣрены Божидарь ... занеже ѡбрѣщьшоумисе вь величѣи тоузѣ и печали вь утальскыихь странах, вь градѣ нарицаѥме Вьнетиѧнѣ, не могыи изыти вьѡ ѡтчыствы своемь, понеже видѣхь попираемыи родь христїанскыи ѡт исмаильтень, того ради бысть мое оукьсненїе вь странахь сїих и помыслих ꙗко врѣме старости моеѥ приближаетсе ... И поставихь сьи бѣлѣгьщои, више-

писанныи, дарованнIим прѣжднимь моимь и мнѣ великIемь кесаромь Кариѡлоушемь ѡт Рождьства Христова петыи кесарь нарицаетсе ѡбладающаа, римскымь начелствомь и мноземь и инIимь странамь господень нарицается. Начешеся писати сие святые и божествение гныгы, глаголемыи ѡхтоихь. В лѣто ≠ЗМД (7044), кроугь солнца SI (16), а лоунѣ ДI (14)». В послесловии на об. последнего листа говорится: «Азь грѣшнь си Божидарь Воуковикь ѡтечствомь ѡт ДиѡклитIе еже есть вь прѣделѣхь Македонискыих, подвигохомьсе на сIе божественное дѣло» (и далее): «ПовелѣнIемь господина Божидара воеводѣ троудихомосе ѡсIих писанIи. смѣренныи вь иноцехь священньщи ѳеѡдосIе. и ГиенадIе параIеклисIархь, монастыра святаго Савы Срьбскаго иже есть вь Милѣшевы, ѡтечьством же ѡт мѣста Приепола ... Съвръшисе сиа книга ѡт бытIа вь лѣто з (7) тисоущно и ME (45), а ѡт Рождества Христова тисоуща и ФЛЗ (1537) ... месяца IоулIа КЗ (27) день у ВнетцIехь ⁘ ».

Это издание разнится от Каратаева № 29, вместо герба Божидара на л. 1 встречаем изображение Спасителя. О различных этих изданиях Каратаев говорит следующее: «Заставочки, отпечатанные в конце предисловия (об. л. 1) и на обороте 2-го листа, под текстом, имеют другой рисунок, что в вышеописанном издании; в орфографии также видимая разница. По всей вероятности, издание это вышло из типографии Иеронима Загуровича, чему служит доказательством отмена в этом издании герба Божидара и помещение вместо него гравюры» (Кар. № 30).

В нашем экз. (Цар. Б I) — не хватает последнего листа, Хлуд. — неполный, нет первых двух листов и последнего листа.

Характерен в послесловии плетеный инициал *Б* (тип его встречаем раньше).

Правописание сербское.

Соборник. Напечатан в Венеции в 1538 г. (Кар. № 31).

В 1°, в 2 столбца. Употребляется 2 шрифта — основной крупный (он употреблен был только в послесловии Октоиха 1537 г. — Кар. № 30) и дополнительный мелкий (основной шрифт Октоиха). Мелким шрифтом набраны преимущественно чтения в службах. В крупном шрифте употребляется много лигатур.

Употребляется вязь и, кроме того, крупный киноварный шрифт для заголовков (в сущности маленькие киноварные инициалы, поставленные в тексте). Знаки препинания ⁘, ·, ⁘~, ⁘~. Иногда они употребляются для заполнения пустых строк. Ударения, нумерации листов нет. В тексте много гравюр хорошего исполнения. По характеру исполнения некоторые из них напоминают прориси икон, гравюры заключены в рамки, иногда напоминая поля у икон. В тексте много мелких заставок. Их два типа: первый (с разновидностью) балканского плетенья, белое по черному фону, второй — ветви винограда на черном фоне — говорит уже о других, небалканских влияниях. Кроме того, употребляются балканская заставка (в Октоихе она на л. 3) и цветы из плетенья употребляющиеся уже в Октоихе. Эти цветы помещены над заставкой (перед службой 6 января), которая представляет собой белый узор по черному фону, чередование лилии (?) и другого цветка. Опять тип совсем иной. Над пасхалией сделан узорный карниз из колонок, напоминающий машикули. Перед послесловием — концовка. Перед предисловием вверху заставка (так же, как и в Октоихе); но в венке вместо Спасителя — герб Божидара. На л. 2 перед текстом заставка — тип совсем тот же, что и в Евангелии 1512 г. (Кар. № 12), только взамен плетеного креста — большое распятие со знаками евангелистов в кругах по концам. Внизу в кругу герб Божидара. Тип заставки старый, узловатый.

В конце рукописи — концовка.

На л. 1 в предисловии говорится, подобно предыдущему: — «того ради и наше оукснѥниѥ быть вь западных странах италскыхъ вь вѣлицей ѥреси рымской не могшіи изыти вь своѥм отечьствоу, заради исмаилтьскіих великыхь попѣреніи. Ꙗкоже и прѣжде рекохь вь инихъ кныгах ѥже сьставих на Типарех да изнесем въ своѥм отчьстви сІе типари ... (далее просьба грешного Божидара о прощении и о гербе). ... Начешесе писати сІе святыѥ книгы, глаголѥмІи минеи въ лѣто ҂ЗМД (7044), круг солнца ѕІ (16), а лоунѣ ѧІ (14)».

В конце книги длинное послесловие (с характерным выделением более крупным шрифтом и киноварью отдельных мест): «ПовелѣнІемь господина Божидара воеводѣ. Троудихсе о семь писанІи, азь грѣшныи ...

ІеродІаконь Мѡѵси ѡт монастыра глаголѥмаго Дечанох, иже ѥсь вь странах Макѥдонскыих блызь великыих горь. Ѡтчьством же ѡт мѣста нарицѥмааго Боудимлꙗ блызь монастыра Шурдиковѣ ·:~ (даже о прощении списателя и о 4-х патриархах, радость окончания книги)... Почесе писать сІа святаа и божьстьвнаа книга месяца ІюнІа, А҃І (11) день, а сьврьшисе месяца гѥноуарІа 19 день у БнетцІехь ·: при великому дуу Андрею Грити начельствоующу его вь врѣме то. Съверьшисе сІа святаа и божьствьвнаа книга, глаголѥ ми сьборникь от бытІа вь лѣто ҂З҃И҃ѕ (7046), а от Рожьдьства Христова ҂А҃Ф҃ЛИ (1538) ... геноуарІа Ѳ҃І (19) день».

В конце послесловия два знака, в виде маленьких пьедесталов. Нумерации листов нет; она дается латинскими буквами только по тетрадям.

Наши экземпляры: Миш. 1106 — полный; Хлуд. 8 — нет последнего листа (взамен его дано литографическое воспроизведение); Щ.4 — нет 1 листа.

Апостол. Напечатан в Терговище в 1547 г. (Кар. № 39).

В 4°, в 1 столбец. Без нумерации листов, счет по тетрадям. Шрифт чрезвычайно близок к Требнику (Кар. № 25), без выхода. Но, есть и отличия. Прежде всего в Требнике не употребляется ѫ и ѧ, которые есть в Апостоле, далее широкое — Є. Интересен крупный заглавный шрифт (черный), который в Апостоле заменяет заголовки. Этого шрифта в Требнике нет. В издании употребляется киноварь довольно редко. [Примеры правописания]: «Єѫщѫѧ вь ѫзьщѣхь», «чедь», «ни по обычаемь ходити», «всѣко подобаеть народу снитисе», «кнѧзь ѫзыкѡмь» и пр. Правописание смешанное, болгаризмы и сербизмы.

На л. 1 — помещена заставка, которая явно воспроизводит заставку Служебника 1519 г. (Кар. № 15), балканская плетенка с заштрихованным фоном, но гораздо худшего исполнения, в середине ее нет герба Божидара. На л. 2, перед Деяниями, другая — узловатого плетения (белое по черному) заставка вполне воспроизводит заставку Требника (Кар. № 25), но с иной надписью по краям: «Господнь вь Христа бога благоверни а богомь хранимІи самодрьжавни земли УгровлахІскІе Іѡн Мирча воеводѣ. В тексте есть инициалы в рамке, белые

на красном поле — например, буква *В* — она точно повторяет такой же инициал Октоиха 1494 г. (Кар. № 7). Остальные инициалы и вязь сходны с Требником (Кар. № 25).

Состав Апостола: 1) сказание деяний апостольских; 2) апостол; 3) «сказание известно иже на все дни главам деяний апостольских», послесловие. В тексте употребляется еще одна заставка тоже балканского плетенья.

В послесловии говорится:

«Исписашесе сіе святіе и божественіе книги глаголеми Праксии (!) вь дни благовернаго и богѡмь хранимаго и самодрьжавнаго Іѡн Мирча воеводе и господарь... сынь великаго и прѣдѡбраго. Рала воеводи. Тем же убо азь грѣшни и мьньше в человецехь Димтрiе Лѡгофеть вьнук же. Божидаровь видевше же умаленiе святых и божественнихь книгы вьжделѣхь трѡудолюбьзно елико вльзмогохь оумом постигохь богоу поспешьствующу ми съписахь и съврьшых душепользные книгы сіе пракси... Троудихсе ѡсемь и сь оученикыи моимы. ѡпрѣ и Петрь (просьба не клянуть)... — И съврьшишесе сіе святые книгы ѡт бытіа в лѣто ≠ЗНЕ (7055), а от Рождьства Христова тисуща ФМЗ (1537), кругь солнцу...» и пр.

«Почешесе сіе святые книгы писати месяца августа ИІ (18) день, а съврьшишеся месяца мартіа ИІ (18) день в настолнем градѣ Трьговище ...»

Издание очень грубое и некрасивое. Наш экземпляр (Цар. А. 11) — полный.

Молитвослов. Напечатан в Венеции в 1547 г. (Кар. № 40).

Напечатан в 8°, в 1 столбец, очень мелким шрифтом (мельче чем в Соборнике 1538 г.). Употребляется киноварь. Шрифт четкий и красивый, характерен высокий Ъ. Главной особенностью этого издания являются его украшения. Каждая страница обведена рамками с украшениями. Это узорное плетенье из трав и человеческих фигур, херувимов и пророков. Нижняя часть рамки занята сценами из библейской жизни[3]. Все изображения

[3] В тексте есть изображения святых, они взяты из Соборника 1538 г.

носят на себе следы подражания западным образцам. Таковы сценки внизу молитвенника, фигуры пророков, обнаженные херувимы. Молитвослов напоминает маленькие католические молитвенники. Но есть ряд черт, которые определенно указывают на связь с изданиями Божидара.

Таковы заставки балканского плетенья типа Соборника, инициал *Р* с короной, заставки, сделанные черными линиями, концовка — цветы из балканского плетенья.

Наши экземпляры. Щап. 116 и Мнш. 706 — неполные.

Лицевую сторону первого листа занимает герб Вуковичей, такой же, как и в Псалтыри 1546 г., только здесь в меньшем размере. На верхней стороне 311-го листа помещено следующее краткое заключение: „ѡвое свѣтописание оучинено на славу бога господина и на спасенїе свакого (!) христїинина кои у нега виеруе оу Бнецихь по Виценцу Божидара Вуковика синь, на прьви дань Іюнїа месяца „АФ̄МЗ“ (1547 г.) — (Кар. № 40).

Другое издание того же Молитвослова сделано было в 1560 г. Но исчезли уже фигурные рамки вокруг текста.

Перед каноном ѡ плаче Богородицы помещена гравюра — Христос на кресте, по бокам Иоанн и Богоматерь — совершенно католического типа.

В нашем экземпляре Мнш. 706 — нет конца (Кар. № 45).

Псалтырь с восследованием, 1561 г., напечатана в Венеции Вицентием Вуковичем (Кар. № 48).

Шрифт служебника 1519 г. и др. изданий Божидара. В конце псалмов концовкой служит заставка — плетенье белое на заштрихованном поле с гербом Божидара, которой начинается Служебник 1519 года. Перед Восследованием — плетенье на заштрихованном поле (иного типа). Под ней надпись киноварью: «Господинь Виценцо сынь воеводѣ Божидара». Вязь в Восследовании несколько иного типа, чем раньше, тоже киноварью, шрифт углом вниз.

В нашем экземпляре (Хлуд. 14) нет конца и многие листы воспроизведены литографией.

Послесловие (у Кар. № 48) повторяет слова послесловия Служебника 1549 г., только вместо Божидара поставлено: «Виъценцо синь господина воеводе Божи-

дара Вуковика подьгоричанинь». На об. сказано: «У Бнецїехь вь лѣто ҂АФЗа» (1561 г.).

Новое издание Псалтыри с восследованием вышло в 1570 г. в Венеции. По Кар. (№ 76) «в этом издании шрифт оказывается новым». Но все старые украшения вполне сохраняются. Единственными новостями является на л. с нумерацией «А» — гравюра царя Давида на троне, и в конце портрет издателя Иеронима Загуровика (см. Кар. № 76).

Евангелие (Кар. № 10). Напечатано в Брашове в 1562 г. У Каратаева ошибочно отнесено к нач. XV в. В 1°, в столбец. Шрифт крупный и неровный. Но украшения все повторяют в своих подробностях Евангелие 1512 года, те же узловато-плетеные заставки и инициалы. Разница вся в шрифте. Об этом см. у Biani[4]. Там же воспроизведено послесловие книги: «Повелениемь жупань Ханьшь Бѣгнерь азь Христу рабь дїакѡнь Кореси и Тоудорь дїакь трудихся ѡ семь и съписахѡм се книги. В лѣто З҃ (7) тысѫщь О҃ (70). Почешеся сїе книгы месяца мая КД҃ (24) день и съвръшишесѧ месяца охтоврее ГІ҃ (13) день в градѣ Брашевь».

Требник (Кар. № 25), без выхода.

Наш экземпляр (Цар. А.10) неполный. Но Каратаев ссылается именно на него. Напечатан в 4°, в I столбец. Начинается плетеной (узловатой) заставкой — белое плетенье по черному полю, в средине круг (венок) и изображение птицы (орла) с крестом. Кругом плетеная надпись — «господинь вь Христа бога благоверни. и богомь храниміи самодрьжавни. земли Угровлахїскїеѡт Петроу воеводѣ»[5] (У Каратаева в надписи есть ошибки в буквах). Тип этой заставки совсем тот же, как и в Евангелии 1512 г. (Кар. 12). Те же плетенье и герб в середине, но исполнение еще хуже, чем в Евангелии. Издание вообще очень бедное, вязь исполнена или бледной киноварью, или черной краской. Иногда вязь употребляется в строке как заглавное слово, при-

---

[4] Joan Biani. Bibliografia românescă veche. Bucureşti, 1958, str. 46—49.

[5] По Каратаеву (№ 25) «Велахский воевода Петр господствовал в 1534—36 гг. Шрифт одинаковый с Апостолом, напечатанном в Терговище в 1547 году».

чем один раз эта вязь дана в рамке, белым по черному — «чинъ». Такая вязь напоминает несколько по характеру выполнения инициалы Октоиха в Цетинье, сделанные на черном фоне — белым. Характерен инициал *Р* с коронкой, подобный такому же инициалу в Служебнике 1519 г. (Кар. № 15). Шрифт очень мелкий, характерны начертания — ѡ и ч, юсов нет. Правописание — «вьсѣхь болещIих «нашѡ» «злобахь нашихь», «ныѭко», «вьзиенавый» и пр. (Правописание — сербское). Знаки препинания — ⁘, . ◊ Нумерации листов нет, есть ударения.

Молитвенник (Кар. № 33). Без выхода.

Напечатан в 4°. Вполне сходен с другими венецианскими изданиями Божидара. Шрифт Соборника (Кар. № 31), по листам такая же сигнатура по тетрадям на первых 4 листах тетрадей кирилловскими и латинскими буквами и цифрами. Те же заставки (белое плетенье по черному фону) и инициалы. Новая плетеная заставка, без фона с буквами Божидара указывает тоже на издателя.

Триодь цветная (Кар. № 5)[6], без выхода.

В большой лист, на странице 30 строк. Шрифт тот же, что в Часословце и Октоихе, но по убористости набора ближе подходит к Октоиху. Первый лист украшен киноварной заставкой типа балканского плетенья, текст украшен инициалами того же балканского стиля. Гораздо реже попадаются инициалы (киноварные) простого рисунка, как в Часословце. Любопытно, что в нескольких местах плетеные инициалы остались ненапечатанными, таким образом в тексте встречаем пустые места, без инициала. Наши экземпляры дефектные. В Хлуд. 3 — не хватает последнего листа, в Щап. 45—нижней половины первого листа.

На обороте последнего листа (Щап. 45) — «то есть личьба до тои книгы. ѣко имаѫть тетрадѣ. быти ѡадна подлѧ единои, а ты жь одинь листь подлѧ дроугого азь до конца:⁓» (т. е. счетный указатель для размещения тетрадей).

Триодь постная (Кар. № 4), без выхода.

---

[6] У Каратаева (№ 5) Триодь цветная по шрифту, подстрочным знакам и знакам препинания и пр. отнесена к числу изданий Швайпольта Феоля.

В 1° (30 строк на страницу). Издание такое же, как и Триодь цветная. Употребляются инициалы балканского типа. Они двух размеров — малого, как в Часословце, и большего, как в Триоди цветной. Рядом с ними употребляются обычные киноварные инициалы, некоторые из них с украшениями. Шрифт тот же и такой же убористый, как в Триоди цветной и Октоихе. Наши экземпляры (Цар. А II, Хлуд. 2) неполные.

По Каратаеву (№ 4) выходного листа нигде нет. Он относит эту книгу к Краковской типографии (как и Триодь цветную — № 5).

КОММЕНТАРИИ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

Византия и Московская Русь

Работа опубликована в «Историческом журнале» за 1945, № 1—2, стр. 9—13. В архиве Академии наук сохранился машинописный текст тезисов доклада на сессии Отделения истории и философии АН СССР 3—6 мая 1944 (ф. 693, оп. 1, д. 53).

Россия и Византия в XIV—XV столетиях

Работа опубликована в «Зборнике радова Византолошког ин-та», књ. 7. Београд, стр. 23—28.

Пути из России в Византию в XIV—XV вв.

Работа опубликована в сб. «Византийские очерки», М., 1961, стр. 3—33.

К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III

Работа опубликована в «Сборнике статей в честь акад. А. И. Соболевского», изд. ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под ред. академика В. Н. Перетца. Л., 1928, стр. 91—94.

Иван Грозный и Сербия

Работа опубликована в кн. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ». М., 1945, вып. I, стр. 3—9.

Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до пол. XVII в.

Работа опубликована в «Славянском сборнике». М., 1947, стр. 125—201. В Архиве АН СССР сохранилась рукопись этой работы, машинописный экземпляр с правкой автора, а также выписки, наброски, списки литературы (ф. 693, оп. 1, д. 54, 55).

Начало славянской письменности в свете новейших открытий

Работа опубликована в жур. «Вопросы истории», 1959, № 4, стр. 98—105. В Архиве АН СССР хранятся замечания (машинописный экземпляр с правкой автора), посланные в редакцию

жур. «Вопросы истории» в ответ на письмо берлинского читателя В. Найденова по поводу указанной статьи (ф. 693, оп. 1, д. 56).

Историческое значение «кирилловского алфавита»

Работа опубликована в журн. «Славяне», 1957, № 5, стр. 44, 45.

Начало славянской письменности и Древняя Русь

Доклад на совместном заседании Отделения лит-ры и языка и Отделения истории в мае 1963 года. Машинописный экз. хранится в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 58).

«Закон Судный людем» краткой редакции в русских рукописях

Работа опубликована в кн. «Закон Судный людем». М., 1961, стр. 7—26. В Архиве АН СССР к изданию «Закона Судного людем» имеются авторские выписки из книги А. Павлова «Первоначальный славянорусский номоканон», 1869 г. (ф. 693, оп. 1, д. 135, л. 1—4).

Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами на основании славянских источников нерусского происхождения

В сокращенном варианте эта работа была опубликована в сб. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», вып. 33—34. М., 1961, стр. 103, 104. В Архиве АН СССР хранится стенограмма доклада на эту тему на I координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения (26 января 1961). Первая часть машинописной стенограммы имеет авторскую правку, вторая — большие пропуски (ф. 693, оп. 1, д. 57). Публикуется по тексту стенограммы.

Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша

Статья является одной из глав незавершенного труда по истории возникновения русского летописания. Написана М. Н. Тихомировым в 1963 г. Машинописный экз. хранится в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 59). Публикуется впервые.

II. РЕЦЕНЗИИ

Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского

Рецензия опубликована в жур. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 124—129.

Н. С. Державин. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., 1944

Рецензия опубликована в жур. «Исторический журнал», 1945, № 3, стр. 76, 77.

«Исторически преглед», № 1, 2—3, 4. Година първа. София, 1945

Рецензия опубликована в жур. «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 201—203.

«Исторически преглед». Научно-популярно списание за българска и обща история. Година втора. 1945—1946. София, № 1—5

Рецензия опубликована в жур. «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 133—135.

О некоторых болгарских исторических трудах

Рецензия опубликована в жур. «Вопросы истории», 1948, № 6, стр. 89—94.

III. ОПИСАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Именник болгарских князей

Работа опубликована в жур. «Вестник древней истории», 1946, № 3, стр. 81—90.

Южнославянские и молдаво-валашские записи на рукописях ГИМ'а

Публикация, подготовленная М. Н. Тихомировым в 1950-х гг., не была издана. Машинописный экз. с правкой автора и др. лиц хранится в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 52). Публикуется впервые.

Описание первопечатных славянских кирилловских изданий

Описание готовилось М. Н. Тихомировым в 20—30-е гг., в период его работы в Отделе рукописей и старопечатных книг ГИМа. Автограф хранится в Архиве АН СССР (ф. 693, оп. 1, д. 51). Публикуется впервые.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдусин Д. А. 5, 170
Авитохол, легендарный болгарский князь 277, 278, 282, 283, 284
Агрефений (Грефений), игумен 70, 71
Адрианова-Перетц В. П. 185
Акир Премудрый 146
Александр Баттенбергский, болгарский царь 263
Александр, дьяк 75
Александр, сын болгарского царя Калояна 129
Алексей Комнин, византийский император 127, 206
Алексей, митрополит московский 22, 23, 24, 25, 37, 39, 44
Алексей Михайлович, царь 164
Амартол — см. Георгий Амартол
Амвросий, канонизирован святым 198
Анастас Корсунянин 235
Ангелина, сербская деспотица, жена деспота Стефана 84, 85, 86, 87, 154, 155, 156
Ангелов Б. С., болгарский славист 177. 195
Ангелов Д., болгарский историк 258, 161, 262
Андрей Боголюбский 223
Андрей Грити, «великий дукс» 347
Андрей Рублев 25, 46
Андрей «русин» из Санока, переписчик книг 86, 156
Андрей Фрязин 32
Андроник I Комнин, византийский император 128
Андроник III, византийский император 273
Анна, византийская царевна, жена киевского князя Владимира 124, 230, 234
Анна, дочь великого князя московского Василия Дмитриевича 20, 35
Анна Якшич, жена В. Л. Глинского, мать Елены Глинской 86, 87, 157
Анскарий, канонизирован святым 248, 251
Антас Паппиу, имя на посвятительной таблице III в. в Керчи 95
Антоний, архиепископ новгородский 31, 130
Антоний, патриарх константинопольский 35
Антоний Печерский, основатель Киево-Печерской лавры 131
Аранит (Арианит) Комнин, албанский князь 85, 155
Арсений, епископ Псковский, историк церкви 134
Асафов К. М. 6
Аскал, вассал булгарского царя 249, 250
Аскольд, князь киевский 227, 233, 235, 245, 251
Аспарух, болгарский хан 104, 253, 282—284
Афанасий Афонский, настоятель греческой лавры 138
Афанасий Высоцкий, игумен 17, 24
Афанасий Никитин 31, 59
Ахмат, хан Золотой Орды 46, 150

Баласчев, болгарский историк 104
Балдуччи Пеголотти — см. Пеголотти
Барсов Н. П. 102, 121, 127
Баязид Ильдерим, турецкий султан 20, 22, 41, 42, 43
Безмер, болгарский князь 282, 284
Белла I, венгерский король 244, 245, 251
Белла IV, венгерский король 133
Белокуров С. А. 78, 80, 82
Беляев И. С. 248
Бенешевич В. Н. 203, 204
Бестужев-Рюмин К. Н. 12, 116, 229, 236
Биани Ян 3, 350
Блаватский В. Д. 195
Блуд, воевода кн. Владимира 229, 234
Богдан Д. П., румынский славист 169, 170, 171, 219
Бодуэн де-Куртенэ 65
Бож, вождь антов 100, 242
Божидар Вукович, воевода сербский 92, 163, 343, 345, 347, 348, 349, 350, 352
Божиков Б., болгарский историк 264
Болеслав, король польский 231, 232, 235
Борецкий-Бергфельд Н. 251
Борис Александрович, великий князь Тверской 138
Борис, болгарин («римлянин»), колокольный мастер на Руси 140
Борис Годунов, царь 90
Борис, сын киевского князя Владимира, князь ростовский (канонизирован святым) 123, 130, 132, 201, 230, 232, 237, 238, 338
Борис I, царь болгарский 99, 108, 171, 172, 173, 262
Борис II, царь болгарский 115, 116, 117, 118
Борсдорф Рудольф, резчик и литейщик букв 337
Ботев Х. 264, 272
Бочкарев В. 264
Браун Ф. 96
Брунов Н. И. 145
Бурмов А., болгарский историк 257, 258, 261, 270, 271, 273
Бюри И. Б. 277, 278

Вавул, митрополит Зетский 340
Вазов И. 264, 273
Вальденберг В. 23
Варда Фока, вождь восставших болгар 123
Васиан Косой 81, 82
Василий II Болгаробойца, византийский император 123, 124, 230
Василий II Васильевич Темный, великий князь московский 25, 38, 52
Василий I Дмитриевич, великий князь московский 20, 35, 41, 50, 141
Василий III Иванович, великий князь московский 34, 78—82, 84, 87, 88, 89, 147, 148, 149, 154, 157, 158, 159, 281
Василий Копыл Спячий, русский посол на Афон 149
Василий Новый, канонизирован святым 106
Василий, протопоп Благовещенского собора 81
Васильев А. А. 35, 40
Васильевский В. Г. 18, 122, 123, 127, 128, 176, 188
Василько Ростиславич, князь галицкий 126, 127
Вашица И. 217
Величков К., болгарский историк 273
Велчев В., болгарский историк 255, 256
Вернадский Г. 238—251
Винех, болгарский князь 283, 284
Винитар, готский вождь 100
Виноградов Н. 18
Витовт, великий князь литовский 49, 61
Вицентий Вукович, воевода сербский, сын Божидара 349, 350
Вишневецкий, Дмитрий Иванович, князь 89, 160
Вишневецкий Иван, князь 86, 89, 157, 160

Владимир Василькович, князь владимиро-волынский 66
Владимир Мономах, князь киевский 127, 128, 205, 206
Владимир Святославич, князь киевский (канонизирован святым) 122, 123, 124, 215, 219, 220, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 338
Владимир, болгарский царевич 99
Владимиров П. В. 339
Владислав (Иван—Владислав), болгарский царь 99
Волгин В. П. 258
Волк, воевода киевского князя Святослава 116
Володарь Ростиславич, князь галицкий 126, 127
Волчий Хвост, воевода киевского князя Владимира 116
Востоков А. Х. 202
Всеволод Владимирович, князь 230, 237
Вукашин, деспот сербский 271, 286
Вышата, воевода киевского князя Ярослава 124
Вышеслав (Вячеслав), сын князя Владимира Святославича 230, 231, 237
Вятко, легендарный предок вятичей 226, 240

Гавриил, архиепископ сербский 161
Гавриил Мстиславич, протор афонских монастырей 82, 88, 158
Галахов А. Д. 254
Галич, убийца Бориса и Глеба 232
Гандев Хр., болгарский историк 257
Гедеонов С. А. 246
Гейд В. 49, 55, 60, 67, 70
Генадий, парамисклисиарх монастыря св. Саввы в Милешеве, печатник книг, 345
Георгиев Е., болгарский славист 10, 171, 172, 173, 174, 178
Георгий Амастридский, канонизирован святым 188
Георгий Амартол, византийский историк 282, 327
Георгий Маниак, византийский полководец 125
Георгий (Максим), сын сербского деспота Стефана 85, 86, 155
Герберштейн Сигизмунд 58, 59
Герман, архидиакон, спутник митрополита Пимина в Царьград 54
Гильбер де-Ланнуа, фламандский путешественник 63, 64
Глеб Васильевич, князь ростовский 201
Глеб, сын киевского князя Владимира (канонизирован святым) 123, 132, 230, 232, 237, 338
Глинка Ф. Н. 18
Глинский Василий Львович, князь 86, 89, 157, 160
Голохвастов, русский посол в Турцию 53, 152
Голубинский Е. Е. 78, 81, 85, 90, 156, 161
Гостомысл, легендарный новгородский князь 241, 248
Городцов В. А. 57
Гостев Андрей, дьяк 81
Гостун, болгарский князь 282—284
Готье Ю. В. 100, 239
Греков Б. Д. 98, 111, 114, 169, 218, 222, 258, 264
Григора, Никифор, византийский писатель 20, 33, 34, 39
Григорий, игумен собора Николы Гостунского 93
Григорий, протодиакон, спутник митрополита Пимина в Царьград 54
Григорий Цамблак, киевский митрополит 140
Грот К. Я. 122
Гудзий Н. К. 138
Гюрго, протопоп сланкаменский 86, 156
Гюрго Черноевик 340

Давид, брат болгарского царя Самуила 123
Давид Игоревич, князь 127
Даль В. И. 65

Дамиан, диакон, печатник книг 92, 162
Дамиан, патриарх болгарский 118
Даниил, игумен монастыря св. Екатерины на Синае 89, 159
Даниил, митрополит московский 81
Данила, протопоп, посол тверского князя Михаила 41
Державин Н. С. 98, 252—253, 258, 264
Джанибек, хан 60
Димитров Дм. П., болгарский историк 270, 273
Дионисий, епископ суздальский 209
Дионисий, митрополит московский 206
Дионосий, митрополит тырновский 90, 91, 161
Дир, князь киевский 227, 233, 235, 245
Длугош Ян, польский историк 12, 226—237
Дмитрий Александрович, князь новгородский 197, 198, 201
Дмитрий Борисович, князь ростовский 201
Дмитрий, жупан болгарский 170
Дмитрий Донской, великий князь московский 18, 23, 32, 66, 140, 142, 143
Дмитрий Иванович, внук Ивана III 209, 280
Дмитрий Логофет, внук воеводы Божидара 348
Дмитрий Самозванец — см. Лжедмитрий I
Дмитрий Солунский, канонизирован святым 109, 275
Доброхотов П. Н. 337
Доментиан, монах 133
Досифей Сарский 81
Дринов М. С., болгарский историк 103, 122
Дубенский Д. Н. 214
Дуйчев И., болгарский славист 175, 176, 190, 191
Дулеб, легендарный предок дулебов 227
Дилевский Н., болгарский историк 257, 265, 266, 267
Дьяконов М. 23, 26

Евгений, инок, посол деспотицы Ангелины 84
Евгений, папа римский 38
Евсевий, русский переписчик книг в Константинополе и Афоне 137
Евфимий, тырновский патриарх 44, 144
Ездра, библейский пророк 282
Елена, дочь молдавского воеводы Стефана, жена Ивана Ивановича Молодого 151
Елена Глинская, жена великого князя московского Василия III 9, 86, 87, 89, 158, 159
Елена Якшич, жена деспота Сербии Иоанна 86, 156, 157
Елисей, дьяк из Каменца Подольского 86, 156
Емельянов Я. 64
Епифаний Премудрый, русский писатель 24, 26, 33, 71
Ефрем, русский переписчик книг в Константинополе и на Афоне 137
Ефрем Сирин, богослов 45

Забелин И. Е. 140
Зарев П. — болгарский историк 258
Захар Копистенский 337
Захарий, иконописец русский 25
Златарский В. Н., болгарский историк 98, 105, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 128, 129, 132, 274, 277, 278, 281
Зонара, византийский хронист 117
Зосима, игумен, путешествующий в Царьград 30, 71, 72

Иаков «мних» 231
Иаков, переписчик книг на Афоне 137
Иаков (Иосиф), протопоп собора Николы Густынского в Кремле 93, 163
Ибн-Арабшах 70
Ибн-Асир 66

Ибн-Фадлан, арабский путешественник 249, 250
Иван, архиепископ новгородский 19
Иван III, Васильевич великий князь московский 26, 73, 84, 154, 209, 238
Иван IV Грозный, царь 9, 78, 82, 83, 86, 89, 90, 92, 148, 149, 154, 157, 158, 160, 162, 163, 165, 238
Иван Данилович Калита, великий князь московский 32, 142
Иван Иванович, великий князь московский 142, 143
Иван Иванович Молодой, сын Ивана III 151
Иван Мануйлович см. Иоанн VIII Палеолог
Иван, протопоп, спутник митрополита Пимина в Царьград 54
Иван Ростиславич Берладник, князь 121
Иван (Иоанн) Рыльский, основатель монастыря в Болгарии 37, 265, 266, 273
Иван, сын болгарского царя Симеона 112
Иван Творимирич, воевода киевского князя Ярослава 124
Иван Федоров, русский первопечатник 91, 93, 162, 163
Иванов И., болгарский историк 266
Иванова В., болгарский славист 168, 169, 272
Игнатий, епископ ростовский 198
Игнатий, монах, автор «Хождения Пимина в Царьград» 16, 28, 29, 31, 50, 51, 52, 54, 68, 69, 74, 76, 136
Игорь, князь киевский 10, 101, 105, 106, 108, 110, 115, 170, 188, 227, 228, 233
Игорь Святославич, князь новгород-северский 169, 179, 181
Иеремия, патриарх константинопольский 90, 160
Иероним Заурович, издатель славянских книг в Венеции 345, 350
Изяслав Владимирович, князь 230, 237
Иконников В. С. 78
Иларион, русский митрополит 133, 179
Ильин Трифон, дьяк 81
Ильинский Г. А. 144, 266
Илья, архиепископ новгородский 200
Иоаким, епископ новгородский 221
Иоанн — Александр, болгарский царь 274
Иоанн Антиохийский (Малала), византийский хронист 242, 282
Иоанн Асень, царь болгарский 129
Иоанн Басараба, воевода уравлахийский 353
Иоанн Златоуст, богослов 45, 155
Иоанн (Иваниска), деспот сербский 84, 85, 86, 89, 155, 156, 157, 160
Иоанн VI Кантакузин, император византийский 19, 34, 39
Иоанн IV Ласкариса, византийский император 134
Иоанн V, император византийский 39
Иоанн, русский митрополит 123
Иоанн VIII Палеолог, император византийский 20, 35
Иоанн Радул, воевода валашский 85, 155
Иоанн Синайский, богослов 45
Иоанн Скилица, византийский хронист 107, 117
Иоанн Схоластик 203, 204
Иоанн (Иван-Стефан) Шишман, царь болгарский 144, 266, 273
Иоанн, экзарх болгарский 172, 178, 250
Иоанн Цимисхий, византийский император 117, 118, 122, 227
Ион Мирач, воевода и господарь сербский 348
Иона, архиепископ 81
Иона, епископ рязанский 52
Иона, митрополит московский 22, 23, 37, 200
Иордан, готский историк 94, 95, 100, 241, 242

Иосиф, русский иконописец 25
Иосиф Флавий, иудейский историк 45
Иречек К. И. 91, 98, 114, 126, 153, 161, 218, 273
Ирина, болгарская царица, жена Константина Асеня 274
Ирина Якшич, жена герцога поморянского Миклеуша Баошича 86, 157
Ирник, легендарный болгарский князь 282—284
Исайя, инок, «сербин» 79
Исидор, московский митрополит 21, 22, 37, 44
Исидор, патриарх константинопольский 39, 75
Исперих см. Аспарух
Истрин В. М. 131, 132, 282

Йорг, Н., румынский историк 38

Казимир Ягеллон, король польский и великий князь Литовский 337
Калайдович К. Ф. 197, 250
Калачов Н. В. 205
Исидор, патриарх константинопольский 39
Калокир, херсонесский начальник 113
Кантакузины, императоры Византии 19, 90, 161. См. также Иоанн Кантакузин
Каравелов Л., болгарский революционер 254
Карамзин Н. М. 20, 89, 159
Каратаев И. П. 336—353
Карл Великий, король германский 100
Карл, деспот сербский 89, 159
Кариолуш, «кесарь» 345
Карский Е. Ф. 186
Кедрин, византийский хронист 117
Кидырь, хан Золотой Орды 59
Кий, киевский князь 185, 226, 227, 234, 235, 245
Киннам, византийский писатель 20
Киприан, митрополит московский 19, 22, 37, 41, 44, 50, 75, 140, 144, 145, 267
Кирик, «вопрошатель» новгородского епископа Нифонта 200
Кирилл (Константин), создатель славянской азбуки 11, 139, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 267, 268, 269, 270
Кирилл, епископ катаонский 338
Кирилл, киевский митрополит 134, 194, 200, 206, 214, 280
Кирилл Туровский. канонизирован святым 200
Киселков В. С., болгарский славист 11, 192, 193, 257, 266, 267, 268, 269
Климент, архиепископ новгородский 197, 198
Климент VII, папа римский 88, 89, 159
Климент, старец монастыря св. Екатерины на Синае 89, 159
Ключевский В. О. 264
Козьма, пресвитер болгарский 255, 256
Коковцев П. Н. 110
Коларов В. — видный деятель болгарского и международного коммунистического движения 258
Колоян Палеолог, царь болгарский 129, 280
Комитопул 116
Комша Э., румынский историк 169
Кондаков Н. П. 145, 146, 165
Константин Асень, болгарский царь 274
Константин Багрянородный, император византийский 49, 98, 102, 103, 105, 230, 243, 244, 245, 247
Константин Безрукий, полоцкий князь 206
Константин Борисович, князь ростовский 201.
Константин, римский император 157, 212, 213
Константин Копроним, византийский император 106
Константин Костенчский, византийский хронист 9, 138, 139, 144

Контарини, итальянский путешественник 69
Кореси, диакон, печатник славянских книг в Брашове 350
Кормисош, болгарский князь 283, 284
Косев Д., болгарский историк 264
Костин, Мирон, молдавский хронист 272
Костэкел В., румынский славист 177
Кранджалов Д., болгарский славист 167, 257, 272
Крачковский И. Ю. 249, 250
Крижанич Юрий 161
Крылов И. А. 254
Крымский А. Е. 147
Куев К. М., болгарский славист 184
Кудряшов К. В. 51
Кулаковский Ю. 119, 120
Кур, печенегский вождь 229, 232, 233
Курбский, Андрей, князь 82, 88
Курт, болгарский князь 282, 284
Кушелев-Безбородко Г. А. 33

Лавров П. А. 184, 189, 190, 191, 192, 269
Лазарь, сербский царь 76
Лазарь, «сербин», часовых дел мастер в России 141
Ламанский В. И. 132
Ласко, убийца Бориса и Глеба 232
Лев Диакон, византийский историк 113, 117
Лев Мудрый (философ), император византийский, 206
Левченко М. В. 47
Леон Диогенович, сын византийского императора Романа Диогена 127
Леонид, архимандрит, палеограф 70, 80, 281
Леонтий, поп «русин» в Константинополе 130
Лермонтов М. Ю. 254
Лех (лях), легендарный предок поляков 228
Лжедмитрий I 89, 90, 160
Лович, убийца Бориса и Глеба 232
Ловмянский Г. К. 219
Логофет — см. Пахомий Логофет, Дмитрий Логофет
Лыбедь (Лебедь), сестра киевского князя Кия 226, 245
Любавский М. К. 239
Любимов В. П. 206

Маврикий, византийский историк 241
Мавродинов Н., болгарский историк 255, 256, 274
Макарий, митрополит московский 165, 206
Макарий, священноинок, печатник славянских книг в Цетинье 340, 351
Максим, внук сербского деспота Стефана 156
Максим Грек 78, 88, 149, 159
Максим, митрополит московский 38, 158, 209
Максим, митрополит угровлахийский 85, 87
Максимов П. Н. 145
Малала — см. Иоанн Антиохийский (Малала)
Маловист М., польский историк 33, 63
Мамай, хан Золотой Орды 40, 52, 62, 63, 66, 69
Манкоч, турецкий военачальник 150
Мануил Палеолог, византийский император 42, 45, 73
Мардарий, архиепископ 164
Мардарий, инок, сербский печатник книг 162, 163
Мария, болгарская царица 134
Мария, жена болгарского царя Петра 112
Марк, воевода сербский 86, 157
Марк, патриарх иерусалимский 82
Маркварт И., 278, 284
Матвей Фрязин 32
Матфей, патриарх константинопольский 45
Махмет, турецкий султан 26
Менандр, византийский историк 241
Мефодий, создатель славянской азбуки 11, 139, 171, 173, 174, 176, 177, 179, 180, 182, 183,

184, 185, 186, 187, 190, 267, 268, 269, 270
Меховский Матвей, польский историк 58
Миккола И. 279
Миклеуш Баошич, герцог Поморянский 86, 157
Микуцкий С., польский историк 156, 186
Милан, печатник книг в Сербии 92, 162
Милов Л. В. 6, 217
Мирослава, дочь болгарского царя Самуила 99
Митев И., болгарский историк 257
Митрофан Дионисивич Мартинович 164
Митяй (Михаил), кандидат на русскую митрополию 22, 23, 52, 68, 69, 74
Михаил Александрович, князь Тверской 13, 20, 41
Михаил Витезул, волошский господарь 161
Михаил, дьяк, спутник митрополита Пимина в Царьград 54
Михаил II, император византийский 175, 190, 191
Михаил III, император византийский 190
Михаил, митрополит киевский 221
Михаил, сын болгарского царя Симеона 112
Михаил Федорович, царь 87
Михаил Ярославич, тверской князь 30, 56, 67
Михне I, воевода угровлахийский 85, 156
Мишулин А. В. — 94, 95, 99, 106
Моисей, иеродиакон в Дечанском монастыре, печатник книг 347
Моисей, библейский пророк 200, 207, 210, 282
Мономах — см. Владимир Мономах
Мономах, византийский император 124
Мостич, «чергобыль» при болгарских царях Симеоне и Петре 168, 169
Мстислав, сын Владимира Святославича, князь 230, 232, 237
Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха 132
Мурад, турецкий султан 41, 43, 76, 85
Муса, турецкий султан 20
Мусокий, вождь антов 242
Мутафчиев П., болгарский историк 261

Надеждин Н. И., 102
Натан Ж., болгарский историк 255, 257, 264
Негу Бессараб, воевода угровлахийский 85, 156
Недков Б., болгарский историк 257, 263
Некомат, московский «гость-сурожанин» 18, 66
Неофит, проигумен русский 164
Нестор, русский летописец 110
Никита Акоминат, византийский историк 128
Никифор, патриарх 200, 201
Никифор II фока, византийский император 113, 115, 117
Никколо Джустиниани, венецианский консул в Тане (Азове) 60
Николай, русский иконописец 25
Николай Мистик, патриарх константинопольский 105
Николай I, папа римский 108
Николай чудотворец, канонизирован святым 275
Никон, патриарх московский 44
Нискина, князь древлян 227
Новосадский Н. И. 258
Нифонт, епископ новгородский 200

Обнорский С. П. 132
Оболенский М. А. 281
Окорс из рода Чакарар, из волжской Булгарии 250
Олег, князь киевский 105, 106, 108, 109, 110, 111, 115, 186, 228, 235, 245
Олег, сын Святослава, князя киевского 228, 229, 230
Олом, венгерский воевода 244, 245, 251

Олтяну П., румынский славист 177
Ольга, княгиня киевская, жена Игоря 107, 132, 227, 228, 232, 233, 234
Опре, ученик Дмитрия Логофета, печатник книг 348
Орлов А. С. 130
Орошаков Х. 216
Острогорский Г., сербский историк 35

Павлов А. С. 220
Паисий, старец Ферапонтова монастыря 78, 79, 80, 82
Паисий Хиландарский, болгарский хронист 254
Палеологи, императоры Византии 20, 90, 161. См. также Иоанн VIII Палеолог, Мануил Палеолог
Панайотов И., болгарский историк 257, 264
Пархоменко В. А. 110
Пастухов Ив., болгарский историк 255, 256
Пахомий, иеромонах, печатник славянских книг в Венеции 343
Пахомий Логофет, болгарин, переехавший на Русь, писатель 140, 145, 267
Пеголотти (Балдуччи Пеголотти) Ф. 28, 33, 55
Пересветов Иван, русский публицист XVI в. 90, 151
Перетц В. Н. 5
Перун, языческий славянский бог 230
Перфецкий Е., 12, 226, 233, 235
Песах, хазарский полководец 109
Петр, воевода волошский 86, 90, 151, 156, 351
Петр, митрополит московский 21, 22, 37, 38, 338
Петр Могила, архимандрит Киево-Печерской лавры 164
Петр Мстиславец, русский первопечатник 91, 162
Петр (Симеонович), болгарский царь 112, 115, 116, 131, 168, 272, 273
Петр, ученик Дмитрия Логофета, печатник книг 348
Пимин, московский митрополит 15, 16, 22, 28, 29, 37, 42, 49, 50, 51, 52, 54, 68, 69, 73, 76, 137
Пичета В. И. 258
Плиний, римский историк 249
Погодин А. Л. 84, 95, 96
Позвид, сын киевского князя Владимира 230
Поликсена, жена сербского воеводы Марка 87, 158
Полонник, румынский историк 272
Помпоний Мела, римский географ 249
Попов А. Н. 7, 269, 277, 279, 280, 281, 286
Приселков М. Д. 43, 123, 125, 198
Прокопий, византийский историк 95, 241
Пселл, византийский историк 125
Птолемей, греческий физик и географ 94
Путши, убийца князей Бориса и Глеба 232
Пушкин А. С. 254
Пчелина З. Р. 179

Радим, легендарный предок радимичей 226, 240
Радоичич Дж. С., сербский историк 42
Радул IV, воевода угровлахийский 85, 156
Репп Ф. 176, 177, 178, 191
Рогнеда, полоцкая княжна, жена киевского князя Владимира 237
Родион Ослебя, посол Василия I 41
Розен В. Р. 123
Роман Диоген, византийский император 127
Роман Лекапин, византийский император 109, 110, 112, 117
Роман, князь галицкий 31
Роман, сын болгарского царя Бориса II 123
Романец, убийца князя Михаила Тверского 56
Рорик, князь ютландский 248, 249

Ростислав, русский князь, претендовавший на болгарский престол 134
Руварац Иларион, сербский историк 85, 86, 155, 156
Рудольф II, император Священной Римской империи 91, 161
Рыбаков Б. А. 11, 190
Рюрик, князь новгородский 227, 233, 235, 248

Савва В. И. 23, 26
Савва, сербский архиепископ 146
Савва, канонизирован святым 37
Савваитов П. И. 130
Сагиб-Гирей, казанский хан 144
Самуил, болгарский царь 99, 122, 174
Сахаров И. П. 92, 163
Свенельд (Свенделд), воевода киевского князя Игоря 101, 118 Ср. Сфенкель
Светослав, хорватский король 99
Святополк Изяславич, князь киевский 127
Святополк, сын кн. Владимира 229, 230, 232, 237
Святослав, князь киевский 105, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 122, 123, 227, 228, 229, 232, 233, 235, 236, 237, 275
Святослав, сын киевского князя Владимира Святославича 230
Святослав-Яков, русский князь в Болгарии 134
Севар, болгарский князь 283, 284
Селивестр, митрополит Рашский 165
Семен Антонов, русский купец 31
Семен Плешивый, дьяк 81
Семен П. В. 243
Сергий Радонежский, игумен Троицкого монастыря 24, 145
Середонин С. М. 239
Сигизмунд Баторий, воевода трансильванский 91, 161
Сильвестр, духовник Ивана IV 82
Симеон (Семен) Гордый, великий князь московский 19, 24, 25, 34, 39, 142, 143
Семен, епископ тверской 206
Симеон, царь болгарский 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 131, 168, 250, 262
Симон, митрополит московский 209
Синеус, брат Рюрика 228
Сказкин С. Д. 258
Скандербег, албанский вождь 85, 156
Скилица — см. Иоанн Скилица
Славейков П., болгарский поэт 254
Смирнов С. И. 216
Снегирев И. 96
Соболевский А. И. 5, 17, 45, 147
Соколов П. 19, 20, 21
Соловьев А. В., болгарский историк 143
Соловьев С. М. 89, 160
Соломония Сабурова, первая жена Василия III 88, 147, 158
София Палеолог, жена великого князя московского Ивана III 26, 32, 73, 89, 159
Сперанский М. Н. 5, 45, 75, 130, 131, 132, 134, 142, 145, 146, 218, 269
Срезневский И. И. 186, 199, 201, 203, 204, 211
Стамбулов (Стамболов) Стефан Николов, болгарский буржуазный политический деятель 263
Станислав, сын киевского князя Владимира 230, 237
Степанов В. Н. 278, 279
Стефан, архиепископ новгородский 31, 75, 76
Стефан, воевода молдавский 72, 151
Стефан, деспот сербский 84, 85, 86, 154, 155, 157
Стефан Душан, сербский царь 76, 137, 143, 149, 223, 267, 274
Стефан, игумен Богоявленского монастыря, брат Сергия Радонежского 23, 24
Стефан Пермский, епископ 24, 25, 145
Степан Сурожский, канонизирован святым 30, 68, 188

Стефан Храп — см. Стефан Пермский
Стојановић А 85, 87, 88, 93, 150, 155, 158, 163, 164, 165
Строев П. М. 45, 78
Струбе де-Пирмонт 214
Струве В. В. 179
Стрыйковский М. польский историк 233
Суворов Н. С. 177, 217
Судислав, сын киевского князя Владимира 230
Сулейман, турецкий султан 83, 154, 271
Сфенкель, воевода Святослава 118; ср. Свенельд
Сырку П. А. 139
Сыроечковский В. Е. 17, 73

Татищев В. Н. 116
Тацит, римский историк 94
Твирем, болгарский князь 283, 284
Телец, болгарский князь 283, 284
Темир-Котлуй, ордынский князь 61
Темирхожин, сын хана Золотой Орды Кидыря 59
Терновский Ф. А. 93, 136
Тервелий (Тервель), болгарский царь (князь) 104, 132, 283, 284
Тимофей Родионов, заказчик перевода «Истории взятия Иерусалима» Иосифа Флавия 45
Тимур, хан Золотой Орды 22
Тихомиров М. Н. 5—14, 29, 52, 66, 74, 88, 92, 147, 162, 206, 209
Тодоров Я., болгарский историк 260
Топалов П., болгарский историк 263
Топорков Васиан, дьяк 81
Тохтамыш, хан Золотой Орды 40, 61, 62
Точилеску Г., румынский историк 272
Траян, император Римской империи 169, 253, 272
Трувор, брат Рюрика 228
Тудор, дьак, печатник славянских книг в Брашове 350

Углеш, деспот сербский 271
Узбек, хан Золотой Орды 56, 60
Уляницкий В. А. 147
Умор, болгарский князь 277, 283, 284
Упырь Лихой, поп 186
Урош II, король сербский 273
Успенский Ф. И. 107, 121, 129, 133, 167

Федор, архиепископ ростовский, основатель московского Симонова монастыря 24, 25
Федор Бяконт, черниговский боярин 23
Федор, владимирский князь 86, 157
Федор Секиот (Сикивота) 200, 205
Феогност, митрополит московский 22, 23, 25, 37, 39, 44
Федор, епископ владимирский и суздальский 198
Феодор, инок, сербский печатник книг 92, 162
Феодор-Олег «тракан» 107, 170
Феодорит, митрополит болгарский 136
Феодосий, архиепископ новгородский 211
Феодосий, инок монастыря св. Саввы Сербского в Милешеве, печатник книг 345
Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерской лавры 132, 338
Феолипт, патриарх константинопольский 149
Феоль Швайпольт, печатник славянских книг в Кракове 336, 337, 338, 339
Феофан, византийский историк 104, 106, 242
Феофан Грек, византийский художник 46
Феофан, митрополит белградский 84, 148, 154
Феофил, император византийский 175, 191
Феофилакт, архиепископ охридский 126
Феофилакт, епископ болгарский 342

Феофилакт Симокатта, византийский писатель 99, 241, 242
Фердинанд Кобургский, болгарский царь 263
Феттих 244
Филофей, патриарх константинопольский 39, 280
Флоринский Т. Д., 137
Фока — см. Никифор II Фока
Фотий, митрополит московский 22, 37, 44, 140, 193
Франко И. 194

Хадков И., болгарский историк 272
Хаммер-Пургшталь, И. 270
Ханш, жупан 350
Хлудов А. И., 286, 293, 295, 296, 298, 301, 322
Хорив, киевский князь 226, 227, 245
Хороатос (Хоруатос), имя на Танаидской надписи II—III вв. 95, 96
Храбр «черноризец» 172, 173, 175, 189, 190

Цамблак — см. Григорий Цамблак
Целестин II, папа римский 220
Целестин III, папа римский 220
Ценев, болгарский историк 254
Ценович Д., болгарский революционер 273
Цимисхий — см. Иоанн Цимисхий

Челабей Срачинский, турецкий полководец 138
Челибей, сын турецкого султана Мурада 41, 43
Чертков А. Д. 113, 117

Шангин М. 119
Шафарик П. И., чешский славист 103, 171
Шахматов А. А. 12, 100, 103, 106, 109, 116, 132, 228, 235, 269
Шевченко Т. Г. 254
Шиманович, вождь восставших болгар 91, 161

Щек, киевский князь 226, 227, 245
Щепкин В. Н. 144, 171, 269

Юрий Бранкович, сербский деспот 156
Юрий (Георгий) Васильевич, сын Василия III, 87, 157, 158, 160
Юстиниан, византийский император 206
Ющков С. В. 212

Ягич И. В. 139
Якшичи, воеводы сербские 86, 87, 157—160. См. также Анна Якшич, Елена Якшич, Ирина Якшич
Ярополк, сын Святослава, князя киевского 228, 229, 230, 234
Ярослав, князь киевский 124, 125, 205, 230, 231, 232, 235, 237
Ярослав Владимирович, князь галицкий 128
Ястребов Н. В. 95
Яцимирский А. И. 130, 140

Bardach J. 220
Balducci Pegolotti. Francesco. — см. Балдуччи Пеголотти.
Biani Joan — см. Биани
Bury J. B. — см. Бюри И. Б.

Długosz Jan — см. Длугош Ян
Doren A. 32

Hammer J., — см. Хаммер-Пургшталь И.
Hertzberg G. F. 20
Heyd W. — см. Гейд В
Hijbl 91

Malalas — см. Малала
Małowist M. — см. Маловист М
Marquart J. — см. Маркварт И.
Migne J. 245

Nisard M., 249

Repp F. — см. Репп Ф.

Slatarski W. N. — см. Златарский В. Н. 108, 128, 129

Vašica J. — см. Вашица И.
Vernadsky, G — см. Вернадский Г.

ИМЕНА ПИСЦОВ, ЗАКАЗЧИКОВ, ДАРИТЕЛЕЙ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ПУБЛИКАЦИИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЗАПИСЕЙ.

Абаз, паша 331
Аверский, игумен 326
Аверкий, игумен слепченский 334
Амир Ибрахим, султан 314
Амфилохий, иеромонах Путенского монастыря, писец 307
Ананий, игумен 328
Анастасий Кримкович, митрополит сучавский, даритель 307, 311, 312—313
Андреяш, «господин» 302
Андроник Палеолог, император византийский 285
Антоний, иеромонах 324
Антоний, священномонах, 333
Анфим, митрополит 327
Арнаут Христо, «от Горци» 300
Арно 334
Арсений, архиепископ призренский 294
Арсений, диакон 334, 335
Арсений, иеромонах 331
Арсений, иеромонах монастыря св. Николая Вышеградского 300
Арсений, патриарх печский 320
Асан-бег 322
Атанас, поп 326
Атанас, поп слепченского монастыря 326
Атанас, поп 333
Атанасий, «даскал» из Печи 320
Атанасий, иеромонах Скульского монастыря 312
Атанасий, монах 331
Атанасий, чернец Морачевского монастыря 317
Афанас, иерей 323

Бао Пивлианин 322
Баязед (Паязит), султан турецкий 296
Бидо 334
Богдан, воевода молдавский 328
Бошко Кавтацие (Кафтанцие), писец 308
Борислав, продавец книги 302, 329

Варлаам, иродиакон Драгомирского монастыря, продавец книги 314
Василий, дьякон из Сучав, писец 307
Василий, иеродиакон 321
Василий, иеромонах 320
Василий, иеромонах Добрилова монастыря 320
Василий, проигумен Сланацкого монастыря 318
Вело 334
Вениамин, игумен монастыря св. Николая Шишевского 332
Венедик, монах монастыря св. Николая Шишевского 332
Веселин, отец вкладчика Янкула 326
Викентий, из Печи 320
Вирсавия, монахиня 332
Висарион (Варлам), иеромонах, писец 303
Висарион, поп Раковицкого монастыря 324
Висарион черногорский, митрополит 320
Владислав Альбертович, король венгерский 296
Владислав «от Араца града» 300
Власий, старец 335
Вукашин, деспот сербский 286

Гавриил, игумен Продромского монастыря 323
Гавриил, митрополит скопский 331
Гаврил, игумен Троицкого монастыря в Лесном 319, 320
Гаврил, «кир» 301
Гаврил Хмельницкий из Львова 300
Генадий, игумен церкви Георгия Победоносца на Воронце 299, 328
Георгий, митрополит молдавский 299, 328
Георгий, пресвитор 305—306

Георгий «от Верщица» 300
Гервасие Могила, митрополит сучавский 323
Григорий, архиепископ омиритский 331
Григорий, архимандрит Раковицкого монастыря 324
Григорий, иеромонах Хоповского монастыря 318
Грубадин, писец 302
Грубц, дьяк, писец 295
Гулаб 333, 334
Гуро, деспот 298
Гюрг «господин» 295
Дамаскин, иеромонах 316

Даниил, монах монастыря св. Николая Шишевского 332
Данило, архидьякон 320
Дедослав, поп, заказчик книги 285
Димо 307
Дмитр Манков, продавец книги 298
Дмитр, поп, «поновитель» книги 305
Димитрий, иеромонах 292
Дионисий, монах монастыря св. Николая Шишевского 332
Дмитрий, «господин» 306
Дмияод Канарева, даритель книги 301
Добре Радов, дьяк, писец 294
Доброслав, дьяк, писец 290
Домна Илинка 299, 300
Драгно из Тырнова 300
Драгослав, поп, покупатель книги 298
Дранчин, поп, свидетель 298

Евгений, иеромонах Хиландарского монастыря 317
Евлогия Путенский, священноинок, писец 305
Евстафий, архимандрит Путенского монастыря 307
Евфимий, иеромонах, писец 310
Елена, жена короля Марка 294
Еремий Могила, воевода молдавский 309
Еустратий, иеромонах 295
Ефимий, инок Рыльского монастыря 321
Ефрем, иеромонах Хоморского монастыря, даритель 313, 314

Захарий, 329
Захарий, диакон 331
Захарий, митрополит 326
Зоргия Даскаль, автор записи 330

Иаков, игумен монастыря св. Николая в Пире, покупатель 315
Ибрахин 300
Иван, поп 298
Иванко, писец 308
Иерофей, иеромонах Рачевского монастыря 324
Иоаким, митрополит 332
Иоанн-Александр, воевода молдавский 305
Иоанн-Александр, сын молдавского воеводы Еремии-Могилы 309
Иоанн-Василий (Василий Лупу), воевода молдавский 314
Иоанн, дьяк 332
Иоанн, иерей 319
Иоанн-Константин, сын воеводы молдавского Еремии-Могилы 309, 310
Иоанн Михайлович из Казанлыка 332
Иоанн, монах, писец 309
Иоанн Николае Мавракардат, господарь Угровлахии 324, 325
Иоанн-Петр, воевода молдавский 304
Иоанн-Радул Михневич, воевода молдавский 310, 311
Иоанн-Стефан, воевода молдавский, даритель 299, 328
Иоанн-Стефан Томшич, воевода молдавский 312
Иоанн-Стефан, воевода молдавский, даритель 328
Иован, игумен на Свити 334
Иоиль, иеромонах 316
Иосиф, митрополит 298
Исайя, иеромонах Грабовского монастыря 320
Исидор, иеромонах монастыря св. Павла на Афоне 325

Калоян Пасарель (Иоаникие), «мних», даритель 301
Калоян, продавец книги 302, 329, 330
Карл Феопия 290, 291
Киприян, иеромонах, автор записи 323
Киприян, иеромонах 333
Кирилл, иеромонах 330
Кирилл, проигумен Троицкого монастыря в Лесном 320
Китокриста, мать вкладчика Янкула 326
Козма 329
Кона, поп, заказчик книги 305
Константин, иеромонах Троицкого монастыря в Лесном 320
Коню, поп, даритель 318
Кресте, 334

Лазарь, даритель 305
Лазарь, иеромонах из монастыря в Кратове, писец 306
Лазарь, поп 326
Лазарь Янкулабович 333
Лукая, мастер-переплетчик 310

Магдо, 334
Маниш, писец 290
Мануил, иерей (поп) из Сучав, писец 307, 314
Марена, продавщица книги 302, 329
Маринко, ученик игумена Дечанского монастыря 331
Маро 334
Марк, сербский король 294
Марко, поп 334
Маламо 333
Мартин, продавец книг 319
Мафей, архиепископ скопский 295
Мате 334
Межит, турецкий султан 332
Мемед, паша 322
Мефодий, писец 293
Милак, дьяк, писец 290
Миленка 334
Милош-Киприян 333
Мино 334
Мирослав из Белоушина 294
Мисаил, иеромонах, настоятель Дечанского монастыря 331
Митре 334
Митрофан 334
Михаил Аточцкий 331
Михаил, дьякон, писец 309
Михаил IX Палеолог, император византийский 285
Михаил, митрополит Каласийский, Кратовский, Шипский и Радомирский 316
Михаил, поп из Раковецкого монастыря 318
Михаил Спатар 300
Михаил, старец Моравчевского монастыря 317
Мурад (Амурад), турецкий султан 296

Невтарий, игумен 321
Недан, поп 334
Неделко 334
Нестор 334
Нешо «от Плеван» 307
Никифор, поп 327
Нико, поп Кратовского монастыря 327
Никанор, митрополит 304
Никодим, диакон «от Русийские земли» 316
Никола, дьяк, писец 286
Никола, поп из Махале 298
Никола, поп, покупатель 311
Никола Пряк, свидетель 298
Николе, дьякон 296
Никола, поп, свидетель 303, 330
Никола, поп 334
Николь Брат, писец 285, 289
Нифонт, митрополит 296, 297

Павел, игумен монастыря в Кратове 306
Павле 334
Падна, паша 317
Паисий, архиепископ 315
Папа 334
Парфений, иеромонах Сучевицкого монастыря 312
Пахомий, монах, писец 299, 328
Пеладие, иеромонах, писец 316
Пео Туревич, свидетель 298
Петр 290
Петр Герзик, «кир», даритель 304
Петр Конюв, поп в Тырнове 318

Петрадин, продавец книги 319
Петре 334
Петро из Сарая 300
Продан, свидетель 298
Причий 334
Пронко, свидетель 298
Прохор, архиепископ 304
Пфовеп, писец 304, 305

Радуль, монах, писец 293
Радоица, чауш из Ново-Назара 300
Радослав, продавец книги 302, 303, 329
Ратис, дьяк, писец 286
Ристе 333, 334
Роанда, жена молдавского воеводы Иоанна-Александра 305
Рувим Болоевич, «владыка» 322

Савва, иеромонах Цетиньевского монастыря 320
Савва, патриарх 288
Семион Пайка «от Пазарчик» 307
Серапион 333
Серафим, монах, автор записи 333
Сидор, иеромонах 286, 316
Симеон, архиепископ Липлянский, заказчик книги 287
Симеон, архимандрит 325
Симеон, игумен Грабовского монастыря 317
Симо 334
Симон, иеромонах, даритель 311
Симон «из Скопия» 322
Симон, свидетель 303, 330
Сирак, писец 292
Спиридон, иеромонах Крушедельского монастыря, читатель 318
Стамено 333, 334
Станиши, поп, покупатель книги 303, 329
Станко, поп 294
Стефан, даритель книги 301
Стефан, деспот сербский 295
Стефан, иеромонах Драгомирского монастыря 314
Стефан, игумен Продромского монастыря, писец 306
Стефан Кыклиевич 328
Стефан Урош, сербский король 293
Стоян Наум Костадин, деспот 333
Стоян, поп «от Софии» 307
Стоян, поп, покупатель книги 319
Сулейман, паша 322
Теодор, клисиарх Цетиньевского монастыря 320

Тимофей, монах, автор записи 331
Тодор, поп 294
Тодор 333
Томо «от Премория» 300
Тошо «от Плеван» 307
Трпко, читатель 286, 330
Туро, 334

Федор 294
Феодор 331
Феодосия Клим, свидетель 303, 330
Феодосий, епископ радовский 303, 304, 309
Феодосий, иеромонах, класиарх 321
Феофан, игумен Потранского монастыря, «поновитель» книги 310
Феофил, «кир», заказчик книги 297
Филип из Белграда 300
Филипп, инок, автор Диоптры 326, 333
Фудул, писец 302

Хлапена 294
Хрисанф, игумен 327

Цветко, поп 327
Цвето 334

Яким, игумен 286, 316
Яков, поп, свидетель 298
Ян Гулаб 333
Янко Булю(к)баш «от Сегедина града» 300
Янкула из Фефова 326
Янкула Никола 334
Яно Казачия 307

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

I. Исследования

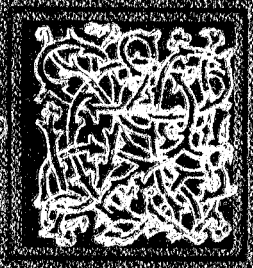
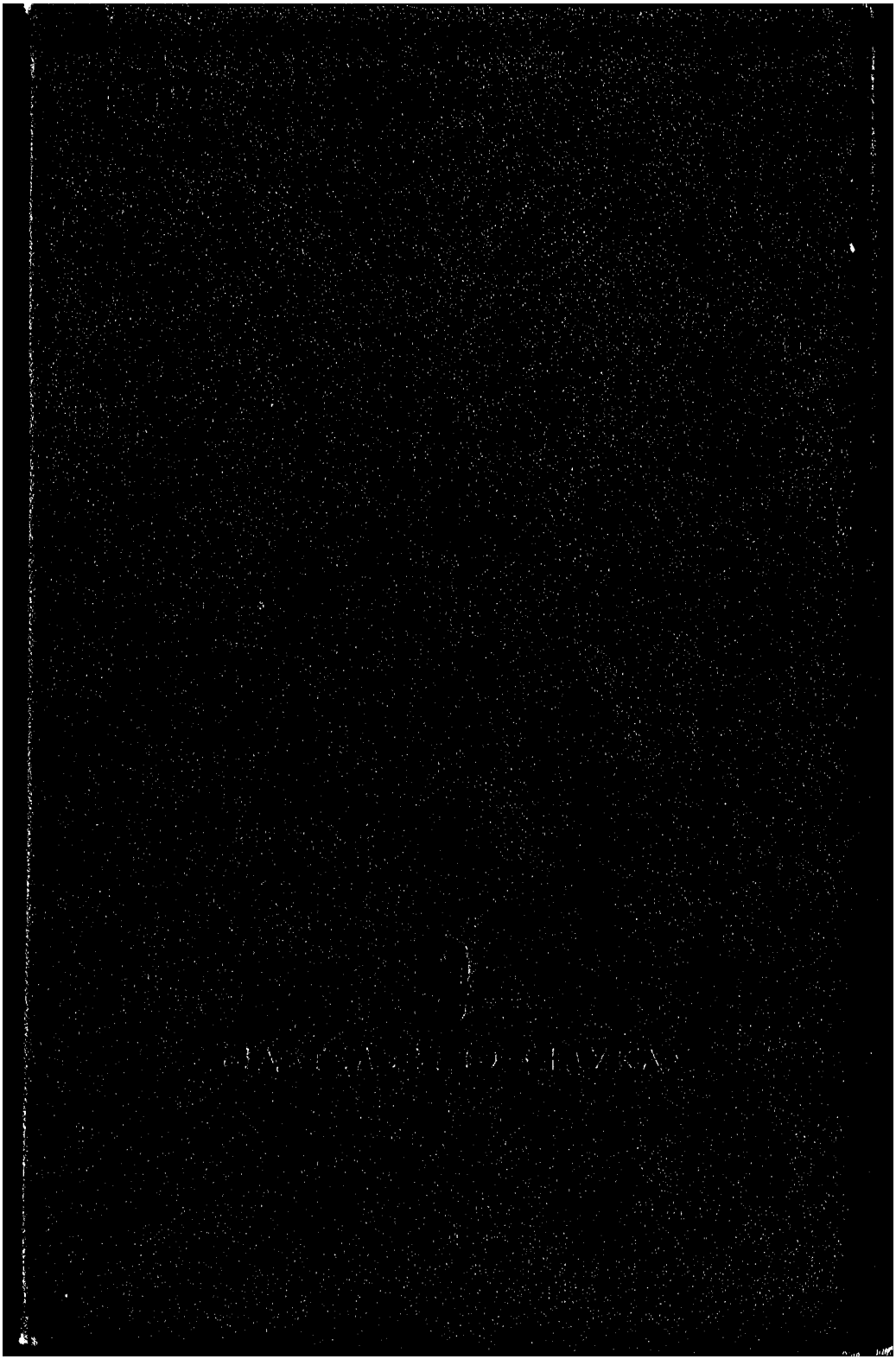
Византия и Московская Русь 15
Россия и Византия в XIV—XV столетиях 27
Пути из России в Византию в XIV—XV вв. 48
К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III . . . 78
Иван Грозный и Сербия 83
Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. 94
Начало славянской письменности в свете новейших открытий 167
Историческое значение «кирилловского алфавита» 180
Начало славянской письменности и Древняя Русь 184
«Закон Судный людем» краткой редакции в русских рукописях 196
Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами на основании славянских источников нерусского происхождения 218
Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша . . . 226

II. Рецензии

Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского 238
Н. С. Державин. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., Изд-во АН СССР. 1944 252
«Исторически преглед», № 1, 2—3 и 4. Година първа. София, 1945 255
«Исторически преглед». Научно-популярно списание за българска и обща история. Година втора. 1945—1946. София, № 1—5 260
О некоторых болгарских исторических трудах 265

III. Описания и публикации

«Именник» болгарских князей 277
Южнославянские и молдаво-валашские записи на рукописях ГИМа 285
Описание первопечатных славянских кирилловских изданий 336
Комментарии 354

Указатели

Указатель имен 357
Имена писцов, заказчиков, дарителей..., встречающихся в публикации южнославянских записей 369